2016 – № 3

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в 2002 г. Выходит 4 раза в год

Сибирское отделение РАН
Институт филологии Сибирского отделения РАН
Алтайский государственный университет
Иркутский государственный университет
Кемеровский государственный университет
Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирский государственный университет
Томский государственный педагогический университет
Томский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Д-р филол. наук, проф. И. В. Силантьев (ИФЛ СО РАН) – главный редактор; д-р филол. наук, проф. Э. М. Жилякова (ТГУ) – зам. главного редактора; д-р филол. наук, доц. И. Е. Ким (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора; д-р филол. наук, проф. А. А. Чувакин (АлтГУ) – зам. главного редактора; д-р филол. наук, проф. Н. Н. Широбокова (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора; канд. филол. наук А. А. Озонова (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, чл.-корр. РАН А. Е. Аникин (ИФЛ СО РАН), д-р филол. наук, проф. Л. А. Араева (КемГУ), д-р филол. наук, проф. Н. С. Болотнова (ТГПУ), канд. филол. наук, проф. Е. Ю. Булыгина (НГПУ), д-р филол. наук, проф. В. Е. Головчинер (ТГПУ), д-р филол. наук, проф. Л. И. Журова (ИИ СО РАН), д-р филол. наук, доц. А. А. Казаков (ТГУ), канд. филол. наук, доц. Д. А. Катунин (ТГУ), д-р филол. наук, проф. А. А. Ким (ТГПУ), д-р филол. наук, проф. Л. Г. Ким (КемГУ), д-р филол. наук, проф. Н. Б. Кошкарева (ИФЛ СО РАН), канд. филол. наук В. С. Кузнецова (ИФЛ СО РАН), д-р филол. наук, проф. Е. Н. Кузьмина (ИФЛ СО РАН), д-р филол. наук, проф. А. И. Куляпин (АлтГУ), д-р филол. наук, доц. А. В. Курьянович (ТГПУ), д-р филол. наук, проф. О. Б. Лебедева (ТГУ), д-р филол. наук, проф. Н. А. Лукьянова (НГУ), канд. филол. наук, доц. А. А. Мальцева (ИФЛ СО РАН), д-р филол. наук, проф. И. П. Матханова (НГПУ), д-р филол. наук, проф. О. В. Орлова (ТГПУ), д-р филол. наук, проф. М. А. Осадчий (КемГУ), д-р филол. наук, проф. Т. И. Печерская (НГПУ), д-р филол. наук, проф. И. И. Плеханова (ИГУ), д-р филол. наук, проф. И. Я. Селютина (ИФЛ СО РАН), канд. ист. наук, доц. С. Г. Суляк (ПГУ), д-р филол. наук, проф. В. А. Суханов (ТГУ), д-р филол. наук, проф. Т. А. Трипольская (НГПУ), д-р филол. наук, проф. М. А. Хатямова (ТГПУ), д-р филол. наук, проф. Л. А. Ходанен (КемГУ), д-р филол. наук, проф. Т. В. Чернышова (АлтГУ), д-р филол. наук Л. А. Шамина (ИФЛ СО РАН), д-р филол. наук, проф. И. В. Шапошникова (ИФЛ СО РАН), д-р филол. наук, проф. Ю. В. Шатин (ИФЛ СО РАН), канд. филол. наук, доц. О. Г. Щеглова (НГУ)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, проф. Т. Е. Автухович (Гронденский государственный университет им. Янки Купалы, Республика Беларусь), д-р филол. наук, проф. О. И. Блинова (ТГУ), д-р филол. наук, проф. Н. Д. Голев (КемГУ), д-р филол. наук, проф. Т. А. Демешкина (ТГУ), д-р филол. наук, чл.-корр. РАН Н. В. Корниенко (ИМЛИ РАН), канд. филол. наук, проф. А. М. Лаврентьев (Лионский университет, Франция), д-р филол. наук, проф. Э. Малэк (Лодзинский университет, Польша), канд. филол. наук, доц. С. А. Мансков (АлтГУ), д-р филол. наук, проф. В. Г. Одиноков (НГУ), д-р филол. наук, проф. Л. Г. Панин (НГУ), д-р филол. наук, проф. Дж. Руйе-Уиллоуби (Университет Кентукки, США), д-р филол. наук, проф. Е. К. Скрибник (Мюнхенский университет, Германия), д-р филол. наук, проф. А. С. Собенников (ИГУ), д-р филол. наук, проф. С. Ж. Тажибаева (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахстан), д-р филол. наук, проф. А. С. Янушкевич (ТГУ)

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
sibphilology@mail.ru

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Норма и варианты в русском языке: факторы выбора

Арутюнова Е. В. (*Москва*, *РГГУ*)
Реформа русской орфографии и пунктуации 1960-х годов: неизвестные страницы истории 5

Беликов В. Е. (*Москва*, *МГУ*)
Что и как может получить лингвист из оцифрованных текстов 17

Бешенкова Е. В. (*Москва*, *ИРЯ РАН*)
Вариативность, узуальная норма и политика нормализаторов 35

Арутюнова Е. В., ***Пахомов В. М.*** (*Москва*, *РГГУ*; *Москва*, *Справочно-информационный портал «Грамота.ру»*)
Намучились с «мерились». К вопросу о допустимом и недопустимом в орфографии 43

Булгакова О. А., ***Денисова Э. С.***, ***Чабаненко М. Г.*** (*Кемерово*, *КемГУ*)
Метаязыковая рефлексия как экспликатор выбора орфографического варианта 50

Басалаева Е. Г., ***Ружа О. А.***, ***Шпильман М. В.*** (*Новосибирск*, *НГПУ*)
Русская орфография и пунктуация сквозь призму наивного сознания 59

Фольклористика

Прокопьева П. Е. (*Якутск*, *ИГИиПМНС СО РАН*)
Предания о шаманах в системе несказочных жанров фольклора лесных юкагиров 70

Литературоведение

Константинова Н. В. (*Новосибирск*, *НГПУ*)
Русский травелог начала XIX века: феномен авторской стратегии (на материале путевых записок В. Б. Броневского) 79

Собенников А. С. (*Иркутк*, *ИГУ)*
Екклесиастические мотивы в повести А. П. Чехова «Огни» 89

Фаритов В. Т. (*Ульяновск*, *УлГТУ*)
Идея вечного возвращения и нигилизм в лирике Ф. Сологуба: sanguine et aqua 96

Хило Е. С. (*Томск*, *ТГУ*)
Дискуссия о переводческих стратегиях на страницах немецких изданий 1950–1980-х годов (на материале переводов поэзии С. А. Есенина) 109

Козьмина Е. Ю. (*Екатеринбург*, *УрФУ*)
Кругозор героя в фантастическом авантюрно-историческом романе 117

Плеханова И. И. (*Иркутск*, *ИГУ*)
Ирония Валентина Распутина 128

Козлов В. И. (*Ростов-на-Дону*, *ЮФУ*)
«Жизнь» и «музыка» Е. Рейна: жанровый потенциал ключевых образов 139

Непомнящих Н. А., ***Полторацкий И. С.*** (*Новосибирск*, *ИФЛ СО РАН*)
Сюжеты и мотивы младописьменных литератур Сибири: к вопросу о сравнительном изучении и типологии 149

Языкознание

Генералова Е. В. (*Санкт-Петербург*, *СПбГУ*)
О развитии значений оттопонимических прилагательных в русском языке (на примере истории лексемы «московский») 157
Приходько В. К. (*Хабаровск*, *ТОГУ*)
Лексические средства описания внешнего вида женщины в аспекте рассмотрения эстетической категории «прекрасное / безобразное» (на материале русских говоров Приамурья) 172
Проскурин С. Г., ***Проскурина А. В.*** (*Новосибирск*, *НГУ*; *НГТУ*)
К вопросу функционирования именника в традиции 182
Осокина С. А. (*Барнаул*, *АлтГУ*)
Сетевая модель языкового тезауруса: особенности построения 191
Мельник Н. В., ***Богачанова Т. Д.*** (*Кемерово*, *КемГУ*; *Новосибирск*, *НГМУ*)
Соотношение тенденций к персонализации и деперсонализации со степенями проявленности метаязыкового сознания в тексте 199
Московкина Е. А. (*Барнаул*, *АлтГИК*)
Специфика рекламного текста в аспекте лингвоперсонологии 208
Ильина Д. В. (*Новосибирск*, *НГУ*)
Авторизация и адресация как средство популяризации научного содержания (на материале статьи лингвистической тематики) 217
Молитвина Н. Н. (*Москва*, *МГУ*)
Лингвостилистические особенности современной литературной рецензии 230
Кудинова В. И., ***Свиридов А. А.*** (*Тула*, *ТГПУ*; *ТулГУ*)
Исследование влияния методов перевода метафоры на ее прагматическую составляющую 238
Пчелинцева Е. Э. (*Черкасск*, *ЧГТУ*)
Польское отглагольное имя действия и семантика начинательности 253
Скрибник Е. К., ***Даржаева Н. Б.*** (*Мюнхен*, *Университет им. Л. Максимилиана*; *Улан-Удэ*, *ИМБТ СО РАН*)
Бурятские конструкции сопоставления-предпочтения 263

Требования к оформлению материалов, представляемых в редакцию журнала 281

НОРМА И ВАРИАНТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ФАКТОРЫ ВЫБОРА

УДК 81-26, 81’272
DOI 10.17223/18137083/56/1

Е. В. Арутюнова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Реформа русской орфографии и пунктуации 1960-х годов: неизвестные страницы истории

Реконструированы важнейшие этапы подготовки реформы орфографии и пунктуации начала 1960-х гг., выполнен анализ профессиональной и общественной полемики по поводу возможных изменений в системе письма. Представленные материалы позволяют установить, кто был инициатором реформы, какова была роль государства в ее проведении, почему реформа не состоялась и каково было значение научной и общественной орфографической дискуссии. Источниковой базой исследования послужили как опубликованные материалы, так и неопубликованные документы Архива РАН.

Ключевые слова: орфография, пунктуация, реформа орфографии, реформа пунктуации, реформа языка, языковая политика, орфографическая комиссия.

Сочетание «реформа орфографии» заставляет насторожиться практически каждого носителя русского языка. У большинства современников эти слова вызывают устойчивое отторжение: «Опять реформа?», «Оставьте в покое русский язык!». Почему в обществе сложилось столь сильное предубеждение против реформ в орфографии? В большой степени это связано с историей ее реформирования и, в частности, с попыткой упрощения правил, предпринятой в начале 1960-х гг.

В статье мы рассмотрим, кто стал инициатором реформы 1960-х и зачем она была задумана, как готовился проект реформы и как общество восприняло предложение изменить правила, почему реформа не состоялась и каковы были последствия тех орфографических событий.

Представленные в статье факты почерпнуты из источников, которые можно разделить на две группы: это материалы, посвященные реформе 1960-х гг. (проекты реформ, неопубликованные архивы Президиума Академии наук СССР, Отделения литературы и языка, опубликованные воспоминания ученых – участников

Арутюнова Елена Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры медиаречи Института массмедиа Российского государственного гуманитарного университета (Миусская пл., 6, Москва, 125993, Россия; arutyunova.elena@gmail.com)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© Е. В. Арутюнова, 2016

орфографических событий), и публикации, посвященные реформе, в специальных изданиях (например, в журналах «Известия Академии наук», «Русский язык в школе») и в массовых (газетах «Известия», «Литературная газета», «Советская Россия» и др.). Изученные источники позволяют увидеть реформу с двух сторон: изнутри профессионального сообщества, как бы глазами тех, кто готовил проект или был вовлечен в непубличную профессиональную дискуссию, и снаружи – со стороны общества.

Идея реформировать орфографию и пунктуацию исходила от властных структур самого высокого уровня. Проект реформы был опубликован в сентябре 1964 г., а соответствующая задача была поставлена перед Отделением литературы и языка АН СССР (далее ОЛЯ) еще в 1960-м. В планах ОЛЯ на 1961 г. значится тема «Проект дальнейшего упорядочения русской орфографии и пунктуации» [1].

Государством была определена основная цель реформы – упростить письмо, чтобы облегчить его изучение. Подобное упрощение позволяло увеличить в школе время на освоение производственных специальностей, что в итоге должно было способствовать экономическому росту страны. Попутно решался целый ряд дополнительных задач. Наиболее значимыми из них являлись следующие: 1) сэкономить на обучении русскому языку; 2) обеспечить возможность практически каждому ценой незначительных усилий достичь нового, сниженного уровня грамотности; 3) рапортовать о всеобщем наивысшем уровне грамотности в стране; 4) создать условия для более быстрого распространения русского языка в мире.

Эти цели и задачи были открыто продекларированы в статье профессора А. И. Ефимова, опубликованной в марте 1962 г. в газете «Известия» – официальном органе Верховного Совета СССР [Ефимов, 1962], и в статье учительницы Э. И. Биргер в августовском номере журнала «Русский язык в школе» [Биргер, 1962]. 25 августа 1962 г. в отчете сессии Верховного Совета РСФСР в числе задач, которые необходимо решить для соединения школы и производства, была упомянута следующая: «В возможно короткий срок провести упорядочение и решительное упрощение правил русской орфографии и пунктуации» [На повестке дня, 1962].

А. И. Ефимов в своей статье утверждал, что именно орфография губит творческие порывы детей, убивает красноречие. Он писал об орфографии как о досадном недоразумении и предлагал ряд упрощений в правилах, не подкрепляя это никакими лингвистическими аргументами. Филолог словно убеждал читателя в том, что все проблемы правописания можно решать легко, без сколько-нибудь серьезного научного рассмотрения. А. И. Ефимов обвинял академика Я. К. Грота в том, что тот с «немецкой педантичностью и утонченной пунктуальностью» безмерно усложнил орфографию и тем самым создал «тормоз для желающих учиться “кухаркиных детей”».

Публикация Э. И. Биргер соответствовала всем канонам советской проблемной статьи. Она начиналась с общих слов о колоссальном значении русского языка. Далее констатировался негативный факт: несмотря на важное место в системе школьного обучения, грамотность остается низкой. После этого обосновывалась необходимость реформы, а в качестве важнейшего аргумента были процитированы слова В. И. Ленина, спроецированные на русское правописание: «…не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен, а обогатить его знанием всех фактов, без которых не может быть современного образованного человека».

[1] Перспективный план работы Отделения литературы и языка на 1961–1965 гг. // АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 678. Л. 44.

А. И. Ефимов и Э. И. Биргер заранее объявляют всех будущих противников реформы «старообрядцами», «консерваторами», «бюрократами» и т. п.

Профессора С. Г. Бархударов и А. Б. Шапиро несколько позже сделают упрек в адрес А. И. Ефимова за выбранный им тон. «Нельзя, когда речь идет о русском правописании, рассуждать так игриво…» – напишет С. Г. Бархударов [Бархударов, 1963, с. 17], а А. Б. Шапиро отметит «упрощенность и прямолинейность» доводов коллеги, укажет на несправедливость, допущенную в оценке деятельности Я. К. Грота [Шапиро, 1962, с. 478].

А. И. Ефимов был профессором Московского университета и сотрудником Института русского языка АН СССР, возглавляемого В. В. Виноградовым – академиком-секретарем ОЛЯ АН СССР. Вот важный штрих к портрету публичного инициатора реформы, который был сделан М. В. Пановым: «Вообще Виноградовская школа имеет вид штанов: одна штанина – это администраторы. Виктор Владимирович очень умело подбирал людей, которые освобождали его от всякой мелкой суетни. …Ефимов такой был. А была другая штанина. Это ученые: Белошапкова, Земская, Ковтунова» [Беседы с М. В. Пановым, 2001, с. 515]. И хотя прямых свидетельств мы не находим, но все факты говорят о том, что А. И. Ефимов был активным сторонником реформы, однако написал свое воззвание по распоряжению руководства.

Совершенно очевиден заказной характер первых публикаций о реформе. Они должны были изобразить запрос общественности. Полемике в прессе, открытой статьями А. И. Ефимова и Э. И. Биргер, отводилась роль ритуала, который продемонстрировал бы общественную поддержку проекта. Орфографическая комиссия должна была исполнить социальный заказ.

Несмотря на то что реформа была инициирована сверху, часть общества идею реформы одобрила. И в ходе полемики, продолжавшейся почти три года, был вскрыт целый комплекс проблем, связанных с правописанием:

- это лакуны кодификации и нечеткость, неоднозначность действующих правил;
- завышенные требования к уровню грамотности школьников (об этом писали и говорили прежде всего ученые – С. Г. Бархударов, В. М. Жирмунский, Д. Э. Розенталь);
- недостаточность знаний учителей о системе письма, его истории;
- проблемы, связанные с диалектной дифференциацией русского языка;
- неоправданный акцент в содержании школьного курса на орфографии, необходимость больше внимания уделять стилистике, написанию текстов;
- несовершенство методики преподавания.

Впечатляют некоторые данные об уровне грамотности, прозвучавшие в ходе дискуссии. Они должны были послужить весомым аргументом, подтверждающим необходимость упрощения орфографии.

Э. И. Биргер писала: «Школьная практика показывает, что примерно 30 % учащихся за время прохождения программы по русскому языку не усваивают правил правописания и остаются неграмотными. Большая часть из них то остается на второй год, то тянется из класса в класс и в конце концов вынуждена покинуть школу, так и не доучившись; 40–45 % – учащихся усваивают правила не твердо и пишут на “тройку”. Только в отношении 25–30 % можно сказать, что они, заканчивая среднюю школу, пишут в основном грамотно. Это в РСФСР. В союзных республиках результаты намного хуже» [Биргер, 1962, с. 100].

В. В. Виноградов в одном из докладов приводит такие цифры: по результатам проверки, проведенной Академией педагогических наук в 1960–1962 гг., «из 16

680 учащихся V классов проверенных школ 16 % не справились с работой по русскому языку, то есть каждый шестой ученик не успевает» [2].

По данным Министерства просвещения, в 1963/1964 учебном году «по РСФСР на второй год осталось 1 200 тыс. школьников» [3].

Сейчас стало общим местом сетование на катастрофически низкий уровень грамотности по сравнению с высоким уровнем середины XX в. [4] Приведенные цифры заставляют по меньшей мере усомниться в справедливости этих представлений.

15 декабря 1962 г. В. В. Виноградов ответил на сформулированный А. И. Ефимовым и Э. И. Биргер призыв упростить правила письма и объявил о формировании орфографической комиссии при ОЛЯ АН СССР [Виноградов, 1962]. Однако официально комиссия создается только 24 мая 1963 г. постановлением Президиума АН СССР «Об организации комиссии по усовершенствованию русской орфографии» [5].

Сопоставление дат, связанных с работой над проектом упрощения орфографии, заставляет думать, что лингвисты, которым была поручена разработка проекта, не спешили с выполнением поставленной задачи. Напомним: орфографическая тема появляется в планах ОЛЯ еще в 1960 г. Причем в плане 1961 г. срок исполнения – 1962 г. Но на исходе 1962 г., В. В. Виноградов только объявляет о создании орфографической комиссии и через пять месяцев после этого (в мае 1963 г.) комиссия назначается официально. Сам же проект публикуется в сентябре 1964 г.

Складывается впечатление, что такая медлительность в исполнении госзаказа – лишь один из фактов, демонстрирующий не очень большую заинтересованность главы филологической науки того времени – В. В. Виноградова – в работе по реформированию правописания.

Приведем еще один показательный пример, который немного уведет нас в сторону от основного сюжета, но подтвердит выдвинутое предположение.

«Правила русской орфографии и пунктуации», вышедшие из печати в августе 1956 г. [Правила…, 1956], как принято считать, узаконены на государственном уровне. В ходе исследования была сделана попытка обнаружить соответствующий документ. 26 мая 1956 г. в «Учительской газете» была опубликована статья «Единый свод правил орфографии и пунктуации» [Крючков, 1956], по стилю похожая на официальное сообщение. В ней читаем: «Новые “Правила русской орфографии и пунктуации” уже утверждены Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР». Однако в постановлениях Президиума АН СССР за 1955–1956 гг. соответствующий документ отсутствует.

При этом на заседании Президиума АН СССР накануне публикации, 25 мая, орфографическая тема была затронута, но совсем не в том ключе, который мог дать основание для официального заявления, сделанного С. Е. Крючковым.

Обсуждали план работы на 1956–1960 гг. В. В. Виноградов делал доклад. Во время обсуждения доклада речь зашла о культуре речи (к этому и сейчас часто

---

[2] Стенограмма Общего собрания ОЛЯ АН СССР 23–24 июня 1964 г. // АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 774. Л. 95.

[3] Стенограмма Общего собрания ОЛЯ АН СССР 23–24 июня 1964 г. // АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 774. Л. 138.

[4] Чаще всего в этих случаях сетующие ссылаются на свой личный опыт, а не на проверенные данные масштабных исследований. См., напр.: *Ясюкова Л. А.* Причины и профилактика учебных проблем современных школьников. URL: https://www.youtube.com/watch?v=kTaHhFbenfQ (дата обращения 01.05.2016).

[5] Постановление Президиума АН СССР от 24 мая 1963 г. № 454 // АРАН. Ф. 1602. Оп. 1. Д. 99. Л. 4–6.

сводятся разговоры с языковедами). Президент АН СССР А. Н. Несмеянов отметил, что В. В. Виноградов «совершенно кратко упомянул о работах в области нормализации современного русского языка» [6] и обратился с пожеланием русистам заняться разработкой теоретических основ орфографии и вообще нормализаторской работой. Академик М. Н. Тихомиров (доктор исторических наук) присоединился к пожеланию: «В свое время Академия занималась вопросами русской орфографии. Сейчас, как известно, орфографией занимаются главным образом корректора [7]. Это напоминает известный чеховский рассказ. Сейчас, вероятно, можно выпороть каждого из присутствующих, потому что никто из нас грамотно не пишет, ибо угнаться за тем, что делают корректора в “Правде” и в других изданиях нет возможности. Если Грот занимался в свое время, а он тоже был академиком, то может быть какие-нибудь основы научной орфографии должны нас касаться. И Академия наук сделала бы важное государственное дело и оказала бы настоящую помощь всей, вообще говоря, культуре советской» [8].

В. В. Виноградов ответил, что «это не входит в тематику пятилетнего плана» и, словно стремясь подчеркнуть, что кодификаторская работа в области правописания завершена, сказал: «…правила орфографии и пунктуации сейчас утверждены президентом Академии наук и Министерством просвещения…» [9] В. В. Виноградов словно пытался откреститься от задачи нормализации: «Я прежде всего должен указать на то, что у нас эти вопросы всегда слабо разрабатывались, отчасти это было связано с позицией Академии наук в этом отношении. <…> Потому что есть специальная статья академика Шахматова, который от имени Академии наук заявил (в начале XX в.), что не дело Академии наук устанавливать нормы, здесь Академия наук должна полагаться на авторитет крупнейших писателей и авторитет народа» [10].

И далее академик делает странное заявление: «…мне кажется, что мало надежды на то, что сектор культуры речи будет заниматься этим вопросом. <…> Несомненный недостаток, и я бы сказал, что этот недостаток связан с тем, что у нас мало специалистов такого рода. Проблема нормализации языка стала разрабатываться только в последнее время. Это предполагает большое знание языка, знание художественной литературы, большие лингвистические знания, знание каких-то традиций литературного языка и т. д. Таких специалистов у нас немного» [11].

Состоявшийся 25 мая разговор создает впечатление, что В. В. Виноградов не стремился интенсифицировать развитие такого направления русистики, как нормализация языка и кодификация норм, в том числе исследования в области орфографии.

В. П. Сухотин с некоторым раздражением возразил В. В. Виноградову: «…высказывание академика Шахматова, во всяком случае здесь, приобрело какое-то неправомерное звучание» [12]. Он уверен, что традиция русской науки как раз обратная – в тесном взаимодействии с обществом: «…академики Фортунатов и Шахматов во всей своей деятельности были неразрывно связаны с практикой и со школой» [13]. Филолог делает серьезный упрек в адрес сектора культуры речи: «Мне кажется, что сектор культуры речи был создан по инициативе Президиума

---

[6] Стенограмма заседания Президиума АН СССР 25 мая 1956 г. // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 219. Л. 142.

[7] Здесь и далее сохраняются орфографические, пунктуационные и грамматические особенности источников.

[8] Стенограмма заседания Президиума АН СССР 25 мая 1956 г. Л. 145–146.

[9] Там же. Л. 147.

[10] Там же. Л. 149–150.

[11] Там же. Л. 151.

[12] Там же.

[13] Там же.

АН, и тогда ставились как раз такие проблемы. <…> Но сам сектор планирует такие вещи, как создание словарей. Создание словарей – важная вещь, но принципы создания словарей не разрабатываются и даже не ставятся такие проблемы» [14].

«Если бы Институт русского языка был отдельным институтом [15], эти вопросы могли бы шире разрабатываться», – бросает реплику В. В. Виноградов [16].

Академик А. Н. Несмеянов подводит итог встрече, по сути формулируя общественный запрос в адрес лингвистов: «Мне только хотелось бы еще раз подчеркнуть мое глубочайшее убеждение в том, что обязанностью Отделения языка и литературы является очень интенсивная работа по нормализации и по нормам русского языка» [17].

А. Н. Несмеянов отреагировал на слова В. В. Виноградова о создании Института русского языка. Институт был открыт в 1958 г. и возглавил его В. В. Виноградов. Однако обсуждавшиеся задачи так и не были включены в план на 1956–1960 гг., и нормализаторская работа уже целого института, видимо, не удовлетворяла общество, в чем регулярно на заседаниях Президиума АН упрекали русистов: «В частности, такой важнейший вопрос, как культура речи, не занял должного места в научно-исследовательской работе Института русского языка, как и практические вопросы орфографии»; «…в постановлении Президиума АН СССР, принятом еще в 1959 году, предусматривалось создание при Институте русского языка Научного совета по нормализации и культуре речи. Однако этот совет не создан и по сей день» [18].

Очевидно, что «нефилологическая» общественность ожидала от лингвистов активной работы в области теории и практики нормализации языка, в области правописания. Отношение к языку как к культурной ценности, убежденность в ответственности общества за будущее своего языка, стремление говорить правильно заставляли обращаться к лингвистам. «На всех нас лежит громадная обязанность и ответственность, которую мы должны чувствовать за русский язык и за все другие языки Советского Союза, но особенно за русский язык», – произносит на заседании Президиума АН СССР А. Н. Несмеянов [19].

Постановлением Президиума АН 24 мая 1963 г. была создана Государственная орфографическая комиссия. Ее председателем стал В. В. Виноградов [20]. В состав комиссии вошли 14 языковедов – И. Ф. Протченко, М. В. Панов (заместители председателя), Б. З. Букчина (ученый секретарь комиссии), Р. И. Аванесов, С. Г. Бархударов, А. И. Ефимов, В. Ф. Иванова, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, А. А. Реформатский, Д. Э. Розенталь, А. В. Суперанская, Н. М. Шанский, А. Б. Шапиро, а также восемь методистов – Н. Н. Аглазина, Д. Н. Богоявленский, И. А. Василенко, И. Г. Голанов, Т. А. Ладыженская, В. В. Решетов, В. П. Стрезикозин, А. В. Текучев, две учительницы – И. А. Лизогубова и И. Г. Овчинникова, два писателя – В. Г. Лидин и К. И. Чуковский. Всего 27 человек.

---

[14] Стенограмма заседания Президиума АН СССР 25 мая 1956 г. Л. 157–158.

[15] Института русского языка АН СССР не существовало в период с 1950 по 1958 г. В июле-августе 1950 г. было произведено слияние Института языка и мышления и Института русского языка в единый Институт языкознания АН СССР с центром в Москве и отделением в Ленинграде.

[16] Стенограмма заседания Президиума АН СССР 25 мая 1956 г. Л. 155.

[17] Там же. Л. 195.

[18] Протокол заседания Президиума АН СССР 2 нояб. 1962 г. // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 423. Л. 35.

[19] Стенограмма заседания Президиума АН СССР 25 мая 1956 г. Л. 196.

[20] До этого момента комиссию возглавляли С. И. Ожегов, потом С. И. Ожегов и М. В. Панов, далее А. Б. Шапиро.

Многие молодые ученые, вошедшие и в государственную комиссию, и в общественную (которая была создана на общественных началах в помощь официальной), очень ответственно, с большим рвением взялись за подготовку проекта. Комиссия тщательно изучила предложения по усовершенствованию русской орфографии с XVIII в. (результаты исследования опубликованы в [Обзор предложений…, 1965]). Для проверки предложений по изменению правил было проведено множество научных исследований. В проект вошли только те предложения, которые имели убедительное – с точки зрения членов комиссии – научное обоснование.

Проект, подготовленный орфографической комиссией к сентябрю 1964 г., не вполне соответствовал обозначенной «в верхах» задаче. Языковеды – создатели проекта – в качестве основного принципа реформы избрали следующий: усовершенствование русской орфографии должно состоять в систематизации, унификации написаний на основе ведущего орфографического принципа. Упрощение письма было для них не самоцелью, оно рассматривалось лишь как следствие систематизации и унификации. Если сопоставить проект, подготовленный комиссией, с многочисленными гораздо более радикальными предложениями [21], сделанными в ходе полемики, то следует признать, что комиссия выполняла скорее охранительную функцию.

Однако созданный проект в целом не удовлетворил никого: одни считали его недостаточно упрощающим правила, другие, напротив, слишком радикальным.

Не было единства в оценке проекта и у самих членов комиссии. Уже после завершения общественной полемики, когда стало понятно, что реформы не будет, В. В. Виноградов провел тайное голосование по каждому пункту проекта и ни один не набрал большинства голосов [Иванова, 1995].

Разногласия были связаны прежде всего с различными взглядами на основы русской орфографии. Идеологом реформы, душой и закоперщиком [22], был заместитель председателя орфографической комиссии М. В. Панов – яркий представитель Московской фонологической школы. Большинство орфографических предложений в разделе передачи звуков (фонем) буквами служило расширению фонематического принципа орфографии в понимании москвичей [23]. Однако в комиссию входили и представители Ленинградской фонологической школы (В. Ф. Иванова, Б. А. Ларин). Они были согласны с основным принципом реформы, но в связи с иным пониманием фонемы считали, что в основу усовершенствования орфографии должен быть положен морфологический принцип. Ленинградцы категорически возражали против «фонематических» предложений, разрушающих единство графического облика морфем, например таких, как написание *-ци* (*огурци*, хотя *полы*, *сады*), написаний типа *жолтый – желтеть*.

Новаторским предложением комиссии стали правила, предусматривающие вариативность в орфографии: написания типа *предысторический* и *предисторический*, *на линие* и *на линии*, вариативность в области слитных / раздельных написаний части наречных выражений.

---

[21] Например, звучали предложения изъять из алфавита буквы *е*, *ё*, *ю*, *я* и ввести особые буквы для мягких согласных, писать *жы* и *шы*, заменить сочетание *сч* на *щ*, не различать в безударной позиции *о* и *а*, *и* и *е* и писать соответственно *вада*, *витирок* и т. п.

[22] Так назвал М. В. Панова А. А. Реформатский [Александр Александрович…, 2001, с. 529].

[23] Одно из самых памятных предложений комиссии – написание слова *заец*. Оно основано на том, что согласно фонематическому принципу русской орфографии буквой обозначается не звук, а фонема. Фонема определяется по сильной позиции (для гласного – позиции под ударением) в той же морфеме. В слове *заяц* суффикс тот же, что и в словах *молодец*, *удалец*, его фонемный состав [эц].

В пунктуационной части проекта не прослеживается таких четких принципов, как в орфографии. Предложения носили разнонаправленный характер и отразили стремление, с одной стороны, усилить стилистический потенциал пунктуации [24], с другой – немного ее упростить [25]. Причем некоторые из этих упрощений лишали пишущего возможности с помощью знаков препинания отразить смысловые и грамматические нюансы. Так, по новым правилам теряли пунктуационные различия бессоюзные предложения, в которых значение причины содержалось в первой части и в которых это же значение заключалось во второй части, – в обоих случаях предполагалось разрешить двоеточие (ср.: *Солнце дымное встает – будет день горячий* и *Мы не могли выйти на улицу: шел проливной дождь*).

Комиссия и в пунктуационной части проекта не реализовала запрос общества. Большинство желало видеть правила пунктуации однозначными, предельно простыми в применении, не допускающими никаких вариантов.

По окончании дискуссии складывалось впечатление, что общество в штыки восприняло саму идею реформы, что писатели защитили русский язык от страшной порчи. Анализ статей, посвященных уже опубликованному проекту, и внутренних непубличных дискуссий позволяет опровергнуть утверждение о том, что общественность не приняла саму идею – вносить какие бы то ни было изменения в правописание. Действительно, больша́я часть нововведений вызвала протест, но некоторые предложения даже самым суровым критикам показались вполне приемлемыми. Полный перечень одобренных предложений составить затруднительно, так как основное внимание было привлечено к отвергаемым правилам. Свое неприятие участники полемики стремились обосновать подробно, в то время как приемлемые предложения не перечисляли, ограничиваясь лишь фразой о том, что некоторые предложения можно принять [26]. Однако некоторый, безусловно, неполный список одобренных предложений комиссии все же составить удалось. В него вошли те правила, которые не были подвержены критике и при этом были упомянуты как приемлемые [27]:

1) дефисное написание части *пол-* во всех случаях (О. В. Волков, П. Г. Антокольский, Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова, Н. С. Валгина, М. И. Фомина, редакторы издательства «Советская энциклопедия» и др.);

2) новые правила употребления прописных букв (О. В. Волков, П. Г. Антокольский, С. А. Копорский, С. Е. Крючков, Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова, редакторы издательства «Советская энциклопедия» и др.);

3) правила переноса (О. В. Волков, Л. Л. Чешко, Д. Э. Розенталь, В. М. Жирмунский, редакторы издательства «Советская энциклопедия» и др.);

---

[24] К таким предложениям можно отнести следующее: ставить тире между подлежащим и сказуемым в том случае, если пишущий хочет показать, что предложение интонационно распадается на две части: *Кровь людская – не водица*, но *Бедность не порок*.

[25] Напр., предлагалось ставить запятую между компонентами фразеологизмов типа *и день и ночь*, *ни рыба ни мясо*; обособлять фразеологизмы, начинающиеся с союза *как*: *течь как по маслу*; не ставить запятую перед инфинитивными придаточными предложениями типа *Я вышел, чтобы освежиться*.

[26] Напр., Л. М. Леонов, чьи слова о необходимости бить в рельсу и отказе есть *огурци* хорошо запомнились в обществе, в скобках написал следующее: «Впрочем, жаркие замечания эти не распространяются на ряд имеющихся в проекте вполне уместных уточнений, большинство которых и без того всегда разумелось само собою» [Леонов, 1964]. Какие новые правила поэт считал само собой разумеющимися, он не уточнил. Такие же оговорки мы находим в статьях С. И. Кирсанова [1964], В. М. Инбер [1964], Г. И. Серебряковой [1964] и многих др.

[27] Далее в скобках указаны языковеды и писатели, одобрившие названные предложения.

4) слитное написание сложных существительных с частями *вице-*, *унтер-* и под. (О. В. Волков, П. Г. Антокольский, Д. Э. Розенталь, Н. С. Валгина, М. И. Фомина и др.);

5) написания *жури*, *брошура*, *парашут* (М. А. Теленкова, В. М. Жирмунский, редакторы издательства «Советская энциклопедия»).

Много сторонников (например, Л. Л. Чешко, В. М. Жирмунский, С. Е. Крючков, Д. Э. Розенталь) было и у предложения отказаться от удвоенных согласных в иностранных словах. Но и высказавшихся против такого изменения было тоже немало.

Почему же, несмотря на частичное одобрение проекта, он даже в сокращенном, измененном виде не был принят? Вероятно, главная причина была в смене власти в стране и в стремлении нового руководства успокоить общество, уставшее от хрущевских реформ.

Очень показательна периодизация общественной полемики. Дискуссия в прессе четко делится на два основных этапа: первый – с марта 1962 г. и до 15 октября 1964 г., второй – с 16 октября примерно до конца 1964 г. Перелом в дискуссии совпал со снятием с должности Н. С. Хрущева, о чем объявлено было 16 октября. И именно с этого момента характер публикуемых в прессе материалов резко меняется. Если до этой даты преобладали публикации за реформу, то начиная уже с вечернего выпуска «Известий» от 16 октября количество негативных, острокритических и даже разгромных материалов резко возрастает. О своем неприятии проекта писали О. В. Волков, Т. З. Семушкин, А. Е. Адалис, П. Г. Антокольский, И. А. Ефремов, Н. П. Задорнов, Б. В. Заходер, В. М. Инбер, М. В. Исаковский, В. Я. Кирпотин, С. И. Кирсанов, Л. М. Леонов, Г. И. Серебрякова, И. Л. Сельвинский, М. С. Шагинян. Их эмоциональные, стилистически яркие, хотя и спорные с научной точки зрения отклики производили сильное впечатление на публику и сохранились в общественной памяти.

Характеризуя полемику в целом, важно отметить, что ее участники стремились развернуто аргументировать свои предложения и несогласие с нововведениями. Дискуссия была обстоятельной и очень содержательной. Значение работы по подготовке проекта реформы и научной и общественной полемики состоит в том, что было выявлено множество проблем, которые требовали научных исследований в области орфографии, пунктуации и методики их преподавания.

- Как разрешать конфликт между постоянно эволюционирующим живым языком и потребностью общества в стабильной орфографии и пунктуации?
- Если признать, что письмо медленно, но все же должно меняться вслед за языком, то как часто это возможно? Каков допустимый объем изменений? Какой должна быть процедура принятия решения об изменении норм? Должны ли нормы языка в принципе закрепляться на законодательном уровне?
- В какой мере орфография и пунктуация должны отражать смысловые нюансы, грамматические сдвиги? Каков предел дифференциации средствами орфографии языковых явлений?
- Допустима ли орфографическая вариативность как норма? Повредит ли знание о вариантности в орфографии и пунктуации авторитету норм правописания?
- Необходимы ли различные своды правил: полный академический и практически ориентированные (для редакторов и корректоров, для студентов вузов различных направлений, для школы)? Каким требованиям должны соответствовать справочники по правописанию?
- Необходимо ли и возможно ли установить орфографико-пунктуационный минимум для школы и создать на его основе критерии оценки грамотности?
- Каковы механизмы формирования грамотности, на которых можно было бы основывать эффективную методику формирования навыков письма?

- С какими специфическими проблемами сталкиваются носители диалектов при овладении правописанием? Как учесть эти проблемы в методике преподавания русского языка?

Эта проблематика увлекла некоторых молодых ученых, которые продолжили в течение всей своей жизни заниматься орфографическими проблемами. Благодаря подготовке реформы были проведены интересные исследования, подготовлено много научных книг и статей об орфографии (см., например: [Вопросы русской орфографии, 1964; О современной русской орфографии, 1964; Панов, 1964]). Таким образом, одним из результатов реформы 1960-х гг. можно считать развитие орфографии как науки, самостоятельной отрасли языкознания.

Результатом дискуссии можно признать и появление в 60–70-е гг. научно-популярных книг о языке для самой широкой публики, а также принципиально новых учебников для средней школы, написанных под руководством М. В. Панова. Задача популяризации лингвистических знаний была осознана учеными именно в ходе орфографической полемики, она стала реакцией ученых на незнание, непонимание элементарных языковых явлений, продемонстрированных как сторонниками, так и противниками реформы. Подготовка изданий для широкого читателя была провозглашена одной из важных задач языковедческих институтов.

И было еще одно следствие орфографических событий 60-х гг. Это создание негативного образа языковеда – этакого чудака, совершенно оторванного от жизни, не любящего русский язык, даже ненавидящего отдельные буквы, не уважающего литературные традиции, не слышащего «музыки слова», равнодушного к колоссальным тратам народных денег, которых потребует реформа, жаждущего чуть ли не намеренно вредить русскому языку.

Именно этот миф о лингвисте-реформаторе был реанимирован, значительно дополнен и использован чуть ли не как главный аргумент против предложения орфографической комиссии в начале 2000-х гг. внести некоторые изменения в правила правописания.

Список литературы и источников

Александр Александрович Реформатский: Тут и Пименом себя в некотором роде представишь: «Прошедшее проходит предо мною…» (Из беседы с Виктором Дмитриевичем Дувакиным) 21 (24?) ноября 1973 года // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М. В. Панова. М., 2001. С. 525–534.

Бархударов С. Г. Не ломка, а улучшение нашего письма // Русский язык в школе. 1963. № 1. С. 15–19.

Беседы с М. В. Пановым // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М. В. Панова. М., 2001. С. 483–524.

Биргер Э. И. Давно назревшая задача // Русский язык в школе. 1962. № 4. С. 100–104.

Виноградов В. В. Русская орфография и ее реформа // Известия. 1962. 15 дек. С. 5.

Вопросы русской орфографии. М.: Наука, 1964. 136 с.

Ефимов А. И. Красноречие и орфография // Известия. 1962. 23 марта. С. 3.

Иванова В. Ф. Академик Виктор Владимирович Виноградов как председатель Орфографической комиссии 60-х гг. (Научные и социальные аспекты орфографии) // Русистика сегодня. 1995. № 2. С. 108–114.

Инбер В. М. Давайте подумаем хорошенько… // Литературная газета. 1964. 8 окт. С. 2.

Кирсанов С. И. Вопреки букве и духу… // Литературная газета. 1964. 1 окт. С. 2.

Крючков С. Е. Единый свод правил орфографии и пунктуации // Учительская газета. 1956. 26 мая. С. 3.

Леонов Л. М. Прошу слова // Литературная газета. 1964. 3 окт. С. 2.

На повестке дня: школа // Известия. 1962. 25 авг. С. 1.

О современной русской орфографии. М.: Наука, 1964. 160 с.

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). М.: Наука, 1965. 500 с.

Панов М. В. И все-таки она хорошая!: Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М.: Наука, 1964. 167 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956. 176 с.

Серебрякова Г. И. Осторожно! // Литературная газета. 1964. 8 окт. С. 2.

Шапиро А. Б. Немаловажный вопрос (К спорам о русском правописании) // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1962. Т. XXI. Вып. 6. С. 465–580.

E. V. Arutyunova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
arutyunova.elena@gmail.com

Russian spelling and punctuation reform of the 1960s: unknown pages of history

The paper reconstructs the most important stages of preparing the spelling and punctuation reform at the beginning of the 1960s. Professional and public debate about the possible changes in the writing system is analyzed. The material given allows us to determine who initiated the reform, what the role of the state was, and why it was not realized. The research was based both on published and unpublished documents of Archives of RAS.

Keywords: spelling, punctuation, spelling reform, the reform of punctuation, the reform of language, language policy, spelling Commission.

DOI 10.17223/18137083/56/1

References

Aleksandr Aleksandrovich Reformatskiy: Tut i Pimenom sebya v nekotorom rode predstavish': «Proshedshee prokhodit predo mnoyu…» [Here, you can imagine yourself Pimen: «the past passes before me…»]. In: *Zhizn' yazyka: Sb. st. k 80-letiyu M. V. Panova* [The life of a language: A collection of articles on the 80th anniversary of M. V. Panov]. Moscow, 2001, pp. 525–534.

Barkhudarov S. G. Ne lomka, a uluchshenie nashego pis'ma [Not a breaking but an improvement of our writting]. *Russkiy yazyk v shkole*, 1963, no. 1, pp. 15–19.

Besedy s M. V. Panovym [Conversation with M. V. Panov]. In: *Zhizn' yazyka*: *Sb. st. k 80 letiyu M. V. Panova* [The life of a language: A collection of articles on the 80th anniversary of M.V. Panov]. Moscow, 2001, pp. 483–524.

Birger E. I. Davno nazrevshaya zadacha [A long-overdue task]. *Russkiy yazyk v shkole*, 1962, no. 4, pp. 100–104.

Efimov A. I. Krasnorechie i orfografiya [Eloquence and orthography]. *Izvestiya*, 1962, 23 March. p. 3.

Inber V. M. Davayte podumaem khoroshen'ko…[Let's think carefully...]. *Literaturnaya gazeta*, 1964, 8 okt., p. 2.

Ivanova V. F. Akademik Viktor Vladimirovich Vinogradov kak predsedatel' Orfograficheskoy komissii 60-kh gg. (Nauchnye i sotsial'nye aspekty orfografii) [Academician Viktor Vinogradov as the chairman of the orthography commission of 60s. (Scientific and social aspects of the orthography)]. *Rusistika segodnya*, 1995, no. 2, pp. 108–114.

Kirsanov S. I. Vopreki bukve i dukhu… [Contrary to the letter and spirit...]. *Literaturnaya gazeta*, 1964, 1 okt., p. 2.

Kryuchkov S. E. Edinyy svod pravil orfografii i punktuatsii [A set of rules of orthography and punctuation]. *Uchitel'skaya gazeta*, 1956, 26 may, p. 3.

Leonov L. M. Proshu slova [I ask for the floor]. *Literaturnaya gazeta*, 1964, 3 okt., p. 2.

Na povestke dnya: shkola [On the agenda: school]. *Izvestiya*, 1962, 25 aug., p. 1.

O sovremennoy russkoy orfografii [About modern Russian orthography]. Moscow, Nauka, 1964, 160 p.

Obzor predlozheniy po usovershenstvovaniyu russkoy orfografii (XVIII–XX vv.) [A review of proposals on improvement of Russian orthography (XVIII–XX centuries)]. Moscow, Nauka, 1965, 500 p.

Panov M. V. *I vse-taki ona khoroshaya!: Rasskaz o russkoy orfografii, ee dostoinstvakh i nedostatkakh* [Still, it is good!: The story of Russian orthography, its advantages and disadvantages]. Moscow, Nauka, 1964, 167 p.

Pravila russkoy orfografii i punktuatsii [Russian rules of spelling and punctuation]. Moscow, 1956, 176 p.

Serebryakova G. I. Ostorozhno! [Caution!]. *Literaturnaya gazeta*, 1964, 8 okt., p. 2.

Shapiro A. B. Nemalovazhnyy vopros (K sporam o russkom pravopisanii) [An important question (To the dispute about Russian orthography)]. *Izvestiya AN SSSR*. *Otdelenie literatury i yazy*ka. 1962, vol. XXI, iss. 6, pp. 465-580.

Vinogradov V. V. Russkaya orfografiya i ee reforma [Russian orthography and its reform]. *Izvestiya,* 1962, 15 dec., p. 5.

Voprosy russkoy orfografii [Questions of Russian orthography]. Moscow, Nauka, 1964, 136 p.

УДК 811.161.1, 81’33
DOI 10.17223/18137083/56/2

В. И. Беликов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Что и как может получить лингвист из оцифрованных текстов

Статья посвящена границам применимости онлайн-инструментов автоматической обработки цифровых текстов (поисковых машин, языковых корпусов, Google Books Ngram Viewer) в лингвостатистических исследованиях. Вопреки установившемуся мнению об объективности результатов, получаемых после автоматической обработки текстового массива, существуют ограничения и искажения данных, обусловленные множеством причин. Одной из них является частое отсутствие лингвистов в коллективах разработчиков таких автоматов. На примере анализа частотности употребления культурно значимых онимов и их орфографических вариантов, родовых форм глаголов и вариантов предложного управления по данным разных автоматических средств анализа текстов показана сложность лингвистической интерпретации результатов автоматической обработки текстовых массивов.

Ключевые слова: цифровой текст, лингвистическая статистика, онлайн-инструменты лингвистической обработки текстов, корпусная лингвистика, грамматическая вариантность.

Текст всегда был для лингвиста основным поставщиком сведений о языке: и фактов, и статистики. Традиционно, работая с бумажными текстами, языковые факты мы извлекали легко, но, прежде чем извлечь определенный факт, нужно было его найти, на что уходили часы, а то и дни. При этом поиск не всегда был результативен.

Получение статистики требовало трудоемкой ручной обработки печатных текстов (при создании частотных словарей) или столь же затратного массового анкетирования (в социолингвистике). «Объективность» результатов зависела от подборки текстов или содержания анкеты и методики ее использования.

Неимоверная сложность получения достоверной статистики вела к тому, что лингвисты прибегали к ней редко, считалось вполне естественным ограничиваться интроспективной оценкой: «говорят – не говорят», «часто – редко», «больше – меньше». На теоретическую значимость последнего противопоставления – выявление отрицательного языкового материала – впервые указал Л. В. Щерба

Беликов Владимир Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус, ГСП-1, Москва, 119991, Россия; otipl@philol.msu.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© В. И. Беликов, 2016

в 1931 г.: «весьма важную составную часть языкового материала образуют именно неудачные высказывания с отметкой “так не говорят”. <…> Роль этого отрицательного материала громадна и совершенно еще не оценена в языкознании» [Щерба, 1974, с. 32–33]. Однако в широкий лингвистический обиход примеры под звездочкой, а затем и со знаком «?» (допустимость высказывания неясна) начали входить лишь в 1960-е гг. При этом лингвист-читатель далеко не всегда разделял оценку (не)допустимости, предлагавшуюся лингвистом-автором. Возможность объективно опереться на факты узуса отсутствовала.

Информационная революция привела к появлению нового феномена – электронного (цифрового) текста. Цифровые тексты могут служить источником автоматически извлекаемых сведений о языке (и фактов, и статистики). Наиболее масштабный источник цифровых текстов – Интернет, а общедоступный инструмент работы с этими текстами – поисковая машина, для русского языка это почти всегда Яндекс [1] или Гугл [2]. «Говорят» или «не говорят» теперь выясняется «в один клик», однако совсем не просто с достоверностью уточнить, сколь часто говорят.

Но надо иметь в виду:

- что цифровые тексты и их подборки в Интернете создаются не для лингвистов, поэтому для решения лингвистических задач такие «сырые» тексты плохо приспособлены;
- для извлечения лингвистической информации нужен специальный инструментарий, применимость для этих целей «чужого» инструмента (созданного для нелингвистического манипулирования такими текстами) требует его основательного тестирования.

Поисковики создавались для поиска информации, однако при выдаче Гугла и Яндекса на первой же странице показывается некая цифра; если спрашивается что-то не особенно редкое, то это сотни тысяч и миллионы.

Ранний Яндекс по умолчанию сортировал выдачу «по релевантности», но допускал возможность упорядочить ее «по дате» (то есть ретроспективно); цифр было две: серверов (позднее сайтов) столько-то, страниц столько-то. Единицей выдачи служила одна из страниц найденного сайта, но можно было перейти и к другим его страницам. Перелистывая станицы поиска, можно было просмотреть всю выдачу до конца и удостовериться, насколько заявленные вначале цифры найденного соответствуют действительности.

Лингвиста интересует в первую очередь языковая специфика найденного поисковиком. При большом объеме выдачи для снижения трудоемкости можно было ограничиться, например, анализом содержания каждой десятой страницы выдачи [3].

Гугл изначально показывал не более тысячи единиц выдачи; позднее так стал поступать и Яндекс; единицы выдачи в обоих поисковиках именуются сейчас туманным словом «результаты». Кого-то может насторожить тот факт, что при переходе от одной страницы поисковика к другой число «результатов» меняется, иногда существенно. Но большинство радуется первой цифре и верит, что скры-

[1] https://www.yandex.ru

[2] https://www.google.ru

[3] Иллюстрацией к методике работы с ранним Яндексом может служить выявление фактического написания сложных прилагательных [Беликов, 2003] или исследование региональных различий в управлении глагола *определиться* в распространившемся вслед за М. С. Горбачевым значении (*определиться по* / *в* / *с* / *относительно* / *по отношению* и т. п.) [Беликов, 2004].

вающаяся за нею виртуальность – это именно та реальность, которую ищет пользователь.

В действительности «погуглить чего больше» – всего лишь развлекательное времяпрепровождение. Но самые разные люди серьезно относятся к такой нумерологии.

Одним из первых теоретиков гугления оказался М. Н. Эпштейн (философ, культуролог, литературовед, лингвист, эссеист, как пишет о нем Википедия), который в сентябре 2003 г. предложил термин *нумеризм* – «краткая обобщающая мысль или наблюдение, выраженное в числах, в наборе или сопоставлении цифр, статистических данных» [Эпштейн, 2003]. Первый обнародованный автором нумеризм, «Шекспир и Пушкин», сополагает два имени, снабженных числами:

Пушкин	1,911,216
Shakespeare	5,730,000

Согласно Эпштейну, предъявленные числа отражают «частоту употребления этих знаковых имен в русскоязычном и англоязычном интернете (соответственно, по Яндексу и Гуглю)».

В июне 2006 г. на конференции «Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения» Эпштейн провозглашает науку гуманетику, в рамках которой ввел «информационную единицу – один гуглик, равную одной странице, на которой встречается данное слово по статистике Гугля» [Эпштейн, 2006, с. 76]. «У имени Шекспира (Shakespeare) – огромный символический капитал, равный 105 миллионам гугликов в англоязычной сети. <…> Имя Пушкина в рунете обладает символическим капиталом в 17 млн 197 тыс. гугликов» [Там же, с. 78].

Что изменилось между сентябрем 2003 г. и июнем 2006 г.?

- Курс рубля повысился с 27,1 руб. за доллар до 30,7.
- Shakespeare приумножил свой «символический капитал» в 18,3246 раз, Пушкин – в 8,9979 раз.

Какое отношение курс доллара имеет к Пушкину? Такое же, как капитал в гугликах: н и к а к о г о. Но курс доллара легко проверяется, а про гугликовое богатство писателей мы вынуждены верить Эпштейну.

Зато мы можем выявить последующую историю «гуманетической капитализации» классиков, причем сделаем это не голословно, а со скриншотами.

Согласно грамматике Гугла, при поиске на *Shakespeare* должны выдаваться и контексты с *Shakespeare's*, однако на дизъюнкцию этих последовательностей находится на 8,6 млн больше «результатов», чем на просто *Shakespeare* (рис. 1).

В 2006 г. Гугл русскую морфологию игнорировал [4], так что Эпштейн почти справедливо писал, «чтобы вычислить частоту употребления фамилии Пушкин в Гугле, нужно провести поиск по всем шести падежам и суммировать результаты» [Эпштейн, 2006, с. 75]. Почти справедливо – поскольку находит-то Гугл документы, а не вхождения: если искать отдельно разные «падежи» [5], то любой пространный текст о Пушкине будет учтен на каждый «падеж». Так что работу по суммированию графических словоформ лучше поручить самому поисковику,

[4] С тех пор положение с именной морфологией, а затем и глагольной улучшилось, но и Гугл, и Яндекс не для каждого слова успешно справляются со склонением или спряжением.

[5] Точнее, графические словоформы: надеемся, родительный *Пушкина* и винительный *Пушкина* Эпштейн все же не искал по отдельности с последующим сложением результатов.

что мы и сделали. Результат впечатляет (рис. 2): шекспировский капитал в начале 2011 г. составлял то ли 45 %, то ли 60 % от пушкинского.

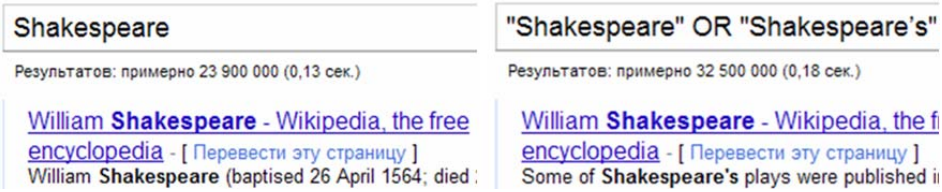

Рис. 1. Гугл о Shakespeare, два результата поиска 9 января 2011 г.

Рис. 2. Гугл о Пушкине, 9 января 2011 г.

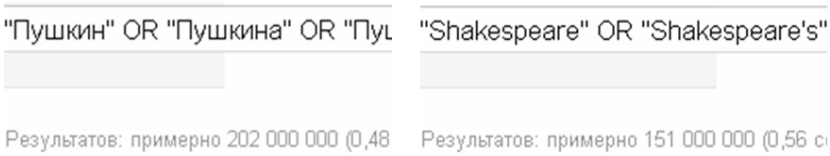

Рис. 3. Гугл о Пушкине и Shakespeare, 24 января 2012 г.

Через год (24 января 2012 г.) изменился дизайн Гугла (строка «результатов» стала гораздо бледнее), «капитализация» классиков выросла, но по-разному, *Пушкин* зарабатывал лишь на треть больше гугликов, чем *Shakespeare* – 202 млн против 151 млн (рис. 3).

Допускаем, что большинство читателей текстов Эпштейна искренне верят в гуманетические гуглики, а нашей статистике (точнее, результатам, полученным нами от того же Гугла) без скриншотов поверить невозможно: она противоречит здравому смыслу.

В чем дело? Первичная причина разницы результатов – в устройстве поисковых машин. Эпштейн искал from Atlanta, а мы из Москвы (при попытке сменить регион компьютера: на Тамбов или Владивосток Гугл позволяет, а за границу не пускает). Главное же в том, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке: это только кажется, что мы с Эпштейном бесплатно воспользовались поиском от Гугла, за нас заплатили производители товаров и услуг. Гугл заинтересован в том, чтобы и они, и те, кто ищет информацию, получили максимум удовольствия.

Производители – от результатов рекламы, а пользователи – от найденных товаров и услуг. Гуглу безразлично, что мы ищем: ондулин, ближайшую аптеку, хостел в Стамбуле, Пушкина или сиамскую кошку. Главное – вставить в начало выдачи то, что обрадует рекламодателя и вполне удовлетворит прототипического поисковика (а он ищет товары и услуги, и не где-нибудь вдалеке, а у себя дома). Причем пользователю приятно осознавать, что то, что надо, он получил из миллиона возможностей, а не из полутора сотен.

Писатели-классики стали жертвой общего алгоритма поисков ондулина и хостелов: «вот тебе лучшие результаты, мы их отобрали *специально для тебя* из мно-о-огих миллионов (смотри число результатов)».

Лингвисты знают, что средний носитель русского языка не любит рассуждений о колебаниях языковой нормы, а всегда хочет получить однозначный ответ на вопрос: как правильно? Для большинства главным авторитетом давно стал Яндекс, у которого «Найдется всё!». Профессионалы знают, что определение правильного – дело непростое, учитывать надо разное, в том числе и статистику узуса. Многие наивно полагают, что такую статистику можно получить от того же Яндекса, который объективно отражает если не правду жизни, то фактическое положение в Интернете. «Написание *Таллинн* встречается в Интернете 6 млн раз, а *Таллин* 4 млн раз, употребление предложно-падежной словоформы *в Украине* использовано на 62 млн страниц Интернета, а словоформа *на Украине* употреблена на 60 млн страниц. Написание *Кыргызстан* использовано 6 млн, а *Киргизия* – 10 млн раз» [Кузнецов, 2009, с. 32].

Нас интересует и статистика по беспредложной форме, поэтому вместе с Яндексом будем анализировать не омонимичный дательно-предложный *Украине*, а однозначный винительный.

Из «достоверных источников» мы знаем: сочетания с предлогами *на* и *в* составляют около половины от общего числа вхождений в русские тексты винительного *Украину*. Яндекс в разное время в разных местах дает разные результаты, часто парадоксальные (рис. 4).

Решить уравнение 136 = 310 + 321 + *x* несложно, *x* = –495. Но интерпретации эта цифра не поддается.

В табл. 1 приведены несколько парадоксальных сведений про *Украину* от Яндекса; получены они были во времена, когда Яндекс нумеровал не *страницы* (как когда-то) и не *результаты* (как сейчас), а *ответы*; внизу поисковой страницы можно было поменять дефолтный поиск «по релевантности» на поиск «по дате». На основной поисковой странице можно было отметить регион, по которому происходит поиск, вплоть до райцентра (он мог не совпадать с локализацией ищущего компьютера; Угловка, где происходили поиски 6–10, находится в Окуловском районе Новгородской обл.). Цифры из любой клетки могут показаться разумными, но почти при любом сопоставлении по строкам и столбцам виден полный абсурд.

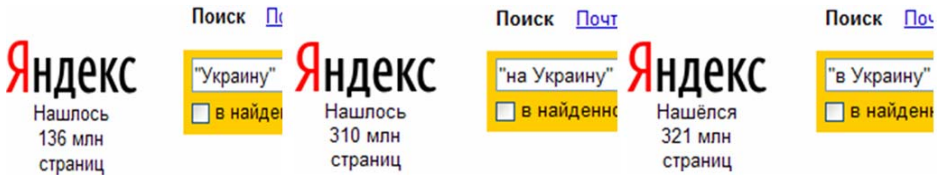

Рис. 4. Словоформа «Украину» с предлогами и без
(Угловка Новгородской обл., 12.08.2011)

Таблица 1

Результаты запросов к Яндексу в зависимости
от вариантов словоформы и поискового региона (млн страниц)

№ п/п	Запрос	А *на Украину*	Б *в Украину*	В *Украину*
Поиск от 12.08.2011 в Угловке Новгородской обл.				
1	Без ограничения региона	310	321	136
Поиск от 14.03.2013 в Петербурге				
2	Без ограничения региона	0,138	0,196	3
3	В Санкт-Петербурге	0,951	2	2
Поиск от 15.03.2013 в Москве				
4	Без ограничения региона	4	14	5
5	В Москве	3	6	69
Поиск от 23.06.2013 в Угловке Новгородской обл.				
6	В Москве	3	5	86
7	В Санкт-Петербурге	0,948	2	28
8	В Великом Новгороде	0,278	0,492	0,736
9	В Окуловке по релевантности	0,003	0,003	0,000967
10	В Окуловке по дате	0,013	0,010	0,003

Дабы не перегружать текст картинками, в подтверждение приведем лишь рис. 5, из которого следует, что в Петербурге было на порядок больше ответов, релевантных поиску *в Украину*, чем в рунете в целом (2Б и 3Б в табл. 1).

Рис. 5. Общий поиск словоформы «в Украину» и поиск по региону
(Санкт-Петербург, 14.03.2013)

Пока речь идет о поиске информации, гуглить полезно, а вникать в предъявляемые цифры – вредно. Не следует думать, что лингвист вообще не может получить полезную информацию с помощью поисковых машин. Если выдача не превышает тысячу, при аккуратной работе с их помощью можно извлечь массу интересного, особенно при поиске по конкретному сайту. Мы много раз с выгодой использовали поиск Гугла по сайтам magazines.russ.ru и feb-web.ru или их разделам [6]. До сентября 2015 г. исключительно продуктивным был расширенный

[6] Например, поиском по feb-web.ru/feb/mas автор статьи выяснял, откуда именно брались «примеры правильного употребления слова» [МАС, т. 1, с. 6]. Источниками трехсот и более цитат в этом словаре стали следующие произведения: «Порт-Артур» (671 цитата) «Воскресение» (574), «Капитанская дочка» (537), «Необыкновенное лето» (506), «Жатва»

поиск Яндекса по блогосфере, где имелась возможность поиска с учетом пола и возраста авторов как в целом, так и по отдельным временны́м отрезкам и регионам.

В декабре 2010 г. появился инструмент, который позволяет «воочию увидеть жизнь слова: когда оно появилось, когда стало модным, когда начало исчезать из текстов» [Кронгауз, 2013, с. 17]; это Google Books Ngram Viewer [7] (далее – GBN). Не удивительно, что многие лингвисты серьезно воодушевились новыми перспективами. Чрезвычайно богатые возможности корпусной лингвистики к этому времени уже все осознали, а собрание Google Books по многим приметам – это готовый многомиллиардный корпус, GBN – инструмент для работы с ним.

Однако инструмент этот создавался без участия лингвистов и не для них. Из статьи «Google Ngram Viewer» в Википедии можно узнать, что прототип этого инструмента создали J.-B. Michel и E. Lieberman Aiden, а в статье «Culturomics» они названы соавторами имени новой науки, сама же культуромика по задачам напоминает гуманетику – это «a form of computational lexicology that studies human behavior and cultural trends through the quantitative analysis of digitized texts». Слово «lexicology» в этом контексте не должно вводить в заблуждение: дисциплина, изучающая «human behavior» и «cultural trends», к лингвистике имеет косвенное отношение. Прежде чем использовать GBN для выявления чего-то, пока неизвестного, стоит посмотреть, как он отражает историю лексики там, где мы имеем о ней общее представление.

Мы подозревали, что не все молодые лингвисты умеют расшифровывать РККА, однако непредставительный опрос показал, что и те, кому за 50, не всегда знают, что это официальное сокращение от *Рабоче-Крестьянская Красная Армия*, которая после февраля 1946 г. стала называться *Советской Армией*. Другая аббревиатура, сопоставляемая с РККА на рис. 6, сейчас общеизвестна, хотя полвека назад в СССР она была знакома далеко не всем: «мичуринская генетика» только-только начала уступать место той, которая на два с лишним десятилетия получила в СССР статус лженауки. Графики на рис. 6 приведены со стандартным сглаживанием; отменив его, можно узнать, что частота слова ДНК в русском языке в 1964 г. составляла 19,6 ipm, за предыдущие четыре года – в среднем 11,6 ipm, в 2000 г. – 17,8 ipm, в последующие восемь лет – в среднем 12,8 ipm [8]. За последний год, о котором GBN дает сведения (2008), у ДНК ipm был ниже, чем у РККА, – 9,6 и 13,4 соответственно.

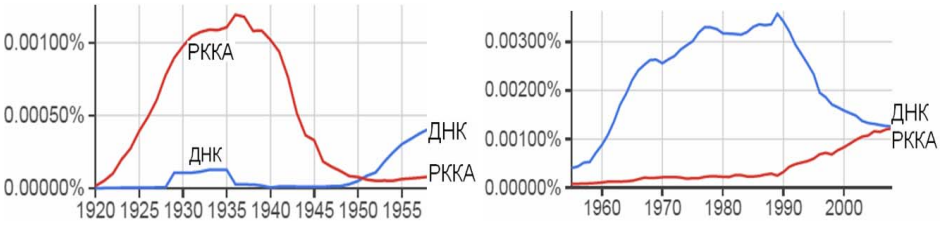

Рис. 6. «Жизнь слов» ДНК и РККА в русском языке по версии GBN

(481), «Отцы и дети» (456), «Небо и земля» (399), «Весна на Одере» (345), «Энергия» (336), «Сестры» (305), «Накануне» (309), «Братья Карамазовы» (309) [Беликов, 2006].

[7] https://books.google.com/ngrams

[8] Недолюбливая большое число нулей после запятой, мы переводим проценты GBN в общепринятый для частотных словарей показатель ipm (instances per million) – вхождений на миллион словоупотреблений.

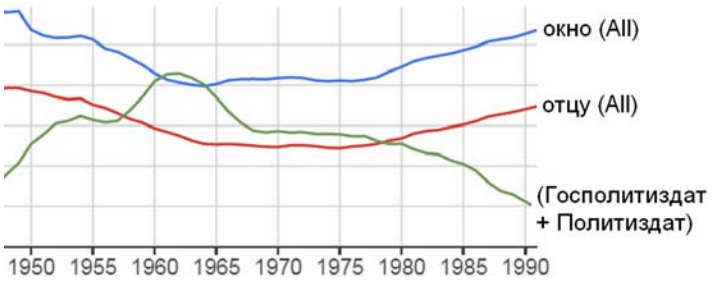

Рис. 7. Холодная война и частотность лексики

Частоты слов на любом текстовом массиве отражают не факты языка, а состав самого массива. Протестовать против неуклонного падения частотности аббревиатуры ДНК в 1990-е – 2000-е гг. при параллельной экспансии РККА бессмысленно, мы действительно воочию видим жизнь слов, только не в русском языке, а в подборке Google Books за этот период [9].

Вряд ли кто-то готов утверждать, что слова вроде *окно*, *дверь*, *дорожка*, *грызть*, *подсматривать*, *веселый*, *печально*, *утром*, *вечером*, *мать*, *отец* и им подобные в 1950-е гг. выходили из моды в обиходе и в книжно-журнальной [10] продукции, а в 1980-х мода на них вернулась. Но Google Books дают именно такую картину (рис. 7) [11].

Понятно, что в период «холодной войны» комплектация американских библиотек литературой на русском языке имела серьезный политический уклон. Разумеется, слова *Госполитиздат* и *Политиздат* обычно появлялись в книгах лишь на титуле и в выходных данных и не они потеснили обиходную лексику, а содержимое книг этих издательств. Карл Каутский (1854–1938), названный Лениным ренегатом, ко времени «холодной войны» актуальность давно утратил, но в GBN *Каутский* с 1959 по 1970 г. стабильно частотнее, чем *Лесков*, а *ренегат* с 1960 по 1978 г. частотнее, чем *племяннице*. Эта статистика отражает не «human behavior» или «cultural trends» в СССР, а старательную оцифровку брошюр Политиздата.

На работе с текстами по первую четверть XX в. включительно сказывается загадочное обращение в системе GBN с элементами дореформенной орфографии и графики (использовать дореформенные *ѣ*, *і*, *ѳ* при поиске невозможно). Существенно различается вероятность распознания ятя в разных словоформах одной лексемы, ср. частоты для *онъ ѣстъ* и *нечего ѣсть* (рис. 8) и конечного ера в разных словах, ср. *домъ* и *котъ* (рис. 9); гипотеза о том, что безъеровый *кот* – сокращение от *который* не проходит: текстовый массив с таким количеством сокращений и преобладанием *Кот.* над *Котъ* представить невозможно.

---

[9] Полезно сопоставить статистику GBN с данными подкорпуса НКРЯ за 2000–2008 гг. (56,5 млн слов); в нем ДНК имеет частоту 31,2 ipm, а РККА – 2,5 ipm.

[10] Среди Google Books представлены не только книги, но и журналы.

[11] GBN не позволяет выявлять частотность слова в целом; графики разных словоформ выше перечисленных единиц похожи, но совместить их на одной картинке не всегда удается из-за значительных расхождений по оси ординат, связанных с различиями по частоте. «All» на графиках означает учет всех вариантов капитализации (*окно*, *Окно*, *ОКНО*), «+» объединяет единицы, частоты которых складываются. На этом и ряде других рисунков ось ординат не представлена, поскольку здесь важен лишь характер изменения графиков во времени, а не их численные значения.

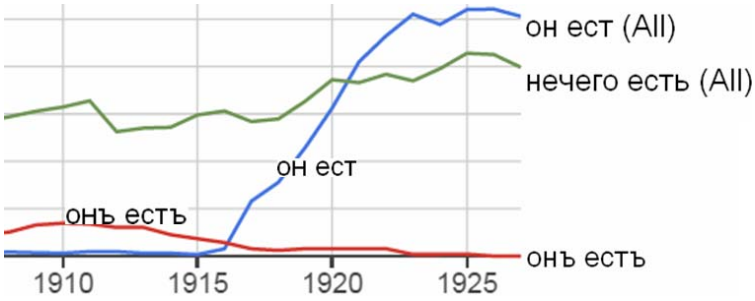

Рис. 8. Ять в разных словоформах

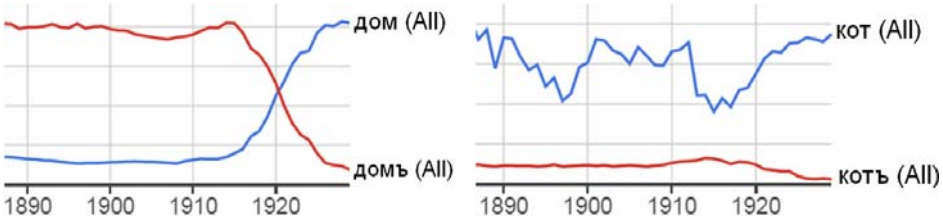

Рис. 9. Разнобой в передаче конечного ера

К каким выводам подталкивает лингвиста анализ результатов работы GBN? Видится только один, одновременно тривиальный и фундаментальный: русский язык, как и любой другой полифункциональный язык, неоднороден. Исследование с и с т е м ы русского языка «вообще» – занятие разумное, и при таком подходе любой корпус полезен для подбора материала. Для изучения н о р м ы надо сначала определить ее границы, что и прежде было непросто, а теперь еще сложнее. Корпус нормативного языка придется подбирать, все время оглядываясь на заранее постулированные границы.

А вот у з у с языка «вообще» изучать бессмысленно. Узус всегда социален, он имеет три важнейших измерения – территориальное, возрастное и гендерное; есть и другие, но они менее универсальны. Социально маркированный узус диктует и подлинные нормы, явленные в текстах, которые соответствующим социумом рассматриваются как образцовые. Жители разных регионов, молодежь и старики, мужчины и женщины не всегда будут единодушны в оценке качества текстов. Дополнительную сложность накладывает многообразие жанров и тематики.

Обращение к цифровым текстам с целью получить некую статистику, касающуюся языка, всегда будет иметь результат, выраженный числами. Иногда, как в примерах про Пушкина и Украину, разные обращения к одному и тому же материалу дают противоречивые результаты, даже если инструментарий один и тот же и время обращения к корпусу отличается совсем незначительно, например минутами (ср. строки в табл. 1). Иногда, как при обращении к GBN, разница незаметна [12]. Стабильность результатов эксперимента – положительное свойство, но оно

[12] Конечно, объем оцифрованных текстов в корпусе Google Books быстро растет, но завершающийся 2008 годом подкорпус, на котором работает Ngram Viewer, последние годы

не гарантирует его осмысленности. Выявление «общеязыковой частотности» слов, тем более словоформ, на материале черного ящика с неизвестным содержимым представляется достаточно увлекательной языковой игрой [13], но, в отличие от старых игр – Scrabble-Эрудит, «В балду», «В города», игра в GBN не носит развивающего характера.

В Интернете легко находятся работы, в той или иной степени опирающиеся на результаты GBN-поиска, среди них есть синхронические (сюда отнесем и те, которые касаются микроистории – нескольких недавних десятилетий) и диахронические, подвергающие анализу русский язык на протяжении двух столетий. На любые сомнения в результатах GBN-поиска у его сторонников есть контраргумент: в статистике, основанной на многомиллиардном корпусе, нельзя сомневаться. Это верно, если не с чем такие данные сопоставлять. Но в отношении длительной истории есть НКРЯ [14], незначительность его объема в сравнении с корпусом GBN отчасти компенсируется возможностью оперировать словом в целом, а не отдельной словоформой и – что для нас главное – прозрачностью состава корпуса, на котором получен результат. Если результаты просто разные, это мало о чем говорит. А вот если они прямо противоположны [15], то результат от НКРЯ правильный, а результат от GBN вздорный. Впрочем, это вопрос веры.

В том, что касается синхронии, мы свою аргументацию строим на материалах Генерального интернет-корпуса русского языка [16] (далее – ГИКРЯ), который разрабатывается с 2012 г. и в конце 2015 г. вышел из стадии начальной разработки, свободный доступ к нему открыт пока при условии регистрации. Поиск в ГИКРЯ ведется раздельно по сегментам, содержащим разные типы текстов: большие выборки из «Живого журнала» (ЖЖ) (2001 – начало 2014 г.), из социальной сети «ВКонтакте» (выборка за 2014–2015 гг.), из новостных лент за 1999–2013 гг. и «Журнального зала» (собственно журнальные статьи с портала magazines.russ.ru по состоянию на апрель 2014 г.). Общий объем ГИКРЯ приближается к 20 млрд словоупотреблений.

Кратко остановимся на языковых фактах, упоминавшихся выше, но начнем с комментариев к GBN.

Один автор [17] в 2015 г. опубликовал две работы (вторая в соавторстве), посвященные разным аспектам современного поведения русских глаголов в сравнении с ситуацией в XIX в. [Язык и мысль, 2015, с. 478–487; Труды…, 2015, с. 425–434]; в первой из них указаны и точные временные рамки – 1800–1860 гг. и 1993–2008 гг.

GBN не дает возможности работать с лексемами, поэтому, проанализировав результаты для словоформ *старался*, *стараясь*, *стараться*, *стараюсь* и *пытался*, *пытаясь*, *пытаться*, *пытаюсь*, автор счел достаточным «работать только с формой прошедшего времени, как обеспечивающей наибольший массив данных. Общие закономерности, найденные для этой формы, остаются справедливыми и для других форм» [Язык и мысль, 2015, с. 483] (исследовались инфинитивы, следовавшие за формами *старался* / *пытался*).

не меняется. Во всяком случае, наши поиски двухлетней давности и современные дают одинаковые результаты, то же и при повторении более давних чужих поисков.

[13] Речь идет лишь о русском варианте GBN.

[14] НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru

[15] Объем публикации не позволяет вдаваться в детали, но автор статьи проверял: так бывает.

[16] www.webcorpora.ru

[17] Нынче принято за всякое упоминание конкретной работы начислять автору разнообразные очки. Не разделяя эту точку зрения, предпочитаем цитировать некоторые работы без имен, хотя и вполне прозрачно.

Начало цитаты сформулировано несколько небрежно: форм прошедшего времени больше одной, причем само их существование заставляет усомниться в справедливости вывода про «общие закономерности». Лишь часть маркированных по полу глаголов не имеет отношения к автору высказывания (*умер* / *умерла*), но не таковы *старался* и *пытался*. Поскольку одни действия более свойственны мужчинам, другие женщинам, вероятность появления гендерно маркированных глаголов после форм *старался* и *старалась* заведомо различна. Но вторая работа [Труды…, 2015] на этом фоне преподносит сюрприз: там репрезентативными словоформами служат инфинитивы (анализируются тройки *дохнуть* [18] / *подохнуть* / *подыхать* и *грызть* / *разгрызть* / *разгрызать*).

В теории для некоего глагола может найтись полноценная словоформа-представитель, но для другого глагола таковой окажется другая словоформа. И представительность таких словоформ надо доказывать. Как – не очень ясно, но очевидно, что на фоне выявления свойств всех других словоформ этой же лексемы. Тем самым искать представительную словоформу занимательно, но бессмысленно: все равно предварительно надо все узнать про лексему. И – если рассуждать о русском языке «вообще» – для *всех* вариантов русского языка.

В применении к языковым корпусам часто используется характеристика «сбалансированный»; в теории это означает, что тексты, разнящиеся в социальном и жанровом отношении, представлены в корпусе в «правильных» долях. Но исчислением всех таких вариантов и выявлением их стандартного для русского языка соотношения никто никогда не занимался, поскольку это занятие утопическое. Фактически сбалансированным называется корпус, который его создатели считают сбалансированным.

То, что слова в различных вариантах языка используются несколько поразному, удивлять не должно. Следствием этого является различие в частоте употребления как лексем, так и отдельных словоформ. На рис. 10 отражена эволюция частот двух словоформ в 1990–2008 гг., графики не сглажены, так что известны точные погодовые частоты: ipm у *старался* в течение периода, по сути, неизменен, около – 19. Частоты формы *пытался* равномерно растут от 25,8 ipm до 34,1 ipm (в 1992 г. отмечается небольшое проседание для обеих словоформ, 15,9 и 22,6 ipm). Соотношение частот неуклонно повышается в пользу словоформы *пытался*: в начале периода она на 30 % частотнее старался, в 2000 г. – на 48 %, в 2008 г. – на 81 %.

У других пар словоформ соотношение складывается либо похожим образом (*пытается*/*старается*, *пытаясь*/*стараясь*) – частота форм от *стараться* меняется мало, формы от *пытаться* становятся частотнее, либо их развитие идет параллельно, хотя и по-разному: в первом лице частота форм множественного числа не меняется, а формы единственного числа становятся частотнее (рис. 11).

Таким образом, в корпусе GBN за 19 лет у лексемы *пытаться* частота выросла явно заметнее, чем у *стараться*. Но справедливо ли это наблюдение для русского языка? Посмотрим, как складывается судьба тех же глаголов в НКРЯ.

В табл. 2 сопоставлены данные за два периода – НКРЯ-1 (1990–1999 гг., 23,2 млн слов) и НКРЯ-2 (2000–2008 гг., 56,5 млн слов). Частоты большинства словоформ этой пары глаголов в 1990-е гг. в НКРЯ заметно выше, чем GBN (для *пытался* и *пытаясь* – в 3 раза, для *пыталась* – в 4,5). Во-вторых, у обеих лексем

[18] Исследование инфинитива *дохнуть* без обращения к контекстам грозит обернуться курьезом. Имея некоторый опыт чтения старых и современных русских текстов, мы предполагали, что соотношение *дохну́ть* и *до́хнуть* в них заметно разнится. Так и оказалось: в НКРЯ (май 2016 г.) за 1800–1899 гг. есть 133 *дохну́ть* и 8 *до́хнуть*, с 1990 г. соответственно 18 и 9.

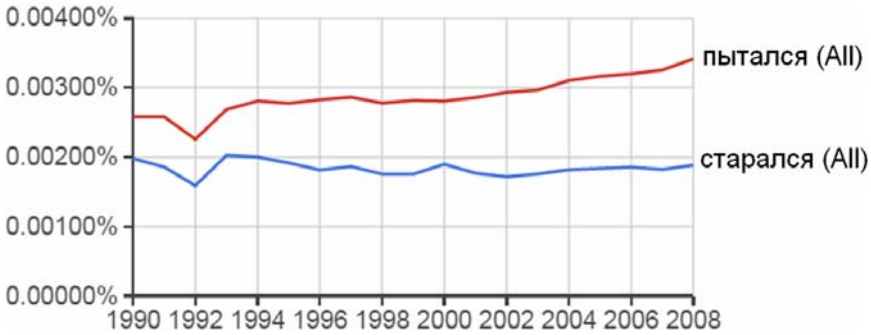

Рис. 10. Словоформы *пытался* и *старался* в GBN, 1990–2008 гг. (без сглаживания)

Рис. 11. Различные словоформы глаголов *пытаться* и *стараться* в GBN, 1990–2008 гг. (стандартное сглаживание)

Таблица 2

Динамика частотности отдельных словоформ
по данным НКРЯ (ipm)

Словоформа	НКРЯ-1	НКРЯ-2
Старался	46,0	25,4
Пытался	80,9	54,4
Старалась	15,6	11,8
Пыталась	26,9	20,9
Старались	21,9	15,3
Пытались	39,0	34,5
Стараюсь	11,4	12,5
Пытаюсь	12,1	11,2
Стараемся	4,2	7,5
Пытаемся	3,4	5,9
Старается	14,0	12,9
Пытается	30,6	34,2
Стараясь	44,1	27,4
Пытаясь	47,4	36,0
Лексема *стараться*	187,0	143,9
Лексема *пытаться*	285,6	251,8

в XXI в. они снизились: у *пытаться* на 12 %, у *стараться* на 23 %. Зато в текстах после 2008 г. (10,7 млн слов) частоты обоих глаголов в НКРЯ выросли, а разрыв частот стал уже двукратным (152,3 у *стараться*, 319,6 ipm у *пытаться*).

Итак, мы знаем как обстоит дело в двух корпусах. А что на самом деле происходит с рассматриваемыми словами в современном русском языке? По-видимому, ничего особенного. В этом отношении полезно выяснить положение в разных сегментах ГИКРЯ, язык каждого из которых относительно однороден. Данные табл. 3 (где, как и в табл. 4, в объем лексем не включены причастия; учитываются спрягаемые формы, прошедшее время, инфинитив, императив, деепричастие) показывают, что в зависимости от типа текста существенно меняется и частота лексем, и вклад отдельных словоформ: в «Журнальном зале» и *старался*, и *пытался* дают четверть вхождений лексемы, а в «Новостях» – 8 и 17 % соответственно. В «Журнальном зале» частотность словоформ *старался* и *пытался* разнится менее чем в два раза, в «Новостях» – более чем в 10 раз. Проверка по этим двум сегментам ГИКРЯ показывает, что диахронических изменений в поведении двух рассматриваемых глаголов нет: колебания частот не превышают нескольких процентов, то увеличиваясь, то уменьшаясь. Достаточно очевидно, что рост частоты *пытаться* в GBN и ее падение в НКРЯ, а также увеличение разрыва частот этих глаголов в обоих корпусах – всего лишь следствие изменений в жанрово-стилевом и тематическом наполнении самих корпусов.

Таблица 3

Частотность лексем и словоформ в зависимости от типа текста

Слово	Журнальный зал	Новости	ЖЖ	ВКонтакте
Лексема *стараться*	121,9	35,7	116,7	124.7
Лексема *пытаться*	236,2	175,5	275,0	227,8
Старался	30,3	2,9	11,2	8,6
Пытался	58,8	30,2	39,3	26,1

Таблица 4

Вариативность статистической структуры парадигм
в текстах разных сегментов ГИКРЯ

Сегмент ГИКРЯ	Журнальный зал	Новости	ЖЖ	Журнальный зал	ЖЖ
Глагол	*Стараться*	*Стараться*	*Стараться*	*Подохнуть*	*Грызть*
Всего вхождений	38 271	30 457	1 021 066	747	81 801
Инфинитив, %	4,04	12,80	10,55	14,32	**33,3**
1 л. ед. ед. ч., %	7,76	4,90	24,74	9,50	7,84
1 л. мн. ч., %	1,98	12,32	1,98	5,62	1,56
3 л. ед. ч., %	10,39	16,59	9,31	12,05	21,44
3 л. мн. ч., %	6,35	22,72	9,88	5,09	8,79
Прош. муж. р., %	24,76	8,02	9,58	20,74	7,66
Прош. жен. р., %	9,23	3,17	8,17	7,76	6,63
Прош. мн. ч., %	10,91	12,75	7,33	11,51	5,11
Деепричастие, %	21,16	4,94	7,63	0,14	1,60

Как обстоит дело в профессиональных текстах химиков и математиков, в детективах и детской литературе – знать не дано. Зато мы получаем очередное подтверждение важному, мы бы сказали, основополагающему для статистического

исследования языка тезису: «для большинства лингвистических и лексикографических задач корпусной анализ должен проводиться с точностью до четко определенных жанровых и социолингвистических границ» [Беликов и др., 2013, с. 84].

Рассмотренных фактов достаточно для констатации наивности поиска словоформ, способных адекватно представлять лексему, но в дополнение приведем табл. 4, раскрывающую вариативность статистической структуры парадигм в текстах разных сегментов ГИКРЯ.

Как видим, доля различных словоформ меняется не только в текстах разных типов, но и существенно зависит от глагола. Кроме того, априори понятно, что, хотя использование формы *старался* не обязательно характеризует пол автора, выбор для анализа форм прошедшего времени в мужском роде сдвигает материал в сторону лиц мужского пола.

Исследование гендерных характеристик узуса до недавнего времени было затруднено. Единственным источником достаточно больших спонтанных текстов, размеченных по полу авторов, был поиск Яндекса по блогам, но ограничение выдачи тысячью записей создавало серьезные трудности.

В сегменте ГИКРЯ «ВКонтакте» тексты маркированы по полу в соответствии с профилем авторов. Из общего числа словоупотреблений (9 820,5 млн) по полу размечено 47,38 %, из которых почти две трети составляет объем женского подмассива. Тем самым прямое сравнение статистики мужского и женского узуса невозможно, количество фактических словоупотреблений следует сопоставлять с показателем, нейтрализующим преобладание женщин в этом сегменте. Назовем отношение женских словоупотреблений (3 009,15 млн) к мужским (1 644,11 млн) – 1,8 – гендерным коэффициентом «ВКонтакте» ГИКРЯ (ГК). Этот показатель рассчитан по полному корпусу «ВКонтакте» ГИКРЯ, содержащему значительное число дублирующихся текстов, истинное авторство которых в общем случае неустановимо; по умолчанию выдача производится с дедубликацией.

Поскольку тематика текстов серьезно влияет на словоупотребление, не стоит видеть гендерного маркирования в том случае, если ГК находится в диапазоне 1,2–2,7 (это 50 %-е преобладание в выдаче мужского vs. женского узуса) [19]. А вот бóльшее отклонение от нейтрального ГК = 1,8, например, двойное преобладание мужского или женского узуса (0,9 и ниже либо 3,7 и выше) при достаточно больших абсолютных числах явно свидетельствует о неслучайном преобладании в анализируемом материале мужских vs. женских текстов.

Разумеется, переносить гендерную статистику, полученную на материале молодежной социальной сети, на другие варианты русского языка следует с осторожностью. Но вот поучительные данные, ставящие под серьезное сомнение репрезентативность форм мужского рода не только для лексемы, но и для использования ее в прошедшем времени (табл. 5). Говорить о гендерной маркированности всех четырех приведенных в таблице глаголов нельзя, хотя 320 тыс. примеров на глагол *пытаться* от распределенных по полу авторов – достаточно убедительное основание, чтобы считать эту лексему более свойственной мужчинам, чем женщинам, в частности, при сопоставлении со *стараться*.

[19] Это касается лексики. В том случае, если использование какой-то грамматической категории дает регулярное отклонение ГК в мужскую или женскую сторону, можно говорить о гендерном маркировании. Например, у прилагательных ГК сравнительной степени регулярно заметно отклоняется в мужскую сторону в сравнении со склоняемыми словоформами. Впервые автор статьи на это обстоятельство натолкнулся в июне 2012 г., анализируя блогосферу [Беликов, 2014, с. 126–127], но ограничения Яндекса на объем выдаваемых данных сдерживали уверенность в обнаруженном явлении.

То, как формы прошедшего времени используются мужчинами и женщинами, ясно показывает, что при поиске на глаголы в мужском роде мы получаем сведения не о русском языке «вообще», а в основном о его мужской разновидности. Не исключено, что в исследуемом явлении гендерных противопоставлений не окажется, но знать этого заранее нельзя.

ГИКРЯ дает ясный ответ и на вопрос, каков реальный узус при склонении слова *Украина*. Априори ясно, что он достаточно быстро меняется и не может быть одинаков в текстах разных регионов России и Украины. Сегмент ЖЖ НКРЯ позволяет получить надежные данные в динамике лишь по столицам [20] (табл. 6); в 2013 г., последнем представленном в таблице году наблюдения, в Москве все еще лидирует предлог *на* (3 483 против 3 338 для *в Украине*), в Петербурге в том же году впервые возобладал предлог *в* (929 против 905 для *на Украине*).

Таблица 5

Формы прошедшего времени в мужском и женском узусе

Словоформа	Примеры, где пол автора известен	ГК	Словоформа	Примеры, где пол автора известен	ГК
Всего от *стараться*	184 526	1,6	Всего от *пытаться*	320 680	1,3
Старался	16 162	0,7	*Пытался*	37 858	0,7
Старалась	12 225	5,7	*Пыталась*	24 273	4,0
Старались	12 089	1,7	*Пытались*	25 510	1,2
Всего от *подохнуть*	1 750	0,8	Всего от *грызть*	7 612	1,7
Подох	22	0,4	*Грыз*	507	1,1
Подохла	199	1,1	*Грызла*	356	2,8
Подохли	26	0,4	*Грызли*	475	1,1

Таблица 6

Варианты выбора предлога при склонении лексемы «Украина» по данным «Живого журнала» в динамике

Регион	2004–2008 гг.			2009–2013 гг.		
	на Украине	*в Украине*	*на*/*в*	*на Украине*	*в Украине*	*на*/*в*
Москва	2 565	976	2,6	9 596	7 250	1,3
Петербург	668	247	2,7	2 455	2 007	1,2
Киев	774	3 687	0,2	2 938	19 640	0,1

«Живой журнал» во многом отражает спонтанное повседневное словоупотребление блоггеров, узус «Журнального зала» более консервативен (табл. 7).

[20] Ниже мы рассматриваем предложный падеж как дающий больше результатов. Для достоверной статистики по другим городам с большим числом блоггеров ЖЖ выборка ГИКРЯ пока мала. Так, по состоянию ЖЖ ГИКРЯ на июнь 2016 г. результаты по Новосибирску показывают неожиданный скачок: в 2004–2008 гг. соотношение предлогов *на* / *в* составляет 68/37 = 1,8, в 2009–2011 гг. – 161/77 = 2,1, а в последующие два года – 140/230 = = 0,6. Такой резкий перелом в пользу нового предлога невероятен и объясняется недостатком данных.

Таблица 7

Варианты выбора предлога при склонении лексемы «Украина» по данным «Журнального зала» в динамике

Период	*На Украине*	*В Украине*	*На* / *в*
1993–2002	467	93	5,0
2003–2006	618	248	2,5
2007–2013	1 291	627	2,1

Таблица 8

Варианты выбора предлога при склонении лексемы «Украина» по данным «Новостей» в динамике

Период	*На Украине*	*В Украине*	*На*/*в*
1999–2002	396	50	7,9
2003–2007	18 351	5 590	3,3
2008	9 609	1 842	5,2
2009–2013	40 559	5 578	7,3

Наиболее интересной оказалась ситуация в новостном сегменте, где процесс перехода от предлога *на* к *в* после середины 2000-х гг. пошел вспять [21] (табл. 8).

Вернемся к заголовку статьи: «Что и как может получить лингвист…». Формулировка вроде бы подразумевает достижение положительных результатов, но речь в основном была не о них. Нам представлялось очень важным показать, что нередко лингвисты, сами того не подозревая, получают из оцифрованных текстов недостоверный результат.

Закончим цитатой, которая на первый взгляд констатирует очевидное: «Интернет… мог бы внести статистическую ясность во множество вопросов, которые сейчас обсуждаются на уровне интуитивных догадок или метафизических умозрений. Речь идет о частоте употребления тех или иных слов, имен, терминов, понятий, идиом в разных национальных сегментах интернета. Интернет уже сейчас самое большое хранилище информации, накопленной в живых языках. А главное, все данные, которые в нем хранятся, поддаются мгновенной статистической обработке» [Эпштейн, 2006, с. 71].

Как раз в *главном* философ ошибается: полезной для лингвиста (или культуролога) «мгновенной статистической обработке» данные Интернета не поддаются. Результаты обработки этих данных средствами, созданными с заведомо нелингвистическими целями, лишь множат «метафизические умозрения». Интернет – необозримый источник оцифрованных текстов, которые становятся материалом для языковых корпусов, но такие корпуса (и непременная часть корпуса – инструментарий для работы с ним) должны создаваться при активном участии профессиональных лингвистов.

Лингвист может извлечь пользу и непосредственно из Интернета, но если он хочет получить нечто большее, чем просто примеры словоупотребления, его ждет масса подводных камней, частично предсказуемых, частично неожиданных.

[21] То же и с винительным падежом, но абсолютные цифры там существенно меньше – 1999–2002 гг.: 135/7 = 19,3; 2003–2007 гг.: 4 216/1 137 = 3,7; 2008 г.: 3 194/619 = 5,2.

Список литературы

Беликов В. И. Интернет и орфография // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. Междунар. конф. «Диалог'2003». М.: Наука, 2003.

Беликов В. И. Yandex как лексикографический инструмент // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. Междунар. конф. «Диалог' 2004». М.: Наука, 2004.

Беликов В. И. Словарь «Языки русских городов»: подбор примеров и Интернет // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. Междунар. конф. «Диалог 2006». М.: ИПИ РАН, 2006.

Беликов В. И. К методике корпусного исследования лексики // Русский язык и новые технологии. М.: НЛО, 2014.

Беликов В. И., *Копылов Н. Ю.*, *Пиперски А. Ч.*, *Селегей В. П.*, *Шаров С. А.* Корпус как язык: от масштабируемости к дифференциальной полноте // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегод. Междунар. конф. «Диалог». Вып. 12(19). Т. 1. М.: РГГУ, 2013.

Кронгауз М. А. Самоучитель олбанского. М.: АСТ, 2013.

Кузнецов С. А. Языковая норма и правила речевой деятельности // Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации». Ч. 1: Доктринальный и нормативно-правовой комментарий. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009.

МАС: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981–1984.

Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2015». СПб.: СПбГУ, 2015.

Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.

Эпштейн М. Н. Слово недели: нумеризм // Дар слова. Проективный лексикон Михаила Эпштейна. 2003. № 71(111). 8 сент. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/dar71.html

Эпштейн М. Н. Мысли в числах: Америка и Россия в зеркалах интернета // Философский век: Альм. Вып. 32: Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Ч. 2. СПб.: Центр истории идей, 2006.

Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: ЯСК, 2015.

V. I. Belikov

Moscow State University, Moscow, Russian Federation; otipl@philol.msu.ru

What and how can a linguist get from digitized texts?

The article is devoted to the limits of applicability of the online tools for automatic processing of digital texts (search engines, corpora, Google Books Ngram Viewer) to a linguostatistic study. Despite the common opinion about the objectivity of the results obtained after automatic processing of the text array, there are limitations and distortions of the data due to many reasons. One of them is the frequent lack of linguists in the teams of developers of such machines. In the article, the analysis of the frequency of use of culturally significant names and their spelling variants, generic forms of the verb and the prepositional variants of the control according to the different automatic means of analysis of the texts shows the complexity of interpreting the results of automatic processing of text arrays.

Keywords: digital text, linguistic statistics, linguistic online tools, word processing, corpus linguistics, grammatical variation.

DOI 10.17223/18137083/56/2

References

Belikov V. I. Internet i orfografiya [Internet and spelling]. In: *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Trudy mezhdunar. konf. «Dialog'2004»* [Computational linguistics and intellectual technologies: Works of Intern. Conf. «Dialog'2004»]. M., Nauka, 2004.

Belikov V. I. K metodike korpusnogo issledovaniya leksiki [To the methodology of the corpus study of vocabulary]. In: *Russkiy yazyk i novye tekhnologii* [Russian language and new technologies]. M., NLO, 2014.

Belikov V. I. Slovar' «Yazyki russkikh gorodov»: podbor primerov i Internet [The dictionary of the «Languages of Russian cities»: a selection of examples and the Internet]. In: *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Trudy mezhdunar. konf. «Dialog'2006»* [Computational linguistics and intellectual technologies: Works of Intern. Conf. «Dialog'2006»]. M., IPI RAN, 2006.

Belikov V. I. Yandex kak leksikograficheskij instrument [Yandex as a lexicographic tool]. In: *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Trudy mezhdunar. konf. «Dialog'2003»* [Computational linguistics and intellectual technologies: Works of Intern. Conf. «Dialog'2003»]. M., Nauka, 2003.

Belikov V. I., Kopylov N. Ju., Piperski A. Ch., Selegej V. P., Sharov S. A. Korpus kak jazyk: ot masshtabiruemosti k differencial'noj polnote [Corpus as language: from scalability to differential completeness]. In: *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Trudy mezhdunar. konf. «Dialog»*. Vyp. 12 (19). T. 1 [Computational linguistics and intellectual technologies: Materials of Intern. Conf. «Dialog».]. Iss. 12 (19), vol. 1. M., RGGU, 2013.

Epshtein M. N. Mysli v chislah: Amerika i Rossija v zerkalah interneta [Thoughts in numbers: America and Russia in the mirror of the Internet] In: *Filosofskiy vek. Al'manakh. Vyp. 32. Bendzhamin Franklin i Rossiya: k 300-letiyu so dnya rozhdeniya. Ch.' 2* [Philosophical Age: Alm. Vol. 32: Benjamin Franklin and Russia: the 300th anniversary of his birth. Pt 2]. SPb., Tsentr istorii idey, 2006.

Evgen'eva A. P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka v 4 t.* 2-e izd., ispr. i dop. [Dictionary of Russian language in 4 vols. 2nd ed., rev. and ext.]. M., Rus. yaz., 1981–1984, vols. 1–4.

Jepshtejn M. N. Slovo nedeli: numerizm [Word of the week: numerism]. In: *Dar slova. Proektivnyy leksikon Mihaila Epshteina* [Projective lexicon of Mikhail Epstein]. 2003, 8 sept., no. 71 (111). Available at: http://www.emory.edu/INTELNET/dar71.html

Krongauz M. A. *Samouchitel' olbanskogo* [Tutorial of Olbany]. M., AST, 2013.

Kuznetsov S. A. Yazykovaya norma i pravila rechevoy deyatel'nosti [Language norm and speech activity rules]. In: *Kommentarij k Federal'nomu zakonu «O gosudarstvennom jazyke Rossijskoj Federacii». Ch. 1: Doktrinal'nyj i normativno-pravovoj kommentarij* [Commentary to the Federal Law «On state language of the Russian Federation». Pt 1: Doctrinal and legal commentary]. SPb, SPbSU, 2009.

Shherba L. V. O trojakom aspekte jazykovyh javlenij i ob jeksperimente v jazykoznanii [On the threefold aspect of language phenomena and about the experiment in linguistics]. In: *Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad, Nauka, 1974.

Trudy mezhdunarodnoy konferentsii «Korpusnaya lingvistika – 2015» [Proceedings of the international conference «Corpus linguistics – 2015»]. SPb, SPbSU, 2015.

Yazyk i mysl': sovremennaya kognitivnaya lingvistika [Language and thought: the modern cognitive linguistics]. M., 2015.

УДК 81.372.462
DOI 10.17223/18137083/56/3

Е. В. Бешенкова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Москва

Вариативность, узуальная норма и политика нормализаторов

Рассматривая письмо как саморазвивающуюся систему, развитие которой обусловлено и объективными факторами, и субъективным – деятельностью кодификаторов, мы определяем, какой должна быть политика орфографистов сегодня, а также их отношение к узуальным вариантам. В структурно-системной части вариативность возникает в предсказуемых точках: 1) где возможна двоякая интерпретация орофографически значимых единиц, 2) где возможно действие тенденции к унификации и дифференциации, 3) где системное противопоставление нейтрализуется, 4) где проявляется асимметричность системы. Политика орфографистов не кодифицировать варианты оценивается как единственно оправданная во всех случаях, кроме третьего. В случаях третьего типа одной из возможностей является признание допустимости вариантов с оценкой их предпочтительности.

Ключевые слова: орфография, узуальная норма, кодифицированная норма, политика кодификаторов.

Почему иногда кодификация не совпадает с узуальной нормой? Почему орфографические словари практически не дают вариантов? В чем причины такой политики орфографистов и целесообразна ли на данном этапе смена этой политики? В статье мы попытаемся ответить на эти вопросы.

Отношение кодификатора к узуальной норме, к вариантам, существующим в узусе, зависит прежде всего от того, как он оценивает свою роль в процессе функционирования нормы: или как простого фиксатора сложившейся в узусе ситуации; или как диктатора, указаниям которого должны следовать все пишущие, претендующие на статус грамотных; или как субъективного фактора объективного процесса, реальная роль которого определяется и целенаправленностью его собственных усилий, и особенностями социальной и языковой ситуации.

Мы рассматриваем письмо как саморазвивающуюся систему (этот подход реализован, например, в [Некипелова, 2014; Пиотровский, 1966; Wildgen, 1990]). Раз-

Бешенкова Елена Виленовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры русской речи Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (ул. Волхонка, д. 18/2, Москва, 119019, Россия; ruslang@ruslang.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© Е. В. Бешенкова, 2016

витие такой системы письма обусловлено рядом объективных факторов и субъективным фактором – деятельностью кодификаторов. Рекомендации кодификатора во многом определяются его целью – обеспечить письменную коммуникацию сегодня и понимание текстов какого-то числа предыдущих поколений. Теоретически существует несколько разных способов достичь этого: сохранить существующую систему, сознательно изменить ее или вести письмо к чисто традиционному. И хотя анализ орфографической кодификации последних десятилетий показал, что нормализаторы часто шли за узусом, закрепляя противоречащие системе варианты, все-таки их целью и сегодня остается сохранение и укрепление существующей системы. Именно с таких позиций мы будем рассматривать и оценивать разные типы узуальных вариантов и возможные решения кодификаторов.

Русское письмо состоит из структурно-системной и асистемной частей. Структурно-системная часть письма – область, в которой действуют строго детерминированные правила (т. е. правила-предписания), асистемная часть письма – область, для которой или нет правил, или они вероятностные (правила-руководства, правила-закономерности), или есть правила, но они бездействуют. В структурно-системной части тоже есть области, где строго детерминированные отношения ограничены. Во-первых, это области, в которых написание слова зависит от выбора одной из двух возможных трактовок орфографически значимой единицы. Во-вторых, это области, в которых системное противопоставление орфографически значимых единиц может при определенных условиях нейтрализоваться. Во всех этих случаях, как и в асистемной области, письмо обладает высокой степенью вариативности. Функционируют системная и асистемная части письма, как оказалось, весьма по-разному. Важное различие состоит в том, что в системной части письма варианты в основном возникают в предсказуемых точках, обусловленных антиномиями системы, в асистемной части мы можем говорить только о некоторых вероятных точках возникновения колебаний, но ни исчислить, ни предсказать их мы не можем. Разные причины колебаний, их разная системная значимость обусловливают и разное к ним отношение кодификаторов.

В системной области выделяются следующие причины колебаний и соответствующие им типы областей вариативного письма.

1. Двоякая системная интерпретация орфографически значимых единиц – в узусе написание слов этой группы распадается на два полюса устойчивого написания, соответствующих одной или второй трактовке, и область вариативного написания. Кодификатор выбирает одну из возможных трактовок для каждого конкретного случая, ориентируясь и на зыбкий узус, и на ближайшие прецеденты. Вводить в данном случае вариативное письмо нецелесообразно, так как оно не будет соответствовать узуальной норме с ее полюсами устойчивого написания и меняющейся зоной вариативности. Однако в такой ситуации не исключена и перекодификация при установлении узуальной нормы, не совпадающей с кодифицированной.

Например, правописание единиц с первым компонентом, совпадающим с самостоятельным существительным на *-о*, *-е* (*кофе*, *эхо*, *соло*), определяется трактовкой этой единицы: либо это единица с соединительной гласной, в случае типа *кофе* совмещенной с финалью (см. [Köhler, 1987, § 585, прим. 2]), либо это самостоятельное несклоняемое слово без соединительной гласной в составе сочетания существительного с приложением (как, например, трактуется единица *соло* в [Русская грамматика, 1980, § 120, п. 2]). Та или иная трактовка единицы определяет выбор орфографического правила: либо это правило о написании сложных существительных с соединительной гласной (такие единицы пишутся слитно – *эховзвесь*), либо это правило о написании сочетаний существительных с приложением (такие единицы пишутся через дефис – *эхо-фраза*). Слова данного типа не-

однозначно интерпретируются и исследователями, и носителями языка, что в свою очередь ведет не только к возникновению разных написаний слов с одной и той же первой частью (*кофемашина*, *кофезаменитель*, *кофе-пресс*, *кофе-автомат*, *кофе-брейк*, *кофе-пауза*, *кофе-порошок*, *кофе-суррогат*), но и к возникновению вариативности как в узусе (например, в узусе встречаются и в дефисном и в слитном написании слова *эхо*(-)*взвесь*, *эхо*(-)*признаки*, *эхо*(-)*контакт*, *эхо*(-)*пеленгатор*, *эхо*(-)*регистрация*, *эхо*(-)*прибор*, *эхо*(-)*репитер*), так и в кодификации. В результате в узусе установилась типичная картина функционирования области письма с двоякой трактовкой: одна группа слов с устойчивым слитным написанием (например: *эгофутурист*, *эгоцентризм*; *эходефектоскоп*, *эхоконференция*, *эхоподавитель*, *эхопеленг*, *эхоофтальмограф*, *эхотомоскоп*), другая – с устойчивым дефисным написанием (например: *эхо-фраза*, *эго-психология*, *эго-состояние*) и третья группа слов с вариативным написанием, с предпочтением того или иного варианта или без такового (например: *эхо*(-)*взвесь*, *эхо*(-)*контакт*, *эхо*(-)*пеленгатор*, *эхо*(-)*подавление*, *эхо*(-)*почта*, *эхо*(-)*прибор*, *эхо*(-)*признаки*, *эхо*(-)*процессор*, *эхо*(-)*регистрация*, *эхо*(-)*репитер*). Допустим, кодификатор при выборе нормативных рекомендаций учитывает эту сложившуюся в узусе картину и кодифицирует варианты. Маловероятно, что это приведет к стабилизации системы и узуса, так как вариативная группа весьма неоднородна, многие слова тяготеют к одному из полюсов, т. е. один из вариантов более частотен. Сегодня кодификаторы волюнтаристским способом принимают то или иное решение для каждого конкретного случая, но не варианты. При этом разные словари могут принять разные решения для одних и тех же слов (*эхо-волна* [РОС 1999; РОС 2005] – *эховолна* [ТСРЯ; РОС 2012]). Это, конечно, возможно только при отсутствии единого центра определения кодифицированных норм. Волюнтаристское решение, принятое в некоторый момент времени, может и не совпасть с установившейся в результате узуальной безвариативной нормой, и тогда кодификаторы вынуждены менять свои рекомендации (так, в [РОС 2012] все слова с первой частью *эхо* пишутся слитно). Любая перекодификация отрицательно сказывается на авторитете нормализаторов, но и признание вариативного написания как кодифицированной нормы тоже может привести к необходимости перекодификации при установлении безвариативного написания в узусе.

2. Следующей причиной возникновения колебаний в написании является действие тенденции к унификации и тенденции к дифференциации. Действие этих тенденций проявляется, в частности, в функционировании тех областей письма, где есть группы слов-исключений из правил или подправила-исключения: в узусе появляются варианты, обусловленные либо подравниванием исключений под общее правило, либо подравниванием под исключения, т. е. и та и другая область может стать аттрактором.

Например, колебания испытывают некоторые слова с соединительными гласными, обозначающие единицы измерения, т. е. слова, входящие в подправило-исключение (*машино-место* / *машиноместо*, *нормо-смена* / *нормосмена*). Слова этого типа, выходящие в сферу общего употребления, подравниваются под общее правило и начинают писаться слитно (*молокозавод*), при этом сохраняя в специальных текстах устойчивое дефисное написание. Поэтому данные варианты кодификаторы оценивают как узуальные, хотя и системно оправданные, и не меняют рекомендаций. Отметим все же, что уже давно два таких слова были введены как исключения в подправило-исключение – это *трудодень* и *трудочас.*

Наблюдения над узусом выявили особенности функционирования слов с соединительной гласной, похожих по своему строению на отдельные слова-исключения (*угро-финны*, *татаро-монголы*). Было проверено реальное написание в узусе 49 слов, обозначающих лиц, принадлежащих межнациональным, межсоциальным, межпартийным и т. п. сообществам. Некоторые слова из этой группы

устойчиво употребляются либо в вариативном написании, либо в противоречащем правилу написании. Данные узуса (со всеми поправками на особенности сбора этих данных в электронной поисковой системе) показывают, что дефисные написания преобладают для большинства этих слов, но не для всех. Из 49 проанализированных слов помимо трех узаконенных исключений еще 18 слов пишутся чаще против правила. В 11 случаях написание чаще соответствует правилу. В остальных случаях написание в узусе вариативно без преимущества того или иного варианта (хотя пять из них имеют давнюю словарную кодификацию). Преимущественно в слитном написании встречаются слова *англо*(-)*саксы* и *англо*(-)*африканцы*, а также слова с первой частью *афро* (с равной встречаемостью контакта и дефиса – только слово *афро*(-)*европейцы*, чаще дефисное написание у словечка *афросамурай*, встречающегося только при описании героя одноименного аниме). Почти одинаковой встречаемостью обоих написаний (разницу в два-три раза считаем несущественной, хотя эта разница в основном в пользу дефисного написания) характеризуются слова: *англо*(-)*австралийцы*, *англо*(-)*канадцы*, *англо*(-)*католики*, *англо*(-)*саксонцы*, *балто*(-)*славяне*, *германо*(-)*швейцарцы*, *испано*(-)*американцы*, *романо*(-)*германцы*, *сербо*(-)*хорваты*, *франко*(-)*швейцарцы*, *франко*(-)*канадцы* (в текстах последних десятилетий слово *сербохорваты* практически не встречается).

В такой ситуации вводить в списки исключений даже слова, устойчиво пишущиеся против правила или вариативно, нецелесообразно, так как это не приведет к стабилизации, а только усилит притягательность полюса исключений. Хотя именно так поступили кодификаторы со словами с первой частью *анархо.* Термин *анархо-синдикализм* отмечен в правилах 1956 г. (§ 79, п. 2) [Правила…, 1956], в «Русский орфографический словарь» [РОС 2005] введено слово *анархо-терроризм*, а старые, зафиксированные ранее слова *монархофашизм* (и *монархофашист*), *коммунопатриот*, *коммунофашист*, *австромарксизм*, *австрославизм* даются в ином – слитном – написании. В современном узусе слова этого типа, т. е. обозначающие составные названия политических партий и направлений, а также их сторонников, также пишутся часто дефисно. Так, *монархо*(-)*фашизм* употребляется преимущественно дефисно, для *коммуно*(-)*фашизма* характерна вариативность написания без явного преимущества одного или другого, колеблются и другие слова этого типа: *анархо*(-)*фашизм*, *анархо*(-)*национализм*, *анархо*(-)*либерал*, *анархо*(-)*террорист.* Вводить всю группу, обладающую определенным семантическим или каким-либо другим признаком, и создавать подправило-исключение тоже нельзя: спорно как само выделение общего признака, так и целесообразность такого введения.

Единственной целесообразной политикой орфографистов и в разобранном случае, и во всех аналогичных нам представляется все-таки неувеличение числа исключений. Хотя приходится констатировать реальное увеличение кодификаторами списка исключений во всех правилах (это и перекодификация слова с соединительной гласной: *мажоро-минор*, и введение в [РОС 2012] дефисного написания сложносокращенных слов: *культур-менеджер*, *масс-старт*, *масс-спектр* (и производные), *почт-директор* (ср. *почтдиректор* [БАС; Ефремова]), *пресс-*… (*пресс-бюро*, *пресс-конференция*, *пресс-релиз*, *пресс-центр* и др.), *риелт-бюро*, *соц-арт*, *социал-*… (*социал-демократ*, *социал-патриот*, *социал-революционер*, *социал-реформатор*, *социал-шовинизм* и др.), *стрип-*... (*стрип-бар*, *стрип-балет*, *стрип-клуб*, *стрип-танцовщица*, *стрип-шоу*), *эротик-шоу*, *этикет-пистолет*, *этикет-лента*, *этикет-принтер*, *яхт-клуб*) и др.).

3. Третьей причиной появления вариантов написания является наличие позиций, в которых значимое для письма системное противопоставление нейтрализуется. В позиции нейтрализации письменная манифестация определяется нормой, а у нормы есть три возможности: 1) выражать системное противопоставление од-

ним из элементов противопоставления, 2) выбрать третий элемент, 3) допускать наличие и того и другого вариантов.

Например, анализ функционирования слов с отрицанием в позиции нейтрализации системного противопоставления частицы и приставки *не* показал, что узуальная норма реализует все эти три возможности: одни слова пишутся устойчиво слитно, другие – устойчиво раздельно, а третьи – вариативно. Анализ количественного соотношения сформировавшихся аттракторов и колеблющейся зоны показал, что соотношение аттракторов разное у разных категорий слов. Полные прилагательные в контекстах нейтрализации имеют два приблизительно равномощных полюса: полюс устойчивого слитного написания (*неблагонадежный*, *неблагополучный*, *неблагоразумный*, *небезынтересный*, *непоследовательный*, *невостребованный*, *необщительный* и т. п.) и полюс устойчивого раздельного написания (*не бессмысленный*, *не больной*, *не вечный*, *не взрослый*, *не виноватый*, *не голодный*, *не холодный*, *не сытый* и т. п.) и меньшую зону вариативного написания. Например, среди полных форм прилагательных на букву *в* устойчивое раздельное написание имеют 50 слов, устойчивое слитное – 51, а вариативное написание – 15. Аналогичная картина в написании наречий-предикативов. А вот среди кратких форм прилагательных всего несколько слов устойчиво пишутся слитно (*неохоч*, *недурен*, *незауряден*), остальные употребляются либо раздельно (*не голоден*, *не короток*, *не мал*, *не свят*), либо вариативно (*не верен* / *неверен*, *не властен* / *невластен*). Среди наречий образа действия, наоборот, преобладают лексемы с устойчивым слитным написанием. В данной области письма, как и во всех областях с нейтрализацией системного противопоставления, единственным способом нормирования остается словарь. Чтобы уменьшить степень нестабильности письма в данной области, можно предложить словарную кодификацию нового типа, показывающую и узуальные предпочтения, и нормативные рекомендации, выработанные на основе определения исторической тенденции. Ретроспективный анализ, насколько позволяют судить исторические материалы НКРЯ [1], показал, что изменения на протяжении двух столетий идут в сторону увеличения слитного написания (ср. раздельное написание в XIX в. слов, которые сейчас пишутся слитно или вариативно: *Облака наплывали с океана,* ***не видного*** *за лесом. Сказанное ею и другим будет* ***не бесполезно*** *послушать. Ему* ***не ведом*** *страх. Голова его только-только превысила уровень первой полки, повешенной, в сущности, очень* ***не высоко****. Однако это очень* ***не желательно*** *для крестьян-охотников*).

4. Еще одной системной причиной появления вариантов является несимметричность самой системы.

Например, правило о написании начальных гласных *и*/*ы* корня после приставки на согласный построено на двух принципах: для слов с русским приставками (кроме *сверх*, *меж*) соблюдается позиционный (слоговой) принцип русского письма (*предынфарктный*), а для слов с иноязычными приставками соблюдается принцип сохранения единства написания морфемы (*постинфарктный*). В современном письменном узусе без колебаний или почти без колебаний подчиняются правилу слова с корнями *-игр-*, *-иск-*, *-им-*, *-имен-*(*-имян-*), а также *безызвестный*, *безыдейный*, *безызлучательный*, *безынициативный*, *надындивидуальный*, *подынтегральный*, *подытожить* (но: *подытог* и *подитог*), *обызвествление*, *обыностраниться*, *сымпровизировать*. Остальные слова в узусе либо пишутся вариативно (например: *безызъянный* и *безизъянный*, *безыллюзорный* и *безиллюзорный*, *безындукционный* и *безиндукционный*, *безынтегральный* и *безинтегральный*, *безысключительный* и *безисключительный*, *предынсультный* и *прединсультный*, *предыстория* и *предистория*), либо вопреки правилу с буквой *и* в корне после русской приставки (например: *безиглый*, *безиммунитетный*, *безиндикаторный*, *безинст-*

[1] Национальный корпус русского языка. URL: http://search.ruscorpora.ru

рументальный, *безинфляционный*, *безинформативный*, *надинтегральный*, *надиндекс*, *подиндекс*, *подиздержаться*, *отиллюстрировать*). Здесь полученная картина функционирования нормы с двумя аттракторами и областью колебаний между ними характерна для функционирования письма без правил. Это говорит о том, что правило в его нынешнем виде не работает. Кодификаторы и в 60-е гг., и в 90-е пытались это правило изменить, и нам представляется целесообразным его скорректировать, согласовав с узуальной нормой.

Функционирование письма в точках асимметрии проиллюстрируем еще на примере написаний слов с графически значимым слогоразделом. Функцию разделительного знака, т. е. знака, манифестирующего, могут выполнять буквы *ъ* и *ь* (*чьи*, *лисье*, *чьё*, *чья*, *обезьяна*, *подьячий*, *разъехаться*, *разъём*, *разъять*, *фельдъегерь*), дефис (*блиц-ярмарка*, *гоф-юнкер*), пробел (*зам. юрисконсульта*). А в сложносокращенных словах это отделение не манифестируется на письме вовсе (*детясли*). С другой стороны, буква *ь* обладает и другими функциями. Как результат, на практике письма появляются самые разнообразные ошибки. Анализ и их типология приведены в работе [Глазков, 1995]. В данной области орфографисты пытались частично выровнять ситуацию и изменить написание сложносокращенных слов, но изменение не было принято обществом. Наличие колебаний в узусе в данном случае объективно обусловлены, поэтому, если нашей целью и впредь будет сохранение устойчивой системы, те или иные изменения вводить придется.

Таким образом, анализ областей письма, для которых существуют правила, показал их неоднородность, что и предопределяет разную политику орфографистов в разных типах областей.

Асистемная область, т. е. область письма без правил или с неработающими правилами, с неполной или неадекватной словарной кодификацией, также показывает разные сценарии функционирования.

1. В одних случаях письмо без правил может быть вполне устойчивым, хотя при наличии дихотомий колебания могут возникнуть при появлении новых слов (*седушка* / *сидушка*), при изменениях орфографически значимых различий в значениях (*отщепнуть* / *отщипнуть*).

2. В других случаях (например, написание *н* / *нн* в кратких отглагольных прилагательных) мы видим господство хаоса без заметных тенденций к упорядочению.

3. В третьих случаях (например, в области сложных прилагательных или словосочетаний с первым компонентом, совпадающим с самостоятельным наречием на *-о*, *-е*) при значительной доли вариативность все-таки выделяются аттракторы (для данного примера – категории второй части), есть тенденция к упорядочению и частичной самоорганизации материала (*активно действующий – сильнодействующий*).

Приведенное сравнение разных сценариев функционирования письма без правил и по правилам показало, что, во-первых, письмо по правилам не является и не может являться раз и навсегда установившимся, что и сегодня оно в некоторых областях устойчиво, а в некоторых выявляет зоны колебаний. Отсутствие колебаний означало бы прекращение действия антиномий письма, его движущих сил. Во-вторых, письмо без правил также в некоторых областях функционирует достаточно успешно и правила в данных случаях нужны больше кодификаторам для сохранения системы при введении кодификации новых слов. В других случаях письмо без четкого правила приводит к хаосу, причем хаос в узусе находит отражение и в разноголосице словарей. Кардинальным отличием функционирования письма по правилам и без правил является предсказуемость появления неустойчивых зон в письме по правилам, в возможной сознательной коррекции нормы, правила, в конечном счете – в сохранении системы. В-третьих, выявленные типы

сценариев установления и функционирования нормы в орфографии ничем не отличаются от сценариев установления и функционирования морфологических и др. языковых норм. Это еще раз показывает, что письмо не является и не может являться «одеждой языка», вотчиной кодификаторов.

Тем не менее нормализаторы, будучи одним из факторов развития этой системы, сознательно формируют свою политику управления письмом, опираясь на выявленные закономерности саморазвивающейся системы в системной и асистемной областях. Степень влияния нормализатора на асистемные области зависит от степени организованности этих областей: чем больше степень самоорганизации, тем легче ее установить, поддерживать и направлять.

Список литературы

Глазков А. В. Правила о разделительных и неразделительных знаках в «нормативной» и «ненормативной» орфографии // Русский язык в школе. 1995. № 1.

Некипелова И. М. Организация, самоорганизация и дезорганизация языковой системы: Механизмы оптимизации языка и речи (синергетический аспект). Москва; Ижевск, 2014.

Пиотровский Р. Г. О лингвистической синергетике // Научно-техническая информация. Сер. 2. М., 1966. № 12.

Правила русской орфографии и пунктуации. М.: Учпедгиз, 1956.

Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М., 1980.

Köhler R. Synergetic linguistics // Theoretical Linguistics. 1987. Vol. 14, N 2–3. P. 241–257.

Wildgen W. Basic principles of self-organization in language // Synergetics Cognition / Ed. by H. Haken, M. Stadler. Berlin: Springer Verl., 1990. P. 415–426.

Список словарей

БАС – Большой академический словарь русского языка. СПб., 2004.

РОС 1999 – Русский орфографический словарь: Ок. 160 000 слов / Под ред. В. В. Лопатина. М., 1999.

РОС 2005 – Русский орфографический словарь: Ок. 180 000 слов. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2005.

РОС 2012 – Русский орфографический словарь: Ок. 200 000 слов. 4-е изд., испр. и доп. / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. М., 2012.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2007.

Ефремова – *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. Т. 1. М., 2006.

E. V. Beshenkova

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS, Moscow, Russian Federation
ruslang@ruslang.ru

Variants, usual way of writing, codification and policy of orthographists

We consider the written way of communication as a self-developing system. The development of such a system is due both to a number of objective factors and to the subjective factor, a codifier activity. We define what should be the policy of codificators today, their attitude to-

wards orthographic variants. The policy depends on the type of the causes of variability. Variants can be the results of double interpretations of linguistic components, the tendency to unification and differentiation, neutralization of systems dichotomy, system's asymmetry. Only in the case of neutralization, is it expedient to codify variants, marking their preference.

Keywords: orthography, standard usage, codification, policy of codificators.

DOI 10.17223/18137083/56/3

References

Glazkov A. V. Pravila o razdelitel'nykh i nerazdelitel'nykh znakakh v «normativnoy» i «nenormativnoy» orfografii [The rules of separators and non-separators symbols in «normative» and «non-normative» orthography]. *Russkiy yazyk v shkole,* 1995, no. 1.

Nekipelova I. M. *Organizatsiya, samoorganizatsiya i dezorganizatsiya yazykovoy sistemy: Mekhanizmy optimizatsii yazyka i rechi (sinergeticheskiy aspekt)* [Organization, self-organization and disorganization of the language system: Mechanisms of optimization of language and speech (synergistic aspect)]. Moskva, Izhevsk, 2014.

Piotrovskiy R. G. *O lingvisticheskoy sinergetike. Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya* [About linguistic synergy. Scientific and technical information]. Pt 2, no. 12, Moscow, 1966.

Pravila russkoy orfografii i punktuatsii [Russian rules of orthography and punctuation]. Moscow, Ucpedgiz, 1956.

Shvedova N. Yu. (ed.) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1, Moscow, 1980.

Köhler R. *Synergetic linguistics. Theoretical Linguistics.* 1987, vol. 14, no. 2–3, pp. 241–257.

Wildgen W. *Basic principles of self-organization in language. Synergetics Cognition.* Ed. by H. Haken, M. Stadler. Berlin: Springer Verl., 1990, pp. 415–426.

Dictionaries

Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka [Large academic dictionary of Russian language]. St. Petersburg, 2004.

Lopatin V. V. (ed.) *Russkiy orfograficheskiy slovar': Ok. 160 000 slov* [Russian orthography dictionary: about 160,000 words]. Moscow, 1999.

Lopatin V. V. (ed.) *Russkiy orfograficheskiy slovar': Ok. 180 000 slov* [Russian orthography dictionary: about 180,000 words]. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, 2005.

Lopatin V. V., Ivanova O. E. (eds.) *Russkiy orfograficheskiy slovar': Ok. 200 000 slov* [Russian orthography dictionary: about 200,000 words]. 4-e izd., ispr. i dop. Moscow, 2012.

Shvedova N. Yu. (ed.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of Russian language including information about the origin of words]. Moscow, 2007.

Efremova T. F. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka v 3 t.* [Modern explanatory dictionary of Russian language in 3 volums]. Vol. 1, Moscow, 2006.

УДК 811.161.1, 81’35
DOI 10.17223/18137083/56/4

Е. В. Арутюнова [1], **В. М. Пахомов** [2]

[1] *Российский государственный гуманитарный университет, Москва*
[2] *Справочно-информационный портал «Грамота.ру», Москва*

Намучились с «мерились». К вопросу о допустимом и недопустимом в орфографии

Статья посвящена нормативной оценке глагольных вариантов *мерить*(*ся*) – *мерять*(*ся*) и *мучить*(*ся*) – *мучать*(*ся*) в инфинитиве, личных формах и формах прошедшего времени. На основе анализа кодифицирующих источников и практики письма делается вывод о несоответствии вариантов *мерять*(*ся*) и *мучать*(*ся*) орфографической норме и объясняется решение экспертного совета Тотального диктанта считать эти варианты ошибочными. По мнению авторов статьи, решение подобных вопросов связано с общей проблемой допустимости вариантов в орфографии.

Ключевые слова: орфография, кодификация, норма, вариативность, критерии оценки грамотности, Тотальный диктант.

В 2016 г. участникам международной образовательной акции «Тотальный диктант» был предложен текст А. А. Усачёва «Этот древний-древний-древний мир!». В третьей части текста («Вкратце об истории Олимпийских игр»), которую писали в европейской части России, встретилось следующее предложение: *Чтобы богатые не побеждали бедных только оттого, что их спортинвентарь лучше, все атлеты мерились силой и ловкостью обнажёнными*. Написание глагола *мерились* вызвало множество вопросов как у писавших Тотальный диктант, так и у филологов, задействованных в проверке диктанта. Один из самых частых вопросов к экспертной комиссии Тотального диктанта: допустимо ли написание *мерялись*? Остроту вопросу добавляло то обстоятельство, что во многих случаях

Арутюнова Елена Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры медиаречи Института массмедиа Российского государственного гуманитарного университета (Миусская пл., 6, Москва, 125993, Россия; arutyunova.elena@gmail.com)

Пахомов Владимир Маркович – кандидат филологических наук, главный редактор справочно-информационного интернет-портала «Грамота.ру» (ул. Пятницкая, 25/1, Москва, 115326, Россия; vmpakhomov@gmail.com)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© Е. В. Арутюнова, В. М. Пахомов, 2016

решение о допустимости / недопустимости варианта с *я* влияло на оценку писавших диктант.

По отношению к варианту *мерялись* орфографическое правило формулируется однозначно: «В глаголах *мерить* и *мучить* (и в производных от них глаголах), имеющих, кроме личных форм типа *мерю*, *меришь*, *мерят*, *мучу*, *мучишь*, *мучат*, допустимые вариантные формы типа *меряю*, *меряешь*, *меряют*, *мучаю*, *мучаешь*, *мучают*, в инфинитиве перед *-ть* и в формах, сохраняющих основу инфинитива, пишется только буква *и*: *мерил*, *отмерив*, *замучила* и т. п. (такие написания, как *мерять*, *мерял*, *мучать*, *мучал*, *отмеряв*, *замучавшись*, не соответствуют современной орфографической норме)» [Правила…, 2013, с. 73]. Аналогичное указание находим в [Бешенкова, Иванова, 2011]. Варианты с *и* приведены как единственно возможные и в 4-м издании «Русского орфографического словаря» под ред. В. В. Лопатина и О. Е. Ивановой: «мерить(ся)... прош. мерил(ся), -ила(сь)» [РОС 2012]. Вариант *мерялся*, *мерялась*, *мерялись* не указывается в качестве допустимого ни в этом, ни в других нормативных орфографических словарях.

Но те, кто писал и проверял диктант, приводили такие аргументы в пользу написания с *я*:

1. В словарях даются как допустимые варианты *меряюсь*, *меряется*. Если можно писать *меряюсь*, почему нельзя *мерялся*, *мерялись*? Почему разрешение употреблять формы с *я* не распространяется на прошедшее время?

2. Как известно, прошедшее время глагола образуется от основы инфинитива с сохранением той гласной, что была перед суффиксом инфинитива, и никак не зависит от принадлежности глагола к I или II спряжению: *обидеть – обидел*, *слышать – слышал*, *сеять – сеял* [Розенталь и др., 2010, с. 72]. Некоторые словари фиксируют форму инфинитива *меряться*, следовательно, допустимо и *мерялся*.

Разберем эти вопросы подробно.

Как соотносятся варианты личных форм настоящего времени *мерю*(*сь*), *мерит*(*ся*) – *меряю*(*сь*), *меряет*(*ся*)?

Глагол *мерить* относится к десятому словоизменительному классу [Русская грамматика, 1980, § 1571]. Глаголы этого класса, оканчивающиеся в инфинитиве на безударное *-ить*, при образовании форм взаимодействуют с глаголами первого словоизменительного класса на *-ать*. «Русская грамматика» указывает, что «в употреблении могут не различаться формы гл. *лазить* (кл. X, 1) и *лазать* (кл. I, 1); *мучить* (кл. X, 1) и *мучать* (кл. I, 1) (*мучит* и *мучает*); *мерить* (кл. X, 1) и *мерять* (кл. I, 1; устар.): *По Кавказу лазаем* (Пастерн.); *Из трав готовят эликсиры И звезды меряют в ночи* (Забол.)» [Там же].

А. И. Кайдалова и И. К. Калинина называют варианты с *я* просторечными: «Литературные глаголы *мерить*, *домерить*, *померить*, *смерить* спрягаются по II спряжению (*мерю*, *меришь*, *мерит*, *мерим*, *мерите*, *мерят*), а просторечные глаголы *мерять*, *домерять*, *померять*, *смерять* – по I спряжению (*меряю*, *меряешь*, *меряет*, *меряем*, *меряете*, *меряют*)» [Кайдалова, Калинина, 1976, с. 55]. В то же время в 9-м издании «Словаря русского языка» С. И. Ожегова, вышедшем в те же годы, формы с *я* названы не просторечными, а разговорными [Ожегов, 1972].

Иную нормативную оценку находим в современных изданиях, например в «Словаре трудностей русского языка» [Еськова, 2014]: «Глагол *мучить* имеет следующую строго нормативную систему форм настоящего времени, а также причастий и деепричастия: *мучу*, *мучит*, *мучат*, *мучь*, *мучащий*, *мучимый*, *муча.* Такую же систему форм имеет глагол *мерить*: *мерю*, *мерит* и т. д. Наряду с этим существует другая система форм, уже настолько широко распространившаяся в употреблении, что ее можно считать допустимым вариантом нормы: *мучаю*,

мучает, *мучай*, *мучающий*, *мучаемый*, *мучая*; также от *мерить*: *меряю*, *меряет* и т. д. Соответствующие варианты есть у всех приставочных глаголов» [Еськова, 2014, с. 513–514].

В «Большом академическом словаре русского языка» варианты, соответствующие первому словоизменительному классу, названы разговорными: «МЕРИТЬ, рю, ришь и (*разг.*) ряю, ряешь» [БАСРЯ, т. 10].

Таким образом, нормативные словари русского языка признают предпочтительными формы *мерю*, *меришь*, *мерит* и т. д. Оценка второго ряда форм (с *я*) смягчилась: от колебания между «просторечное» и «разговорное» к колебанию «разговорное» – «допустимый вариант нормы».

Какова нормативная оценка инфинитива *меряться*?

Форма инфинитива *меряться* приводится в некоторых словарях русского языка. Такую фиксацию можно найти, например, в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой [СРЯ], в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова [БТСРЯ]. В обоих изданиях эта форма инфинитива сопровождается парадигмой настоящего времени *меряюсь*, *меряешься*, в обоих словарях она дана с пометой «разг.» (разговорное).

В то же время другие издания, допускающие варианты с *я* в личных формах, не делают такого допущения для инфинитива. В «Большом академическом словаре русского языка» варианты *мерять*, *меряться* названы устаревшими; как указывалось выше, такую же оценку варианту с *я* дает и «Русская грамматика». «Словарь трудностей русского языка» Н. А. Еськовой, называющий личные формы с *я* «допустимым вариантом нормы», вариант с *я* в неопределенной форме запрещает: «У инфинитива и связанных с ним по образованию форм нет оснований признавать варианты типа **мучать*, **замучал*, **измучавший*, **помучав*, **смерял*, **померявший* и т. д. От форм *мучить*, *замучил* и т. д. они отличаются только написанием (в произношении разницы нет). Эти написания не узаконены орфографическим словарем и проникают в печать вопреки ему. Так как они не имеют и морфологического оправдания, следует избегать их, т. е. строго следовать при написании подобных форм указаниям орфографического словаря» [Еськова, 2014, с. 514]. Как сказано выше, прямой запрет на формы с *я* в инфинитиве содержится в [Правила…, 2013] и [Бешенкова, Иванова, 2011].

Таким образом, лишь в некоторых словарях (главным образом, толковых) фиксируется вариант *меряться*, причем с пометой «разговорное» и лишь как «матка» для личных форм с *я.* В других словарях и, главное, в сводах орфографических правил на употребление такого варианта наложен прямой запрет. Иными словами, формы инфинитива *мерять*, *меряться* не являются нормативными для книжно-письменной формы современного русского литературного языка.

Почему формы с *я* допустимы в настоящем времени, но запрещены в инфинитиве и в прошедшем времени?

Причины такой избирательности изложены в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка. Фактически в русском языке имеются глаголы-варианты *мучить*, *мерить* и *мучать*, *мерять*. «Однако **ради унификации орфографии** от глаголов второго типа признаются допустимыми только те формы, которые фонетически отличны от соответствующих форм глаголов первого типа, а именно формы наст. (буд.) времени». [Зализняк, 2008, с. 142] (выделено нами. – *Е. А.*, *В. П.*). Иными словами, в целях единообразного написания глаголы *мучать* и *мерять* в некотором смысле «приносятся в жертву»: варианты *мучаю*, *мучаешь*, *мучает*; *меряю*, *меряешь*, *меряет* допускаются, так как они отличаются по зву-

чанию от форм глаголов *мучить*, *мерить*. А вот в прошедшем времени – только *мучил*, *мерил*. Варианты *мучал*, *мерял* не допускаются, так как по звучанию они почти не отличаются от *мучил*, *мерил*.

Принимая во внимание изложенные выше обстоятельства и руководствуясь рекомендациями словарей и справочников, экспертный совет Тотального диктанта принял решение считать вариант *мерялись* в тексте диктанта 2016 г. орфографической ошибкой. Однако споры, вызванные этим решением, несогласие (в том числе со стороны преподавателей русского языка) с решением экспертного совета – повод сказать несколько слов об орфографической вариативности. Разумеется, в данной статье невозможно привести все доводы за и против допустимости орфографических вариантов, это тема отдельного исследования [1]. Но представляется любопытным проанализировать соотношение вариантов *мерились* / *мерялись*, отталкиваясь от противопоставления Е. В. Бешенковой и О. Е. Ивановой вариантов кодификации, нормативных и узуальных вариантов: «Варианты нормативные – это устойчивая вариативность написаний во всех типах текстов (она может допускаться кодификацией или противоречить ей). Варианты могут быть не закреплены кодификацией, но присутствовать в узусе, быть в узусе распространенными, типичными, свойственными всем типам текста, то есть принадлежать норме. Определяя норму как “исторически сложившуюся систему единообразных написаний”, мы подразумеваем включение в норму и устойчивых колебаний в написании. Однако эти колебания должны встречаться во всех типах текстов. Если же они неустойчивы или встречаются не во всех типах текстов, то мы говорим об узуальных вариантах» [Бешенкова, Иванова, 2016, с. 67].

Если нормативные словари и справочники содержат прямой запрет на написание *я* в формах прошедшего времени, то необходимо установить, насколько устойчивыми являются колебания типа *мерились* / *мерялись* в практике письма. Присутствуют ли, вопреки кодификации, эти варианты в узусе, являются ли распространенными, типичными, свойственными всем типам текста?

Практика письма, по данным Национального корпуса русского языка [2], пока не дает оснований считать нормативными варианты *мериться* / *меряться* и под. Так, глагол *мерить* в прошедшем времени встречается в 642 документах, в то время как *мерять* употребляется лишь в 80, что составляет соотношение примерно 8 к 1. Возвратный глагол *мериться* (*меряться*) употребляется значительно реже и соотношение *и* / *я* в нем иное, но и здесь лидирует вариант с *и*, который встречается в 31 документе. Вариант с *я* – в 18.

Для методики преподавания орфографии значимо, что и для возвратного, и для невозвратного глаголов наиболее ошибкоопасными формами, т. е. формами, в которых *я* встречается чаще, чем в других, являются единственное число мужского рода и множественное число. Однако совокупно даже в этих формах *и* к *я* относится примерно как 5 к 1 (в абсолютных числах 430 документов к 93).

Невозможность отнести варианты типа *мерились* / *мерялись* к нормативным, однако, не снимает двух принципиальных вопросов, поставленных в ходе дискуссии об этих глаголах. Первый вопрос лежит в области нормализации орфографии и политики орфографистов: допустимо ли (необходимо ли) кодифицировать нормативные орфографические варианты? Второй – лежит в сфере методики препо-

[1] Ср.: «Идея “допуска” в орфографии, – опять-таки в отличие от самого языка, разрешающего широкий выбор форм и конструкций, – неприемлема» [Иванова, 1963, с. 19] и «…орфография, состоящая сплошь из вариантных написаний, перестает быть орфографией. Но иногда вариативность необходима, и именно в тех случаях, когда она отражает промежуточные, неустойчивые явления в языке», норма «будет двухступенчатой: она включит рекомендуемое и допустимое» [Панов, 1963, с. 90].

[2] Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/ (дата обращения 03.07.2016).

давания, которая занимается, среди прочего, и выработкой критериев оценки: если варианты являются нормативными, но при этом один из них противоречит кодификации, следует ли считать неразрешенный, но обусловленный языковой системой и потому активно функционирующий в речи вариант ошибкой?

В заключение отметим интересный факт. Общеизвестно, что «широкая общественность... часто требует искоренения вариативности» [Горбачевич, 1978, с. 3]. Особенно ярко это проявляется в орфографии: и филологи и нефилологи, как правило, отрицательно воспринимают предложения допустить двойственные написания [Арутюнова, 2015]. Однако при столкновении с конкретной проблемой (когда в диктанте была допущена одна ошибка – на слово *мерились*, влиявшая на оценку) многие участники акции «Тотальный диктант» настаивали на признании запрещенного варианта *мерялись* допустимым, т. е. в отношении этого конкретного слова придерживались прямо противоположной позиции.

Список литературы

Арутюнова Е. В. Реформы русской орфографии и пунктуации в советское время и постсоветский период: Лингвистические и социальные аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.

Бешенкова Е. В., *Иванова О. Е.* Русское письмо в правилах с комментариями. М.: Азбуковник, 2011.

Бешенкова Е. В., *Иванова О. Е.* Теория и практика нормирования русского письма. М.: Лексрус, 2016.

Горбачевич К. С. Вариативность слова и языковая норма. Л.: Наука, 1978.

Иванова В. Ф. О русской орфографии и путях повышения грамотности // Русский язык в школе. 1963. № 1. С. 19–26.

Кайдалова А. И., *Калинина И. К.* Современная русская орфография. 3-е изд., испр. М.: Просвещение, 1976.

Панов М. В. Об усовершенствовании русской орфографии // Вопросы языкознания. 1963. № 2. С. 81–93.

Правила русской орфографии и пунктуации: Полн. акад. справ. / Под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ-Пресс книга, 2013.

Розенталь Д. Э., *Джанджакова Е. В.*, *Кабанова Н. П.* Справочник по русскому языку: Правописание, произношение, литературное редактирование. 7-е изд. М.: Айрис-пресс, 2010.

Русская грамматика: В 2 т. / АН СССР. Ин-т русского языка. Т. 1. М.: Наука, 1980.

Список словарей

БАСРЯ – Большой академический словарь русского языка. Т. 10: Медяк – Мячик / Ред. Л. И. Балахонова и др.; Рос. акад. наук. Ин-т лингвистических исследований. М.; СПб.: Наука, 2008.

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов; Рос. акад. наук. Ин-т лингвистических исследований. СПб.: Норинт, 2014.

Еськова Н. А. Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2008.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 9-е изд., испр. и доп. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Сов. энцикл., 1972.

РОС 2012 – Русский орфографический словарь РАН. 4-е изд., испр. и доп. / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. М.: АСТ-Пресс книга, 2012.

СРЯ – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой; Рос. акад. наук. Ин-т лингвистических исследований. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.

E. V. Arutyunova [1], **V. M. Pakhomov** [2]

[1] *Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation*
arutyunova.elena@gmail.com
[2] *'Gramota.ru' portal, LLC, Moscow, Russian Federation*
vmpakhomov@gmail.com

To the question of the appropriate and the inappropriate in orthography

The article is devoted to the normative assessment of the verbal variants *мерить*(*ся*) – *мерять*(*ся*) and *мучить*(ся) – *мучать*(*ся*) in the infinitive form, personal forms, and forms of the past tense. The conclusion that the variants *мерять*(*ся*) and *мучать*(*ся*) are inconsistent with the orthographic norm is made on the basis of the analysis of codifying sources and writing practice; therefore, the Council of Experts of the «Total dictation» has decided to consider these variants as incorrect. According to the authors of the article, the resolution of such matters is related to the general problem of the appropriate variability in orthography.

Keywords: orthography, codification, norm, variability, literacy assessment criteria, Total dictation.

DOI 10.17223/18137083/56/4

References

Arutyunova E. V. *Reformy russkoy orfografii i punktuatsii v sovetskoe vremya i postsovetskiy period: lingvisticheskie i sotsial'nye aspekty*. Diss. kand. filol. nauk [The Reforms of Russian orthography and punctuation in the Soviet period and post-Soviet period: linguistic and social aspects. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2015.

Beshenkova E. V., Ivanova O. E. *Russkoe pis'mo v pravilakh s kommentariyami* [Russian writing in the rules and comments]. Moscow, Izdatel'skiy tsentr «Azbukovnik», 2011.

Beshenkova E. V., Ivanova O. E. *Teoriya i praktika normirovaniya russkogo pis'ma* [Theory and practice of standardizing of the Russian writing]. Moscow, LEKSRUS, 2016.

Gorbachevich K. S. *Variativnost' slova i yazykovaya norma* [Variability of speech and language norm]. Leningrad, Nauka, 1978.

Ivanova V. F. O russkoy orfografii i putyakh povysheniya gramotnosti [On Russian spelling and ways of literacy increase]. *Russkiy yazyk v shkole*, 1963, no. 1, pp. 19-26.

Kaydalova A. I., Kalinina I. K. *Sovremennaya russkaya orfografiya* [Modern Russian orthography]. Izd. 3-e, ispr., Moscow, Prosveshchenie, 1976.

Lopatin V. V. (ed.) *Pravila russkoy orfografii i punktuatsii: Polnyy akademicheskiy spravochnik* [Rules of Russian orthography and punctuation: Complete academic reference book]. Moscow, AST-PRESS KNIGA, 2013.

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. Available at: http://www.ruscorpora.ru/ (accessed 03.07.2016).

Panov M. V. Ob usovershenstvovanii russkoy orfografii [On the improvement of Russian spelling]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1963, no. 2, pp. 81-93.

Rozental' D. E., Dzhandzhakova E. V., Kabanova N. P. *Spravochnik po russkomu yazyku: pravopisanie, proiznoshenie, literaturnoe redaktirovanie* [Handbook of Russian language: spelling, pronunciation, literary editing], 7-e izd., Moscow, Ayris-press, 2010.

Russkaya grammatika v 2 t. [Russian grammar in 2 volumes]. Vol. 1, Moscow, Nauka, 1980.

Dictionaries

Balakhonova L. I. etc. (eds). *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka. T. 10: Medyak-Myachik* [The big academic dictionary of the Russian language. Vol. 10: *Medyak-Myachik*]. Moscow, St. Petersburg, Nauka, 2008.

Es'kova N. A. *Slovar' trudnostey russkogo yazyka. Udarenie. Grammaticheskie formy* [Dictionary of Russian language difficulties. The emphasis. Grammatical forms]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014.

Evgen'eva A. P. (ed) *Slovar' russkogo yazyka v 4 t* [Dictionary of Russian language in 4 vols]. Moscow, Russky yazyk, Poligrafresursy, 1999.

Kuznetsov S. A. (ed*.). Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of Russian language]. St. Petersburg, Norint, 2014.

Lopatina V. V., Ivanova O. E. (eds). *Russkiy orfograficheskiy slovar' RAN* [Russian spelling dictionary of RAS]. 4-e izd., ispr. i dop., Moscow, AST-PRESS KNIGA, 2012.

Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka.* Pod red. N. Yu. Shvedovoy [Dictionary of Russian language)]. Shvedova N. Yu. (ed.). Izd. 9-e, ispr. i dop. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1972.

Zaliznyak A. A. *Grammaticheskiy slovar' russkogo yazyka* [Grammatical dictionary of Russian language]. Moscow, AST-Press, 2008.

УДК 811.161.1’35
DOI 10.17223/18137083/56/5

О. А. Булгакова, **Э. С. Денисова**, **М. Г. Чабаненко**

Кемеровский государственный университет

Метаязыковая рефлексия как экспликатор выбора орфографического варианта

Статья посвящена проблеме определения границ орфографической нормы и описания вариантов ее реализации в письменной практике. Цель статьи – выявить случаи орфографической вариативности в современном русском языке с точки зрения их частотности и причин предпочтения выбора того или иного варианта носителями языка, разработать типологию орфографических вариантов. Метаязыковая рефлексия, сопровождающая ответы участников экспериментального исследования (материалом для которого послужили предложения из Национального корпуса русского языка, содержащие лексемы с вариативным написанием), позволяет определить приоритетность орфографического варианта, выявить наиболее актуальные стратегии и средства, используемые носителями языка для объяснения своего выбора, установить языковые механизмы, формирующие орфографическую норму. Проведенное исследование раскрывает возможные пути развития орфографической нормы, позволяет отразить конкуренцию «новых» и «старых» орфографических вариантов в языке и глубже понять причины ошибок, допускаемых обучающимися.

Ключевые слова: метаязыковая рефлексия, метаязыковое сознание, обыденное сознание, орфографическая норма, орфографический вариант.

Обращение к проблеме орфографической вариативности мотивировано современной волной интереса к развитию грамотности, для проверки которой существуют различные формы: от единого государственного экзамена (ЕГЭ) до всемирной культурно-образовательной акции «Тотальный диктант».

Булгакова Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия; bulgakova.o.a@yandex.ru)

Денисова Эльвира Степановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия; elvdenisova@yandex.ru)

Чабаненко Марина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия; kemsu@list.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© О. А. Булгакова, Э. С. Денисова, М. Г. Чабаненко, 2016

В рекомендациях по проверке письменной работы экспертами ЕГЭ отмечается, что на оценку грамотности не должны влиять (исправляются, но не учитываются):

- нарушения правил, не включенных в школьную программу или обусловленных явлениями языковой переходности, ср.: *дон Педро* и *Дон Кихот*, *плейер* и *плеер*, *рождество* и *Рождество*;
- выбор школьниками одного из двух написаний, предусмотренных правилами и словарями, например: *бивак* и *бивуак*, *фортепьяно* и *фортепиано*, *травмопункт* и *травмпункт*, *тоннель* и *туннель*, *двускатный* и *двухскатный* [Цыбулько и др., 2015, с. 37–38].

Вопросы кодификации норм правописания активно обсуждались и на IV Международной научно-практической конференции Тотального диктанта в феврале 2016 г. в Новосибирске, где рассматривались проблемы динамики, вариативности и кодификации нормы в соответствии с языковой системой (о вариативности ортологических норм более подробно см.: [Культура речевого общения, 2014]).

Однако довольно часто мы сталкиваемся с орфографическими ошибками в текстах официально-деловых документов, объявлениях, вывесках. Например, в тексте плаката, расположенного на площади Советов в Ледовом городке г. Кемерово, ставится акцент на содержании, а не на форме языковых знаков:

– Я не смогу к тебе придти
И в школу не приду.
– Но что случилось? Расскажи!
– Прийти могу.
Приду.

В результате такой подачи материала в памяти ребенка остается ошибочный зрительный образ.

Частотны и ошибки в текстах частных объявлений: *Кладу плитку, мозайку, камень. Обкладываю печи, камины. БЕЗ ПОСРЕДНИКОВ.*

Тем не менее орфографические варианты можно расценивать как естественный способ стремления орфографической нормы к последующей унификации – сохранению только одного варианта из нескольких, что доказывают такие примеры из истории языка, как *галлерея* (устар.) и *галерея*, *придти* (устар.) и *прийти*, которые находят письменное отражение и в современном городском ландшафте. Так, вывеска на фронтоне здания Государственной Третьяковской галереи сохранила свой исторический и орфографический облик: *Московская городская художественная галлерея имени Павла Михайловича и Сергея Михайловича Третьяковых*.

Рассмотрим, как оцениваются орфографические варианты носителями языка и насколько их обыденное сознание отражает языковые механизмы, формирующие орфографическую норму. Под орфографическими вариантами нами понимаются разновидности написания одного и того же слова, тождественные по значению, частеречной принадлежности и / или истории происхождения.

Опираясь на сформулированный Н. Д. Голевым тезис о том, что метаязыковое сознание является важнейшим компонентом речевой деятельности, обеспечивающим «освоение ее механизмов в процессе онтогенеза языковой личности и дальнейшего их совершенствования» [Голев, 2009, с. 379], мы провели ряд экспериментов, позволяющих установить причины выбора носителями языка орфографических вариантов в зависимости от определенных контекстов.

Под метаязыковой рефлексией вслед за Т. Ю. Кузнецовой мы понимаем «деятельность метаязыкового сознания говорящего, проявляющуюся в различных формах, а именно в оценочных высказываниях и суждениях, вербализованных и невербализованных представлениях о языке, а также при продуцировании тек-

стов и при их восприятии в виде различного рода толкований» [Кузнецова, 2012, с. 10].

Цель экспериментальной части нашего исследования состоит в выявлении и описании метаязыковых стратегий, объясняющих особенности выбора написания слова определенной языковой личностью – школьником или студентом. Информантами выступили учащиеся 11-х классов гимназий г. Кемерово и студенты 1-2-х курсов Кемеровского государственного университета.

В качестве объекта метаязыковой рефлексии выступает слово, точнее, его графическое оформление, при этом метаязыковая рефлексия информантов проявляется преимущественно в комментариях, а также в отдельных словах, оценочных высказываниях и реакциях, иллюстративном материале.

Отбор языковых единиц для проведения эксперимента проходил в соответствии с разработанной нами типологией орфографических вариантов по следующим критериям:

1. По отношению к орфографической норме.

Нормативные варианты – пары слов, написание которых различается, но является нормативным; представлены в словарях через союз *и*. Например, одинаково допустимы варианты *калоши* и *галоши*; *матрас* и *матрац*; *ноль* и *нуль*; *средина* и *середина*; *строгать* и *стругать*; *тоннель* и *туннель*; *тоннельный* и *туннельный*; *фортепиано* и *фортепьяно*. Написание таких слов во многих контекстах является взаимозаменяемым, однако некоторые из них имеют различия на уровне сочетательных способностей, ср.: *ноль часов – свести всё к нулю.* Исследователи отмечают, что «в синонимическом единоборстве пары *калоша – галоша* победило слово *галоша*» [Москвин, 2004, с. 120], однако в устойчивом выражении пишут *сесть в калошу*.

Ненормативные варианты – пары слов, написание одного из которых является ошибочным, то есть запрещенным орфографической нормой. Например: *галерея – **галлерея***; *колдобина – **калдобина***; *матрасный – **матрацный***; *мозаика – **мозайка***; *нулевой – **нолевой***; *прийти – **придти***; *файл – **фаил*** [1]. Стоит отметить, что написание большинства из них – *галлерея*, *калдобина*, *матрацный*, *нолевой*, *придти* – является устаревшим.

2. По отношению к функционально-стилевой закрепленности.

Нормативно-стилистические варианты – пары слов, одинаковые по значению, но разные по стилистической окраске, написание которых ограничено определенной сферой употребления. Такие слова имеют в словарях пометы «спец.», «мед.», «поэт.», «юрид.», например: *шпатлёвка (спец. к шпаклёвка)*; *шпатлевать (спец. к шпаклевать).*

Вариант написания *свиданье*, как и все неполногласные формы, заметно тяготеет к стихотворным и разговорным контекстам и «потому в контекстах официальных, официально-деловых неприемлем» [Москвин, 2004, с. 85]. В предложенном для анализа информантам поэтическом отрывке замена слова вариантом, отличающимся количеством слогов или местом ударения, может разрушить ритмическую структуру стиха, ср.: *Что значит смерть? За сладкий миг свиданья Безропотно отдам я жизнь* (А. С. Пушкин. Каменный гость).

3. По отношению к выражаемому словом значению.

Нормативно-семантические варианты – пары слов, отличающиеся по написанию и значению, но имеющие общее происхождение. Так, пары *варение – варенье* образованы от глагола *варить*, а *печение – печенье* и *сидение – сиденье* от глаголов *печь* и *сидеть* соответственно. Данные пары обозначают действие и результат этого действия. Пары слов *глава – голова* и *воскресенье – воскресение* сейчас разошлись в значениях, но связаны общей историей происхождения. В не-

[1] В парах выделены ненормативные варианты написания.

которых работах такие варианты относят к этимологическим [Лавриненко, 2013, с. 82].

Особое место в нашем материале занимают орфографические варианты, в которых выбор строчной или прописной буквы, с одной стороны, зависит от определения их смысла пишущим, с другой стороны, связан с особым стилистическим употреблением: *Отечество – отечество*, *Псалтырь – псалтырь – Псалтирь – псалтирь*. В академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации» отмечается, что с прописной буквы могут писаться некоторые нарицательные существительные в контекстах, где им приписывается особый высокий смысл: *Родина*, *Отечество*, *Отчизна*, *Свобода*, *Добро*, *Честь*, *Человек*, *Учитель*, *Мастер* и т. п. [ПАС, 2007, с. 166–167]. Также с прописной буквы пишутся слова, связанные с религией, например названия культовых книг: *Библия*, *Священное Писание* (*Писание*), *Евангелие*, *Пятикнижие*, *Ветхий Завет*, *Новый Завет*, *Псалтырь* и т. д. Однако в переносном смысле такие слова, как *библия* (‘главная книга для кого-н.’), *евангелие* (‘правила, служащие руководством для чьих-н. действий, поведения’), *псалтырь* (‘сборник псалмов для чтения вслух’) пишутся со строчной буквы [Там же, с. 187].

В качестве источника исследования были использованы предложения из Национального корпуса русского языка [2], структура которых содержит вышеприведенные орфографические варианты.

В ходе эксперимента информантам были предложены следующие задания и вопросы:

1. Из слов, данных в скобках, подчеркните правильный вариант / варианты.

2. Объясните, чем обусловлено наличие в языке данных вариантов и чем они отличаются.

Анализ исследуемого материала позволил выявить следующие метаязыковые стратегии и средства их выражения, использованные носителями языка для объяснения выбора того или иного варианта.

1. **Стратегия фонетического анализа** предполагает, что выбор написания слова обусловлен факторами его благозвучия или удобопроизносимости для говорящего/пишущего. Маркерами данной стратегии, как правило, выступают грамматические средства оформления текста – сравнительная степень прилагательных (*лучше*, *проще*) + глагол / отглагольное существительное, ср. ответы информантов:

лучше звучит: *мозайка*, *Псалтырь*, *свидания*, *середина*, *тоннель*;

проще для произношения: *свидание*, *свиданья*;

матрас – лучше звучит, чем *матрацы*;

фортепьяно – проще для произношения в повседневной речи.

Данная стратегия преобладает в ответах студентов. Некоторые их комментарии оформлены в духе традиции Л. В. Щербы, который впервые сформулировал сущность и значение для языкознания «отрицательного языкового материала», имеющего в словарях помету «так не говорят» [Щерба, 1974, с. 24], ср.: *средина* – так говорят, но не пишут.

2. **Стратегия мотивационного анализа** предполагает, что выбор написания слова связан с установлением соотношения между ним и однокоренными или производящими единицами. Основным маркером данной стратегии выступает употребление конструкции «предлог *от* + существительное / глагол в начальной форме», ср.:

варение – от глагола *варить* (2) [3];

[2] Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/ (дата обращения 25.01.2016).

[3] В скобках даны цифры, отражающие повторяющиеся ответы информантов.

воскресение – от *воскрешать*;

нолевой – от *ноль*;

нулевой – от *нуль*;

стругать – проверить *стружка*, остатки того, что стругают, корень *струг*, *струж*;

туннельный – от слова *туннель* (4);

шпатлёвка – от *шпа**т**ель* (в анкете выделен корень *шпатл*, подчеркнуто *т*);

разговорное – *шпаклёвка*, *шпатлёвка* – *шпа**т**ель* (в анкете подчеркнуто *т*);

фортепиано – ср. *пианино* – производящее слово, имеет один корень с *пианино*.

Данная стратегия преобладает и в ответах школьников, и в ответах студентов при объяснении написания производных единиц.

3. **Стратегия морфологического анализа** предполагает, что выбор написания слова связан с установлением его грамматической принадлежности и / или описанием грамматического значения, ср.:

варенье – существительное, по значению;

варение – глагол (например, *варение грибов*) и *варенье* – существительное (*малиновое варенье*);

воскресение – существительное от глагола *воскреснуть* ‘оживить’ и существительное – день недели;

воскресение – отглагольное существительное;

все зависит от контекста: *воскресенье* – день недели и более привычно как существительное, *воскресение* – глагол и в контексте нужно это слово;

матрасный – в прилагательном употребляется только один верный вариант – *матрасный*;

ноль – нолевая отметка, слово *ноль* обычно не склоняется, для варианта со склонением используют слово *нуль*, при склонении *о* заменяется на *у*;

печенье – это результат, это существительное, по контексту это ‘еда, выпечка’;

свиданья – правильно *свиданье*, так как это существительное обозначает кратковременный период увиденного, а *свидание* подразумевает более продолжительный период времени (синоним слова *встреча*);

сидение – это существительное от глагола *сидеть*, поэтому оно не подходит, так как в некоторой степени обозначает процесс, действие, вид деятельности; *сидение* – процесс, действие.

Данная стратегия активно использовалась школьниками и студентами при выборе написания отглагольных существительных.

4. Обращение к **стратегии стилистического анализа** предполагает выбор написания слова с опорой на один из следующих факторов:

а) стилистический фактор – указание на значимость стилистической окраски слова (функционально-стилевой или эмоционально-экспрессивной закрепленности), ср.:

воскресение – церковно-славянское слово, а *воскресенье* – разговорный вариант;

глава – стилистически верное употребление;

калдобина – просторечное слово, диалектное слово;

калоша – книжный, литературный вариант, *галоша* – разговорный;

отечество – родина, не возвышенный тон;

отечество – нет возвышенного контекста;

свиданье – просторечная форма;

строгать – разговорное;

стругать – просторечное слово;

фортепьяно – в разговорной речи;

шпатлевать – неравноправное по значению среди профессиональных;

шпатлёвка – общее (*шпатель*), *шпаклёвка* – профессиональное;

шпатлевать – специальное;

б) хронологический фактор – указание на значимость времени употребления единицы; как правило, объектом метаязыковой рефлексии информантов становятся слова с полногласием/неполногласием в корневой морфеме, а также единицы пассивного запаса, ср.:

(*волостной*) *голова* – *голова* – устаревшее слово;

галоша – так бабушка говорила;

галерея – современное;

галлерея – устаревшее (3);

калдобина – устаревшее (6);

колдобина – современное;

матрац – устаревшая форма;

матрас/матрац – в современное время употребляется данное слово как с буквой *с*, так и с *ц*;

придти – устаревшее, а *прийти* – современное;

прийти – правильное, *придти* – устаревшее;

(*П*, *п*)*салтирь* – устаревшее (4);

свиданье – устаревшее;

середина – современный русский вариант, *средина* – устаревшее;

средина – устаревшее (8);

стругать – устаревшее (6);

фортепьяно – устаревший вариант, используется в художественной литературе XVIII-XIX вв., а *фортепиано* – современный вариант;

в) топонимический фактор – указание на значимость территориальной/географической сферы употребления единицы, ср.:

средина – употребляется у пенсионеров в деревне;

тоннель/туннель – возможна территориальная норма разных регионов.

5. **Стратегия анализа лексической сочетаемости** информантами предполагает, что выбор написания слова определяется его способностью сочетаться с ограниченной группой единиц, ср.:

посадить в калошу – фразеологизм / фразеологический оборот (10);

калоша пишется во фразеологическом обороте *сесть в калошу* (3);

прийти к решению – устойчивое выражение;

сводить к нулю – устойчивое выражение имеет значение ‘утратить смысл’;

нуль – сочетаемость: *нулевой километр*, т. е. *нуль*.

6. **Стратегия анализа семантической сочетаемости** предполагает, что выбор написания слова определяется его способностью сочетаться с группой слов, объединенных общностью смысла, ср.:

волостной глава – должность, *голова* – часть тела;

воскресение – библейское, *воскресенье* – день недели;

воскресение – оживление, не подходит по смыслу, *воскресенье* – день недели;

матрасный – не *матрацный*, потому что *матрац* – это то, где лежит;

посадить в калошу – если *галошу*, то значение изменится;

середина, *средина* – середина употребляется для плоскости, а средина для понятия глубины;

середина – речь идет о времени, о середине августа, а не о среднем, не о чем-то среднем;

строгать – стругаем мы овощи, а строгаем дерево.

7. **Стратегия анализа синтаксической сочетаемости** связана с выбором информантом написания такого слова, которое способно иметь при себе зависимые слова или распространители. Данная стратегия представлена единичными примерами и характерна только для метаязыковой деятельности студентов. Как прави-

ло, они отмечают случаи, когда приставка предсказывает форму определителя – предложно-падежную конструкцию, ср.:

средина / *середина* – со средины, но на *середину*. Предлог *со* употребляется только со словом *средина*;

ноль / *нуль* – так как предлог *к*, с предлогами в слове *ноль* корневая гласная меняется на *у*, *к нулю*, так как косвенный падеж, слово *ноль* обычно не склоняется, для варианта со склонением используется слово *нуль*.

8. Образное определение следующей стратегии находим в работе Л. А. Араевой: «Человек с самого рождения оказывается в плену различного рода норм, которым его вынуждают подчиняться» [Араева, 2014, с. 240]. Не случайно, наиболее распространенной среди школьников оказывается **стратегия императивного выбора**, при которой носители языка отмечают неравноправный характер анализируемых единиц, указывая на их нормативность или ненормативность, ср.:

галерея – всегда пишется с одной *л*;

галерея – словарное слово;

Отечество – всегда с заглавной буквы;

тоннельный – нет такого варианта;

сиденье – неправильно записано;

шпатлёвка – такого слова нет (2);

шпатлёвка – неправильно употреблено, нет такого слова;

придти – такого слова нет;

фаил – такого слова не существует, незнакомое слово, неправильный вариант употребления, не встречала вариант *фаил*.

Результаты проведенного эксперимента показывают, что большинство испытуемых (85 % респондентов) предпочитают выбирать только один вариант написания в качестве правильного, что подтверждает императивный характер методологических основ школьной практики.

При этом наличие в языке анализируемых вариантов 14 % информантов объясняют в основном смысловыми или стилистическими различиями.

Таким образом, проведенное исследование позволяет увидеть:

- во-первых, возможные пути развития орфографической нормы (например, большинство испытуемых выбрало ненормативный вариант *мозайка*, объясняя это удобством произношения);
- во-вторых, отразить конкуренцию «новых» и «старых» орфографических вариантов в языке (например, из пары нормативных вариантов большинство опрошенных предпочло выбрать написание *туннель*, *туннельный*, *матрас*, *матрасный*, *нулевой*, *строгать*);
- в-третьих, глубже понять причины ошибок, допускаемых обучающимися.

В результате проведенного исследования было выявлено, что в случае орфографической вариативности, как и при пунктуационной (более подробно см. об этом в статье [Булгакова, Чабаненко, 2014]), выбор языкового знака определяется не только неисчерпаемыми возможностями русского языка для выражения разнообразных смыслов, но и лингвокогнитивными особенностями личности, то есть ее метаязыковым сознанием.

Перспективы исследования видятся в описании коллективного орфографического портрета группы испытуемых в аспекте реализации ими орфографической способности по следующим критериям: выбор одного варианта согласно орфографической норме (единообразное написание); сохранение вариантности написания; выбор варианта, нарушающего орфографическую норму.

Список литературы

Араева Л. А. Ассоциативная природа языковой нормы // Культура речевого общения: Учеб. пособие / Под общ. ред. А. Г. Антипова; отв. ред. Э. С. Денисова; Кем. гос. ун-т. Кемерово, 2014. С. 240–266.

Булгакова О. А., *Чабаненко М. Г.* Обыденная метаязыковая рефлексия как способ определения пунктуационной вариативности // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2014. Т. 13, вып. 9: Филология. С. 97–101.

Голев Н. Д. Современное российское обыденное метаязыковое сознание между наукой и школьным курсом русского языка («правильность» как базовый постулат наивной лингвистики) // Обыденное метаязыковое сознание: Онтологический и гносеологический аспекты: Коллективная моногр. / Под ред. Н. Д. Голева. Томск, 2009. Ч. 2. С. 378–409.

Кузнецова Т. Ю. Стратегии семантизации слов носителями русского языка (Экспериментальное исследование вариативности толкований): Автореф. Кемерово, 2012. 28 с.

Культура речевого общения: Учеб. пособие / Под общ. ред. А. Г. Антипова; отв. ред. Э. С. Денисова; Кем. гос. ун-т. Кемерово, 2014. 382 с.

Лавриненко А. Т. К вопросу о лексических вариантах в лингво-исторических исследованиях // Родной язык: проблемы теории и практики преподавания: Сб. материалов. Борисоглебск, 2013. С. 82–85.

Москвин В. П. Правильность современной русской речи. Норма и варианты: Учеб. пособие. Волгоград: Перемена, 2004. 149 с.

ПАС – Правила русской орфографии и пунктуации: Полн. акад. справ. / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. 480 с.

Цыбулько И. П., *Александров В. Н.*, *Арутюнова Е. В.* и др. Учебно-методические материалы для председателей и членов региональных предметных комиссий по проверке выполнения заданий с развернутым ответом экзаменационных работ ЕГЭ 2015 года: Русский язык. М., 2015. 90 с.

Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.

O. A. Bulgakova [1], **E. S. Denisova** [2], **M. G. Chabanenko** [3]

Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation
[1] *bulgakova.o.a@yandex.ru*, [2] *elvdenisova@yandex.ru*, [3] *kemsu@list.ru*

Metalinguistic reflection as explicator of orthographic option choice

The article is devoted to the definition of the boundaries of the orthographic norm and description of the embodiment of its manifestation in writing practice. The object of the article is to identify the cases of orthographic variation in the modern Russian language in terms of their frequency and reasons of the choice preference of one or another variant by native speakers and to develop a typology of spelling variants. Metalinguistic reflection accompanying the answers of participants of the experiment (the sentences from the Russian National Corpus containing different written variants of tokens) allows us to define the priority of orthographic variants, to identify the most actual strategies and means used by native speakers to explain their choice, and to establish the language mechanisms that form the orthographic norm. The study reveals the possible ways of orthographic norm development. It allows one to determine a competition of the «new» and «old» orthographic variants in the language and to understand the causes of mistakes made by the students.

Keywords: metalinguistic reflection, metalinguistic consciousness, everyday consciousness, orthographic norm, orthographic variant.

DOI 10.17223/18137083/56/5

References

Araeva L. A. Assotsiativnaya priroda yazykovoy normy [Associative nature of the linguistic norm]. In: Antipova A. G., Denisova E. S. (eds.). *Kul'tura rechevogo obshcheniya: Uchebnoe posobie* [The culture of verbal communication. Tutorial]. Kemerovo, Kemerovo State University, 2014, pp. 240–266.

Bulgakova O. A., Chabanenko M. G. Obydennaya metayazykovaya refleksiya kak sposob opredeleniya punktuatsionnoy variativnosti [Everyday metalinguistic reflection as a way to determine the variability of punctuation]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, filologiya*. 2014, vol. 13, iss. 9: Philology, pp. 97–101.

Golev N. D. Sovremennoe rossiyskoe obydennoe metayazykovoe soznanie mezhdu naukoy i shkol'nym kursom russkogo yazyka («pravil'nost'» kak bazovyy postulat naivnoy lingvistiki). [Modern russian everyday metalinguistic consciousness between science and school courses of the Russian language («correctness» as a basic postulate of linguistics naive)]. In: Golev N. D. (ed.). *Obydennoe metayazykovoe soznanie: Ontologicheskiy i gnoseologicheskiy aspekty: Kollektivnaya monografiya* [The ordinary metalinguistic consciousness: ontological and epistemological aspects. Collective monography]. Tomsk, 2009, pt 2, pp. 378–409.

Kul'tura rechevogo obshcheniya. *Uchebnoe posobie* [The culture of verbal communication. Tutorial]. Antipova A. G., Denisova E. S. (eds.). Kemerovo, Kemerovo State University, 2014, 382 p.

Kuznetsova T. Yu. *Strategii semantizatsii slov nositelyami russkogo yazyka*. (Eksperimental'noe issledovanie variativnosti tolkovaniy) [The strategies of semantization of words by the native speakers of the Russian language (Experimental research of variability of interpretation)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo, 2012, 28 p.

Lavrinenko A. T. K voprosu o leksicheskikh variantakh v lingvo-istoricheskikh issledovaniyakh [On the question of lexical variants in linguistic and historical research]. In: *Rodnoy yazyk: problemy teorii i praktiki prepodavaniya: Sb. materialov*. Borisoglebsk, 2013, pp. 82–85.

Lopatin V. V. (ed.) *Pravila russkoy orfografii i punktuatsii*. *Poln. akad. sprav.* [Russian rules of spelling and punctuation. Full. Academ. Handbook]. Moscow, Eksmo, 2007, 480 p.

Moskvin V. P. *Pravil'nost' sovremennoy russkoy rechi. Norma i variant*. Uchebnoe posobie. [The correctness of the modern Russian language. Norm and options. Tutorial]. Volgograd, Peremena, 2004, 149 p.

Shcherba L. V. *O troyakom aspekte yazykovykh yavleniy i ob eksperimente v yazykoznanii. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [About threefold aspect of language phenomena, and an experiment in linguistics. Language system and speech activity]. Leningrad, 1974, pp. 24–39.

Tsybul'ko I. P., Aleksandrov V. N., Arutyunova E. V. i dr. *Uchebno-metodicheskie materialy dlya predsedateley i chlenov regional'nykh predmetnykh komissiy po proverke vypolneniya zadaniy s razvernutym otvetom ekzamenatsionnykh rabot EGE 2015 goda: Russkiy yazyk* [Educational materials for the chairmen and members of the regional commissions on verification of tasks of UNE papers with detailed answer 2015: Russian language]. Moscow, 2015, 90 p.

УДК 811.161.1’35
DOI 10.17223/18137083/56/6

Е. Г. Басалаева, О. А. Ружа, М. В. Шпильман

Новосибирский государственный педагогический университет

Русская орфография и пунктуация сквозь призму наивного сознания

Рассматривается авторская рефлексия над орфографической и пунктуационной составляющими создаваемого (в том числе некодифицированного) интернет-текста. Посредством рассуждений о литературной норме и отступлениях от нее, объяснений пунктуационных и орфографических привычек и предпочтений носителями языка эксплицируется определенная система правил, свойственная современному наивному правописанию. В круг внимания авторов попали такие обсуждения правил русского языка, как выбор дефиса и тире, а также написание строчной либо прописной буквы. Анализ контекстов, содержащих комментарии относительно разницы между тире и дефисом, позволяет сделать вывод, что немаловажными для пишущих оказываются такие факторы, как способность используемого знака влиять на смысл, передавать эмоциональное состояние пишущего, быть элементом самопрезентации, показателем грамотности носителя языка и пр. Выбор прописной или строчной буквы нередко обусловлен соображениями этикетного, религиозного, сугубо прагматического характера.

Ключевые слова: рефлексия, интернет-коммуникация, орфография, пунктуация, тире, дефис, строчная буква, прописная буква.

Интенсивное внедрение новых научных парадигм в сферу лингвистических исследований пробуждает интерес к вспомогательным семиотическим (невербальным) системам, участвующим в процессе речевой деятельности коммуникантов [Шубина, 1999, с. 3]. Антропоцентрических характер современного языкозна-

Басалаева Елена Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия; ifmip@nspu.ru)

Ружа Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия; ifmip@nspu.ru)

Шпильман Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия; ifmip@nspu.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© Е. Г. Басалаева, О. А. Ружа, М. В. Шпильман, 2016

ния, по мнению многих исследователей, обусловливает усиление внимания к различным периферийным и маргинальным явлениям, к которым относятся орфография и пунктуация в широком их понимании.

Изучение орфографической и пунктуационной практики, характерной для письменноречевой деятельности конкретного языкового коллектива, дает возможность продвинуться в осмыслении такого сложного феномена, как функциональный аспект русской орфографии и пунктуации, а также позволяет оптимизировать решение проблемы либерализации орфографических и пунктуационных правил [Голев, 2002; Лебедева, 2002; Прияткина, 2007; Гордеева, 2008].

Как пишут исследователи, с одной стороны, языковое сообщество располагает социально осознанной системой кодифицированных норм, с другой стороны, мы обладаем лишь фрагментарными общими знаниями о том, как их реализация варьируется в текстах разной коммуникативной природы [Ярица, 2009].

Функциональный аспект изучения орфографии и пунктуации в целом предполагает выяснение того, как орфографическое и пунктуационное оформление текста соотносится с существующими нормами и как это оформление оценивается автором и адресатом [Жукова, 2002]. В лингвистической литературе наиболее исследованным оказывается вопрос об особенностях интерпретации орфографии и функционирования знаков препинания с позиции воспринимающего сознания ([Шапиро, 1974; Гаврилова, 1980; Наумович, 1983; Кольцова, 2000; Сиротипина, Кормилицына, 2000; Орехова, 2001; Анненкова, 2004; Будниченко, 2004; Сафронова, 2004; Прияткина, 2007] и др.).

Не меньший интерес, на наш взгляд, вызывает авторская рефлексия над орфографической и пунктуационной составляющими создаваемого (в том числе некодифицированного) текста, что в целом еще не было объектом комплексного анализа.

Обращение к языковой рефлексии обусловлено значимостью этого языкового феномена в системе языка и в концептуальной системе [Перфильева, 2006]. Под ним в лингвистической литературе понимается «открытый тип метаязыкового дискурса, единицей которого является метаязыковое высказывание», которое «фокусирует свое внимание на семантически и аксиологически значимых языковых единицах, попадающих в поле метаязыкового сознания» [Вепрева, 2005, с. 14]. Посредством рассуждений о литературной норме и отступлениях от нее, объяснений пунктуационных и орфографических привычек и предпочтений носителями языка эксплицируется определенная система правил, свойственная современному наивному правописанию.

Одной из сфер, где в настоящее время наиболее активно осмысляются происходящие в языке изменения, отмечаются новые, сложные, маркированные, окказиональные и пр. употребления языковых единиц, является интернет-дискурс.

Интернет-коммуникация, «представляя собой сложный, многоаспектный феномен, является не просто сферой потребления информационного продукта и развлечения, но и одним из тех пространств, в которых люди создают и разделяют жизненные ориентиры, ценности, знание, что в совокупности предопределяет не только их информационную осведомленность и оценку актуальных событий, но и их повседневную жизнь и картину мира. С помощью масс-медиа индивиды и группы транслируют свое представление о реальности, нормах и проблемах или же создают смыслы и обмениваются ими» [Кожемякин, 2010, с. 13]. Иными словами, интернет-форумы, чаты, сетевые дневники и пр. являются теми площадками, где разворачивается метаязыковая деятельность носителей языка относительно своего или чужого речевого поведения.

Нормы правописания и постановки знаков препинания являются одним из наиболее обсуждаемых вопросов. В связи с этим в настоящей статье рассмотрим случаи рефлексии усредненного носителя русского языка над существующи-

ми правилами орфографии и пунктуации. Так как круг обсуждаемых проблем довольно широк, мы ограничимся наблюдениями над обсуждением наиболее частотных из них – выбора дефиса и тире, а также написания слов со строчной или прописной буквы.

Источником материала для исследования послужили различные интернет-форумы (http://lingvoforum.net/, http://beon.ru, http://prizrak.ws, https://xaroktet.wordpress.com, https://otvet.mail.ru и др.), живые дневники (http://pishu-pravilno.livejournal.com и др.) и т. д.

Всех интернет-пользователей, участвующих в дискуссиях на тему орфографии и пунктуации, можно условно разделить на группы. Первый тип участников признается в том, что вообще не знает / не помнит норм правописания. Эти люди часто оказываются среди задающих вопросы, или это просто случайные визитеры форумов, оставляющие комментарии. Второй тип говорящих мыслит себя экспертом и дает разного рода советы. Третий тип заявляет о своей принципиальной позиции: знание норм русского языка излишне.

Выбор той или иной позиции предопределяет коммуникативное поведение человека и характер обсуждения языковых норм.

Перейдем к анализу группы примеров языковой рефлексии относительно **выбора тире и дефиса**, что позволит выявить представления носителей языка о границах орфографических и пунктуационных норм, а также способность мотивировать свой выбор знака.

Выявленные фрагменты диалогов, представленные в интернет-форумах, на тему постановки тире или дефиса неоднородны, их можно разделить на несколько категорий.

Первая связана с рассуждениями терминологического характера: есть ли разница между дефисом и тире (более продвинутые пользователи добавляют еще и длинное тире).

В качестве аргументов, лежащих в основе разграничения, предлагаются следующие.

- Графический признак (тире длиннее дефиса): *Тире длинная палка, а дефис – маленькая палка...*; *- дефис, -- (это типо 1 сплошная линия) тире*; *Сейчас каждый уважающий себя веб-дизайнер знает, чем отличается тире от дефиса: и то, и другое – это горизонтальная черточка, однако в первом случае она в три раза длиннее, чем во втором*; *Разница между дефисом, тире и знаком минус состоит исключительно в их длине. :-)* [1].

В данном случае для ряда носителей языка разница в использовании тире и дефиса заключается исключительно в их графической форме. Содержательный же аспект не принимается во внимание в силу разных причин: преимущественно это незнание или игнорирование правил, отсутствие связи между знаком и смысловым содержанием, связанным с использованием знака, и пр.

- «Статусность» знака, его отнесенность к разделу орфографии или пунктуации: *Тире – синтаксическая единица, знак препинания (отделяет самостоятельные слова в предложении). Дефис – орфографическая единица (внутри слова: по-моему, мышка-норушка, еле-еле)*; *люди, вы чего?? О_о.. дефис ставится в самом слове, пример: ярко-красный, по-моему, что-то и т. п., а тире ставится в предложении, пример: Информатика – это наука, рассматривающая все аспекты представления, обмена, обработки, хранения информации*; *дЕФИС сТАВИм, В словаХ, А ТИРЕ – МЕЖДУ частЯМИ сложнОГО пРЕДЛОЖениЯ!! ! всЕ ПРОСТО!*

Как показывают примеры, большинство носителей языка имеет верные представления о природе и функции знаков, хотя встречаются рассуждения, частично

[1] Примеры приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

искажающие существующие нормы (например, тире как знак исключительно сложного предложения).

- Наличие / отсутствие пробелов: *Дефис пробелами с двух сторон не обрамляется. Например, ярко-красное. А перед и после тире нужен пробел. Например, книга – источник*; *Помогите, пожалуйста. Если предложение такого типа: Книга – источник знаний. Сколько нужно поставить пробелов между словом и знаком?*

Иными словами, в представленных примерах коммуниканты обращаются в большей степени к внешней стороне знаков, их формальным признакам. Можно сделать вывод, что для многих носителей языка именно этот аспект является важным (а в некоторых случаях и единственным) при дифференциации тире и дефиса. Ср.: *И в чём, собственно, смысловая разница? никакой разницы. типографские заморочки.*

Вторая группа примеров связана с интерпретацией правил использования дефиса и тире. Высказывания интернет-пользователей содержат развернутые рассуждения об условиях выбора знака с опорой на различные источники информации.

Так, в комментарии могут включаться:

а) сведения из нормативных источников (справочников, словарей), самым частотным и авторитетным из которых является справочник Д. И. Розенталя. Такой тип комментариев отражает установленную норму, кодифицированный вариант написания (нередко с перечислением всех возможных примеров и случаев): *Во всех редакциях, в которых приходилось мне по жизни работать, руководствовались исключительно справочником Розенталя*; *Ставится тире с отбивками с двух сторон. Дефис невозможен в принципе. – Берем того, кто опирается только на русский язык. Розенталь требует тире + не уточняет вопрос отбивок вообще (так что странно, что его выше рекомендуют как показатель написания тире без отбивок). Однако визуально в примерах (включая законы) – тире с отбивками. И это значимая визуальность: рядом в примерах есть и тире без отбивок, для чисел в цифровой форме. Если хотите, я дам вам ссылку на это правило в личку, здесь поставила – комментарий не проходит как подозрительный. -. Берем тех, кто опирается на русский + типографика. Мильчин/Чельцова пишут однозначно: между словами – с отбивками, между цифр – без отбивок. Вывод: все словесные конструкции при употреблении тире пишутся с отбивками. Тире без отбивок употребляется только для цифровых интервалов в точном значении от...до*;

б) данные различных интернет-сайтов, интернет-сервисов, а также результаты компьютерной проверки правописания, выполненной в текстовом редакторе типа Word: *Есть такая новая «наука» – googlology, по-нашему «гуглология» или «яндексология» ресурсоориентированный – 2755 страниц ресурсо-ориентированный – 964 страницы ресурсно-ориентированный – 9 млн страниц ресурсноориентированный – 121 страница Можно предположить, что правильно будет ресурсно-ориентированный; хочу дать хороший совет: зайди в Word и напиши интересующие слова если написанно с ошибкой программа сразу выделит их красным.*

Интересно, что часто авторитетным признается источник, изначально таковым не являющийся. Обращающийся к нему догадывается об этом, но ориентируется при этом на статистические данные, тем самым доверяя самому частотному, но не всегда верному варианту написания. Кодификатором в таком случае становится не специалист, а усредненный носитель языка;

в) собственные представления говорящих об условиях выбора того или иного знака. Данные примеры демонстрируют наивное языковое сознание, сформированные представления о правилах, которые нередко оказываются далекими от нормативных: *Тире ставится только между подлежащим и сказуемым в пред-*

ложениях типа Он – мой брат. ВО всех остальных дефис; *Дефис – это палочка, которая ставится перед это. Все остальное тире*; *Тире длиннее. Знаки отличаются областью применения. Дефис ставиться между частями слова. Тире ставится между словами. Классически пример. Дефис. Елки-палки. Тире. Елки – это не палки.*

Количество условий для постановки тире или дефиса здесь, как правило, значительно меньше, чем в нормативных источниках, т. е. это «редуцированные» представления, отдельные нормы, распространяемые на все случаи. Как правило, эти представления и есть «сухой остаток» школьного изучения данного правила.

Третья группа представляет особый интерес и связана с метакомментариями говорящего относительно своего социального, интеллектуального и пр. статуса. Как правило, в такого рода примерах коммуникантов менее всего интересуют правила написания тире и дефиса, на первый план выходит самопрезентация: *когда говоришь «дефис», то выглядишь умнее ¬ ¬*; *А меня ругали на русском за то, что тире это по детски.*

Как видим, в примерах часто находит отражение стереотип, устанавливающий четкую корреляцию между грамотностью и умом, что может относиться не только к знакам тире и дефиса, но и к соблюдению любых норм в целом. Об этом свидетельствуют примеры, когда рассуждения о дефисе и тире приводят пишущих к выводам о важности быть грамотным вообще: *Если блогер или просто «пишущий в интернет» хочет знаниями блеснуть, себя показать, похвастаться перед любимой девушкой, то наиболее просто это сделать, став знатоком орфографии и пунктуации. :-) И что характерно, сделать это можно не вставая с дивана и совершенно бесплатно!*

Четвертая группа примеров содержит случаи языковой рефлексии, в которых говорящий объясняет смысловую разницу между дефисом и тире, указывает на смысловые оттенки.

Так, по ощущениям носителей языка дефису могут приписываться такие признаки, как неопределенность, способность обеспечивать целостность слова в процессе восприятия его звуковой оболочки: *Дефис является как бы частью слова, не отделяется от него ни пробелом при написании, ни паузой в разговоре (когда-либо, кто-то, почему-то) и придает слову оттенок неопределенности*; *Кроме того, «пробел+дефис+пробел» на подсознательном растягивает слово. Сравните: «как-то» и «как – то». Второй вариант – уже что-то прибалтийское. Не находите? И это прибалтийское возникло только с помощью одной черточки... А если в тексте понадобиться подобный нюанс вставить? Люди-то читают в уме! Это уже дизайн слов и текста.*

Тире же, по мнению интернет-пользователей, наоборот, способно растянуть высказывание за счет пауз, замедлить ход восприятия текста и даже передать эмоцию. Интересно, что наделяя тире такими функциями, пишущий связывает длину графического знака и длину интонационной паузы, ср.: *А тире – это уже знак препинания, выделяется в тексте пробелами, а в разговоре подразумевает коротенькую паузу*; *Название «тире» – с французского слова «тянуть». Тире ставится там, где нужно заменить слово с одновременным «растянуть» в этом месте, немного притормозить восприятие, для придания естественности, важности момента, тонкой эмоции. «Ты меня сильно любишь? Я — безумно!». Ну а теперь так прочитайте: «Я - безумно!». Или еще так: «Я-безумно!». Ну как?*

Пятая группа связана с эстетической стороной оформления высказывания: *Тире и дефис – внешне очень похожие знаки, которые напоминают небольшую горизонтальную черту, но существенно отличаются по употреблению. Очень часто в интернете и даже в печатных изданиях авторы и редакторы не обра-*

щают внимания на правильное употребление тире и дефисов. Из-за этого, текст становится некрасиво оформленным, теряется единообразие. Отличие тире от дефиса легко запомнить и применять. Это сделает Ваш текст красивым и что самое главное – более профессиональным и грамотным; *Часто из-за эстетических или дизайнерских соображений длинное тире заменяют коротким.*

Как видим, говорящим учитывается также и критерий удобства постановки знака. Зачастую это связано с раскладкой клавиатуры компьютера: *Эммм... а в чём разница? У меня на стандартной клаве – только этот знак и печатается…*; *А вот дефис почему-то мало кто замечает. 1) Потому что в печатном тексте это не так заметно 2) При наборе на ПК мало кто использует тире вместо дефиса или, хотя бы, двойной дефис.*

Таким образом, анализ контекстов, содержащих комментарии относительно разницы между тире и дефисом, позволяет сделать вывод о том, что для людей, стремящихся различать эти знаки, немаловажными оказываются такие факторы, как способность используемого значка влиять на смысл, передавать эмоциональное состояние пишущего, быть элементом самопрезентации, показателем грамотности носителя языка или же его «свободы» от всяческих норм, кроме того, учитывается эстетический фактор и фактор удобства в постановке знака.

Второй вопрос, часто встречающийся в обсуждениях правил русского языка, касается **выбора строчной или прописной буквы**.

Судя по данным форумов, рефлексии на эту тему оказываются гораздо шире описываемых в справочниках случаев. Пользователей Интернета интересуют следующие аспекты данной нормы орфографии:

1. Использование прописной буквы в местоимении при обращении к собеседнику (*Вы* или *вы*). Интересно, что в ходе обсуждения этого вопроса пишущие отмечают, что он выходит за рамки орфографической нормы и часто выбор «большой» или «маленькой» буквы *В* регулируется нормами этики, этикетом (как его представляют себе пишущие): *Какое то время назад слышала, что при написании писем, обращаясь к человеку уже не пишут вы с большой буквы, как бы дурной тон. Сегодня вела переписку с учителем сына, писала ей вы с маленькой буквы, она писала Вы с большой. Мне стало немного стыдно.*

Пишущий выбирает написание местоимения со строчной буквы, руководствуясь не правилами русского языка, а нормами этикета («дурной тон»). При этом об изменении этих норм он лишь «слышал какое-то время назад». Интересно, что учитель, используя прописную букву в местоимении в ответном письме, заставляет усомниться в легитимности новой нормы.

Помимо этикетной функции, *Вы* с прописной выполняет функцию интимизации общения, ср.: *Я выступаю за использование «вы» как непременного вежливого обращения во всех сферах, где оно требуется по этикету современного общества, в то время «Вы» – как дополнительное, более интимное выражение признательности, благожелательности, особого расположения, высокого мнения и т. п.*

Однако можно отметить, что *Вы* используется не только как способ продемонстрировать уважение к собеседнику, но и в прямо противоположной функции, ср.: *Правило такое. Вы с большой буквы – в письмах. Иногда если очень хочется – в рекламных сообщениях, но уже там это выглядит глуповато*; *В форумах – с маленькой ОК, это ж не письмо, а, скорее, разговор. Я пишу в интернетах Вы с большой, когда хочу человека обидеть. :р Кроме – месенджеров и личной переписки*.

В данном примере интересно, что прописная буква в Интернете используется пишущим как средство выражения подчеркнутой вежливости, своего рода аналог так называемого холодного тона в устной речи. В данном случае *Вы* свидетельствует не об уважении к собеседнику, а как раз наоборот: «я тебя не уважаю, но со-

блюдаю приличия, принятые в обществе». Таким образом, степень неформальности отношений графически на письме может маркироваться от неформальных, дружеских к максимально формальным местоимениями *ты-вы* со строчной и *Вы* с прописной. Это подтверждают и следующие примеры: *Я раньше писала с большой, но заметила что многих это почему-то раздражает. Некоторые даже высказывали предположение что я над ними таким образом издеваюсь. Теперь пишу с маленькой.*

Кроме того, так называемое *Вы* уважительное нередко воспринимается читающим как уловка, способ манипуляции: *Совершенно невыносима рекламно-подобострастная манера писать Вы с заглавной буквы. Вы – это множественное число, при обращении к одному человеку звучит уже достаточно почтительно (по сравнению с ты) и не требует дополнительных украшений*; *А я бы рекомендовал в рекламном проспекте употреблять слово «вы». Когда вижу на сайтах или на афишах «Вас», то у меня возникает ощущение наигранности, фальши и лицемерия по отношению ко мне, и неуважения – по отношению к родному языку.*

2. Проблема выбора строчной или прописной буквы касается обсуждения тенденции к использованию строчной буквы в начале предложения. И вновь сугубо орфографический вопрос сводится пользователями все к той же вежливости и уважению / неуважению собеседника: *Воспринять логические единицы текста намного проще при разделении их заглавными буквами. А если приходится напрягаться для понимания текста (вот ещё – как будто больше делать нечего!), это раздражает*; *А пишут многие так всего лишь из-за своей лени – кнопку Shift ведь ещё нажать нужно*; *Да и игнорирование правил русского языка в этой части тоже раздражает. ВРоде по высказываниям нормальные люди. А как читать пытаешься – будто неучи. Неприятно.*

Однако этой точке зрения противопоставляются следующие:

- необходимость нажатия дополнительных клавиш **замедляет процесс общения**, что не устраивает многих носителей языка: *в интернете не столько ценятся регистры букв при написании, сколько скорость и содержательность ответа*;
- отказ от выделения начала предложения прописной буквой воспринимается пользователями как **протест против существующих правил**, как **проявление свободы выбора**, **самовыражение**: *Начинать предложение с маленькой буквы – это, кагбэ, протест против общемировых правил. – Эти общепринятые правила принимали без нас с вами, а мы должны тупо исполнять? Да будьте проще, ничего тут такого нет :) Во многих предложениях точка чувствуется сама собой*;
- нередко следование правилам орфографии одним из собеседников воспринимается другим как **нарушение коммуникативного поведения** в ситуации общения в Интернете, как манерничанье, косность и т. д. У пользователя создается не лучшее впечатление о своем собеседнике: *знаете, вот сейчас задумалась, когда человек в аське пишет начиная с большой буквы, и все предложения в сообщении тоже, то у меня всегда возникало ощущение, что чел какой-то.. даже не знаю как объяснить... мелочный что ли.. или зацикленный... но в аське большие буквы в предложениях мне лично в глаза очень бросаются, при чем, не в лучшем виде*;
- попытка **смыслового выделения** особо значимых слов посредством «большой» буквы, на их фоне все остальные слова в предложении, включая первое, уравниваются: *а так как я не вижу разницы между словом в начале предложения и в середине, то и нечего их «возвышать». пишу с большой буквы только те слова, которые этого заслуживают*.

3. Выбор прописной или строчной буквы в словах религиозной тематики (Бог, Творец, Он, Святой дух и под.): *Дима, все правильно. Но в данном случае, я бы*

не стал подменять правила русского языка законом божьим. Творец, Отец, Создатель – мы же тоже всегда пишем с заглавной буквы; *Церковная лексика имеет свои языковые нормы, которым филологов не учат. К таким нормам относится, к примеру, правописание прописных (или заглавных) букв*; *По всем нормам русского языка слово «бог» пишется с маленькой буквы, т. к. не является именем собственным. Так что, это личное дело каждого. Кто хочет – пусть нарушает и пишет с большой. Лично я, это делаю под настроение.*

В рамках этого же аспекта рассматривается написание слов астрологической тематики (знаки зодиака с прописной) и так называемой патриотической лексики (Родина, Президент, Русский (национальность) и Русский (язык)): *А. Ребенок спрашивает, в каких случая слово «Родина» надо писать с прописной (заглавной) буквы. Приведите примеры. Б. в сугубо патетическом смысле, про свою родную страну – допускается с большой, в остальных случаях с маленькой.*

Интересно, что, рефлексируя над данными проблемами, носители языка часто осознают написание данных групп слов как подчиняющееся особенной норме, которая не закреплена в орфографических справочниках. Поэтому нередко создают собственные правила, которые сводятся к составлению словника и сопровождаются субъективным комментарием, в котором приводятся аргументы выбранного варианта написания, обусловленные как отношением к религии, политике, астрологии, так и настроением пользователя.

4. Обсуждение написания топонимов, вывесок с названиями станций, улиц, остановок и т. п. Пишущими отмечается непоследовательность в использовании строчной и прописной букв: *Западная Европа, Центральная Европа, Восточная Европа… Что-то я смотрю все пишут с большой буквы... правильно ли это? Может всё-таки нужно писать западная Европа, центральная Европа, восточная Европа? Как я это понимаю, «Восточная Европа» и «восточная Европа» не одно и то же… Первое вроде политическое, а второе географическое понятие, То же относиться к остальным примерам.*

Подобного рода рассуждения вызваны отсутствием единообразия в оформлении топонимов, эргонимов и пр. и отступлением от правил, известных носителям языка. Поэтому возникает потребность в унификации написания или в объяснении правомерности существования всех возможных вариантов. Один из частотных вопросов интернет-пользователей касается источника, в котором закреплены искомые нормы, например: *Есть ли нормативные справочники по написанию прописной или строчной букв в названиях станций? На фронтонах станций не разобрать (везде большие! :lol:), а в печати иногда необходимо, редактор пальцем стучит. Скажем, Гостиный двор – или Гостиный Двор?*

5. В меньшей степени, но все же обсуждается проблема перевода на русский иностранных слов, которые в оригинале пишутся с прописной: *Но вот проблема: «президент совета директоров» – по английски каждое слово пишется с заглавной, они не скупятся на заглавные в названиях и титулах. А как в русском?*

Таким образом, проблема выбора прописной или строчной буквы оказывается не менее полемичной, чем обсуждение разницы между дефисом и тире. Правда, здесь на первое место выходят конкретные вопросы правописания, а не обсуждение принципов выбора. Тем не менее присутствуют элементы метакомментария, менторские наставления, связь с эмоциональной составляющей высказывания.

Анализируя интернет-рефлексии, можно также обратить внимание на оценку говорящим своей позиции, выраженной в глаголе: это может быть форма робкого вопрошания – косвенный вопрос (*слышала, что*), или выражение собственной активной позиции (*я выступаю за…*), или указание на субъективность мнения (*как я это понимаю…*).

Итак, в наивном сознании отражаются своеобразные представления о правилах правописания, которые в целом выходят за рамки нормы. Это вызвано тем, что носители языка

- часто не знают, где искать ответы на свои вопросы, или же не находят ответы в справочниках;
- круг проблем, которые люди обсуждают, гораздо шире: они связаны не только с орфографическими и пунктуационными правилами, но и с техническими возможностями компьютера, с динамическими процессами в языке, влиянием иностранных языков на русский и др.

Список литературы

Анненкова Е. А. Проблема формализации лингвистических знаний: На материале пунктуации русского языка: Дис. … канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2004. 184 с.

Будниченко Л. А. Экспрессивная пунктуация в публицистическом тексте: На материале языка газет: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. 283 с.

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: Олма-пресс, 2005. 384 с.

Гаврилова Е. Н. Функционирование универсальных высказываний в публицистическом тексте (на примере критики) // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1980. № 5. С. 16–24.

Голев Н. Д. Исследование русской пунктуации в коммуникативном аспекте: постановка проблемы и программа экспериментального исследования // Языковая ситуация в России начала XXI века. Кемерово, 2002. Т. 1. С. 146–160.

Гордеева О. И. О реализации пунктуационной системы русского языка в некодифицированном тексте // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц: Сб. ст. в честь проф. Т. А. Колосовой. Новосибирск, 2008. С. 333–339.

Жукова А. Г. Ортология в теоретическом и прикладном аспекте: Дис. … канд. филол. наук. Томск, 2002. 196 с.

Кожемякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости. Сер. Гуманитарные науки. 2010. № 12 (83). Вып. 6. С. 13–21.

Кольцова Л. М. Пунктуация художественного текста как уровневая система // Филологические записки. 2000. Вып. 15. С. 201–216.

Лебедева Н. Б. Орфографические типы языковой личности (по материалам эксперимента) // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Барнаул, 2002. Ч. 1. С. 101–113.

Наумович А. Н. Современная русская пунктуация. Минск: Вышэйш. шк., 1983. 256 с.

Орехова Н. Н. Пунктуационная система языка: формирование, динамика развития: На материале русского и английского языков: Дис. … д-ра филол. наук. Воронеж, 2001. 292 с.

Перфильева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006. 285 с.

Прияткина А. Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции): Избр. тр. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. 390 с.

Сафронова И. П. Эстетические функции пунктуации в поэзии М. Цветаевой: Дис. … канд. филол. наук. Ижевск, 2004. 247 с.

Сиротинина О. Б., *Кормилицына М. А.* Об актуальности коммуникативного подхода к грамматике // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. Филология. 2000. № 6. С. 17–32.

Шапиро А. Б. Современный русский язык. Пунктуация. 2-е изд. М.: Просвещение, 1974. 296 с.

Шубина Н. Л. Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста. М., 1999. 455 с.

Ярица Л. И. Пунктуационные нормы и тенденции их изменения в некодифицированных текстах: На материале конспектов студентов томских вузов: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. 255 с.

E. G. Basalaeva, **O. A. Ruzha**, **M. V. Shpilman**

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation
ifmip@nspu.ru

Russian orthography and punctuation through the prism of naive consciousness

The article discusses the author's reflection on spelling and punctuation components of the generated (including uncodified) online text. By reasoning about the literary norms and deviations from them, explanations of punctuation and spelling habits and preferences of native speakers a certain system of rules inherent for modern naive spelling is explicated. The rules of the Russian language, the choice of hyphens and dashes, as well as writing of uppercase and lowercase letters are in the spotlight of the research. The analysis of contexts containing comments on the choice between a dash and a hyphen leads to the conclusion that such factors as the ability of punctuation to affect the meaning, transmit the emotional state of the writing, to be an element of self-presentation, an indicator of the language media literacy are important for writing. The choice of capital or lowercase letters is often driven by considerations of etiquette, religious and purely pragmatic reasons.

Keywords: reflection, online communication, spelling, punctuation, dash, hyphen, lowercase letter, uppercase letter.

DOI 10.17223/18137083/56/6

References

Annenkova E. A. *Problema formalizacii lingvisticheskih znanij: Na materiale punktuacii russkogo jazyka. Diss. kand. filol. nauk* [The problem of linguistic knowledge formalization on the material of Russian punctuation. Cand. philol. sci. diss.]. Rostov-na-Donu, 2004, 184 p.

Budnichenko L. A. Jekspressivnaja punktuacija v publicisticheskom tekste: Na materiale jazyka gazet. Diss. dokt. filol. nauk [Expressive punctuation in the publicistic text: On a material of newspaper language. Dr. philol. sci. diss.]. SPb., 2004, 283 p.

Gavrilova E. N. Funkcionirovanie universal'nyh vyskazyvanij v publici-sticheskom tekste (na primere kritiki) [Functioning of the universal statements in publitsi-cally text (for example, criticism)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*, 1980, no. 5, pp. 16–24.

Golev N. D. Issledovanie russkoj punktuacii v kommunikativnom aspekte: postanovka problemy i programma jeksperimental'nogo issledovanija [Investigation of Russian punctuation in the communicative aspect: problems and experimental research program]. In: *Jazykovaja situacija v Rossii nachala XXI veka* [The language situation in Russia at the beginning of the XXI century]. Kemerovo, 2002, vol. 1, pp. 146–160.

Gordeeva O. I. O realizacii punktuacionnoj sistemy russkogo jazyka v neko-dificirovannom tekste [About realization of punctuation system of the Russian language in the non-codified text] In: *Asimmetrija kak princip funkcionirovanija jazykovyh edinic: Sb. st. v chest' prof. T. A. Kolosovoy* [Asymmetry as a principle of functioning of language units: Coll. of art. in honor of prof. T. Kolosova]. Novosibirsk, 2008, pp. 333–339.

Jarica L. I. *Punktuacionnye normy i tendencii ih izmenenija v nekodificirovannyh tekstah: Na materiale konspektov studentov tomskih vuzov. Diss. kand. filol. nauk* [Punctuation rules

and tendencies of their change in non-codified texts: On a material of abstracts students of Tomsk high schools. Cand. philol. sci. diss.]. Tomsk, 2009, 255 p.

Kol'cova L. M. Punktuacija hudozhestvennogo teksta kak urovnevaja sistema [Punctuation of literary text as a level system]. *Filologicheskie zapiski*, 2000, iss. 15, pp. 201–216.

Kozhemjakin E. A. Massovaja kommunikacija i mediadiskurs: k metodologii is-sledovanija [Mass communication and media discourse: to research methodology]. *Nauchnye vedomosti BelGu. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2010, no. 12 (83), iss. 6, pp. 13–21.

Lebedeva N. B. Orfograficheskie tipy jazykovoj lichnosti (po materialam jeksperimenta) [Orthographic types of a language personality (based on the experiment)]. In: *Estestvennaja pis'mennaja russkaja rech': issledovatel'skij i obrazovatel'nyj aspekty* [Natural written Russian speech: research and educational aspects]. Barnaul, 2002, pt 1, pp. 101–113.

Naumovich A. N. *Sovremennaja russkaja punktuacija* [Modern Russian punctuation]. Minsk, Vyshjejsh. shk., 1983, 256 p.

Orehova N. N. *Punktuacionnaja sistema jazyka: formirovanie, dinamika razvitija: Na materiale russkogo i anglijskogo jazykov. Diss. dokt. filol. nauk* [Punctuation language system: the formation, dynamics of development: On a material of Russian and English languages. Dr. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2001. 292 p.

Perfil'eva N. P. *Metatekst v aspekte tekstovyh kategorij* [Metatext in the aspect of textual categories]. Novosibirsk, NSPU, 2006, 285 p.

Prijatkina A. F. *Russkij sintaksis v grammaticheskom aspekte (sintaksicheskie svjazi i konstrukcii): Izbr. tr.* [Russian syntax in a grammatical aspect (syntactic relation and constructions): fav. works]. Vladivostok, Far Eastern State University, 2007, 390 p.

Safronova I. P. *Jesteticheskie funkcii punktuacii v pojezii M. Cvetaevoj. Diss. kand. filol. nauk* [Aesthetic functions of punctuation in the poetry of Marina Tsvetaeva. Cand. philol. sci. diss.]. Izhevsk, 2004, 247 p.

Shapiro A. B. *Sovremennyj russkij jazyk. Punktuacija. 2-e izd.* [Modern Russian language. Punctuation. 2nd ed.]. M., Prosveshhenie, 1974, 296 p.

Shubina N. L. *Punktuacija v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte i ee mesto v semioticheskoj sisteme russkogo teksta* [Punctuation in communicative-pragmatic aspect and its place in the semiotic system of Russian text]. M., 1999, 455 p.

Sirotinina O. B., Kormilicyna M. A. Ob aktual'nosti kommunikativnogo podhoda k grammatike [About the relevance of the communicative approach to grammar]. *Vestnik Moskovsogo gos. un-ta. Ser. Filologija*, 2000, no. 6, pp. 17–32.

Vepreva I. T. *Jazykovaja refleksija v postsovetskuju jepohu* [Language reflection in the post-Soviet era]. M.: Olma-press, 2005, 384 p.

Zhukova A. G. *Ortologija v teoreticheskom i prikladnom aspekte. Dis. kand. filol. nauk.* [Orthology in theoretical and applied aspects. Cand. philol. sci. diss.]. Tomsk, 2002, 196 p.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 256:398(=554)
DOI 10.17223/18137083/56/7

П. Е. Прокопьева

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск*

Предания о шаманах в системе несказочных жанров фольклора лесных юкагиров

Рассматривается место преданий о шаманах в устном народном творчестве лесных юкагиров (по материалам конца XIX в., собранным В. И. Иохельсоном). В несказочном фольклоре юкагиров распространены произведения, где ведущая роль отводится воину, охотнику и шаману. Делается вывод о том, что смысловым ядром преданий о шаманах является вера в их магические способности. Функционально шаманские тексты утверждали значимость шамана как отправителя религиозного культа в родовом обществе. За образом шамана в фольклоре стоит жизнь рода с его первостепенными нуждами. Как и другие несказочные произведения, предания о шаманах направлены на передачу действительных событий прошлого, традиционных духовных ценностей. Фольклорная лексика, относящаяся к теме шаманизма, отражает представления юкагиров о шаманстве как о сверхъестественном даре, содержит сакральную информацию.

Ключевые слова: лесные юкагиры, несказочный фольклор, жанр, шаманство, предания о шаманах.

Предания и легенды о шаманах занимают в устном народном творчестве лесных, верхнеколымских, юкагиров (самоназвание *одул*) одно из значительных мест как в записях прошлого, так и настоящего. Различные аспекты темы о шаманах и шаманстве у юкагиров, освещенные с привлечением фольклорных данных (юкагирский шаманизм, образ шамана в легендах, мужские и женские персонажи и др.), рассмотрены В. И. Иохельсоном [2005б], Н. И. Спиридоновым [1996], Л. Н. Жуковой [Жукова, Бурыкин, 2000; Жукова, 2011; Zhukova, 2014], А. А. Бурыкиным [Жукова, Бурыкин, 2000]. В настоящей статье поставлена цель выявить место преданий о шаманах в несказочной группе фольклорных произведений лесных юкагиров (по материалам конца XIX в. В. И. Иохельсона) и дополнить сведе-

Прокопьева Прасковья Егоровна – кандидат педагогических наук, заведующая сектором палеоазиатской филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ул. Сосновая, 4, Якутск, 677008, Россия; pproe@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© П. Е. Прокопьева, 2016

ния о представлениях юкагиров о шаманстве посредством анализа языковых фактов, обнаруженных в текстах.

Выдающийся ученый-североведВ. И. Иохельсон (1855–1937) является первым собирателем и исследователем фольклора лесных юкагиров. У одулов он записал более ста фольклорных текстов, которые вошли в его фундаментальные труды «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе» (СПб., 1900) [Иохельсон, 2005а] и «Юкагиры и юкагиризированные тунгусы» (Лейден; Нью-Йорк, 1926) [Иохельсон, 2005б]. Руководствуясь, по всей видимости, традиционной юкагирской классификацией фольклорных жанров, различающей внутри прозаического фольклора сказочные (*чуульдьии*) и несказочные (*ньиэдьиил*) произведения, В. И. Иохельсон в своей работе, посвященной устно-поэтическому наследию юкагиров [Иохельсон, 2005а], распределил повествовательные тексты по двум отделам. «В Отделе I, – писал он, – помещены одни сказки, а в Отделе II рассказы и другие образцы народного творчества» [Там же, с. 17–18].

Основу сказочного отдела составили тексты о животных, где преобладают сказки о хитроумном зайце, и повествования о чудовищах-людоедах, среди которых особняком стоит цикл о Сказочном, или Мифическом, Старике.

Описывая Отдел II, В. И. Иохельсон отметил, что он «включает в себя тексты самого разнообразного содержания» [Там же, с. 22]. Из этих произведений ученый выделил два основных блока: бытовые предания, охватывающие предания о древнем юкагирском быте, описания современного быта и рассказы о межплеменных отношениях, и тексты, иллюстрирующие шаманство и верования, в число которых входят предания о соревнованиях и борьбе шаманов между собой. Нужно сказать, что указанные В. И. Иохельсоном тематические группы – наиболее крупные, так как образцы позволяют говорить о существовании синкретических жанров, когда одно повествование можно определить по-разному, и о наличии других фольклорных тем.

С позиций современного взгляда на фольклорные жанры, исходя из содержания фольклорных текстов, записанных В. И. Иохельсоном, в несказочном фольклоре юкагиров можно разграничить следующие жанры:

1) исторический фольклор;

2) бытовые рассказы;

3) рассказы, связанные с промысловой деятельностью;

4) предания о шаманах;

5) этиологические легенды о происхождении природных объектов.

Центральными темами исторического фольклора являются межплеменные и межродовые вооруженные конфликты и первые встречи с русскими.

К бытовым рассказам целесообразно отнести предания о жизни в прошлом, житейские рассказы из настоящего, автобиографические рассказы.

От бытовых рассказов считаем нужным отделить истории, связанные с промысловой практикой, поскольку последние имеют иные функции и задачи. Здесь главной темой становится нарушение охотничьих запретов и следующее за ним наказание.

В составе жанра *ньиэдьиил* обнаруживаются этиологические легенды и рассказы о происхождении природных объектов, в частности озер и горных вершин. Восприятие носителями фольклора таких произведений как происходивших в реальности обусловлено тесной связью рассказов с традиционными верованиями, такими как одушевление природного мира, вера в могущество шаманов, их способность преобразовывать окружающее.

Как было сказано выше, ввиду синкретичности юкагирского фольклора не все произведения можно с определенностью причислить к той или иной жанровой разновидности. Например, легенду о том, как в древности два шамана делали во-

лок, из-за которого возникли два озера [Иохельсон, 2005а, № 33], можно интерпретировать и как предание о деяниях шаманов, и как этиологическую легенду о происхождении объектов природы. С учетом этой жанровой нерасчлененности мы также будем говорить и о текстах, содержательно связанных с образами шаманов и шаманством.

Так как речь идет о месте преданий о шаманах в группе *ньиэдьиил*, остановимся на главных героях несказочного фольклора. Это – воин, шаман и охотник. Эти лица не случайно выдвинуты на первые роли в рассказах, так как в прошлом от них, как от лидеров, зависела жизнедеятельность и судьба родовой общины.

В прежние времена военные столкновения между кочующими племенами, жившими за счет охоты и рыболовства, случались достаточно часто. Необходимость защищать род от врагов предопределила у юкагиров важность владения воинским искусством. Юкагирский фольклор в гиперболизированной форме изображает физические способности воинов, зачастую они рисуются волевыми, благородными и справедливыми.

Повествования, где действуют юкагирские воины, живописуют как выдающихся из них *тонбэйэ шоромо* (‘сильный человек’), так и рядовых защитников рода.

Другим героем юкагирского устно-поэтического творчества является охотник. В фольклорных материалах В. И. Иохельсона этот персонаж фигурирует не столь часто, как воин и шаман, но он не менее существенен.

Тяжелый и ответственный труд добытчика определил у лесных юкагиров высокий статус лучшего из охотников *хангичэ* (от *хаӈи* – ‘преследовать, гнать’), который занимал главенствующее положение среди других промышленников.

Юкагирские предания повествуют как о лучших промышленниках, готовых, если потребуется, стать на защиту рода, так и об обычных охотниках, которые, не жалея сил, ищут пропитание для своих сородичей.

Часто образ охотника в фольклоре рисуется в связи с религиозными представлениями юкагиров о природе. Хозяева природы сурово наказывают охотников, нарушивших промысловые обычаи, которые запрещают добывать сверх необходимого, жестоко поступать с добычей.

Юкагирский шаман *алма* (по В. И. Иохельсону, от глагола «делать», см.: [Иохельсон, 2005б, с. 236]), как известно из этнографической литературы и фольклорных текстов, принимал важнейшее участие в жизни рода, выступая посредником между людьми и окружающим их миром благодетельных и злокозненных духов. По своей значимости он приближался к старейшине, возглавлявшему родовую общину. В древности у юкагиров существовал культ шаманов-предков, следствием которого стал уникальный и единственный в своем роде, по мнению ученых, обычай хранения костей умершего шамана в качестве амулетов [Жукова, Бурыкин, 2000, с. 130]. Его тело после смерти высушивали особым образом и почитали как божество.

В несказочный отдел В. И. Иохельсон включил рассказ об обряде с умершими шаманами [Иохельсон, 2005а, № 37], шаманские обряды лечения больных [Там же, № 38, 39], предания о борьбе шаманов [Там же, № 33, 57, 58, 67], бытовые рассказы и исторические предания, где действуют шаманы, которые возвращают охотничью удачу [Там же, № 32], предвидят несчастье [Там же, № 59], войну [Там же, № 51, 52], совершают камлание, из-за чего человек превращается в звезду [Там же, № 64]. К текстам, отображающим шаманизм, относятся предания о первых встречах с русскими [Там же, № 28].

В Отдел II В. И. Иохельсон поместил небольшие по объему тексты, представляющие собой обращения к силам и духам природы, в числе которых обращения шаманов к духам Реки, Земли, Неба, Огня, и шаманские песни [Там же, № 40, 41], однако их в контексте темы нашей статьи анализировать не будем.

Рассказы, где основным героем является шаман, есть и в монографии В. И. Иохельсона «Юкагиры и юкагиризированные тунгусы», в частности, там упоминается легенда о том, как шаман излечивает зятя (тот заболел из-за того, что ранил нечистую силу) и изготавливает деревянного человека-идола [Иохельсон, 2005б, с. 242–243].

Многие из повествований о шаманах рассматриваются информантами как «древние», так как события в них происходили в пору «древних людей»: «у древних людей два шамана были» [Иохельсон, 2005а, № 57], «наши древние люди друг в друга стреляли» [Там же, № 58], «Старый был – древних людей шаман» [Там же, № 67].

Определение преданий как рассказов, идущих из «древних» времен, иногда заключается в концовках. Легенда о происхождении озер между реками Колымой и Ясачной вследствие деяний шаманов заканчивается следующими словами: «Это вот древних людей предание, моим дедом рассказанное, (которое) моему начальнику (или господину) рассказал» [Там же, № 33]. Ссылка на старшего по возрасту человека, от которого было услышано предание, расценивается как довод рассказчика в пользу надежного источника информации, благодаря чему подтверждается не только старинное время произошедшего, но и подлинность события.

Нередко доказательство древности происходившего содержится в наименовании повествований – *чуольэ ньэдьил* ‘древнее предание’, ‘древнее сказание’ [Там же, № 32, 52, 56].

Более или менее точное историческое время некоторых описываемых событий реконструируется по ценным комментариям В. И. Иохельсона. По поводу предания о первой встрече юкагиров с русскими [Там же, № 28], где говорится о старейшине Табушкане (в другой книге исследователь говорил о шамане Табушкане [Иохельсон, 2005б, с. 242]), он уточнял, что это предок теперешнего князца Ушканского рода с Ясачной в шестом восходящем поколении [Иохельсон, 2005а, с. 121]. По словам В. И. Иохельсона, шаман по имени Старый, о котором было записано одно предание [Там же, № 67], являлся предком князца в седьмом восходящем колене. На основании этого рисуемое в данных рассказах можно идентифицировать как происходившее в конце XVII – первой половине XVIII в.

Об отдаленном времени событий в отдельных текстах, отражающих шаманство, свидетельствуют упоминания в них особенностей древнего юкагирского быта. В одном из преданий о прибытии русских рассказчик оговаривает, как жили его предки в то время: «Юкагиры были, с каменными топорами были, с костяными стрелами были, с ножами из реберных костей были, с нартами (нартенные) люди были» [Там же, № 28]. В этом же предании изображены такие реалии предшествующей жизни юкагиров, как гадание на костях шамана-предка, летние сборы юкагиров на специальных местах *шахадьибэ*. Уже в конце XIX в. В. И. Иохельсон писал о них как о фактах давнего прошлого [Там же, с. 237, 187].

Чтобы уяснить суть и функциональную направленность преданий о шаманах, обратимся к их содержанию.

Рассказ о том, что делали древние юкагиры со своими умершими шаманами [Там же, № 37], повествует об изготовлении из тела шаманов родовых амулетов. После смерти шамана его мясо отделяли от костей, высушивали и помещали в специально сооруженные тальниковые шалаши, затем его распределяли между родственниками шамана. Мясо и кости шамана считались оберегами семьи и являлись объектом почитания. Черепу умершего шамана поклонялись, как богу.

Шаманские обряды врачевания, как следует из пояснений В. И. Иохельсона, были воспроизведены рассказчиками по просьбе собирателя: «Я просил старика проделать для меня шаманское камлание лечения больного. Он сначала отговаривался тем, что не все знает и что грех шаманить. <…> Наконец он согласился»

[Иохельсон, 2005а, с. 144]. Одно из камланий [Там же, № 39] передано со слов юкагира, но принадлежало оно умершему шаману, коряку по национальности, женатому на юкагирке. При этом исследователь указывал, что «камлание его не носит чисто юкагирского характера, а скорее – якутский», главный дух-покровитель шамана был якутский, по-якутски же проговаривались и слова от имени духа [Иохельсон, 2005а, с. 148]. Второй текст [Там же, № 38] обнаруживает интересные сведения, касающиеся взглядов юкагиров на мироустройство. Из повествования видно, что юкагиры верили в Царство теней со старушкой и собакой, живущих в самом его начале, в реку, на противоположном берегу которой живут тени – души умерших людей, и др. Оба текста начинаются с призыва предков, духов-помощников, обращения к силам природы.

Из нарративов отчетливо проступает функция шаманов как покровителей и защитников рода. Как справедливо замечает Г. Н. Курилов, в структуре древних преданий появляется мотив обращения к шаману для решения крайне сложных вопросов [Курилов, 2005, с. 40]. Важная миссия шамана, обладающего магической силой, проявляется в общении с духами, в частности с теми, кто покровительствует животным. В предании о девушке, по вине которой пропала охотничья удача, шаман узнает причину произошедшего и, чтобы поправить случившееся, наказывает принести девушку в жертву [Иохельсон, 2005а, № 32].

Рассказы о противостоянии древних шаманов сообщают об их исключительных возможностях: они могут оборачиваться в животных и птиц [Там же, № 57], бороться с соперником и после смерти [Там же, № 58], вступать в противоборство, будучи в спящем состоянии [Там же, № 67]. Если противником выступает шаман из другого племени, то победу одерживает юкагирский шаман [Там же, № 58, 67].

Эти произведения наглядно показывают то, насколько велик потенциал шаманов при перевоплощении и применении духов-помощников. В преданиях наблюдаем такие же фантастические, как и способности шаманов, персонажи. В предании о соревновании шаманов герои состязаются в силе с помощью духов-собак, оборачиваются стерхами; шаман, живущий на той стороне, изображается безголовым, с глазом посредине груди и ртом под мышкой [Там же, № 57]. Появление таких деталей становится следствием убежденности в умении шаманов посещать потусторонний мир.

Рассказы о состязаниях шаманов, по всей видимости, имеют под собой реальные факты демонстрации шаманами своей мощи. Описывая старинный летний праздник лесных юкагиров, куда съезжались все роды, В. И. Иохельсон говорил о том, что на нем «устраивались соревнования шаманов для испытания могущества их духов-защитников» [Иохельсон, 2005б, с. 188].

Шаманы в преданиях выдвинуты как на ведущие, так и на второстепенные роли, но последние следует считать таковыми весьма условно. Одно из повествований, например, названо «Рассказ о Шартаадиэ» [Иохельсон, 2005а, № 51] по имени шамана, который «постоянно худое предвещал», хотя в целом в рассказе говорится о том, что после нападения коряков удалось бежать лишь двум юношам. В другом рассказе главным героем является Сквернослов, превратившийся, однако, в итоге в звезду Венеру из-за камлания сестры [Там же, № 64].

Внимание в рассказах о шаманах сосредоточено прежде всего на магических способностях, которыми они обладают. Предвидение шамана становится завязкой сюжета, его охранительные манипуляции кладутся в основу повествования, камлание или распоряжение шамана, посредством которых достигается конечный результат, соотносятся с развязкой. Например, одно из преданий [Там же, № 52] рассказывает о шамане, который благодаря защитному обряду с использованием собаки сумел сделать свой дом неуязвимым для врага, тогда как остальные его сородичи не вняли предсказанию шамана о войне и погибли. Тематически рассказ

посвящен военному столкновению юкагиров с ламутами, но герой-шаман с его даром предсказывания и невероятными возможностями выводится на первый план повествования. Таким образом, причиной появления данных удивительных сюжетов *ньиэдьиил*, призванных воссоздать действительные картины минувших дней, послужила вера в безграничную чудесную мощь шаманов.

Поскольку предания о шаманах стоят в ряду несказочных произведений, то логично, что они не только номинально воспринимаются как достоверные истории, но и внутренне имеют их признаки.

Изложения событий в силу специфики жанра изобилуют бытовыми деталями: «на пяти женах женатый», «в доме его старшей жены бубен его обтягивали кожей» [Иохельсон, 2005а, № 58], «упомянутый якутский шаман с юкагирами (на охоту) за дикими оленями вверх по реке плыли» [Там же, № 67].

Нередко в преданиях, где выступают безымянные шаманы, впрочем как и воины и охотники, детализируются имена других персонажей и названия местностей: «Один шаман был, юкагирский шаман, имя его Парашин отец. Свою дочь Парашу от шамана оберегая, тень ея под морским торосом имел (держал)» [Там же, № 58]; «Рассказ об убиении друг друга шамана, просверлившего скалистый нос Лауедиэ, и шамана, жившего на той стороне моря» [Там же, № 57]. Эта информация, безусловно, предназначалась слушателям, убеждая их в невыдуманности сюжетов.

Тексты проливают свет на особенности юкагирского шаманизма. Так, одним из сильных помощников шамана выказывается собака, конкретно самка, ей противопоставляется более слабая собака-самец [Там же, № 57]. Нужно заметить, что об использовании собаки-самки в охранительных целях рассказывается как в старинных преданиях [Там же, № 32, 52], так и в повествованиях, собранных в наше время [Фольклор юкагиров…, 1989, ч. 2, № 47].

Несказочные произведения нередко включают сакральную информацию, которая отображается с помощью особой лексики. В одном рассказе, где шаман находит причину исчезновения лосей и указывает, как ее устранить [Иохельсон, 2005а, № 32], вместо распространенного в конце XIX в. *пиэдьэ* ‘лось’ используется устаревшее слово *толоу* с тем же значением. В другом предании [Там же, № 28] встречается выражение *иркэйэд-амун* ‘кости шамана-предка, при помощи которых гадали’ (*иркэйэ* ‘шаман’ (букв.: трясущийся), *амун* ‘кость’). В. И. Иохельсон говорил о существовании слова *иркэйэ* для понятия «шаман» [Иохельсон, 2005б, с. 236], но так как в фольклорных текстах шаман обозначается словом *алма*, можно полагать, что *иркэйэ* – это архаизм, употребляемый в последующем для обозначения именно шамана-предка.

В связи с темой о шаманах, надо отметить, что в текстах, записанных В. И. Иохельсоном, обнаруживается и другая интересная лексика, относящаяся к шаманству. Так, в рассказе о Сквернослове [Иохельсон, 2005а, № 64] наблюдается единичный случай использования образованного от *алма* глагола *алмо-* ‘быть шаманом (шаманкой)’, где *-о-* является показателем страдательного залога. В произведении о Каменной девке, названном сказкой [Там же, № 93], вместо общеупотребительного *йалӷиньэ* ‘бить в бубен, шаманить, камлать’ используется слово *шармориэ-*, которое в юкагирско-русском словаре В. И. Иохельсона переводится как ‘шаманить; истерика, нервный припадок’ [Иохельсон, 2005б, с. 467]. По нашему мнению, в слове вычленяются лексемы *шаар* ‘1) что-то, нечто; 2) что-либо, что-нибудь’ и *мори-* ‘слышать’ (это слово, известное еще в варианте *мэди-*, имеет также значения ‘чувствовать’, ‘понимать’), образующие в смысловом единстве ‘слышать (чувствовать) нечто’.

Несколько отступая от собственно текстов о шаманах, обратим внимание на еще одно слово из фольклора, связанное с представлениями о шаманстве. Слово *өнмуриэ* ‘служить (о церковной службе)’ из автобиографического рассказа

[Иохельсон, 2005а, № 74], считаем, может помочь объяснить этимологию слова *унмурэн* ‘бубен’ [Николаева, Шалугин, 2002, с. 72], которое зафиксировано в современном языке лесных юкагиров (обычно говорят *йалҒил*; кстати, второе значение у этого слова – ‘озеро’).

Любопытно, что в значении ‘служить; проповедовать’ слово *унмурэ-* использовано в современной мифологической сказке [Фольклор юкагиров…, 1989, ч. 1, с. 9] по отношению к шмелям, которых Христос, обустраивающий Среднюю землю, благословил за помощь: *Христос таӈ тадиндьаҒаапэлэ лостубиим: «Титкэлэ чуөтэ шоромо йуөт монӈигэн: хойдэдьэйэплэк,* ***унмурэт*** *эйрэӈил»* [Там же, с. 46] – «Христос тех шмелей благословил: “Пусть люди всегда, когда вас видят, говорят: это священники, **проповедуя** они ходят”». По сообщению юкагира В. Г. Шалугина, 1934 г. р., от которого ранее была записана сказка, *хойдьидьаайэ унмурэл* (в переводе информанта – ‘божий молельник’) называют пчелу (материалы автора, записано в 2001 г. в с. Нелемное Верхнеколымского района Республики Саха (Якутия)).

О значении *унмурэ-*, близком к ‘служить, молиться, проповедовать’, говорит и А. Е. Шадрина, 1930 г. р., толкуя слово как ‘пропевать молитвы’: *Хойлӈин ньасьаадэ унмурэй* – «Богу молясь, поет» (материалы автора, записано в 2012 г. в с. Нелемное). По словам Д. П. Борисовой, 1946 г. р., *унмурэ-* у нее ассоциируется с протяжным звуком, идущим изнутри (материалы автора, записано в 2015 г. в г. Якутске).

Суммируя значения *унмурэ-* в контекстах, данных носителями языка, можно предположить, что это слово и слово *унмурэн* ‘бубен’ восходят к одному корню, значение которого связывается с определенными звуком, ритмом и мелодикой. Включение образов шмелей (пчел) в это смысловое поле произошло, по-видимому, и на основе звуковых ассоциаций, и на базе мифологических воззрений, где этим существам отведена роль защитников и благодетелей.

В целом, основной идеей, предопределившей несказочные фольклорные сюжеты о шаманах, является магический шаманский потенциал. По Л. Н. Жуковой и А. А. Бурыкину, «рассказы о шаманах у юкагиров служили средством поддержания высокого авторитета шаманов в обществе и распространения веры в их сверхъестественные способности и силы» [Жукова, Бурыкин, 2000, с. 131].

Касательно якутских мифов о шаманах, Н. А. Алексеев писал, что «в этих текстах, в сущности, обосновывалось право шамана руководить религиозной жизнью народа» [Алексеев, 2004, с. 35]. Эта характеристика подходит и для юкагирских преданий. Мысль об утверждении в юкагирском фольклоре веры в шаманское могущество коррелирует с тем, что говорил о шаманах ученый, представитель лесных юкагиров, Н. И. Спиридонов в своей работе «Одулы (юкагиры) Колымского округа» (1930). Наряду со старейшинами и кузнецами он называл их юридическими вершителями жизни одулов [Спиридонов, 1996, с. 38].

Предания юкагиров о шаманах, какими бы фантастическими они ни казались современному читателю, расценивались их носителями как повествования, передающие подлинные факты. Подобное осмысление этих удивительных рассказов можно сравнить с отношением юкагиров к историческим преданиям о межплеменных столкновениях, которые при всей их гиперболизированности считались воспроизводившими действительные события. Исторические предания о вооруженных конфликтах укрепляли престиж воинов-защитников рода и содействовали формированию у молодежи лучших моральных качеств и развитию мотивации к физическому совершенствованию [Прокопьева, 2014, с. 174].

О том, что повествования о шаманах воспринимались юкагирами как рассказы о реальных событиях, свидетельствуют, как видим, и наличие в них этнографических подробностей, соотносящихся с древним бытом, шаманскими верованиями, и присутствие архаической лексики.

К слову, в материалах В. И. Иохельсона, кроме вышеназванного текста о Каменной девке [Иохельсон, 2005а, № 93], больше нет сказок, где бы героем являлся шаман. В сказочных произведениях конца XIX в. шаманить могут животные, в частности росомаха, лечащая медведя и поедающая жир из его раны [Иохельсон, 2005б, с. 428–429], но эти манипуляции не оцениваются серьезно.

Несмотря на то, что несказочные повествования юкагиров сконцентрированы вокруг определенных стержневых героев – шамана, воина, охотника, каждый из них олицетворяет, прежде всего, родовой коллектив с его первостепенными заботами, нуждами и чаяниями. За изображением каких-либо событий, даже в связи с конкретными историческими лицами, неизменно стоит жизнь целого рода, семьи, что нашло отражение в особенностях обрисовки эпохи: «Старый был – древних людей шаман» [Иохельсон, 2005а, № 67], «Давно у нас, говорят, сильный человек был, по имени Халаджил» [Там же, № 54]. Посредством этих героев внимание произведений фокусируется на судьбоносных сторонах жизни родовой группы – это взаимодействие и «сотрудничество» с миром духов, промысловая деятельность, немыслимая вне одухотворенной и одушевленной Природы, защита от врагов, требующая физической и моральной подготовки.

Как и многие другие несказочные произведения, функционально предания о шаманах, которые, как подчеркивается в текстах, идут из древности, были направлены на обеспечение сохранности сложившихся мировоззренческих установок и духовных приоритетов юкагирского общества, создавая тем самым условия для преемственности традиционных знаний.

Список литературы

Алексеев Н. А. Якутская мифология // Якутские мифы = Саха өс-номохторо / Сост. Н. А. Алексеев. Новосибирск: Наука, 2004. С. 6–38.

Жукова Л. Н. О некоторых женских персонажах одульского фольклора // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2011. № 2. С. 106–111.

Жукова Л. Н., *Бурыкин А. А.* К изучению шаманства юкагиров // Актуальные проблемы филологии: Сб. науч. тр. Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 2000. Вып. 3. С. 127–132.

Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005а. 272 с.

Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы / Пер. с англ. В. Х. Иванова, З. И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005б. 675 с.

Курилов Г. Н. Юкагиры и их фольклор // Фольклор юкагиров / Сост. Г. Н. Курилов. Москва; Новосибирск: Наука, 2005. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 25). С. 12–44.

Николаева И. А., *Шалугин В. Г.* Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский. СПб.: Дрофа, 2002. 224 с.

Прокопьева П. Е. Изобразительные средства в повествовательном фольклоре лесных юкагиров // Филологические науки. Теория и практика. 2014. № 6 (36). Ч. 2. С. 170–174.

Спиридонов Н. И. Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск: Северовед, 1996. С. 6–50.

Фольклор юкагиров Верхней Колымы / Сост. Л. Н. Жукова, И. А. Николаева, Л. Н. Дёмина. Якутск, 1989. Ч. 1. 161 с.; ч. 2. 89 с.

Zhukova L. The Odulfolklore: on the functional significance of shamans // Sibirica. 2014. N 13/2. P. 94–104.

P. E. Prokopieva

Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation; pproe@yandex.ru

Legends about shamans in the system of non-fairytale genres of Forest Yukaghirs' folklore

The paper considers the place occupied by the legends about shamans in the oral folklore of Forest Yukaghirs (based on the materials of the late 19th century collected by V. I. Jokhelson). Spread in the non-fairytale folklore of the Yukaghirs are the works in which the leading role is played by a warrior, hunter and shaman. A conclusion is drawn that the semantic core of the legends about shamans is the belief in their magical abilities. Functionally the shamans' texts asserted the importance of the shaman in the tribal society as an executor of a religious cult. In the Forest Yukaghirs' folklore the image of the shaman, just as those of other main characters, is inseparable from the life of the tribe with its primary needs. Like other non-fairytales, the legends about shamans focus on the description of the real events of the past, the traditional spiritual values. The folk vocabulary related to the topic of shamanism reflects the Yukaghirs' traditional conceptions of shamanism as a supernatural gift and contains sacral information.

Keywords: Forest Yukaghirs, non-fairytale folklore, genre, shamanism, legends about shamans.

DOI 10.17223/18137083/56/7

References

Alekseev N. A. Yakutskaya mifologiya [TheYakut mythology]. In: Alekseev N. A. (compiler) *Jakutskie mify = Saha өs-nomohtoro* [Yakut myths. Saha өs-nomohtoro]. Novosibirsk, Nauka, 2004, pp. 6-38.

Fol'klor yukagirov Verkhney Kolymy. Sost. Zhukova L. N., Nikolaeva I. A., Djomina L. N. [The folklore of the Upper KolymaYukaghirs]. Zhukova L. N., Nikolaeva I. A., Djomina L. N. (Compilers). Part 1, Yakutsk, 1989, 161 p.

Fol'klor yukagirov Verkhney Kolymy. Sost. Zhukova L. N., Nikolaeva I. A., Djomina L. N. [The folklore of the Upper KolymaYukaghirs]. Zhukova L. N., Nikolaeva I. A., Djomina L. N. (Compilers). Pt 2, Yakutsk, 1989, 89 p.

Iokhel'son V. I. *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge* [The materials for Yukaghir language and folklore study collected in the Kolymsky district]. Yakutsk, Bichik, 2005, 272 p.

Iokhel'son V. I. *Yukagiry i yukagirizovannye tungusy* [The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus]. Novosibirsk, Nauka, 2005, 675 p.

Kurilov G. N. Yukagiry i ikh fol'klor [The Yukaghirs and their folklore]. In: *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 25, Fol'klor yukagirov [Folklore of Yukaghirs]. Moscow, Novosibirsk, Nauka, 2005. pp. 12-44.

Nikolaeva I. A., Shalugin V. G. *Slovar' yukagirsko-russkiy i russko-yukagirskiy* [The Yukaghir-Russian and Russian-Yukaghir dictionary]. St. Petersburg, Drofa, 2002. 224 p.

Prokop'eva P.E. Izobrazitel'nye sredstva v povestvovatel'nom fol'klore lesnykh yukagirov [Figurative means of the Forest Yukaghir narrative folklore]. In: *Filologicheskie nauki. Teorija i praktika* [Philological sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov, Gramota, no. 6 (36), pt 2, 2014, pp. 170–174.

Spiridonov N. I. *Oduly (yukagiry) Kolymskogo okruga* [The Oduls (Yukaghirs) of the Kolymsky district]. Yakutsk, Severoved, 1996, pp. 6–50.

Zhukova L. N. O nekotoryh zhenskih personazhah odul'skogo fol'klora [About some female personageis of tne Odul Folklore]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik*, 2011, pp. 106–111.

Zhukova L. N., Burykin A. A. K izucheniju shamanstva jukagirov [To the study of Yukaghir shamanism]. *Aktual'nye problemy filologii* [Actual problems in philology]. Issue 3, Yakutsk, Yakut State University, 2000, pp. 127–132.

Zhukova L. The Odulfolklore: on the functional significance of shamans. *Sibirica*, 2014, no. 13/2, pp. 94–104.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/56/8

Н. В. Константинова

Новосибирский государственный педагогический университет

Русский травелог начала XIX века: феномен авторской стратегии (на материале путевых записок В. Б. Броневского) *

Исследование посвящено основным вопросам изучения эволюции жанра травелога в России в начале XIX в. Предметом описания в данной статье является феномен авторской стратегии в путевых записках В. Б. Броневского. Анализ нарративных стратегий автора-путешественника позволяет и выявить специфику жанра травелога, и определить феномен авторства путевых записок. В нарративе конкретных произведений начала XIX в. обнаруживается совмещение двух противоположных точек зрения: путешественника-очевидца и путешественника-писателя, объективность и субъективность, документальность и литературность. Кроме того, выделенные нами примеры в травелоге В. Б. Броневского наглядно демонстрируют установки скорее литератора, писателя, нежели объективного путешественника. Рассказ о событии путешествия превращается в повествовании в акт мифотворчества. Очевидец постепенно в процессе письма, все более погружаясь в нарративную саморефлексию, превращается в поэта, художника, творца нового мира. Путешественник познает Иное сознание, Чужой мир в процессе создания травелога, постигая роль автора.

Ключевые слова: авторская стратегия, нарратив, травелог, автор-путешественник, саморефлексия.

Жанр травелога в современном литературоведении становится все более привлекательным объектом исследования. Такой интерес объясняется не только тем, что путешествие является одним из ярких атрибутов современной культуры, но и модной темой культурологии и антропологии. Ученые, как правило, подвергают анализу цели путешествия, исторический и культурный контекст, дискурс траве-

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект 15-04-00508 (Аннотированный указатель «Русский травелог XVIII–XX веков»).

Константинова Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия; scribe2@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© Н. В. Константинова, 2016

лога, сюжеты и мотивы путевых записок [Дискурс травелога, 2008; Труды Русской антропологической школы, 2013; Феноменология, история…, 2013; Русский травелог…, 2015]. При этом особое внимание уделяется традиционно изучению специфики «литературных травелогов». Так, в диссертационных работах, посвященных вопросу изучения литературных путешествий, в качестве предмета исследования представлена эволюция жанровой формы и стиля, специфика жанра путевых записок в русской литературе определенного периода (в основном XVIII в., первой трети или первой половины XIX в.) [Дыдыкина, 1998; Иванова, 2010]. Феномен же авторства в таких произведениях комментируется крайне редко, только в контексте изучения жанровых особенностей. Так, О. А. Дыдыкина, исследуя эволюцию стиля русских литературных путешествий от Карамзина до Гончарова, говорит о жанре путешествия как об «односубъектном повествовании, организующим центром которого является путешественник – одновременно и участник событий, то есть литературный герой, и писатель, облекающий дорожный материал в литературную форму» [Дыдыкина, 1998, с. 16]. Ориентируясь на произведения XIX в., Н. В. Иванова указывает, что в этот период происходит усиление фигуры автора в рамках сюжетной структуры путевых записок. Она трансформируется и обретает дуалистическую сущность: автор-повествователь и путешественник [Иванова, 2010].

Подобная раздвоенность сознания пишущего субъекта, постоянное самоопределение между позицией автора и путешественника, безусловно, отражается на специфике повествования в путевых записках. В связи с этим В. М. Гуминский отмечает: «…“путешествия”, оставаясь фактом литературы, все время стремятся покинуть литературу как особую форму человеческой деятельности, обособленную от реальной жизни» [Гуминский, 1987, с. 141]. Однако следует указать, что наиболее отчетливо эта тенденция проявляется именно в травелогах начала XIX в. Этот период даже характеризуется в культуре как «эпоха путешествий», что подтверждается существенным увеличением количества реальных путешествий и путевых записок. На особый повествовательный феномен русских травелогов этого времени обращает внимание, в частности, историк П. С. Куприянов, выделяя «парадоксы литературности»: «Между “путешествием” и путешествием, между практикой и повествованием, между литературой и жизнью, как между двумя электрическими полюсами, возникало “напряжение”, формировалось особое силовое поле – поле литературности, и в этом поле неизбежно оказывалось всякое путешествие начала XIX века» [Куприянов, 2004, с. 59].

Конечно, следует указать, что авторы травелогов в этот период даже невольно испытывали на себе влияние мощной литературной традиции, порожденной произведением Н. М. Карамзина. Как литературный жанр, путешествие конца XVIII – начала XIX в. обладало целым рядом устойчивых элементов. Так, например, Е. С. Ивашина выделяет наиболее типичные компоненты: «Устойчивые мотивы были свойственны Предисловию, “Предуведомлению к читателю”; присущий путешествию характер Посвящения, как и само наличие Предисловия и Посвящения, признавался обязательным. Литературное “путешествие” отличала заметно утрированная метафоризация и стиля, и фабулы. Сочетание стихов и прозы, особый способ оформления (как правило, в виде писем), обильное цитирование, а также ряд постоянных сюжетных мотивов – все это постепенно становилось “каноном” литературного “путешествия”» [Ивашина, 1979, с. 9]. К наиболее часто повторяющимся характеристикам исследователи относят также указание на любительский характер записок, преподнесение их как «безделок», имитация нелитературности, обращение к друзьям, стремление убедить читателя в спонтанной фиксации увиденного.

Однако, несмотря на наличие подобных шаблонов и «литературных ориентиров», автор-путешественник в своем индивидуальном «слове о путешествии», как

правило, ставит перед собой множество вопросов: описывать ли только те события, в которых непосредственно участвовал либо был их очевидцем? каким образом необходимо фиксировать события в записках? каким слогом необходимо описывать увиденное? какова цель фиксации тех или иных событий, впечатлений, характеристик? какова логика повествования?

Даже в литературных путешествиях второй половины XIX в. встречаются подобного рода размышления. В этом отношении интересен текст И. А. Гончарова «Фрегат «Паллада» (1858), в котором автор ставит перед собой важные вопросы, связанные не только с тем, о чем писать, но и как писать, будучи путешественником: «Нет науки о путешествиях: авторитеты, начиная от Аристотеля до Ломоносова включительно, молчат; путешествия не попали под ферулу риторики, и писатель свободен пробираться в недра гор, или опускаться в глубину океанов, с ученою пытливостью, или, пожалуй, на крыльях вдохновения скользить по ним быстро и ловить мимоходом на бумагу их образы; описывать страны и народы исторически, статистически или только посмотреть, каковы трактиры, – словом, никому не отведено столько простора и никому от этого так не тесно писать, как путешественнику» [Гончаров, 1986, с. 12]. Таким образом, специфика нарративных стратегий автора-путешественника является, несомненно, актуальным направлением в исследовании травелога.

Как уже отмечалось, заметный рост числа реальных путешествий в начале XIX в. сопровождался столь же существенным подъемом соответствующего литературного жанра.

На этом фоне, безусловно, выделяется одно важное историческое событие – кампания Дмитрия Николаевича Сенявина начала XIX в. Средиземноморская кампания Д. Н. Сенявина довольно хорошо освящена в мемуарах ее участников: В. Б. Броневского, П. И. Панфилова, П. П. Свиньина, Н. М. Клемента, В. А. Сафонова. Эти мемуары стали как активно публиковаться в журналах и сборниках, так и выходить отдельными изданиями.

Особенно ценным первоисточником этого исторического события считаются «Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год» В. Б. Броневского [Броневский, 1836]. А. А. Бестужев-Марлинский писал по поводу этой книги, что Броневский «изобразил будто в панораме берега Средиземного моря. Он привлекает внимание разнообразием предметов, слогом цветущим, быстротою рассказа о водных и земных сражениях и пылкостью, с которой передает нам геройские подвиги неприятелей, друзей и сынов России. Он счастливо избег недостатка множества путешественников, утомляющих подробностями. Он занимателен всем и нигде не скучен» [Бестужев-Марлинский, 1958, с. 549]. Но в большей степени эти путевые записки выделялись спецификой авторских стратегий, которые и демонстрировали особый феномен точки зрения автора-путешественника на этом этапе эволюции жанра травелога.

Так, в частности, П. Куприянов в своей исследовательской работе подробно описывает литературную распрю между двумя авторами травелогов о кампании Д. Н. Сенявина: «В декабре 1818 г. на страницах петербургского еженедельника “Сын Отечества” разразился литературный скандал. Не являясь сколь-нибудь значимым событием в истории русской литературы, он, тем не менее, должен был привлечь внимание читателей хотя бы накалом страстей. Оппоненты открыто обвиняли друг друга в неблагодарности, плагиате (“присвоении чужой собственности”), обмане публики и клевете. Участниками этой острой полемики были В. Б. Броневский и П. П. Свиньин, а непосредственным поводом – вышедшая накануне книга последнего “Воспоминания на флоте”. Началось все с того, что в 49-м номере журнала (за 7 декабря) появилось “Уведомление” В. Б. Броневского, в котором автор… заявлял, что некоторые фрагменты его рукописи, лишь

слегка измененные, были вставлены П. П. Свиньиным в свою книгу. В доказательство В. Б. Броневский привел несколько параллельных мест из “Воспоминаний на флоте” и из своих записок, фрагменты которых еще летом 1818 г. были опубликованы в разных журналах. Он не только отмечал очевидные сходства соответствующих эпизодов в текстах двух авторов, но и указывал на противоречия, возникающие в повествовании П. П. Свиньина после вставления чужих фрагментов. <…> Таким образом, В. Б. Броневский уличал П. П. Свиньина, во-первых, в использовании чужого текста, а во-вторых, в обмане публики: оказывалось, что он вовсе не был очевидцем всего того, что описывал, хотя назвал свою книгу “Воспоминаниями”» [Куприянов, 2004, с. 60].

Таким образом, главной претензией В. Б. Броневского к П. П. Свиньину становится недостоверность фактов, которые изображает автор-путешественник. Другими словами, автор травелога упрекает другого автора в том, что он не был путешественником, а значит, не имел право писать «слово о путешествии». Сам же В. Б. Броневский объясняет уже в предисловии свои принципиальные авторские установки: «…обошед Европу, видел я лучшие ее страны, знаменитые происшествиями. Славные своими древностями, просвещением и науками… Я вел ежедневные записки о тех событиях, коих был очевидец и о том, что казалось мне достойным внимания и любопытства. <…> В полной надежде на снисхождение отечественной публики предлагаю историческое повествование сего достопамятного похода и вместе путевые мои замечания, мысли и впечатления, изложенные в хронологическом порядке. Счастливым почту себя, если просвещенные читатели удостоят благосклонным принятием сей первый труд мой и если принесу удовольствие служившим тогда на флоте и в 15 пехотной дивизии в Корфе находившимся офицерам, изображением тех битв, где каждый из них имел неотъемлемую часть славы» [Броневский, 1836, ч. 1, с. 2].

Кроме того, в «Уведомлении к первому изданию» в 4-й части своих записок он еще раз делает акцент на том, что автор травелога вправе описывать только то, что видел сам: «Я сделал извлечение из журнала, доставленного мне одним из товарищей моих с тем, чтобы я воспользовался оным при печатании моих записок. Но как журнал его заключает в себе события 1804 г. … описание городов, в коих я не был, посему и советовал ему переложить журнал в письма и напечатать оныя особо, на что он и согласился, представя издание оных моему попечению. Тем с большим удовольствием принял я на себя сей труд, что журнал его как по оригинальности слога, так и по любопытным замечаниям, с некоторою уверенностью могу думать, доставит любителям словесности приятное, занимательное и полезное чтение; и притом вместе с моими записками составит полное обозрение тех стран, в которых флот наш от 1804 по 1810 год находился» [Там же, ч. 4, с. 1].

Однако так явно выраженная автором путевых записок установка на достоверность не являлась единственной. Очевидное стремление к подлинности, документальности, объективности, намеренно подробное описание событий сочетается в тексте с субъективностью, стремлением выразить свои собственные переживания, мысли и чувства, угодить читателям и «выразить себя». В связи с чем в путевых заметках возникает интересный феномен авторской точки зрения, очевидное «напряжение» между двумя нарративными стратегиями: автора-документалиста, этнографа, историка и автора-писателя, литератора, художника. При этом, на наш взгляд, в записках В. Б. Броневского в большей степени выражается желание морского офицера стать автором собственного «слова о путешествии», творцом своей «литературы путешествия», несмотря на эксплицитную установку в предисловии и официальных примечаниях.

Для достижения такой цели он, безусловно, с одной стороны, следует логике профессиональных авторов этого времени, соответствует общепринятым литера-

турным канонам. Например, активно занимается просвещением своего читателя: «…оставим корабли спокойно продолжать путь свой. Сделаем небольшое отступление для тех, коим небесполезно знать, каким чудесным образом столь великие громады, каковы корабли, по важным, непостоянным зыбям безопасно движутся, и кратким объяснением мореплавания, дадим им некоторое понятие о том искусстве, каким суда из края в край, от страны в страну надежно препровождаются. <…> Ни одна из наук, постепенно восходивших к совершенству, не поспешала такими исполинскими шагами, как наука мореплавания» [Броневский, 1836, ч. 1, с. 28, 31].

Но чаще в его записках встречается противоположная авторская стратегия – разрушить шаблоны и стереотипы. Например, в разделе «Нечто о турках» он отмечает: «Многие путешественники, не зная их языка и будучи предубеждены мечтаниями о славе древней Греции, всё в них осуждали; о действиях их и побудительных к тому причинах часто, по соображению со своими обычаями, судили превратно» [Там же, ч. 3, с. 158]. Для того чтобы представить иную точку зрения, В. Б. Броневский использует высказывания турок о себе: «Турки сами признают, что при поспешном их суждении иногда погибают невинные, но они в оправдание своё говорят: “Лучше пожертвовать десятью овечками для истребления одного хищного волка, нежели дать ему способ задавить ещё сотню и другую”» [Там же, с. 159]. По собственному наблюдению путешественника: «Турки думают иначе о исполнении смертных приговоров и говорят, что лучше умереть нечаянно, нежели продолжительно страдать в ожидании определённой казни... необходимая смерть, определённая законом, тем самым по возможности облегчается. <…> Честность Турок заслуживает особенное внимание и поистине достойна нашего удивления. Купцы их верят друг другу на миллионы, без векселей и записей, на одно только честное слово, и выдают деньги при одном свидетеле... Турки столь гнушаются обманом или подлогом в торговле, что если вы, пришед в Турецкую лавку, покажете сомнение о качестве или цене товара, то Мусульманин примет сие за крайнюю обиду и часто скажет: “Неужели вы принимаете меня за Христианина?” Таково их мнение о всех Христианах, которое в некотором отношении частию и справедливо» [Там же, с. 160]. Такой способ изображения позволяет не только внешне показать специфику жизни представителей чужой страны, но и выразить особенности их мировоззрения, уникальность иной картины мира. Очевидна также установка именно на познание Иного сознания, а не на описание Чужого мира.

Использование разных точек зрения на одно явление действительности, совмещение разных нарративных стратегий создает эффект многомерности мира, который описывает путешественник, допускает вариативность интерпретаций. Это можно увидеть на примере характеристики жизни черногорцев: «Мечтания философов о независимости могут в семейственной жизни черногорцев найти образ счастливой свободы, но друг человечества всегда откроет в том беспорядок своеволия, где право сильного и неумолимое мщение заменяют все законы; он пожелает в сердце, да освободятся они от бесчисленных бедствий войны, им и соседям их равно пагубной, и да оставят жизнь, толико противную достоинству человека» [Там же, с. 297].

В некоторых случаях обманутые ожидания автора объясняются несовпадением точки зрения на описание пространства: «Я ожидал, что Цитера, остров, где Венера вышла из недр моря, где родилась прелестная Елена, должен быть наипрекраснейший; думал, что природа должна украсить его наилучшей наружностию; воображал его романтическою очаровательною страною; но остров сей, называемый нане Цериго, представлял обманутому взору одни бесплодные скалы. <…> … Но если древние поэты полагали красоту более в душевном, внутреннем превосходстве, то они справедливо почтили Цериго местом рождения богини радостей.

В самом деле Цериго, столь безобразный по наружности, внутри под кровом обнаженных гор, наполнен плодоносными долинами и приятными местоположениями» [Броневский, 1836, ч. 3, с. 5].

Подобного рода стратегия выражается и в постоянном желании автора опровергнуть чужое высказывании о событии, явлении, человеке. Свое слово-текст он воспринимает как альтернативное авторское (литературное) слово. Приведем несколько показательных примеров: «Потеря наша состояла в нескольких перебитых снастях. На другой день со смехом читали мы в Триестских ведомостях пышное известие о жестоком и кровопролитном сражении, в котором морские гренадеры покрыли себя неувядаемой славой: “Неприятельский фрегат La Bella Venus потерял 200 человек (!) убитыми и ранеными, наша потеря также довольно значительна, мы лишились 16 человек храбрых и одного поручика”» [Там же, ч. 1, с. 302]; «храбрая флотилия Королевства Итальянского мужественно напала на огромные российские корабли и меткими выстрелами принудила оные отступить далее в море. Сражение происходило близ Капо де Истри. Потеря неприятельская должна быть значительна, мы узнали (от кого?), что одним ядром, пущенным с лодки Баталья де Мареино, убило адмирала Сенявина» [Там же, с. 319]; «Напрасно наемные журналисты старались всех уверить, что Катаро взята, о чем в Венеции в театре при барабанном бое объявили, напротив того, скоро везде узнали, что Сенявин, не дав обмануть себя переговорами, разбил славных его генералов и остался спокойным обладателем провинции Катарской» [Там же, ч. 2, с. 64–65]; «Вид довольства и изобилия идриотов не показывает никакого притеснения турецкого деспотизма, который неумолкаемо бранят все путешественники» [Там же, ч. 3, с. 9]; «Конечно, сии развалины не принадлежат к древней Трое, ниже к той Троаде, которая Александром Македонским построена была на могиле Ахиллесовой, но вероятно суть остатки Трои, возобновленной уже в позднейшие времена. Однако ж некоторые путешественники с помощью воображения нашли тут часть дворца Приамова, а три кургана, видимые близ развалин, назвали Ахиллесовой, Патрокловой и Аяксовой гробницами» [Там же, с. 22].

Нарратив записок В. Б. Броневского усложняется и совмещением разных дискурсов в описании одного и того же объекта действительности. Например, в описании моря В. Б. Броневский очевидно соединяет поэтический (литературный) и научный дискурсы: «Вода издавала блеск, подобный золоту, корабль по-видимому плыл в растопленном металле. <…> Картина ужасная и вместе прекрасная! Морская вода, содержащая в себе множество селитренных, фосфорических и других частиц, от трения о борт корабля, как будто возгорается, и в темную ночь при скором ходе производит сие явление [Там же, ч. 2, с. 287].

Рассказывая о путешествии сельди, автор проводит явную параллель с деятельностью человека-путешественника: «…вечная премудрость, которая печется о сохранении всех тварей, и здесь заметна в жизни и разуме сельдей, если сим можно назвать то тайное побуждение (инстинкт), который заставляет их предпринимать путешествие всегда в одно время, до известной широты, и в строе, порядке удивительном возвращаться в отечество свое, северный полюс, где под льдом от хищных рыб живут они в безопасности [Там же, с. 345]. Но в то же время далее в записках он приводит совершенно объективное с научной точки зрения объяснение такого явления: «Естествословы, изыскивая причину такового правильного путешествия сельдей, полагают искание пищи, состоящей в червях, коими северные моря преисполнены» [Там же, с. 345].

Авторское самоопределение в «литературе путешествий» выражается и в осознанном внимании к новым элементам путевых записок. Так, В. Броневский неоднократно обращает внимание читателя на принципиальное новаторство своего повествования: «…собрав подобные сведения о Черногории и Катарской области, я постараюсь с точностью изобразить свойства народа, по происхождению и вере

столь к нам близкого, а по преданности, любви и усердию к России тем более достойного внимания моих соотечественников, что страна сия еще ни одним путешественником не была описана. <…>

Таким образом объехал я Катарскую область и в продолжении времени собрал достаточные сведения для вернейшего ее описания, за всем тем оные были бы несовершенны и поверхностны, если бы не старался я собственные мои суждения проверить с показаниями многих знающих особ, наиболее же обязан К. В. Р., который доставил мне… Но как сей офицер, увлекаясь духом католицизма, представил характер народа совершенно в искаженном виде, то я заимствовал от него только статистическое и частию историческое описание. <…>

Черногорцы, ведя беспрестанную войну со своими соседями, не впускают ни одного иностранца в свою землю. Путешественник, который пожелал бы снять местоположение, подвергся бы опасности потерять жизнь; они почли бы его за шпиона какой-нибудь державы. По сей причине из множества путешественников нет ни одного, который бы посетил Черногорию, и нет ни одного творения о произведениях ее, о правлении, нравах и обычаях жителей» [Броневский, 1836, ч. 2, с. 482–498].

Автор записок даже пытается оправдаться перед читателем с помощью «нового объекта» описания: «Новость предмета вознаградит негладкость слога» [Там же, с. 498].

Травелоги В. Броневского также очевидно демонстрируют позицию русского путешественника: «…иностранца, приехавшего в 1 раз в Англию, изумляют деятельность, трудолюбие и чистота»; «Обычай совсем новый для русских! Здесь девицам оставляется вся свобода, а женщина, мать семейства, напротив, сидит дома, и редко, очень редко является в большие собрания»; «английская чернь величает иностранцев общим именем “французская собака”; одни только русские исключены из сего уничижительного звания; их называют Рушин добра, т. е. русский, добрый человек»; «мне весьма приятно было слышать, как усатые наши солдаты развязно и ласково разговаривали с итальянцами: таковая способность русского скоро приобретает ему любовь во всех землях. Француз, англичанин, если не обижают бедняка, то по крайней мере хотят показаться гораздо его благороднейшим. Русский не ищет сего преимущества и желает быть ему равным. Итальянская чернь кричит: да здравствуют русские!» [Там же, ч. 3, с. 35, 234]. Обращая внимание на положительные отзывы иностранцев о русских, В. Б. Броневский также помещает в свой текст и парадоксальные случаи восприятия русских традиций. Например, искажение иностранными путешественниками русских религиозных обрядов: «Иностранцам, особенно католикам, нравятся наши церковные обряды; а иногда обряды наши представляют в превратном виде. Вот тому разительный пример. Один путешественник, бывший во время Пасхи в Петербурге, описывая торжество сего дня, сказал: чувствительно было для меня видеть, когда все, бывшие в церкви, без различия чинов, царедворец и солдат, крестьянин и генерал начали обниматься и целовать друг друга в уста, говоря один другому: Крестовский остров, Васильевский остров (вместо Христос воскресе, воистину воскресе)…» [Там же, ч. 4, с. 254–255]

Патриотический настрой автора травелога выражается даже в абстрактных размышлениях о значимости путешествия, что приводит к возникновению неожиданных оппозиций: Родина / чужбина, путешествовать / жить, которые до этого в тексте не встречались: «О благословенная матушка Россия! Если бы ты была и не мое отечество, я всегда бы похвалил твое гостеприимство! Напрасно мы ищем онаго на чужбине, там нет и тени русской приветливости. Путешествовать, бесспорно, полезно и доставляет многие разнообразные удовольствия, но жить только на своей родине хорошо и приятно» [Там же, с. 210–211].

Безусловно, особый исследовательский интерес вызывают размышления автора о принципах порождения текста о путешествии. Именно эти фрагменты позволяют выделить индивидуальные скрипторские установки, охарактеризовать авторское слово о нарративе своего текста. К наиболее репрезентативным компонентам такой стратегии можно отнести следующие варианты.

1. Характеристика привлекательности предмета описания, объяснение мотивации автора в выборе объекта действительности: «Земля черногорцев не представляет ни надписей, ни развалин; известия о ее жителях не вмещают столь любопытных предметов, какие читатели находят в описании древней Греции; но часто полевой цветок бывает столь же душист, как другой, воспитанный в цветнике и оранжерее» [Броневский, 1836, ч. 1, с. 240].

2. Сравнение установок писателя и художника, уподобление иному способу письма/описания мира: «Ясное небо, грозное море и плывущий фрегат представлял картину, достойную кисти Вернета; но как изобразить сии золотые лучи солнца, отражавшиеся и смешавшиеся с белизной валов, шедших вслед нам глубокими браздами? Как соединить лазурный спокойный вид небесного свода с ужасным видом моря? Какую должно избрать краску, дабы живо написать…?» [Там же, с. 156].

3. Соотношение в повествовании устройства человеческого и природного миров: «Сошед вниз, гора, которая была ниже других, казалась им равною и закрыла собою гораздо его высочайшее. Не так ли и в свете ничтожный и порочный кажется равным добродетельному человеку? Не так ли дерзкий льстец и невежда затмевает достоинства скромного неискательного человека?» [Там же, ч. 2, с. 33].

4. Создание эффекта присутствия читателя в тексте, имитация прогулки: «Хотите ли иметь понятие о внутреннем убранстве их палат? Войдите со мною в дом княгине де Бутиро, богатейшей особы в Палермо» [Там же, с. 137].

5. Описание процесса порождения текста о событии (о походе): «Сей поход сделался сказкою между черногорцами, и они, до сих пор не видав более воды, кроме одного Скутарского озера, получили охоту на кораблях плавать в море; сии избранные возвратились домой, рассказали чудеса друзьям своим, и ласки адмирала к ним во время похода оказанные ещё более привязали к нему весь народ. Поэты их составили на сей случай песню, в которой имя Сенявина и других храбрых начальников передается потомству и соединяет, так сказать, имя русского со славянским» [Там же, с. 228].

6. Описание источника информации: «Из переписки адмирала с французскими генералами намерен я сообщить читателям два только письма, ясно обнаруживающие поступки и дух приверженцев Наполеона» [Там же, с. 248]. «Статья сия заимствована из краткого описания острова Сицилия неизвестного сочинителя, которая во французском издании прибавлена к письмам Г. Брайдона о Сицилии и Мальте» [Там же, ч. 4, с. 111].

7. Стремление описать сиюминутные ощущения, размышления (саморефлексия автора): «Инквизиция! Повторил я с ужасом, остановился и, с негодованием смотря на строение, безмолвно рассуждал с собой: как сей вертеп жестокого фанатизма, сие исчадие ада, противное кротости христианской веры, уничтожающее человечество, оскверняющее алтарь Всемилосердного творца, ещё терпим в наш просвещенный век… Содрогаюсь» [Там же, ч. 3, с. 226].

8. Комментирование выбора способа письма: «…я остался в галерее и продолжал рассматривать картины, замечал в них с большим вниманием, что первое бросалось в глаза, и чтобы не упустить ни малейшего впечатления, наскоро записал мои мысли. Оные, конечно, будут удовлетворительны для художников, ибо я описывал только то, что мне более нравилось. Несколько раз потом переписывал я мои мысли, старался привесть на память все впечатления, но был всем

недоволен и наконец остановился на том, что означил в записной моей книжке» [Броневский, 1836, ч. 4, с. 48].

9. Определение специфики записок морского путешественника (обнаружение преимуществ): «Морское путешествие, при многих неприятностях, доставляет одно удовольствие, так сказать, мгновенно переносишься из страны в страну и в короткое время ознакомишься с народами, живущими на противуположных концах земного шара, и в сем переходе мученики любопытства, если смею назвать так всякого путешественника, находят новую пищу для своих наблюдений… Видя везде новые обычаи… скоро к оным привыкаем; то, что сначала кажется странным, впоследствии становится обыкновенным…» [Там же, ч. 3, с. 229].

Таким образом, анализ нарративных стратегий автора-путешественника позволяет выявить и специфику жанра травелога, и определить феномен авторства путевых записок. Традиционно в исследованиях «литературы путешествий» установки автора характеризовались следующим образом: «Притязания путешественника на истинное знание основывалось на том факте, что они там были и видели все своими глазами. Личный опыт был главным аргументом в этом споре. Философская система является ошибочной конструкцией, так как зиждется на умозрительных представлениях, а рассказ путешественника отражает реальность, так как основывается на личном опыте очевидца. Такова логика путешественника» [Куприянов, 2004, с. 59]. Однако в нарративе конкретных путевых записок начала XIX в. обнаруживается совмещение двух противоположных точек зрения: путешественника-очевидца и путешественника-писателя, сочетаются объективность и субъективность, документ и литература. Кроме того, выделенные примеры в травелоге В. Б. Броневского наглядно демонстрируют установки скорее литератора, писателя, нежели объективного путешественника. Рассказ о событии путешествия превращается в повествовании в акт мифотворчества. Очевидец постепенно в процессе письма, все более погружаясь в нарративную саморефлексию, превращается в поэта, художника, творца нового мира. Путешественник познает Иное сознание, Чужой мир в процессе создания травелога, постигая роль автора.

Список литературы

Бестужев-Марлинский А. А. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 года // Бестужев-Марлинский А. А. Собр. соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 547–558.

Броневский В. Б. Записки морского офицера в продолжении Кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год: В 4 ч. СПб., 1836.

Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Л., 1986.

Гуминский В. М. Открытие мира, или Путешествия и странники. М., 1987.

Дискурс травелога: Сб. ст. / Авт.-сост. О. Ф. Русакова, В. М. Русаков. Екатеринбург: ИМС – Изд. дом «Дискурс-Пи», 2008.

Дыдыкина О. А. Эволюция стиля русских литературных путешествий конца XVIII – первой половины XIX в. М., 1998.

Иванова Н. В. Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века: Тематика, поэтика: Дис. … канд. филол. наук. М., 2010.

Ивашина Е. С. О специфике жанра «путешествия» в русской литературе первой трети XIX в. // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9. Филология. 1979. № 3.

Куприянов П. С. Русское заграничное путешествие начала XIX века: Парадоксы литературности // Историк и художник. 2004. № 1. С. 59–73.

Русский травелог XVIII–XX веков: Коллективная моногр. / Под ред. Т. И. Печерской; Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: НГПУ, 2015.

Труды Русской антропологической школы. Вып. 13. М.: Изд-во РГГУ, 2013.

Феноменология, история и антропология путешествия: Тез. междунар. Гумбольдтовской конф. (С.-Петерб. гос. ун-т, 16–19 апреля 2013 г.) / Сост., ред. М. Кобельт-Гробах, О. Кулишкина, Л. Полубояринова. СПб.: Свое изд-во, 2013.

N. V. Konstantinova

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation; scribe2@yandex.ru

The Russian travelogue of the beginning of the XIX century: the phenomenon of the author strategy (on the materials of V. B. Bronevskoy's travel notes)

The research is devoted to the main questions of the travelogue genre evolution in Russia in the beginning of the XIX century. The subject of a description in this article is the phenomenon of the author's strategy in the V. B. Bronevskoy's travel notes. The analysis of author-traveler's narrative strategies allows us to reveal the travelogue genre specifics and to define the phenomenon of the travel notes authorship. The combination of two opposite points of view, a traveler-eyewitness and a traveler-writer, objectivity and subjectivity, documentation and literariness, is revealed in the narrative of the specific works of the beginning of the XIX century. Also, the marked examples in V. B. Bronevskoy's travelogue evidently show rather the settings of the writer than of objective traveler. The story about the event of a trip turns to the formation of myth in the narration. During the writing, plunging into the narrative self-reflection, an eyewitness becomes a poet, an artist, a new world's creator. A traveler learns Another consciousness, Strange world during the travelogue creation, comprehending the author's function.

Keywords: author strategy, narrative, travelogue, author-traveler, self-reflection.

DOI 10.17223/18137083/56/8

References

Bestuzhev-Marlinskiy A. A. Vzglyad na russkuyu slovesnost' v techenie 1824 i nachale 1825 goda [The perspective on the Russian literature during 1824 and early 1825]. In: Bestuzhev-Marlinskiy A. A. *Sobranie sochineniy v 2 tomakh* [Collection of works in 2 volumes]. Vol. 2, Moscow, 1958, pp. 547–558.

Bronevskiy V. B. *Zapiski morskogo ofitsera v prodolzhenii Kampanii na Sredizemnom more pod nachal'stvom vitse-admirala Dmitriya Nikolaevicha Senyavina ot 1805 po 1810 god* [Notes of a naval officer in the continuation of the Campaign in the Mediterranean under the command of Vice-Admiral Dmitry Nikolayevich Senyavin from 1805 to 1810 year]. Saint-Petersburg, 1836.

Dydykina O. A. *Evolyutsiya stilya russkikh literaturnykh puteshestviy kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX v.* [The evolution of the style of Russian literary travels of the late XVIII – early XIX centuries]. Moscow, 1998.

Goncharov I. A. *Fregat «Pallada»* [The Frigate «Pallada»]. Leningrad, 1986.

Guminskiy V. M. *Otkrytie mira, ili Puteshestviya i str*anniki [The discovery of the world, or Travels and strangers]. Moscow, 1987.

Ivanova N. V. *Zhanr putevykh zapisok v russkoy literature pervoy treti XIX veka: Tematika, poetika* [The genre of travel notes in Russian literature of first third XIX century: themes, poetics]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow, 2010.

Ivashina E. S. O spetsifike zhanra «puteshestviya» v russkoy literature pervoy treti XIX v. [About the specifics of the genre of «travel» in the Russian literature of first third of XIX century]. *Vestnik MGU*, Moscow, 1979, seriya 9, Filologija, no. 3.

Kupriyanov P. S. Russkoe zagranichnoe puteshestvie nachala XIX veka: Paradoksy literaturnosti [The Russian overseas journey in the beginning of the XIX century: paradoxes of the literary]. *Istorik i hudozhnik*, 2004, no. 1, pp. 59–73.

Rusakova O. F., Rusakov V. M. (authors-compilers). *Diskurs traveloga: sbornik statej* [The discourse of the travelogue: collection of articles]. Ekaterinburg, Diskurs-Pi., 2008.

УДК 821.161.1-09
DOI 10.17223/18137083/56/9

А. С. Собенников

Иркутский государственный университет

Екклесиастические мотивы в повести А. П. Чехова «Огни»

Исследуется чеховская рецепция «соломоновских текстов» и влияние Екклесиаста на формирование чеховской картины мира в конце 1880-х гг. Сопоставляются отрывок «Соломон» и повесть «Огни». Доказывается, что повесть выходит за рамки «гносеологической проблематики». Выявляются аксиологический и экзистенциальный аспекты. Рассматриваются формы времени, хронотоп, сюжетные и смысловые мотивы тьмы, света, движения. Делается вывод, что образно-символический план произведения ведет читателя к постижению целостности мира. История Ананьева, отдельный опыт человеческой жизни, тоже становится частью целого.

Ключевые слова: Екклесиаст, Марк Аврелий, Чехов, мотив, свет, тьма.

О значении Книги Екклесиаста для формирования чеховской картины мира говорилось неоднократно [1]. Екклесиаст, который Чехов согласно традиции приписывал Соломону, и сопутствующие «соломоновские тексты», канонические (Песнь песней, Притчи Соломона) и апокрифические (Книга премудрости Соломона) оказали на него глубочайшее влияние. Соломон стал своеобразным культурным архетипом, о чем говорят тексты писателя (в «Степи» героя, отказавшегося от наследства, зовут Соломоном, в «Скучной истории» с ним ассоциируется знаменитый ученый Николай Степанович).

В переписке впервые имя Соломона появляется в письме М. В. Киселёвой 14 января 1887 г. в аспекте ассоциаций, рожденных культурой: «Есть люди, к<ото>рых развратит даже детская литература, которые с особенным удовольствием прочитывают в псалтири и в притчах Соломона пикантные местечки» [Чехов, Письма, т. 2, с. 11]. В письме А. Н. Плещееву 25 октября 1888 г. Чехов заяв-

[1] См.: [Полоцкая, 1979, с. 58–62; Катаев, 1989, с. 87–98; Капустин, 1993; Собенников, 1997, с. 36–50; Кубасов, 1998, с. 210–238; Пруайар, 2010; Finke, 1995, p. 145; Burge, 1997; Senderovich, 1997, S. 36–39; Swift, 2004].

Собенников Анатолий Самуилович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета (ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия; assoben52@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© А. С. Собенников, 2016

лял: «Будь я и Короленко гении, спаси мы с ним отечество, создай мы храм Соломонов, то нас возненавидели бы еще больше» [Чехов, Письма, т. 3, с. 43]. И в этом письме никакого «специального» значения имя Соломона не имеет. Но уже 15 ноября 1888 г. Чехов предлагает Суворину написать совместно трагедию на исторический сюжет: «Сюжетов много. Можно "Соломона" написать, можно взять Наполеона III и Евгению или Наполеона I на Эльбе…» [Там же, с. 71].

От замысла исторической драмы о царе Соломоне остался монолог героя, в котором он скорбит о трудности познания мира [2]. Герой вопрошает Бога: «…мне же зачем дал ещё томящийся дух и не спящую, голодную мысль» [Чехов, Соч., т. 17, с. 194]. И далее: «К чему это утро? К чему из-за храма выходит солнце и золотит пальму? К чему красота жён? И куда торопится эта птица, какой смысл в её полёте, если она сама, её птенцы и то место, куда она спешит, подобно мне должны стать прахом?» [Там же]. Даже по краткому отрывку видно, что молодого Чехова интересует экзистенциальная ситуация одиночества человека перед лицом смерти. Возможно, экзистенциал смерти актуализируется в художественном сознании писателя благодаря брату Николаю, умершему в имении Линтварёвых в июне 1889 г. Возможно, это связано с психологическим рубежом прощания с юностью. Многие исследователи говорят о кризисе, мировоззренческом и творческом, в конце 1880-х гг. [3]

Вместе с тем по письмам видно, что в сознании Чехова живут два образа библейского мудреца: периода молодости (2-я книга Паралипоменон, Притчи) и периода старости (Екклесиаст). В письме И. Л. Леонтьеву (Щеглову) 29 августа 1889 г. он пишет: «Будьте счастливы, как Соломон в юности» [Чехов, Письма, т. 3, с. 238]. Екклесиастическое же настроение Чехов связывает со старостью. В Библии говорится о мудрости и могуществе Соломона: «И превзошёл царь Соломон всех царей земли богатством и мудростию. И все цари земли искали видеть Соломона, чтобы послушать мудрости его, которую вложил Бог в сердце его» (2Пар. 9: 23–24). Состояние отчаяния, которую мы находим в чеховском отрывке, отсутствует в Притчах и в Паралипоменоне, оно перекликается именно с Екклесиастом.

Внутри «соломоновских» текстов обнаруживается диалогическая позиция, на один и тот же вопрос даются разные ответы. Так, например, в Книге премудрости Соломона сказано: «Познал я всё, и сокровенное, и явное, ибо научила меня премудрость, художница всего» (Прем. 7, 21). В Екклесиасте же читаем: «Когда я обратил сердце моё на то, чтобы постигнуть мудрость и обозреть дела, которые делаются на земле, и среди которых человек ни днём ни ночью не знает сна, – тогда я увидел все дела Божии и нашёл, что человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем» (Еккл. 16: 17). В Притчах сказано: «Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрёл разум» (Притч. 3: 13). В Екклесиасте же сказано: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Еккл. 16: 18).

Представляется, что в сознании Чехова эта диалогическая позиция связана с периодами человеческой жизни. В молодости Соломон «был счастлив» и, следовательно, «мудр», в старости – полон отчаяния, и мудрость не помогает ему избежать горестных мыслей о «суете сует». В чеховском отрывке герой уже не молод, он задает вопросы, на которые нет ответа. Отрывок начинается с ремарки: «Соломон (*один*)». Если представить, что перед нами фрагмент утерянного текста,

---

[2] См.: [Rossbacher, 1968, p. 32; Лапушин, 1998, с. 27–34; Собенников, 1997, с. 36–50; Кубасов, 1998, с. 211–215; Swift, p. 35, 38, 43, 44, et al.].

[3] Например, Н. Е. Разумова пишет: «Именно ему довелось на первом этапе творчества в чрезвычайно острой форме пережить кризис от сознания бытийного одиночества человека, связанный с давно назревшим в недрах культуры Нового времени сомнением во всемогуществе человеческого разума» [Разумова, 2001, с. 124].

зачем ремарка *один*? Сама ситуация говорит о том, что герой один. По-видимому, автору важно подчеркнуть не бытовое (ситуативное) одиночество героя, а бытийное, экзистенциальное, напоминающее одиночество субъекта повествования в «Екклесиасте» («*Человек* одинокий, и другого нет» (Еккл. 4: 8)). К Екклесиасту же отсылает и такой фрагмент чеховского текста: «О, лучше бы я не родился или был камнем, которому бог не дал ни глаз, ни мыслей» [Чехов, Соч., т. 17, с. 194]. Сравним в Екклесиасте: «А блаженнее их обоих тот, кто ещё не существовал» (Еккл. 4: 3). В чеховском отрывке герой весь день, «как простой работник», таскает к храму мрамор, чтобы «утомить к ночи тело» и заснуть. Источником страданий становится «непостигаемое бытие». Сравним в Екклесиасте: «Тогда я увидел все дела Божии и *нашёл*, что человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем» (Еккл. 8: 17).

Проблема познания, «гносеологическая тема» [Катаев, 1979, с. 21], сама оппозиция *казалось – оказалось* в творчестве Чехова конца 80-х гг., на наш взгляд, были спровоцированы «соломоновскими текстами». И в этом ключе особого внимания заслуживает повесть «Огни» (1888) [4]. «Огни» именно философская, а не идеологическая или психологическая повесть. Обратим внимание на заглавие, в тексте об огнях говорится так: «В саженях пятидесяти от нас, там, где ухабы, ямы и кучи сливались всплошную с ночною мглой, мигал тусклый огонёк. За ним светился другой огонь, за этим третий, потом, отступя шагов сто, светились рядом два красных глаза – вероятно, окна какого-нибудь барака – и длинный ряд таких огней, становясь всё гуще и тусклее, тянулся по линии до самого горизонта, потом полукругом поворачивал влево и исчезал в далёкой мгле. Огни были неподвижны. В них, в ночной тишине и в унылой песне телеграфа чувствовалось что-то общее. Казалось, какая-то важная тайна была зарыта под насыпью, и о ней знали только огни, ночь и проволоки…» [Чехов, Соч., т. 7, с. 106].

Заглавие, как правило, указывает на центр – смысловой и аксиологический. Кроме символики света, в этом описании есть значение упорядоченности, прогресса, цивилизации. Об этом говорит инженер Ананьев: «В прошлом году на этом самом месте была голая степь, человечьим духом не пахло, а теперь поглядите: жизнь, цивилизация» [Там же]. У его оппонента, студента фон Штернберга, другое отношение к огням: «Они вызывают во мне представление о чём-то давно умершем, жившем тысячи лет тому назад, о чём-то вроде лагеря амалекитян или филистимлян. Точно какой-то ветхозаветный народ расположился станом и ждёт утра, чтобы подраться с Саулом или Давидом. Для полноты иллюзии не хватает только трубных звуков, да чтобы на каком-нибудь эфиопском языке перекликались часовые» [Там же, с. 107]. Давид, как мы знаем, был отцом Соломона, а войны с амалекитянами и филистимлянами описаны в Первой книге Паралипоменон.

Огни вводят тему времени – важнейшую в повести. На эту тему указал В. Б. Катаев: «Таких временных уровней в “Огнях” не менее десятка. Время – вечность… Время, связанное с идеей прогресса… Время отдельной человеческой жизни… Время будничности, повседневности… Время, определяющее тот или иной психологический процесс… Время того или иного события… Упоминается ещё о времени в значении исторического периода…» [Катаев, 1979, с. 38–39]. Все эти виды художественного времени по факту привязаны к символике дневного цикла – ночи. Ночью Ананьев рассказывает свою историю, которая тоже происходит ночью, ночью герои видят огни, ночью они заняты будничными делами, с ночной тьмой ассоциируется вечность и историческое время филистимлян

[4] В. Я. Линков справедливо относит эту повесть к «поворотным» в творчестве Чехова: «Частица духовного содержания которой вошла в плоть каждого произведения, написанного после 1888 года» [Линков, 1995, с. 16].

и амалекитян. В отрывке «Соломон» действие тоже происходит ночью, и «непостигаемое бытие» метафорически соотносится с этим временем дневного цикла.

В истории Ананьева есть социально-бытовая сторона (замужество героини в провинциальном городе), психологическая (соблазнение) и нравственная (женитьба героя на соблазненной им чужой жене). Рассказ носит характер вставной новеллы, и если им ограничиться, то чеховская повесть напоминала бы «Крейцерову сонату» Л. Н. Толстого. Но у Чехова история Ананьева, его личный опыт, – один центр повествования. Другой центр – категория времени, и авторская интуиция времени, на наш взгляд, порождена Екклесиастом: «Всему своё время, и время всякой вещи под небом» (Еккл. 3: 1). Герой Чехова находится в зрелом возрасте, и уже в его описании рассказчик отмечает черты «мужчины в самом соку»: «Любил хорошо поесть, выпить и похвалить прошлое, слегка задыхался при ходьбе, во сне громко храпел… <…> Движения его и голос были покойны, плавны, уверенны, как у человека, который отлично знает, что он уже выбился на настоящую дорогу…» [Чехов, Соч., т. 7, с. 109]. В этом описании почти нет индивидуальных черт, это определенный этап человеческой жизни. И Ананьев «не герой», он напоминает тургеневских «дюжинных натур», «людей обыкновенной порядочности».

Барон фон Штернберг молод, но «задумчивое лицо, его глядевшие немножко исподлобья глаза и вся фигура выражали душевное затишье, мозговую лень… Он глядел так, как будто бы для него было решительно всё равно, горит ли перед ним огонь, или нет, вкусно ли вино, или противно, верны ли счёты, которые он проверял, или нет…» [Там же, с. 110]. В этом описании и в отношении студента к рассказу Ананьева читатель находит скепсис, недоверчивость молодости по отношению к зрелости и старости.

Подобную позицию Ананьев объясняет преждевременным чтением философских и религиозных книг. Он называет Гегеля и Канта, говорит о соломоновской «суете сует», но в подтексте есть еще стоики и С. Киркегор [5]. Эпиктет и Марк Аврелий упоминаются в письме Чехова к А. С. Суворину от 11 апреля 1889 г., в Доме-музее А. П. Чехова в Ялте хранится экземпляр «Размышлений» с пометами писателя. Предмет размышлений Марка Аврелия, так же как и у субъекта повествования в Екклесиасте, – время человеческой жизни. Смерть, бренность всего сущего, становится важнейшей темой Екклесиаста и «Размышлений». Интересно, что в ялтинском экземпляре рукой писателя семь раз отмечено: «Смерть» [Собенников, 2008, с. 170].

Однако вернемся к тексту повести «Огни». Герою повести, когда он приехал в город детства, было 26 лет, но он «отлично знал, что жизнь бесцельна и не имеет смысла, что всё обман и иллюзия» [Чехов, Соч., т. 7, с. 114]. В зрелом возрасте, в момент повествования, Ананьев осуждает эту «манеру мыслить». По его мнению, екклесиастическое знание – «это высшая, конечная ступень». Нужно прожить жизнь, т. е. пройти все ступени, чтобы говорить о «прахе и забвении». Свою историю он рассказывает как «прекраснейший урок» молодому человеку, студенту фон Штернбергу, однако лицо последнего «по-прежнему выражало мозговую лень» [Там же, с. 136]. «Всё это ничего не доказывает и не объясняет» – сказал студент» [Там же, с. 137]. Рассказчик делает вывод: «Ничего не разберёшь на этом свете» [Там же, с. 140].

[5] Первые русские публикации С. Киркегора появились в 1885 и 1886 гг. в «Северном вестнике» и в «Вестнике Европы». Марена Сендерович усматривает прежде всего типологическое родство в «косвенном методе» датского философа и в гносеологической позиции повествователя или рассказчика у Чехова [Senderjvich, 1997, S. 29–45]; о влиянии С. Киркегора на Чехова пишет также Т. Б. Зайцева [Зайцева, 2012].

Финал – важнейшая часть композиции, в этом фрагменте текста – его итог. Т. В. Филат справедливо обратил внимание на то, что гносеологический вывод о «непостигаемом бытии», о «тьме» в финале опровергается заключительной фразой рассказчика: «Стало восходить солнце…» [Филат, 2014, с. 140]. Но между «ночью» и «солнцем» было «пасмурное утро» с просыпающимися рабочими, неразберихой с котлами, «истеричной собакой с мутными глазами», туманом. Ночные образы Хаоса и «непостигаемого бытия» у Чехова не противопоставлены утреннему Солнцу, а сложным образом соотносятся с ним. «Туман» и «пасмурное утро» находятся *между* «тьмой» и «светом». «А когда я ударил по лошади и поскакал вдоль линии и когда, немного погодя, я видел перед собою только бесконечную, угрюмую равнину и пасмурное, холодное небо, припомнились мне вопросы, которые решались ночью. Я думал, а выжженная солнцем равнина, громадное небо, темневший вдали дубовый лес и туманная даль как будто говорили мне: «Да, ничего не поймёшь на этом свете! Стало восходить солнце…» [Чехов, Соч., т. 7, с. 140].

В чеховском повествовании есть фрагменты с ярко выраженным лирико-патетическим содержанием, они «музыкальны». И фраза: «стало восходить солнце» не информативна, она музыкальна, в ней есть библейская семантика и стилистика. Солнце – знак *целого*, оно заходит и восходит независимо от человека. Огни, насыпь, проволоки – творение человеческих рук, но и они являются частью целого. Еще раз вернемся к описанию огней: «Огни были неподвижны, в них, в ночной тишине и в унылой песне телеграфа чувствовалось что-то общее. Казалось, какая-то важная тайна была зарыта под насыпью, и о ней знали только огни, ночь и проволоки» [Там же, с. 106]. Ключевое слово здесь – *тайна*.

Хронотоп дороги у Чехова содержит в себе образ *пути* как направления движения, цели движения и состояния человека. «Линия» была бы невозможна без усилия многих людей, как невозможным было бы обновление Ананьева без нравственного усилия. Сам Ананьев приехал в город N по железной дороге, бежит из него и вновь возвращается, потому что его «погнала совесть». «Личный опыт» героя – смысловой центр рассказа Ананьева. Но в этом опыте есть нечто, что связано с ощущением *целого*. В рассказе Ананьева знаками *целого* становится море, степь, дорога, по которой идут герои в город, кладбище. О море сказано, как о «невидимой силе», когда герой вышел за ворота, стояла «гробовая тишина», «было темно». Герой вспомнил надпись на кладбищенских воротах: «Грядёт час, в онъ же вси сущие во гробех услышат глас Сына Божия» [Там же, с. 129]. Ананьев «зажигал спичку за спичкой», но «тёмную ночь» спички победить не могли.

Естественно, в чеховском повествовании все эти «огни» соотносятся друг с другом, входят в *целое* мира. Проселочная дорога, по которой Ананьев и Кисочка шли в город, соотносится с железной дорогой. Движение народов (лагерь филистимлян и амалекитян) в ветхозаветное время перекликается с движением масс людей при строительстве железной дороги, с движением рассказчика по степи, с движением Ананьева и фон Штенберга, приехавшими из Санкт-Петербурга в степь. И Ананьеву и студенту фон Штенбергу еще предстоит открыть эту тайну – тайну жизни и смерти, ибо она может быть открыта только в движении живой жизни. А что же история Ананьева, в чем ее смысл? В движении жизни и в движении времени она статична, она уже состоялась, но она стала связующим звеном отдельной человеческой жизни и *целого*.

Список литературы

Зайцева Т. Б. Повесть А. П. Чехова «Моя жизнь» в свете философской концепции Киркегора о стадиях жизненного пути // Философия Чехова. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2012. С. 268–280.

Капустин Н. В. О библейских цитатах и реминисценциях в прозе Чехова конца 1880-х–1890-х годов // Чеховиана. Чехов в культуре XX века. М.: Наука, 1993. С. 17–26.

Катаев В. Б. Проза Чехова: Проблемы интерпретации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.

Катаев В. Б. Литературные связи А. П. Чехова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.

Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: Искусство стилизации. Екатеринбург, 1998.

Лапушин Р. Е. Не постигаемое бытие: Опыт прочтения А. П. Чехова. Минск, 1998.

Линков В. Я. Скептицизм и вера Чехова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995.

Полоцкая Э. А. Движение художественной мысли. М.: Сов. писатель, 1979.

Пруайр Ж. де. Антон Чехов и Библия // Literary Calendar: The Books of the Day. 2010. № 6 (1). P. 26–29.

Разумова Н. Е. Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.

Собенников А. С. Между «есть Бог» и «нет Бога»: О религиозно-философских традициях в творчестве А. П. Чехова. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997.

Собенников А. С. А. П. Чехов и стоики // Философия А. П. Чехова. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2008.

Филат Т. В. Особенности семантики, композиции и функции финала «Огней» А. П. Чехова // Вісн. Дніпропетр. ун-ту. Сер. Філологічні науки. 2014. № 1 (7).

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974–1988.

Burge P. Chekhov's use of «Ecclesiastes» in «Step» // Chekhov A. P. Philosophie und Religion in Leben und Werk. München: Verl. O. Sagner, 1997. S. 399–405.

Finke M. Metapoesis. The Russian Tradition from Pushkin to Chekhov. Durham; London, 1995.

Rossbacher P. Cexov's Fragment «Solomon» // Slavic and East European Journal. 1968. Vol. 12, No. 1.

Senderovich M. Чехов и Киркегор // Chekhov A. P. Philosophie und Religion in Leben und Werk. München: Verl. O. Sagner, 1997.

Swift M. Biblical Subtexts and Religious Themes in Works of Anton Chekhov. N. Y.: P. Lang Publ., 2004.

A. S. Sobennikov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation; assoben52@mail.ru

Ecclesiastical motifs in Anton Chekhov's «Lights»

The paper studies Chekhov's understanding of the «Solomon» corpus of texts and the influence of Ecclesiastes on the formation of Chekhov's worldview at the end of the 1880s. Comparing Chekhov's fragment «Solomon» and his story «Lights», the author reveals axiological and existential aspects of the latter and proves that it transcends Chekhov's «epistemological approach». The author also examines the forms of time, chronotope as well as the plot and semantic motifs of «darkness», «light» and «movement». The conclusion is that the figurative and symbol-

ic plan of the work leads the reader to comprehend the integrity of the world. The story of Ananiev as the separate experience of human life also becomes the part of the whole.

Keywords: Ecclesiastes, Marc Aurel, Chekhov, motif, light, the darkness.

DOI 10.17223/18137083/56/9

References

Burge P. Chekhov's Use of «Ecclesiastes» in «Step». In: *Anton P. Chekhov. Philosophie und Religion in Leben und Werk*. Munchen, Verlag Otto Sagner, 1997, pp. 399-405.

Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t.* [Full collection of works and letters in 30 vols]. Moscow, Nauka, 1973–1984.

Filat T. V. Osobennosti semantiki, kompozicii i funkcii finala «Ognej» A. P. Chehova [The features of semantics, composition and function of the final of «Fires» of A. P. Chekhov]. *Visn. Dnipropetr. un-tu. Ser. Filologichni nauki* [Herald of the Dnepropetrovsk National University. Series Philology]. 2014, no. 1 (7).

Finke M. *Metapoesis. The Russian Tradition from Pushkin to Chekhov*. Durham and London, 1995, 145 p.

Kapustin N. V. O biblejskih citatah i reminiscencijah v proze Chehova konca 1880-h – 1890-h godov [About bible quotes and reminiscences in prose of Chekhov of the end of 1880-h – 1890-h years]. In: *Chehoviana. Chehov v kul'ture XX veka* [Chekhov heritage. Chekhov in the culture of the 20th century]. Moscow, Science, 1993, pp. 17–26.

Katayev V. B. *Literaturnye svjazi A. P. Chehova* [Literary communications of A. P. Chekhov]. Moscow, MSU, 1989. pp. 87–98.

Katayev V. B. *Proza Chehova: Problemy interpretacii* [Chekhov's Prose: interpretation problems]. Moscow, MSU, 1979, 21 p.

Kubasov A. V. *Proza A. P. Chehova: Iskusstvo stilizacii* [Prose of A. P. Chekhov: stylization ar]. Yekaterinburg, 1998, pp. 210–238.

Lapushin R. *«Dew on the Grass». The Poetics of Inbetweenness in Chekhov*. N. Y.: Peter Lang Publishing, 2010, 210 p.

Lapushin R. E. *Ne postigaemoe bytie: Opyt prochtenija A. P. Chehova* [Incomprehensible life: Experience of reading A. P. Chekhov]. Minsk, 1998, pp. 27–34.

Linkov V. Ya. *Skepticizm i vera Chehova* [Skepticism and belief of Chekhov]. Moscow, 1995, 16 p.

Polotskaja E. A. *Dvizhenie hudozhestvennoj mysli* [Movement of an art thought]. Moscow, 1979, pp. 58–62.

Pruajr Zh. de. Anton Chehov i Biblija [Anton Chekhov and the Bible]. *Literary Calendar: The Books of the Day*, 2010, no. 6 (1), pp. 26-29.

Razumova N. E. *Tvorchestvo A. P. Chehova v aspekte prostranstva* [A. P. Chekhov's creativity in the aspect of space]. Tomsk, TSU, 2001, 124 p.

Rossbacher P. Cexov's Fragment «Solomon». In: *Slavic and East European Journal*, vol. 12, 1968, no. 1, p. 32.

Senderovich M. Chehov i Kirkegor [Chekhov and Kirkegor]. In: *Anton P.Chekhov. Philosophie und Religion in Leben und Werk*. Munchen, Verlag Otto Sagner, 1997. pp. 36–39.

Sobennikov A. S. A. P. Chehov i stoiki [A. P. Chekhov and racks]. In: *Filosofija Chehova* [A. P. Chekhov's Philosophy]. Irkutsk, ISU, 2008, 170 p.

Sobennikov A. S. *Mezhdu «est' Bog» i «net Boga»: O religiozno-filosofskih tradicijah v tvorchestve A. P. Chehov* [Between «there is God» and «there is no God»: about religious and philosophical traditions in A. P. Chekhov's creativity]. Irkutsk, ISU, 1997 pp. 36-50.

Swift M. *Biblical Subtexts and religious Themes in Works of Anton Chekhov*. N. Y., Peter Lang Publishing, 2004.

Zaytseva T. B. Povest' A. P. Chehova «Moja zhizn'» v svete filosofskoj koncepcii Kirkegora o stadijah zhiznennogo puti [A. P. Chekhov's story «My life» in the light of the philosophical concept of Kirkegor about stages of a course of life]. In: *Filosofija Chehova* [A. P. Chekhov's Philosophy]. Irkutsk, ISU, 2012, pp. 268–280.

УДК 82-14
DOI 10.17223/18137083/56/10

В. Т. Фаритов

Ульяновский государственный технический университет

Идея вечного возвращения и нигилизм в лирике Ф. Сологуба: sanguine et aqua [*]

Рассматривается специфика художественного воплощения идеи вечного возвращения и нигилизма в лирике Ф. Сологуба. Идея вечного возвращения представляется в качестве центрального мотива лирики Сологуба, основное значение которой заключается в преодолении нигилизма и эстетики декаданса. На материале анализа отдельных поэтических текстов эксплицируется связь данной идеи с христианскими и языческими мотивами. Раскрывается связь мотива вечного возвращения в лирике Ф. Сологуба с лирикой А. С. Пушкина. При работе со стихотворными текстами используется методологический подход мотивного анализа, предложенный Б. М. Гаспаровым. Автор статьи уделяет особое внимание экспликации философских аспектов поэзии Ф. Сологуба. Подробному анализу подвергаются ницшеанские мотивы лирики Ф. Сологуба, также учитываются концептуальные разработки современной философии.

Ключевые слова: Сологуб, вечное возвращение, нигилизм, декаданс, Пушкин.

Русская философская мысль и художественная литература конца XIX – начала XX в. испытала мощное влияние учения Ф. Ницше [1]. Одним из тех, кто воспринял философию немецкого мыслителя, был Ф. Сологуб [2]. Прежде всего, в его творчестве получили художественное воплощение идеи вечного возвращения [3] и нигилизма, которые были не просто усвоены поэтом, но творчески переосмыслены и органически вплетены в ткань его поэтического миросозерцания. Рассмотрению

[*] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-34-11045.

[1] О влиянии идей Ф. Ницше на русскую философию и литературу см.: [Компанеец, Степаненко, 2008; Кондаков, Корж, 2000; Синеокая, 1999; Философия жизни…, 2013].

[2] О знакомстве Ф. Сологуба с работами Ф. Ницше см.: [Неизданный Ф. Сологуб, 1997].

[3] Об идее вечного возвращения в лирике Ф. Сологуба см.: [Григорьева, 2000; Кокурина, 2012].

Фаритов Вячеслав Тависович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Ульяновского государственного технического университета (ул. Северный Венец, 32, Ульяновск, 432027, Россия; vfar@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© В. Т. Фаритов, 2016

специфики художественного воплощения идей вечного возвращения и нигилизма в лирике Ф. Сологуба посвящена настоящая статья.

В «Цыганах» А. С. Пушкина отец Земфиры пытается утешить Алеко следующими словами:

К чему? Вольнее птицы младость;
Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем дается радость;
Что было, то не будет вновь [Пушкин, 1960, т. 3, с. 174].

Последний стих представляет собой определенную формулу понимания сущности времени. Время осмысливается здесь как поток сменяющих друг друга моментов. Каждый миг безвозвратно исчезает, вытесняемый другим, который также уходит в небытие. Старик находит в этой мимолетности существования особую мудрость: все течет, все проходит и потому не стоит пытаться удержать что-либо [4]. Необходимо не сопротивляться безвозвратному течению времени, но отдаться потоку существования, спокойно и бесстрастно созерцая его игру. Эта «стоическая» мудрость оказывается недоступной Алеко. Подобно гетевскому Фаусту, он хотел бы остановить мгновение, устранить преходящий характер земного бытия. Такая позиция приводит его к убийству и окончательной духовной гибели.

Если Алеко стремится к бесконечному утверждению своего «я» вопреки потку времени, то старый цыган растворяется в этом потоке, отказываясь от самоутверждения. По сути, такой способ существования оказывается не менее уязвимым, чем позиция Алеко. Сначала от старика уходит его возлюбленная, потом он теряет дочь. Едва ли его созерцательную жизнь можно назвать счастливой. Старик не является эпическим героем, поскольку эпическая ситуация предполагает единство индивида с субстанциальным началом (духом народа), на основе которого субъект может занимать активную позицию в мире [Гегель, 2007, с. 365–426]. Но цыгане у Пушкина – это еще не пришедший к сознанию своего духа народ: они едины не с духовной субстанцией, но с природой («природы бедные сыны»). Поэтому и мудрость старого цыгана скорее напоминает буддистское самоотречение, которое в европейской философии станет исповедовать А. Шопенгауэр. Это – пассивный нигилизм, в то время как позиция Алеко может быть охарактеризована как нигилизм активный [5]. И то и другое делает человека беззащитным в экзистенциальном плане:

Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!.. [Пушкин, 1960, т. 3, с. 180]

Необходимо найти другой способ существования во времени, который, с одной стороны, не предполагал бы отрицание его конечности (Алеко, Фауст), а с другой стороны, не был бы пассивным растворением в исчезающей череде мгновений (Старик). Такая позиция представлена в идее вечного возвращения, которую Ницше мыслил в качестве способа преодоления нигилизма. Уже в возрасте четырнадцати лет он формулирует эту идею в своем дневнике: «Ведь навеки не угаснет этой жизни милый сон; и когда-нибудь, с весною, снова мне приснится он!» [Ницше, 2014, с. 66]. Пушкин обратился к этой идее еще до появления Ницше [6]. Русский поэт отнюдь не был склонен принимать формулу старого цыгана

[4] О философских мотивах «Цыган» см.: [Мережковский, 2007, с. 249–253].
[5] О пассивном и активном нигилизме см.: [Делез, 2003].
[6] Об идее вечного возвращения в лирике А. С. Пушкина см.: [Фаритов, 2014].

«Что было, то не будет вновь». Ключевое слово пушкинского понимания времени – «вновь»:

Поклонник муз, поклонник мира,
Забыв и славу и любовь,
О, скоро вас увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склон приморских гор,
Воспоминаний тайных полный, –
И вновь таврические волны
Обрадуют мой жадный взор [Пушкин, 1960, т. 3, с. 158].

Ф. Сологуб уже был знаком с сочинениями Ф. Ницше и, соответственно, идея вечного возвращения в его поэзии выступает прямым следствием рецепции учения немецкого философа. Однако мотив вечного возвращения в лирике Сологуба является не только ницшевским, но и пушкинским.

В стихотворении 1907 г. Сологуб дает поэтическую формулу вечного возвращения: «Что было, будет вновь. / Что было, будет не однажды» [Сологуб, 1999, с. 371]. Это тот ответ пушкинскому цыгану, который не смог дать Алеко, тот ответ, который бы привел его к освобождению. У Сологуба данная формул представлена еще раз в первой части трилогии «Творимая легенда» [7]: «Свет луны был сладкий и загадочный. Она улыбалась неживым ликом и говорила, такая спокойная: – Что было, будет вновь. Что было, будет не однажды» [Сологуб, 1991]. Луна – это «лунная мечта», Лилит, один из центральных образов мифопоэтического мира Сологуба. Например:

Только грустно мне порою,
Отчего ты не со мною,
Полуночная Лилит,
Ты, чей лик над сонной мглою,
Скрытый маскою – луною,
Тихо всходит и скользит [Сологуб, 1999, с. 397].

В третьей части трилогии Сологуб поясняет метафизическое значение образа Лилит:

Всегда человеку даются две жены и даются ему вечно две истины. Как эти две истины, неслиянные и нераздельные, вечно враждебные одна другой, и вечно в тайном, неведомом союзе одна с другою, так и две жены человека всегда враждуют одна с другою. Только изредка какой-нибудь одной из них дается понимание их извечной, роковой близости. Первая жена – лунная мечта Лилит, обвеянная тишиною и тайною, подобными тишине и тайне могилы. Это – вечная Сестра, родная и далекая, таинственная Подруга, неведомая Спутница, всегда зовущая его в далекий путь. Вторая ему жена – солнечная, голубая, золотая Ева, Елисавета. Это – вечная Любовница, чужая, но близкая, Госпожа его дома, Мать его детей, всегда влекущая к его успокоению [Сологуб, 1991].

С точки зрения теории К. Г. Юнга речь здесь идет о двух аспектах архетипа Анимы [Юнг, 1998]: Лилит – негативная Анима, Ева (Елисавета) – позитивная. Обе суть две стороны одного архетипа или, точнее, разные функции, которые данный архетип может выполнять в психологии мужчины. Позитивная Анима

[7] О трилогии см.: [Слободнюк, 2011].

выполняет функцию посредника между эго и бессознательным, что обеспечивает эффективное существование во внешнем мире. Негативной Анима становится в том случае, когда обретает безграничную власть над сознанием, побуждая его уйти из внешнего мира и раствориться в царстве бессознательного. Такое растворение равнозначно смерти, поэтому образ Лилит у Сологуба неизменно связан со смертью, что мы увидим ниже и в рассматриваемом стихотворении.

Два следующих стиха первой строфы вводят мотивы смерти и воскресения:

С водой смешаю кровь
Устам, томящимся от жажды [Сологуб, 1999, с. 371].

Образный ряд этих строк напрямую отсылает к Евангелию. «Но один из воинов копьем пронзил ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (Иоанн 19: 34). Уста, томящиеся от жажды, – это уста распятого Христа: «После того Иисус, зная, что уже все совершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду» (Там же). Формула «что было, будет вновь» приобретает дополнительные смысловые оттенки. Будет вновь: распятие, жажда, протыкание копьем, кровь с водой. Однако в стихотворении о Страстях Христовых говорится как о личном деянии: глагол в форме первого лица указывает на активное действие субъекта. Лирический герой как будто сам хочет выступить одновременно и в качестве распинаемого, и в качестве распинающего. Речь идет об акте самораспятия как имитации крестной смерти Христа. Историческое и одновременно метафизическое событие, описанное в Евангелии, приобретает статус личной судьбы, которая добровольно избирается героем: так же, как Христос добровольно принял свою судьбу, предсказанную Писанием. Вновь повторяется, вновь возвращается момент выбора и принятия своей судьбы, момент смерти и воскресения. Вот то, что было и должно быть вновь и не однажды. Речь уже идет не о повторении событий частной жизни отдельного лица. Происходит пересечение трех временных пластов: пласт исторического времени (распятие Христа как историческое событие); пласт метафизического времени (распятие Христа как исполнение воли Бога, как вочеловечение Бога, его смерть и воскресение); пласт индивидуального времени (распятие как личная судьба отдельного человека). Все эти разнородные временные пласты сбираются в одну точку, сливаются в одном моменте. Так настоящее оказывается расширенным до истории и вечности, а вечность и история присутствуют в настоящем. Так индивидуальная судьба оказывается расширена до судьбы общечеловеческой и божественной, а последние фокусируются в судьбе индивидуальной. Именно этот момент наивысшего наполнения бытия и подлежит вечному возвращению, составляет его содержание.

Следует, конечно, учитывать, что христианское время по своей сути не есть время вечного возвращения. Оно является временем эсхатологическим, направленным на достижение конечного пункта: Страшного суда и наступления Царствия Божьего. Правда, это лишь один из вариантов понимания времени в христианстве. Возможен другой подход, согласно которому и Страшный суд, и смерть и воскресение не отдалены от настоящего неопределенным горизонтом будущего, но происходят сейчас, в каждый момент существования. Точно так же возможно и вечное возвращение понять как некую отдаленную временную перспективу: в каком-то будущем все повторится (а это будущее может прийти лишь через миллионы, миллиарды лет и, следовательно, не имеет особого значения для настоящего). Но это неверное понимание идеи вечного возвращения [8]. Повторение происходит уже сейчас, в настоящем, в каждый миг бытия. Каждый момент существования повторяется не в будущем, а уже в настоящем. Он и есть это повторе-

[8] На неправомерность такой трактовки вечного возвращения указывал М. Хайдеггер (см.: [Хайдеггер, 2006; 2007]).

ние, вечность, присутствующая в настоящем. Подобное прочтение позволяет сблизить евангельскую идею смерти и воскресения с идеей вечного возвращения. Сближение учения Ницше с религиозной мыслью вообще является одной из отличительных черт восприятия учения мыслителя в русской философии и литературе [Ницше: Pro et contra, 2001]. Дискуссионный вопрос о правомерности и границах такого сближения мы оставляем здесь открытым, так как он выходит за рамки задач настоящего исследования.

Вторая строфа открывает вторую часть стихотворения Сологуба, состоящую из четырех строф.

Придет с высоких гор.
Я жду. Я знаю, – не обманет.
Глубок зовущий взор.
Стилет остер и сладко ранит [Сологуб, 1999, с. 371].

«С высоких гор» – это заглавие стихотворения Ницше, которым завершается его книга «По ту сторону добра и зла» – «Aus hohen Bergen», в котором говорится об ожидании прихода друзей:

Oh Lebens Mittag! Feierliche Zeit!
Oh Sommergarten!
Unruhig Glück im Stehn und Spähn und Warten: –
Der Freunde harr' ich, Tag und Nacht bereit,
Wo bleibt ihr Freunde? Kommt! 's ist Zeit! 's ist Zeit! [Nietzsche, 1967]

«Я жду» – почти прямая отсылка к процитированной выше первой строфе стихотворения Ницше: «Der Freunde harr' ich». М. М. Павлова сообщает, что с произведениями Ницше Сологуб был знаком до появления первых переводов на русский язык [Неизданный Ф. Сологуб, 1997].

На вопрос, кого ждет герой с высоких гор, можно ответить, обратившись к «Творимой легенде». Это луна, лунная Лилит:

Если ее опять долго и страстно и с великою властью зовут, так неохотно она приходит. И говорит человеку:

– В роковой час отошел ты от меня. Холодным поцелуем со мною простился ты на роковом перекрестке, где так темно, холодно и страшно [Сологуб, 1991].

Она несет с собой тайну загробного мира, о чем говорится в третьей строфе стихотворения:

Моих коснется плеч.
Приникнет в тайне бездыханной.
Потом затопит печь
И тихо сядет ждать за ванной [Сологуб, 1999, с. 371].

Тема смерти еще более откровенно проступает в четвертой строфе:

Звенящие струи
Прольет, открыв неспешно краны,
И брызнет на мои
Легко означенные раны [Там же].

После евангельских ассоциаций открывающиеся краны производят впечатление анахронизма. Упоминание этого достижения современной цивилизации пере-

водит читателя из исторического и метафизического времени в план обыденного и прозаического настоящего. Кран – совершенно непоэтический образ, так же как и ванна в предыдущей строфе. Подобное сочетание поэтического и бытового позволяет сделать более наглядным пересечение разнородных сфер бытия и, соответственно, разнородных пластов времени. Так история и вечность проникают в самую сердцевину повседневного существования в настоящем.

Пятая строфа, завершающая вторую часть стихотворения, вносит окончательную ясность по поводу происходящего:

И дверь мою замкнет,
И тайной зачарует стены,
И томная войдет
В мои пустеющие вены [Сологуб, 1999, с. 372].

Речь идет о вскрытии вен в ванной. Такой способ ухода из жизни был распространен еще в Древнем Риме. Самый известный римский самоубийца – Сенека, вскрывший себе вены по приказу Нерона. Тацит сообщает, что кровь долго не выходила из жил философа и, чтобы ускорить конец, его положили в ванну: «Тогда Сенеку погрузили в бассейн с теплой водой, и он обрызгал ею стоявших вблизи рабов со словами, что совершает этой влагою возлияние Юпитеру Освободителю» [Тацит, 1993, с. 294]. Так еще раз повторяется образ крови, смешанный с водой. Появляется дополнительная смысловая коннотация: к смерти Христа прибавляется смерть Сенеки. И все это соединяется со смертью героя, вскрывающего вены в ванной (снова кровь смешивается с водой).

Сологуб обращался к Риму периода Империи и в других своих текстах. Например:

Нерон сказал богам державным:
«Мы торжествуем и царим!»
И под ярмом его бесславным
Клонился долго гордый Рим [Сологуб, 1999, с. 315].

Время правления Нерона известно жестокими гонениями на первых христиан и общим упадком римского духа. Это период декаданса, когда к закату приближалась вся античная культура. Внешний блеск не в силах прикрыть внутреннюю пустоту, воплощением которой является Нерон:

В сиянье цесарского трона,
Под диадемой золотой,
Я видел тусклый лик Нерона,
Я встретил взгляд его пустой [Там же].

Так в очередной раз происходит перекрещивание временных пластов: время жизни и смерти героя стихотворения (а в тексте указана точная дата: 30 марта 1907 г.) сливается и со временем распятия Христа, и с временами бесславного царствования римского тирана. Создается синтетический образ периода упадка и торжества нигилизма [9].

Следует обратить внимание, что существует и непосредственная связь между самоубийством и распятием. В Древнем Риме суицид считался преступлением,

[9] Тема падения Рима также имеет пушкинское происхождение (см. стихотворение А. С. Пушкина «Лицинию»).

и одним из предусмотренных видов наказания было распятие трупа [Калинченко, 2010].

Кроме того, самоубийство – один из центральных мотивов декадентской эстетики. Растворение в смерти и в бессознательном, воплощенном в образе лунной Лилит, приобщение к тайнам загробного мира – все это представляет собой способ радикального отрицания существующего мира, нигилизм. Но нигилизм является также и необходимым спутником роста, он предваряет переход на новый уровень утверждения жизни и образование новых смыслов и ценностей. Нигилизм есть необходимое следствие движения вперед: сама жизнь выходит за свои пределы, полагает новые горизонты, оставляет старое позади. «Отбросы, упадок, отбраковка – во всем этом нет ничего такого, что уже само по себе заслуживало бы осуждения: это необходимое следствие жизни, жизненного прироста. Появление декаданса столь же необходимо, как и любой подъем или развитие жизни» [Ницше, 2006, с. 236]. Это сумерки, сгущающиеся перед наступлением новой утренней зари.

В третьей части стихотворения Сологуб обращается к утверждению жизни посредством идеи вечного возвращения. Завершающая строфа в зеркальной симметрии повторяет первую – таким образом, что последние строки стихотворения совпадают с первыми:

С водой смешаю кровь
Устам, иссякнувшим от жажды.
Что было, будет вновь.
Что было, будет не однажды [Сологуб, 1999, с. 372].

Благодаря кольцевой композиции достигается зримое воплощение вечного возвращения. Эта идея представлена не только на уровне содержания стихотворения, но и на уровне организации текста. После мрака декаданса второй части вновь звучат жизнеутверждающие мотивы.

В «Так говорил Заратустра» есть сцена диалога между Заратустрой и Жизнью:

«Ты думаешь о том, о Заратустра, я знаю это, что ты хочешь скоро покинуть меня!»

«Да, – отвечал я робко, – но ты ведь знаешь…» И я сказал ей нечто на ухо, прямо в ее спутанные, желтые, безумные пряди волос.

«Ты знаешь это, о Заратустра? Этого не знает никто...» –

И мы смотрели друг на друга и глядели на зеленый луг, на который набегал прохладный вечер, и плакали вместе. – И жизнь была тогда мне милее, чем когда-либо вся мудрость моя [Ницше, 2007, с. 231].

Так посредством идеи вечного возвращения достигается торжество жизни над смертью – не через отрицание смерти, но через утверждение жизни, которая возвращается вопреки смерти.

Трехчастная композиция стихотворения Сологуба (где вторая часть является антитезой первой, а третья вновь утверждает первую) заставляет вспомнить пушкинское «Я помню чудное мгновенье…» [Пушкин, 1960, т. 2, с. 89]. Композиционная организация этого стихотворения совпадает с текстом Сологуба. Только у Пушкина распределение частей пропорционально по объему: по две строфы на каждую часть. И нет полного совпадения первой и последней строф (хотя пятая строфа почти полностью воспроизводит первую). Таким образом, пушкинский текст можно считать непосредственным прототипом текста Сологуба: как на уровне содержания, так и на уровне композиции. Через мрак отчаяния возвра-

щается мгновенье высшего утверждения существования, момент наивысшей полноты бытия [10].

Идею вечного возвращения можно эксплицировать и в других лирических произведениях Сологуба. Так, в стихотворении 1912 г. «Смеется ложному учению…» вечное возвращение связывается уже не с христианством, но с античностью. Стихотворение имеет ту же зеркальную композицию, когда последняя строфа воспроизводит первую. Прототипом этого текста также является пушкинское «Я помню чудное мгновенье…».

Первая строфа сразу же вводит главную тему – мотив вечного возврата:

Смеется ложному учению,
Смыкает вновь кольцо времен
И, возвращаяся к творенью,
Ликует Аполлон [Сологуб, 1999, с. 410].

Особого внимания заслуживает пушкинское «вновь» во втором стихе. Это временное наречие задает концептуальный горизонт для развития всего идейно-образного содержания стихотворения. «Ложное учение» – это в данном контексте христианство с его линейной концепцией времени. Ему противопоставляется языческое понимание времени как смыкающегося кольца, кольца вечного возвращения.

Последующие четыре строфы дают картину утраченного языческого существования на лоне природы – существования беззаботного и беспорочного:

Не зная ничего о радии
И о загадках бытия,
Невинным пастушком в Аркадии
Когда-то был и я.

И песни я слагал веселые
На берегу лазурных вод,
И предо мной подруги голые
Смыкали хоровод.

Венки сплетали мне цветочные,
И в розах я, смолянокудр,
Ласкал тела их непорочные,
И радостен, и мудр.

Но вот во мглу я брошен серую,
Тоскою тусклой обуян,
Но помню все и слепо верую –
Воскреснет светлый Пан [Там же].

Пятая строфа явно перекликается с текстом Пушкина:

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты.
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты [Пушкин, 1960, т. 2, с. 89].

[10] Аналогичную композиционную структуру имеет также повесть (симфония) А. Белого «Возврат», посвященная идее вечного возвращения.

Заключительная строфа стихотворения Сологуба дублирует первую, но с одной значимой вариацией – наклонение всех глаголов с изъявительного меняется на повелительное:

Посмейся ложному учению,
Сомкни опять кольцо времен
И научи нас вдохновению,
Воскресни, Аполлон! [Сологуб, 1999, с. 411]

Теперь вечное возвращение – это не самостоятельное событие, но личная воля героя стихотворения. Вечное возвращение утверждается волевым актом субъекта – это воля к вечному возвращению.

Слово «вдохновение», отсутствовавшее в первой строфе, представляет собой прямую отсылку к «Я помню чудное мгновенье…»: «Без божества, без вдохновенья» (четвертая строфа); «И божество и вдохновенье» (шестая строфа). Воскресающее божество («И для меня воскресли вновь…») есть также и у Сологуба: это Аполлон. С учением Ницше об аполлоническом и дионисийском начале Сологуб, безусловно, был знаком. Это учение составляло одну из теоретических основ русского символизма. В 1904 г. уже вышла программная статья Вячеслава Иванова «Ницше и Дионис» [Ницше: Pro et contra, 2001, с. 794–805].

В 1916 г. Сологуб пишет стихотворение, в котором переплетаются центральные мотивы его лирики:

Только мы вдвоем не спали,
Я и бледная луна.
Я был темен от печали,
А луна была ясна.

И луна, таясь, играя,
Сказкой в зыблемой пыли,
Долго медлила у края
Тьмою дышащей земли.

Но, восторгом опьяненный,
Я взметнул мою луну
От земли, в нее влюбленной,
Высоко на крутизну.

Что порочно, что безгрешно,
Вместе все луна сплела, –
Стала ночь моя утешна,
И печаль моя – светла [Сологуб, 1999, с. 461–462].

Здесь снова появляется луна – лунная Лилит. Снова представлены элементы декадентской эстетики и их преодоление. Если предыдущее стихотворение было посвящено Аполлону, то в рассматриваемом тексте речь идет о Дионисе. В третьей строфе представлен мотив дионисийского восторга и опьянения, приводящего к устранению границ между порочностью и невинностью. И наконец, в последнем стихе восходит к пушкинской реминисценции светлой печали. Так через повторение мотивов утверждается вечное возвращение в поэзии. Сама поэзия и есть вечное возвращение – воля к возвращению смысла и полноты бытия.

Количество стихотворений, посвященных теме вечного возвращения, в творческом наследии Федора Сологуба достаточно велико. Если собрать все эти тек-

сты вместе, получился бы отдельный сборник стихов. Вот, например, одно стихотворение из неопубликованных при жизни поэта материалов (написано в 1923 г.):

– Земля мила, хоть и сурова,
Ну, а каков-то будет рай?
– Увидишь правду без покрова,
Лишь поскорее умирай. –

– Но самовольство в бездну ада
Влечет кратчайшей из дорог. –
– Да, в жизни все изведать надо.
Конец путям укажет Бог. –

– А если там ни адских стонов,
Ни райских ликований нет? –
– Все не беда: сто миллионов
Промчится над вселенной лет,

И повторится вновь все то же,
Такие ж небо и земля.
Все, что могильный червь изгложет,
Возникнет, Господа хваля [11].

Здесь идея вечного возвращения сочетается с хвалой Всевышнему и верой в провидение Творца. Фактически Сологуб осуществляет попытку объединить в одном контексте языческое (к которому был обращен и Ф. Ницше) и христианское понимание бытия. Такое парадоксальное соединение было возможно только в мифопоэтической вселенной, создателем которой являлся сам поэт. Эти стихи говорят о том, что поэт всегда находился в пути: от христианской веры в Бога через нигилизм, декадентство, порою доходящее до откровенного сатанизма, он приходил к идее вечного возвращения; а от нее снова обращался к Богу. Так, в стихотворении 1926 г. (почти за год до смерти) мы снова находим подобное сочетание:

Я становлюся тем, чем был.
Мы жили все до колыбели,
И бесконечный ряд могил
Начало приближает к цели,
И замыкается кольцо,
На век начертанное строго,
И проясняется лицо
Владыки светлого чертога [Сологуб, 2002].

Таким образом, завершая исследование, можно сделать вывод, что идея вечного возвращения является центральным мотивом лирики Ф. Сологуба. Столь пристальное внимание поэта к этой идее ставит под вопрос сложившийся образ Сологуба-декадента. Да, он знал бездонное отчаяние, в котором доходил до крайнего нигилизма. Но он всегда активно искал пути преодоления этого нигилизма и в качестве одного из таких путей видел идею вечного возвращения.

[11] *Сологуб Ф. К.* Полное собрание стихотворений. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/104338/768/Sologub_-_Polnoe_sobranie_stihotvoreniii.html (дата обращения 16.06.2015).

Список литературы

Гегель Г. В. Ф. Эстетика: В 2 т. Т. 2. СПб.: Наука, 2007. 604 с.

Григорьева Е. Федор Сологуб в мифе Андрея Белого // Блоковский сборник. Вып. XV. Тарту, 2000. С. 108–149.

Делез Ж. Ницше и философия. М.: Ад Маргинем, 2003. 392 с.

Калинченко Е. С. Социально-философские аспекты проблемы суицида // Credo new. 2010. № 3. С. 9.

Кокурина М. В. Мотив «вечного возвращения» в лирике Ф. Сологуба // Филология и лингвистика в современном обществе: Материалы междунар. науч. конф., Москва, май 2012 г. М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 13–15.

Компанеец В. В., *Степаненко К. А.* Философия Фридриха Ницше и русский футуризм // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 8: Литературоведение. Журналистика. 2008. № 7. С. 23–27.

Кондаков И. В., *Корж Ю. В.* Фридрих Ницше в русской культуре Серебряного века // Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 176–186.

Мережковский Д. С. Вечные спутники. СПб.: Наука, 2007. 902 с.

Ницше: Pro et contra: Антология / Ю. В. Синеокая и др. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. 1076 с.

Ницше Ф. Черновики и наброски 1887–1889 гг. // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 13. М.: Культурная революция, 2006. 656 с.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 4. М.: Культурная революция, 2007. 432 с.

Ницше Ф. Юный Ницше: Автобиографические материалы. Избранные письма. Из ранних работ. 1856–1868 / Сост. В. М. Бакусев. М.: Культурная революция, 2014. 304 с.

Неизданный Федор Сологуб: Стихи. Документы. Мемуары / Вступ. ст., коммент., ред. М. М. Павловой. М.: НЛО, 1997. 576 с.

Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 3. М., 1960. 544 с.; Т. 2. М., 1960. 780 с.

Синеокая Ю. В. Восприятие идей Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение // Фридрих Ницше и философия в России: Сб. ст. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. С. 7–34.

Слободнюк С. Л. Холодный сумрак бытия: Творимая легенда Федора Сологуба. СПб.: СПбГПУ, 2011. 231 с.

Сологуб Ф. К. Творимая легенда. М.: Современник, 1991.

Сологуб Ф. К. Лирика. Минск: Харвест, 1999.

Сологуб Ф. К. Собрание стихотворений. Т. 7. СПб.: Навьи Чары, 2002. 624 с. URL: http://www.fsologub.ru/lib/poetry/poetry_1437.html (дата обращения 16.06. 2015).

Тацит К. Сочинения: В 2 т. Т. 1: Анналы. Малые произведения. СПб.: Наука, 1993. 736 с.

Фаритов В. Т. Поэзия как воля к вечному возвращению: Пушкин и Тютчев // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2014. № 6(32). С. 151–160.

Философия жизни в русской литературе XX–XXI века: От жизнестроения к витальности: Коллективная моногр. / Под ред. И. И. Плехановой. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2013. 485 с.

Хайдеггер М. Ницше. Т. 1. СПб.: Владимир Даль, 2006. 604 с.

Хайдеггер М. Ницше. Т. 2. СПб.: Владимир Даль, 2007. 440 с.

Юнг К. Г. Об архетипе и особенно о понятии Анима // Бог и бессознательное / К. Г. Юнг. М.: Олимп, 1998. С. 99–122.

Nietzsche F. Jenseits von Gut und Böse // Nietzsche F. Digitale Kritische Gesamtausgabe Werke und Brief: Based on the critical text by G. Colli and M. Montinari. Ber-

lin; N. Y.: De Gruyter, 1967. URL: http://www.nietzschesource.org/#eKGWB/JGB (дата обращения 16.06.2015).

V. T. Faritov

Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russian Federation
vfar@mail.ru

The idea of eternal return and nihilism in lyrics of F. Sologub: sanguine et aqua

The paper deals with the specific character of artistic realization of the idea of eternal return and nihilism in the lyrics of F. Sologub. The idea of eternal return appears as the central motif of the lyrics of Sologub, the main role of which is to overcome the nihilism and decadence aesthetics. The connection of this idea with Christian and pagan motifs is explicated on the material of individual poetic text analysis. The eternal return motif in the lyrics of F. Sologub in relation to the lyrics of A. Pushkin is revealed. While working with poetic texts, the methodological approach of motif analysis proposed by B. M. Gasparov is used. The author pays special attention to the explication of the philosophical aspects of poetry of F. Sologub. The Nietzschean motifs in F. Sologub's lyrics are analyzed in details. Also, account is taken of the conceptual developments in modern philosophy.

Keywords: Sologub, the eternal return, nihilism, decadence, Pushkin.

DOI 10.17223/18137083/56/10

References

Delez Zh. *Nitsshe i filosofiya* [Nietzsche and Philosophy]. Moscow, Ad Marginem, 2003, 392 p.

Faritov V. T. Poeziya kak volya k vechnomu vozvrashcheniyu: Pushkin i Tyutchev [Poetry as the will of the eternal return: Pushkin and Tiutchev] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2014, no. 6 (32), pp. 151–160.

Grigor'eva E. Fedor Sologub v mife Andreya Belogo [Fyodor Sologub in the myth of Andrei Bely]. *Blokovskiy sbornik*. Issue XV, Tartu, 2000, pp. 108–149.

Hegel G. W. F. *Estetika: V 2 t.* [Aesthetics: in 2 volumes]. Vol. 2. St. Petersburg, Nauka, 2007, 604 p.

Kalinchenko E.S. Sotsial'no-filosofskie aspekty problemy suitsida [Social and philosophical aspects of the problem of suicide]. *Credo new*, 2010, no. 3, p. 9.

Khaydegger M. *Nitsshe* [Nietzsche]. Vol. 1, St. Petersburg, Vladimir Dal, 2006, 604 p.

Khaydegger M. *Nitsshe* [Nietzsche]. Vol. 2, St. Petersburg, Vladimir Dal, 2007, 440 p.

Kokurina M. V. Motiv «vechnogo vozvrashcheniya» v lirike F. Sologuba [The motif of «eternal return» in the lyrics F. Sologub] *Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve: Materialy mezhdunar. nauch. konf., Moskva, May 2012 g.* [Philology and Linguistics in modern society: materials of international scientific conference, Moscow, May 2012]. Moscow, Vash poligraficheskiy partner, 2012, pp. 13–15.

Kompaneets V. V., Stepanenko K. A. Filosofiya Fridrikha Nitsshe i russkiy futurizm [Friedrich Nietzsche Philosophy and Russian Futurism]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika.* 2008, no. 7, pp. 23–27.

Kondakov I. V., Korzh Yu. V. Fridrikh Nitsshe v russkoy kul'ture Serebryanogo veka [Friedrich Nietzsche in Russian culture of the Silver Age]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, 2000, no. 7, pp. 176–186.

Merezhkovskiy D.S. *Vechnye sputniki* [Eternal companions]. St. Petersburg, Nauka, 2007, 902 p.

Neizdannyy Fedor Sologub. Stikhi. Dokumenty. Memuary (*Vstup. st., komment., red. M. M. Pavlovoy*) [Unpublished Fedor Sologub. Poems. Documentation. Memoirs (Intr., comm., ed.: M. M. Pavlova]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 1997, 576 p.

Nietzsche F. Chernoviki i nabroski 1887–1889 [Drafts and sketches 1887–1889]. In: Nietzsche F. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [Complete Works in 13 volumes]. Vol. 13, Moscow, Cultural Revolution, 2006, 656 p.

Nietzsche F. Jenseits von Gut und Böse. In: Nietzsche F. *Digitale Kritische Gesamtausgabe Werke und Brief: Based on the critical text by G. Colli and M. Montinari.* Berlin, N. Y., De Gruyter, 1967.

Nietzsche F. Tak govoril Zaratustra: Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo. [Thus Spoke Zarathustra. A book for everyone and no one]. In: Nietzsche F. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [Complete Works in 13 volumes]. Vol. 4, Moscow, Cultural Revolution, 2007, 432 p.

Nietzsche F. *Yunyy Nitsshe: Avtobiograficheskie materialy. Izbrannye pis'ma. Iz rannikh rabot. 1856–1868* [Young Nietzsche: Autobiographical materials. Selected Letters. From early works. 1856–1868]. Moscow, Cultural Revolution, 2014, 304 p.

Nitsshe: Pro et contra: Antologiya [Nietzsche: Pro et contra: Anthology]. Sineokaya Yu. V. etc. St. Petersburg, Izd-vo RKhGI, 2001, 1076 p.

Plekhanova I. I. (ed*.) Filosofiya zhizni v russkoy literature XX–XXI veka: Ot zhiznestroeniya k vital'nosti* [Philosophy of life in Russian literature of XX–XXI centuries: from life building to the vitality.]. Irkutsk, Irkutsk State University, 2013, 485 p.

Pushkin A. S. *Sobranie sochineniy v 10 tomakh* [Collected works in 10 volumes]. Vol. 3, Moscow: GIKhL, 1960, 544 p.

Pushkin A. S. *Sobranie sochineniy v 10 tomakh* [Collected works in 10 volumes]. Vol. 2, Moscow, GIKhL, 1960, 780 p.

Sineokaya Yu. V. Vospriyatie idey Nitsshe v Rossii: osnovnye etapy, tendentsii, znachenie [Perception of Nietzsche's ideas in Russia: the main stages, trends, value]. *Fridrikh Nietzsche i filosofiya v Rossii: Sbornik statey* [Nietzsche and Philosophy in Russia]. St. Petersburg, Russkiy Khristianskiy gumanitarnyy institute, 1999, pp. 7–34.

Slobodnyuk S.L. *Kholodnyy sumrak bytiya: tvorimaya legenda Fedora Sologuba* [Cold twilight existence: created legend Fedor Sologub. S. L. Slobodnyuk]. St. Petersburg, SPbSPU, 2011, 231 p.

Sologub F. K. *Lirika* [Lyrics]. Minsk, Kharvest, 1999.

Sologub F. K. *Sobranie stikhotvoreniy* [Collection of poems]. Vol. 7. St. Petersburg, Nav'i Chary, 2002. 624 p. Available at: http://www.fsologub.ru/lib/poetry/poetry_1437.html (accessed 16.06.2015)

Sologub F. K. *Tvorimaya legenda* [A legend being created]. M, Sovremennik, 1991.

Tatsit K. *Sochineniya: v 2 t. T. 1: Annaly. Malye proizvedeniya* [Works: in two volumes. Vol. 1. The annals. Small works]. St. Petersburg, Nauka, 1993, 736 p.

Yung K. G. Ob arkhetipe i osobenno o ponyatii Anima [About archetype and especially about the concept of the Anima]. In: *Bog i bessoznatel'noe* [God and the unconscious]. Moscow, Olimp, 1998, pp. 99–122.

УДК 82-1/29
DOI 10.17223/18137083/56/11

Е. С. Хило

Томский государственный университет

Дискуссия о переводческих стратегиях на страницах немецких изданий 1950–1980-х годов (на материале переводов поэзии С. А. Есенина)

Анализируются различные подходы к определению термина «переводческая стратегия» на материале немецкоязычного восприятия наследия одного из ключевых поэтов XX в. Творчество С. А. Есенина, имеющее богатую переводческую, эдиционную и научно-исследовательскую рецептивную историю в Германии, стало предметом рефлексии немецких авторов в отношении поиска наиболее адекватной переводческой стратегии. В результате этой рефлексии отчетливо проявилась полярность стратегий переводческого восприятия ведущих теоретиков и практиков немецкоязычной рецепции С. А. Есенина: один полюс составляет стратегия творческого, диалогического (в терминологии П. Целана), диалектичного (в понимании Ф. Мирау) перевода, второй представлен идеей дословного, филологического перевода Д. И. Чижевского, К. Боровски и Л. Мюллера. Объединяющим два полюса выступает стремление передать оригинальную поэтику Есенина на немецкий язык.

Ключевые слова: С. А. Есенин, переводческая стратегия, русско-немецкие литературные связи.

В современной теории перевода нет устоявшегося определения термина «переводческая стратегия», или «стратегия перевода», каждый исследователь вкладывает свое видение в его трактовку. Так, например, В. Н. Комиссаров под стратегией переводчика подразумевает последовательность его действий, методы работы со словарем, использование дословности [Комиссаров, 2004, с. 152]. Выбор стратегии, по мнению исследователя, может определяться характером переводимых текстов или теоретическими установками самих переводчиков. Он выделяет четыре принципа, лежащих в основе переводческой стратегии: понимание текста, который необходимо перевести; перевод смысла, а не буквы оригинала; умение выделить более и менее важные части оригинала; превалирование значения целого над значением отдельных частей [Там же, с. 151].

Хило Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета (просп. Ленина, 34, Томск, 634050, Россия; ekaterinahilo@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© Е. С. Хило, 2016

А. Г. Витренко отмечает наличие нескольких вариантов термина «переводческая стратегия»: «тактика перевода», «стратегия переводчика» и даже «стратегия поведения переводчика в процессе перевода» [1]. Исследователь считает, что такое многообразие терминов недопустимо и место стратегии перевода должна занять четкая операционная модель, своего рода алгоритм перевода.

М. Ю. Михеев и Д. О. Добровольский отмечают, что на основе анализа различных переводов одного и того же произведения можно говорить лишь о двух противостоящих друг другу стратегиях: стратегии смысла и стратегии формы. «Стратегия смысла – техника перевода, ориентированная на максимально адекватную передачу смысла, а стратегия формы – техника перевода, ориентированная на передачу особенностей формы» [Михеев, Добровольский, 2006, с. 395]. Однако ни стратегия смысла, ни стратегия формы не встречаются в реальной переводческой практике в абсолютно чистом виде, переводчик стремится к золотой середине между этими двумя стратегиями, которую отражает понятие адекватности перевода. Этот термин ввел А. А. Смирнов, рассматривая адекватный перевод в качестве такого, «в котором переданы все намерения автора… в смысле определенного идейно-эмоционального художественного воздействия на читателя, с соблюдением по мере возможности… всех применяемых автором ресурсов образности, колорита, ритма и т. п.». Непереданные элементы, по его словам, могут быть «доведены до минимума», в связи с чем проблему адекватного перевода автор считает вполне разрешимой [Смирнов, 1934].

Я. И. Рецкер отмечает, что задачей переводчика является передача средствами другого языка содержания подлинника целостно и точно, сохраняя его стилистические и экспрессивные особенности. Под целостностью автор понимает «единство формы и содержания на новой языковой основе. <…> Иначе говоря, в отличие от пересказа, перевод должен передавать не только то, что выражено подлинником, но и так, как это выражено в нем» [Рецкер, 1974, с. 7]. И. Л. Мостицкий, разделяя мнение А. А. Смирнова, сообщает, что подлинно адекватный перевод «исчерпывающе передает замысел автора в целом, все смысловые оттенки оригинала и обеспечивает полноценное формальное и стилистическое соответствие ему. Такой перевод может быть создан путем творческого применения реалистического метода отражения художественной действительности оригинала, должен происходить не простой подбор соответствий, а подбор наилучших языковых средств для воспроизведения художественных элементов подлинника» [2]. Таким образом, все исследователи отмечают необходимость стремления максимального приближения перевода к первоисточнику на содержательном, структурном и стилистическом уровнях, что находит отражение в понятии адекватности перевода.

Представленные общие характеристики переводческих стратегий и возможностей их оценки могут быть углублены на примере рассмотрения теоретических осмыслений немецкоязычных переводчиков творчества С. А. Есенина, наиболее ярко выразившихся с конца 1950-х по 1980-е гг. Их рассуждения составляют единую систему восприятия и оценки сложностей, связанных с передачей поэтического мира русского лирика.

В числе первых переводчиков, выразивших рефлексию по поводу трудностей передачи творчества Есенина на немецкий язык, можно назвать поэта П. Целана (Paul Celan, 1920–1970) и филолога-слависта К. Дедециуса (Karl Dedecius, род. в 1921 г.). Переводы Целана начали публиковаться в 1958 г., работа над ними ве-

[1] *Витренко А. Г.* О стратегии перевода // Личный сайт А. Г. Витренко. URL: http://agvitrenko.3dn.ru/publ/1-1-0-8

[2] *Мостицкий И. Л.* Определение адекватности и общие требования к художественному переводу // Мостицкий И. Л. Искусство перевода и его проблемы. URL: http://rh.1963.ru/art.htm

лась в предзнаменовании получения литературной премии города Бремена, по случаю вручения которой автор выступил с речью, отражающей его взгляды на восприятие художественного произведения: «Стихотворение, поскольку оно представляет собой форму воплощения языка и тем самым диалогично по своей природе, может быть посланием в бутылке, заключенным в нее – определенно не всегда с верной – надеждой на то, что где-либо и когда-либо оно причалит к берегу, возможно, к берегу сердца. Так и стихотворения находятся в пути: они запечатаны» [3] [Celan, 1986, S. 186]. Соответственно данному тезису стратегия Целана-переводчика отличается диалогическим характером, выражающемся в перекличках с оригинальным творчеством, в котором нашла отражение непростая судьба Целана. Темы Холокоста, иудейства и поиска Родины, соотносясь с есенинским воспеванием дома и России, реализуют миф Земли Обетованной и объясняют возникновение высокого интереса переводчика к русскому поэту.

В том же году, когда Целан выступил с речью на вручении литературной премии города Бремена, в свет вышел первый сборник переводов Есенина, в предисловии к которому его составитель Г. Кремпин отметил, что немецкому читателю сложно дать представление о красоте есенинской лирики, выразить ее интригующую естественность и народную мелодичность» [Jessenin, 1958, S. 6]. Эту мысль продолжил К. Дедециус, чей сборник переводов русского поэта был опубликован в 1961 г., а после этого претерпел четыре переиздания (1988, 2003, 2004, 2010), что сделало его автора одним из популярнейших немецкоязычных переводчиков наряду с П. Целаном. Уже в самом первом издании Дедециус дал характеристику особенностям поэтической системы Есенина и, вместе с ними, трудностям перевода его произведений: «Задача переводчика заключалась в том, чтобы противоречия в есенинских стихотворениях нашли отражения и в переводах: уже не старое, но еще не новое. Очень ритмичные строфы, и все же свободное, напевное течение. Рифмы должны быть естественными, часто нечистыми, но все же без монотонности или клацанья. Аллитерации должны следовать неброско, плавно. Почти грубое должно гармонично соседствовать с утонченным. Картины, настроения и цвета должны стать легко воспринимаемыми и живыми. Мягко и одновременно жестко, всегда музыкально, старо и современно в одной строке: если такое впечатление возникает, то переводчик может быть доволен своей работой» [Jessenin, 1961, S. 78].

В связи с этим в 1976 г. переводчик русской, английской, грузинской поэзии, а также теоретик перевода Р. Кирш (Rainer Kirsch, род. в 1934 г.), продолжая мысль Дедециуса, в статье «Слово и его излучение» на основе поэзии С. А. Есенина выразил проблему переводимости лирики вообще и задался вопросом: «Почему стихотворение приравнивается к высокочувствительному организму, чьи части не могут быть заменены ни между собой, ни какими бы то ни было другими, роман же, напротив, больше, чем крепкое растение, которое можно всячески изрезать, не погубив его» [Kirsch, 1976, S. 9]. В результате размышлений Кирш пришел к выводу, что текст задает масштаб, но не показывает границы [Ibid., S. 101]. В связи с этим переводчик затронул главное противоречие между стратегией формы и стратегией содержания, которое назвал «методологическим недоразумением»: «наряду с ритмом и метрикой при передаче лирики важным является лексическое наполнение, синтаксис, стилистические слои, отношение мелких синтаксических частей к метрике и стихотворным строкам, структура образов. Однако, чтобы сохранить общепринятый порядок слов, необходимо сгладить лексику, синтаксис, образный мир и даже метрику оригинала» [Ibid., S. 109]. Как отмечает немецкая исследовательница М. Пассов – автор диссертации, посвященной некоторым аспектам восприятия поэзии Есенина в ГДР, данное противоречие

[3] Здесь и далее перевод немецкоязычных источников наш. – *Е. Х.*

Кирш попытался воплотить в своих переводах, стараясь сохранить поэтическую мысль оригинала в ее содержательной и формальной специфике [Passow, 1984, S. 75]. Но с этим утверждением не согласился другой исследователь, Э. Руге (Eugen Ruge, род. в 1954 г.), который отметил, что Кирш не использует рифму в переводах повсеместно. Статья Руге «Наблюдения над переводами Есенина», опубликованная в 1979 г., посвящена прежде всего анализу переводов поэмы «Русь советская» Э. Й. Баха и Р. Кирша. Отметив, что неточное воспроизведение рифмы в варианте Кирша невозможно, Руге заключил: «Переводчику разрешается отступать от оригинала» [Ruge, 1979, S. 669]. Однако Кирш посчитал подобное изречение в отношении него необоснованным и дал ответ в отдельной статье того же года: «Вместо того, чтобы выразить эмоцию негодования, он (Руге) дает варианты, которые делают из Есенина простодушного поэта» [Kirsch, 1979, S. 679]. Тем самым Кирш выразил мысль о сложном соединении семантических, структурных и метрических элементов в поэзии Есенина, чью передачу нельзя рассматривать отдельно по частям, а только воедино. М. Пассов, обобщила интенцию Кирша: «Поэту, как и любому другому художнику, важно показать своим реципиентам не только, что он видит мир, но и как он видит мир, и это “как” составляет индивидуальность, уникальность произведения. <…> Это “как” изменяется посредством перевода и возникает в различных вариантах… <…> Читатель воспринимает текст без внимания на переводческий аспект, а с осознанием того, что читает оригинального автора» [Passow, 1984, S. 94].

Данная характеристика является лучшим способом оценки качества поэтического перевода, которому противостоит альтернативный тип передачи лирики на иностранный язык – подстрочник. В теории поэтического художественного перевода подобный вид перевода определяется как дословный перевод поэтического текста с соблюдением основных лексико-грамматических норм языка перевода, выполняющий функцию общего ознакомления читателя с содержанием оригинала. Зачастую подстрочник сопровождается примечаниями переводчика, разъясняющими особенности формы оригинала [Нелюбин, 2003, с. 156]. Данная трактовка характеризует лишь один из типов подстрочника, который чаще всего служит эталоном точности или базисом для сравнения нескольких стихотворных интерпретаций в ситуации переводной множественности.

Подстрочный перевод может выполнять и репрезентативную функцию, непосредственно представляя читателю иноязычный поэтический текст. Такой тип подстрочника отличается «высокой степенью художественности, адаптации к нормам языка и литературы принимающей словесности» [Никонова, 2008, с. 4]. Первым немецкоязычным автором, предпринявшим попытку представить поэзию С. А. Есенина в интерлинеарной форме, стала знаковая фигура – выдающийся немецкий славист Д. И. Чижевский (D. Čyževskij, 1894–1977), который уже в 1956 г. в своей статье, посвященной русскому поэту, дал подстрочный вариант «Песни о хлебе». Перевод, как и сама статья, в большей степени ориентирован на профессионалов-филологов: интерлинеарный перевод, передающий ход мысли и содержание, но не форму, служит главной цели работы – выявлению семантики мотива стихотворения, его мифопоэтики. Уделяя отдельное внимание анализу оригинала с точки зрения метрико-ритмической, а также звуковой организации, Чижевский подчеркивает нейтральность своего перевода в этом отношении, который в данном случае выигрывает по сравнению с поэтическим переводом.

Направление мысли Чижевского было продолжено его учеником Л. Мюллером (Lüdolf Müller, 1917–2009), который совместно с К. Боровски (Kay Borowsky, род. в 1943 г.) в 1984 г. выпустил ориентированное на массового читателя немецкоязычное издание русской поэзии «Russische Lyrik. Von den Anfängen bis zur Gegenwart» в подстрочном переводе. Сборник представляет собой уникальную и максимально аутентичную попытку переноса в другую культуру и языковую

систему русской поэзии: от «Слова о полку Игореве» до стихотворений В. В. Высоцкого и И. А. Бродского. Включение в этот список С. А. Есенина подчеркивает его значимость не только как представителя Серебряного века, но и в контексте всей русской литературы. Восемь разножанровых стихотворений поэта свидетельствуют о кропотливой работе авторов по отбору лирики и о стремлении к созданию в немецкоязычном сознании яркого образа Есенина. Особенностью подстрочных переводов является их полное соответствие оригиналу на всех уровнях языка за исключением рифмы: подстрочник состоит из нерифмованных строк. К. Боровски и Л. Мюллер считают, что перевод, учитывающий необходимость следования ритму и метру, не может строго воспроизвести ход мыслей оригинала [Russische Lyrik, 1984, S. 6], в связи с чем их издание воплощает наиболее точную передачу смысловых структур первоисточника, в чем переводчики видят большое преимущество по сравнению с поэтическим переводом лирики.

Таким образом, немецкоязычное переводоведение столкнулось с вечной проблемой – борьбой стратегии формы и стратегии содержания. Авторы понимали сложность поэтической системы С. А. Есенина, которая нашла выражение не только в особом ритмическом рисунке, синтаксической структуре, семантическом наполнении, но и в оригинальной образности поэта, создающей наибольшие трудности в процессе перевода. Однако большинство переводчиков попытались воплотить эту многогранность в своих работах и, как мы видели на примере Р. Кирша, готовы отстаивать свою позицию. Подстрочные переводы Д. И. Чижевского, К. Боровски и Л. Мюллера представляют не только альтернативный способ передачи лирики на иностранный язык, но и попытку максимально точного, аутентичного воплощения семантического наполнения оригинала в условиях потери ритмической составляющей. Фигура П. Целана занимает особое положение, так как его стратегия как переводчика есенинской поэзии укладывается в концепцию резонансного восприятия инонациональной культуры и литературы, согласно которой рецепция в значительной степени отражает особенности поэтики и тематики поэта-переводчика. «Переводы Целана из русской поэзии являются частью его собственного “поведенческого текста” (Ю. М. Лотман) и отдельным этапом творческой эволюции на пути к небывалому напряжению модерна, которое воплощено в его стихах» [Никонова, 2006, с. 157]. Суть данной стратегии перевода описал известный немецкий славист, исследователь творчества и биографии Есенина Ф. Мирау (Fritz Mierau, род. в 1934 г.): «Переводы из Есенина, выполненные П. Целаном, А. Кристоф и Р. Киршем, отличает от более ранних и параллельно совершавшихся опытов продуктивная позиция переводчика по отношению к тексту. Отчетливо просвечивает в их переводах диалектика достоверности и самоволия. В особенности стихотворный перевод представляет в определенной мере замещение оригинала и обретает свою достоверность в пропусках и добавлениях переводчика. Таким образом, приближение к оригиналу достигается его изменениями. Правомерный процесс, который специфическим образом повторяет то, что извечно происходит при создании произведения искусства: проекция собственного мира на произведение предшественника, сравнение и выбор, ассоциации» [Mierau, 1966, S. 324].

Представленная креативная стратегия перевода, по мнению Ф. Мирау, является самой удачной в отношении лирики русского поэта, а вольные немецкие переводы рассматриваются исследователем как своего рода произведения искусства, а не вторичные тексты. Во многом разделяя позицию Мирау, аргументированную еще в 1966 г., современный литературовед Л. С. Макарова считает стратегию креативности ведущей, объясняя это тем, что, в отличие от перевода прозы, поэтический перевод требует более активной преобразующей деятельности. В нем проявляются эстетические вкусы и пристрастия переводчика как деятеля, его рефлексия. «Как результат, перевод привносит всегда нечто новое в понимание

стиха, а в наиболее удавшихся переводах достигается высокая степень образно-эстетической и смысловой гомоморфности (соотнесенности) между переводом и оригиналом» [Макарова, 2006, с. 302]. Макарова выделяет также стратегии импровизации, жанровой поэтической стилизации, художественно-эстетической аналогии, экспрессивизации, нерифмованного перевода. Таким образом, дискуссии о понятии и классификации стратегий переводчиков не утихают по сей день, напряжение между двумя полюсами (творческим, вольным переводом и дословным, подстрочным, буквалистским) сохраняется, в связи с чем вышедшая полвека назад статья Ф. Мирау не теряет своей актуальности до сих пор, отражая тем самым адекватный взгляд исследователя на рецепцию С. А. Есенина и являясь своего рода преддверием последующей масштабной деятельности немецкого автора по популяризации творчества и личности русского поэта в Германии.

Сама же дискуссия в отношении стратегий перевода есенинской поэзии свидетельствует о сознательности и зрелости рецептивных стратегий XX в. В результате этой рефлексии отчетливо проявилась полярность стратегий переводческого восприятия ведущих теоретиков и практиков немецкоязычной рецепции С. А. Есенина: один полюс составляет стратегия творческого, диалогического (в терминологии П. Целана), диалектичного (в понимании Ф. Мирау) перевода, второй представлен идеей дословного, филологического перевода Д. И. Чижевского, К. Боровски и Л. Мюллера. Масштабность первого полюса не вызывает сомнений – к нему относятся все переводы, чьи авторы попытались передать оригинал в стиховой форме, второй же из-за своей буквалистской основы ограничен количеством вариантов одного и того же произведения, в связи с чем это направление представляют всего три обозначенных ранее автора. Объединяет два полюса стремление с помощью немецкого языка передать оригинальную поэтику Есенина, что нашло отражение в богатой рецептивной истории русского автора в Германии.

Список литературы

Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2004.

Макарова Л. С. Коммуникативно-прагматические аспекты художественного перевода: Дис. … д-ра филол. наук. М., 2006. 329 с.

Михеев М. Ю., *Добровольский Д. О.* Стратегии перевода и остранение в художественных текстах // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2006. С. 394–399.

Нелюбин Н. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003.

Никонова Н. Е. Пауль Целан в русских переводах и как переводчик русской поэзии // Европейский интерлингвизм в зеркале литературы. Томск, 2006. С. 137–158.

Никонова Н. Е. Подстрочный перевод: типология, функции и роль в межкультурной коммуникации. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008.

Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Междунар. отношения, 1974.

Смирнов А. А. Перевод // Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1929–1939. Т. 8. М., 1934. URL: http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le8/le8-5121.htm

Celan P. Gesammelte Werke in fünf Bänden. Bd 3: Gedichte, Prosa, Reden. Frankfurt a. M., 1986.

Jessenin S. Liebstes Land, das Herz träumt leise. Verl. Kultur und Fortschritt, 1958. 105 S.

Jessenin S. Gedichte. München: Langewiesche-Brandt, 1961.

Kirsch R. Das Wort und seine Strahlung. Berlin: Aufbau-Verl., 1976. 119 S.

Kirsch R. Eine Antwort // Sinn und Form. 1979. No. 31. S. 679.

Mierau F. Deutsche Eseninübersetzungen // Zeitschrift für Slawistik. 1966. No. 11. S. 317–330.

Passow M. Eseninsche Lyrik in deutschen Übertragungen: Ein Beitrag zur Übersetzungstheorie und Eseninrezeption in der DDR. 1984. 167 S.

Ruge E. Bemerkungen zur Nachdichtung Esenins // Sinn und Form. 1979. No. 31. S. 669–678.

Russische Lyrik: Von den Anfängen bis zur Gegenwart: Russisch/Deutsch. Stuttgart: Philipp Reclam Jun, 1984.

E. S. Khilo

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
ekaterinahilo@mail.ru

Discussion on the translation strategies in German periodicals of 1950–1980s (based on the translations of S. A. Esenin poetry)

The paper analyses different approaches to the definition of «translation strategy» in German-speaking perception of the S. Esenin heritage. S. Esenin's creative work has extensive translational, publishing and research receptive history in Germany. It also has been the subject of German authors' reflection concerning the most appropriate translation strategy. As a result of this reflection, the polarity of the translation perception strategies was clearly manifested. Those strategies were followed by leading theorists and experts of the German-speaking reception of S. Esenin: one side being the strategy of creative, dialogic (in the terminology of P. Celan), dialectical (in the understanding of F. Mierau) translation, the second side presented by the idea of a literal, philological translation, by D. Chizhevsky, K. Borowski and L. Müller. But the desire to transfer the original poetics of Esenin to the German language integrated both sides.

Keywords: S. Yesenin, translation strategy, Russian-German literary communications.

DOI 10.17223/18137083/56/11

References

Celan P. *Gesammelte Werke in fünf Bänden* [Accumulated works in five volumes]. Bd 3. Gedichte, Prosa, Reden. Frankfurt a. M., 1986.

Jessenin S. *Gedichte* [Poems]. München: Langewiesche-Brandt, 1961.

Jessenin S. *Liebstes Land, das Herz träumt leise* [The favourite country, the heart quietly dreams]. Verlag Kultur und Fortschritt, 1958, 105 p.

Kirsch R. *Das Wort und seine Strahlung* [The word and his radiation]. Berlin: Aufbau-Verlag, 1976. 119 p.

Kirsch R. Eine Antwort [An answer]. *Sinn und Form*, no. 31. Berlin, 1979. 679 p.

Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern theory of translation]. Moscow, ETS, 2004.

Makarova L. S. *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty khudozhestvennogo perevoda.* Diss. dokt. philol. nauk. [Communicative and pragmatical aspects of a literary translation. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2006, 329 p.

Mierau F. Deutsche Eseninübersetzungen [German translations of Yesenin's poetry]. *Zeitschrift für Slawistik*, no. 11, Berlin, 1966, pp. 317–330.

Mikheev M. Yu., Dobrovol'skiy D. O. Strategii perevoda i ostranenie v khudozhestvennykh tekstakh [Strategy of the translation and distancing in art texts]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational linguistics and intellectual technologies]. Moscow, 2006, pp. 394–399.

Nelyubin N. L. *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar'* [Explanatory dictionary of theory of translation]. Moscow, Flinta, Nauka, 2003.

Nikonova N. E. Paul' Tselan v russkikh perevodakh i kak perevodchik russkoy poezii [Paul Zelan in Russian translations and as the translator of the Russian poetry]. In*: Evropeyskiy interlingvizm v zerkale literatury* [European interlingvizm in the mirror of literature]. Tomsk, 2006, pp. 137–158.

Nikonova N. E. *Podstrochnyy perevod: tipologiya, funktsii i rol' v mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Word for word translation: a typology, functions and a role in cross-cultural communication.]. Tomsk, Tomsk State University, 2008.

Passow M. *Eseninsche Lyrik in deutschen Übertragungen: ein Beitrag zur Übersetzungstheorie und Eseninrezeption in der DDR* [Yesenin‘s poetry in German translations]. 1984, 167 p.

Retsker Ya. I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika* [Translation theory and translation practice]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya, 1974.

Ruge E. Bemerkungen zur Nachdichtung Esenins [Remarks to Yesenin's translations]. *Sinn und Form*, no. 31, Berlin, 1979, pp. 669–678.

Russische Lyrik. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. Russisch / Deutsch [Russian lyric. From the beginnings up to the present]. Stuttgart, Philipp Reclam Jun, 1984.

Smirnov A. A. Perevod [Translation]. In: *Literaturnaya entsiklopediya: V 11 t.* [Encyclopedia of literature in 11 volumes]. Vol. 8, Moscow, 1934. [Electronic resource]. Available at: URL://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le8/le8-5121.htm (accessed 23.11.2015).

УДК 82-1/-9
DOI 10.17223/18137083/56/12

Е. Ю. Козьмина

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Кругозор героя в фантастическом авантюрно-историческом романе [*]

Статья характеризует структуру точки зрения и кругозора героя в фантастическом авантюрно-историческом романе на основе сопоставления с классическим авантюрно-историческим романом. Отмечается генетическая связь между этими жанрами. При перемещении героя во времени изменяется основная характеристика его кругозора – он становится двойным. Изменение кругозора героя происходит постепенно – от личного отношения к исторической эпохе через приобретение знаний о ней к «оживлению» истории и укоренению героя в прошлом. Это переход, в соответствии с теорией М. М. Бахтина, от «окружения» (внешнего восприятия) – к «кругозору» (миру, данному изнутри сознания). Процесс укоренения героя в прошлой эпохе изображается с помощью комплекса устойчивых мотивов: любви или дружбы, переодевания, еды и крови. По сравнению с классическим историческим романом, в фантастической разновидности меняется статус героя: его воспринимают как Бога или ангела, что создает новый тип авантюрного испытания. Все вместе формирует образ «неготовой» истории.

Ключевые слова: кругозор героя, точка зрения, жанр, фантастика, фантастический авантюрно-исторический роман, путешествие во времени.

Фантастические произведения, изображающие историческое прошлое, как правило, относятся исследователями к таким категориям, как историко-фантастический роман [Петухова, Черный, 2003; Лобин, 2008], историческая фантастика [1], альтернативно-историческая фантастика [2]. Оставив в стороне дискуссии

---

[*] Материал исследования был представлен на Международной научной конференции «Белые чтения» (секция «Нарратология»), Москва, РГГУ, 2014.

[1] *Черный И. В.*, *Володихин Д.* Фантастика историческая // Кругосвет: Энцикл. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/fantastika_istoricheskaya.html (дата обращения 08.08.2015).

[2] *Невский Б.* Носик Клеопатры: Альтернативно-историческая фантастика // Мир фантастики. URL: http://www.mirf.ru/Articles/art61.htm (дата обращения 08.08.2015).

Козьмина Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (ул. С. Ковалевской, 5, Екатеринбург, 620002, Россия; klen063@gmail.com)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© Е. Ю. Козьмина, 2016

о дефинициях, отметим, что эти категории представляют собой, скорее, группы жанров [3], среди которых можно выделить собственно жанр фантастического авантюрно-исторического романа [4], сложившийся в середине XX в. [5] Назовем несколько произведений этого жанра: Дж. Финней «Меж двух времен» («Time and Again», 1970) и «Меж трех времен» («From Time to Time», 1995); Р. Матесон «Где-то во времени» («Somewhere in Time», 1980); Г. Гаррисон «Время для мятежника» («Rebel in Time», 1983); Т. Пауэрс «Врата Анубиса» («The Anubis Gates», 1983); М. Крайтон «Стрела времени» («Timeline», 1998); С. Кинг «11/22/63» (2011); А. и Б. Стругацкие «Трудно быть богом» (1964) и целый ряд других.

Этот жанр наследует традиции классического авантюрно-исторического романа (тоже канонической романной разновидности), т. е. заимствует не просто отдельные его элементы, а несколько инвариантных структурных особенностей. К их числу можно отнести изображение прошлой эпохи, авантюрный сюжет, предполагающий испытание героя в чужом для него мире, наличие специфических композиционно-речевых форм исторической справки и комментария, особое соотношение точек зрения героя и повествователя, позволяющее взаимно осветить обе изображаемые эпохи – современную и прошлую, преобладание формы художественного исторического времени, кризисное время действия и др. [Тамарченко, 1999; Малкина, 2002].

Но фантастический авантюрно-исторический роман вносит в традицию и новые элементы, а также трансформирует присущие классическому историческому роману структуры.

Сущностное различие между двумя обсуждаемыми разновидностями исторического романа наиболее очевидно в основной сюжетной ситуации. В фантастическом варианте герой способен перемещаться сквозь временные эпохи; он путешествует из современности в прошлое и обратно, чего никак не может быть в классическом варианте. Такое изменение сюжетной ситуации запускает механизм дальнейших изменений на более глубоких уровнях жанровой структуры.

Подвергается трансформации и кругозор героя. Под кругозором в данном случае мы будем понимать тот предметный, окружающий героя мир, который дан изнутри сознания героя как «предмет… жизненной направленности» [Бахтин, 2003, с. 173] и характеризуется как «объемом» «(поле зрения, степень осведомленности, уровень понимания)», так и способностью к «оценке воспринимаемого» [Тамарченко, 2008б, с. 266].

Наиболее существенная особенность кругозора героя фантастического авантюрно-исторического романа в том, что он – двойной: он охватывает не только настоящее героя, но и мир исторического прошлого, чужую эпоху, т. е. приобретает больший объем, чем у героя классического авантюрно-исторического романа.

Еще одна особенность – динамическая: чужая эпоха входит в кругозор героя не сразу, а минуя определенные этапы.

Попробуем проследить процесс удвоения кругозора героя в фантастическом авантюрно-историческом романе.

Еще до перемещения в прошлое герой обладает знанием об этом отрезке исторического времени (в классическом же варианте жанра никогда не акцентируется

[3] Понятие «жанр» используется в бахтинском понимании как «трехмерное конструктивное целое» [Медведев, 2000, с. 307].

[4] Термин введен по аналогии с классическим авантюрно-историческом романом, жанровую форму которого фантастический вариант заимствует и трансформирует.

[5] Об инварианте этого жанра см.: [Козьмина, 2015].

«историческая подготовка» героя); и это знание специально изображено в соответствующих формах.

Во-первых, это формы учебника истории или лекций ученых. Так, например, герою романа Дж. Финнея «Меж двух времен» Саймону Морли читают с лекции об истории Америки и, в частности, о Нью-Йорке конца XIX в.: *Почти целую неделю Мартин читал мне лекции по своим картотечным записям. <…> Мартин рассказывал и о том, как тогда путешествовали и перевозили товары…* [Финней, 1972, с. 104]. Отметим здесь такую особенность, которая пригодится нам позже. Мартин Лестфогель, ученый-историк, говорит Саймону об особом роде передаваемого им знания: *...я и не считаю, что вам надо знать все о восьмидесятых годах. А вот что вам надо – так это почувствовать их* [Там же, с. 96]. Для этого Мартин особым образом преображает экспонаты – платья, обувь прошлого века, – так, чтобы они выглядели новыми, такими, как их использовали живущие в прошлом веке люди. Кроме того, Саймону показывают гравюры с изображением городской жизни XIX в. в «переводе» на рисунки Эркхарта, которые вносят динамику и тем самым оживляют городской пейзаж и позволяют ощутить его как *подлинное мгновение прошлого* [Там же, с. 103].

В романе Г. Гаррисона «Время для мятежника» о предварительной исторической подготовке главного героя Троя Хармона говорится скупо, однако это упоминание все же есть. Так, например, Трой говорит о себе: *Я после школы попал в колледж, доучился до степени бакалавра в области истории.* В текст включена и мини-лекция куратора технологического архива Драйера об автомате системы «стэн», используемом во Второй мировой войне. А в самом конце романа Трой говорит: *Но я по истории был в школе первым и точно помню, что в Харперз Ферри не было разрушений. Нападавших схватили, а оружейный завод им взять не удалось* [6].

В романе «Трудно быть богом» практически ничего не говорится о предварительной подготовке Антона-дона Руматы, кроме того, что он – сотрудник Института экспериментальной истории. Однако и в этом романе есть фрагмент учебника истории, правда, пока несуществующего, а составляемого доном Руматой в уме: *«…В конце года Воды – такой-то год по новому летосчислению – центробежные процессы в древней Империи стали значимыми. Воспользовавшись этим, Святой Орден, представлявший, по сути, интересы наиболее реакционных групп феодального общества, которые любыми средствами стремились приостановить диссипацию…» А как пахли горящие трупы на столбах, вы знаете? А вы видели когда-нибудь голую женщину со вспоротым животом, лежащую в уличной пыли? А вы видели города, в которых люди молчат, а кричат только вороны? Вы, еще не родившиеся мальчики и девочки, перед учебным стереовизором в школах Арканарской Коммунистической Республики?* [Стругацкий А., Стругацкий Б., 1997, с. 124].

Отметим здесь сходное явление, которое нам встречалось при цитировании романа «Меж двух времен». Так же, как и в этом романе, знание истории соединяется с ее чувственным ощущением.

Главный герой романа С. Кинга «11/22/63» Джейк Иппинг сообщает: *...знания я черпаю из курса «История Америки», экзамен по которому сдавал чуть ли не двадцать лет назад. Просто удивительно, что я помню так много* [7].

Другая форма знания об исторической эпохе, в которую перемещается герой, – это книга или ее фрагмент.

---

[6] *Гаррисон Г.* Время для мятежника. URL: http://www.litmir.co/bd/?b=9856 (дата обращения 08.08.2015).

[7] *Кинг С.* 11/22/63. URL: http://inolib.org/sf_/sf_history/stephen-king-112263.html (дата обращения 08.08.2015).

Так, в романе Т. Пауэрса «Врата Анубиса» Дойль размышляет над страницами книги «Жизнь Вильяма Эшблеса» Бейли: *Пожалуй, сказать, что жизнь Эшблеса недостаточно документирована – это еще очень сдержанное высказывание* [8]. Читает книги о жизни Элизы Маккенна (и, стало быть, об исторической эпохе) Ричард – герой романа Р. Матесона «Где-то во времени».

Наряду с учебниками и книгами по истории важное значение в фантастических авантюрно-исторических романах приобретают визуальные формы исторического знания.

Так, мы уже отмечали, что герой романа «Меж двух времен» Саймон Морли постигает историю с помощью гравюр и рисунков, изображающих Нью-Йорк XIX в., а в первые посещения прошлого и сам делает зарисовки.

Ричард в романе Р. Матесона «Где-то во времени» рассматривает фотографии актеров прошлого века сначала на корабле «Мери Куин», а затем в отеле «Дель Коронадо» (и среди фотографий находит портрет Элизы Маккенна).

Несколько особняком стоит такая визуальная форма исторического знания, как чертежи; например – оружия прошлого века (в романе «Время для мятежника»).

И наконец, существуют особые, весьма специфические формы представления исторического знания об ушедшей эпохе. В романе Дж. Финнея – это архитектурные реконструкции, выстроенные в специальных помещениях. Например, реконструкция небольшого американского городка, где каждый день разыгрывается 3 сентября 1926 г. и где по-настоящему живет человек, принимающий участие в эксперименте; или индейское жилище в штате Монтана; или реконструированный участок Парижа у Собора Парижской Богоматери весной 1451 г.

Кроме того, что герой обладает историческим знанием о прошедшем времени, получая его в самых различных формах, он еще имеет личное отношение к той эпохе, куда собирается отправиться.

Наиболее отчетливо это выражено в романе Р. Матесона «Где-то во времени»: здесь герой предпринимает путешествие исключительно по личным мотивам, потому, что полюбил актрису XIX в., увидев ее портрет в Историческом зале отеля.

Во «Времени для мятежника» очевидны прежде всего профессиональные мотивы Троя Хармона – ему нужно поймать преступника, сбежавшего в прошлую эпоху, однако окончательное решение герой принимает по личным мотивам. Преступник – полковник Мак-Каллох – переносится во времени для того, чтобы вмешаться в ход событий Гражданской войны и выступить на стороне Юга. Трой Хармон – афроамериканец, и его задача – не допустить победы рабовладельцев (тема расовой дискриминации пронизывает весь роман Г. Гаррисона). Поэтому один из персонажей и говорит герою: *...и похоже, что ты в этом как-то лично заинтересован* [9].

Итак, мы можем констатировать, что «удвоение» кругозора героя в фантастическом авантюрно-историческом романе начинается с некоего знания об ушедшей эпохе – уже имеющегося или приобретаемого в процессе подготовки к эксперименту, и личного к ней отношения.

При перемещении в чужой для него период времени герой как бы по инерции продолжает воспринимать окружающее в качестве иллюстрации к своему знанию, как фон, картинку или фотографию. И потому встреченные им живые люди вносят резкий диссонанс в его сознание; герой воспринимает их амбивалентно – одновременно как живых и как уже умерших.

---

[8] *Пауэрс Т.* Врата Анубиса. URL: http://modernlib.ru/books/bleylok_dzheyms_pauers_tim/vrata_anubisa/ (дата обращения 08.08.2015).

[9] *Гаррисон Г.* Время для мятежника.

Так, например, воспринимает живых людей прошлого Дойль Брендан во «Вратах Анубиса»: *Дойль завороженно уставился вослед, думая с благоговейным трепетом, что веселая пара в повозке, мельком увиденная им сквозь придорожные кусты ивняка, была мертва уже за сто лет до его рождения* [10].

Саймон Морли, герой романа «Меж двух времен», впервые встретив человека 1882 года, сравнивает его с фотографиями: *...я был зачарован цветом его лица: оно совершенно не походило на коричневато-белые лица со старинных фотографий* [Финней, 1972, с. 144], а других людей – с образами на гравюрах: *Вот они, вот они – люди со старых, застывших гравюр, только… только теперь они двигались* [Там же, с. 145].

Амбивалентность восприятия живых людей прошлого соотносится с темой призраков, привидений. Ричард в романе «Где-то во времени» спрашивает себя: *Интересно, так ли чувствуют себя привидения? Страшатся обратиться к людям, чтобы эти люди не смотрели сквозь них и они не потеряли свою хрупкую иллюзию в отношении того, что все еще живы?* [11]. А Саймон Морли говорит об отношении людей XX в. к тем, кто его окружает в XIX столетии: *...для них там люди этой эпохи – не более чем давно исчезнувшие призраки* [Там же, с. 275].

Но чем дальше, тем более обживается герой фантастического авантюрно-исторического романа в прошлой эпохе, включается в ее живую ткань, инкорпорируется. Этот процесс изображается с помощью комплекса устойчивых мотивов: любви или дружбы, переодевания, еды и крови.

Переодевание помогает решить проблему внешнего соответствия исторической эпохе: *Охранник вернулся и вручил Дойлю полный комплект принадлежностей костюма начала девятнадцатого века, в котором были предусмотрены все мелочи, характерные для того времени. Охранник также дал ему указания, в какой последовательности все это надевать, и в завершение сам помог завязать маленький бант на галстуке. <…> Дойль повернулся к зеркалу, взъерошил волосы и рассмеялся. Не так уж плохо. Его обрядили в коричневый сюртук с двумя рядами пуговиц. Спереди сюртук едва доходил до талии, зато сзади болтались длиннющие фалды ниже колен. Костюм дополняли лосины неповторимого рыжевато-бурого оттенка и высокие, до колен, ботфорты с кисточками. Из-под отворотов сюртука выглядывал белый шелковый галстук. Дойлю пришло в голову, что такой костюм придает ему если и не значительность денди, то хотя бы некоторое достоинство. Одежда была чистая, но явно уже ношенная. Дойль сразу почувствовал себя в ней легко и свободно, совсем не так, как в маскарадном костюме* [12].

Не менее важным оказывается и мотив еды, функции которой – «приобщение человека к тотему, роду» [Топоров, 1991, с. 428]. «…Общность еды, – писал В. Я. Пропп, – создает общность рода. “Только члены семьи или рода могут участвовать (в трапезе). Если чужеземцу разрешается принимать участие, то этим он принимается в род или становится под его защиту” (Nilsson 75)» [Пропп, 2005, с. 276–277]. Принимая пищу наряду с людьми прошлого века, герой приобщается к ним и к их времени. Вот один из наиболее ярких примеров: *Нет смысла подробно описывать наш совместный завтрак. Прежде всего, мы мало разговаривали, ибо, по мере того как на завтрак приходило все больше постояльцев, шум усиливался. Вот уж эпоха чревоугодников! Утром первым делом люди приступают к процессу пищеварения и занимаются этим весь день, до самой ночи. Я подумал*

[10] *Пауэрс Т.* Врата Анубиса.

[11] *Матесон Р.* Где-то во времени. URL: http://lib.aldebaran.ru/author/mateson_richard/mateson_richard_gdeto_vo_vremeni/ (дата обращения 08.08.2015).

[12] *Пауэрс Т.* Врата Анубиса.

было, что мой желудок почти пришел в норму, пока атмосфера помещения не стала наполняться дьявольской смесью ароматов: ветчины, бекона, жареного мяса, колбасы, яиц, вафель, блинчиков, каши, свежеиспеченного хлеба и печенья, молока, кофе и так далее [13].

Еще один важный мотив, свидетельствующий о включении героя в жизнь эпохи, – мотив крови. В той или иной форме он обязательно присутствует в каждом романе. Даже если в романе нет военных действий, герой все равно находит возможность, например, порезаться: *Когда коридорный принес мне отутюженный костюм, я надел брюки и ботинки, захватил с собой бритвенные принадлежности, зубную щетку и порошок и отправился по коридору в ванную комнату. Там я учинил над собой кровавую резню. Несмотря на желание повернуться спиной к 1971 году, я поневоле стенал: полцарства за «Норелко»!* [14]

Кровь, в первую очередь, осознается как эквивалент жизни: «Кровь есть жизнь: помазать новый предмет кровью значит одарить его жизнью и силой» [Леви-Брюль, 1937, с. 14]. Но, кроме того, кровь осознается и «как связующее звено между многими людьми» [Готическая традиция в русской литературе, 2008, с. 144], и потому можно говорить о включении «жизненного начала» героя в человеческую общность.

Два последних мотива – еды и крови – позволяют провести любопытное сопоставление с одним тезисом в работе М. М. Бахтина «Автор и герой в эстетической деятельности». Ученый пишет о том, что время и пространство жизни человека по-разному воспринимаются с разных позиций. Так, с теоретической («физико-математической») точки зрения – это отрезки «единого бесконечного времени и пространства», что придает им «смысловую однозначность и определенность» [Бахтин, 2003, с. 69]. С внутренней же точки зрения, «изнутри человеческой жизни», с позиции «ценностного центра», время и пространство «уплотняются, наливаются к р о в ь ю и п л о т ь ю (выделено нами. – *Е. К.*)» [Там же]. Если применить это высказывание к фантастическому авантюрно-историческому роману, то можно увидеть, что для его героя историческая эпоха в буквальном смысле приобретает плоть (как еда, которую герой поглощает) и кровь (которую он оставляет в этом времени).

Мы видим, что включение героя в реальную жизнь давно прошедшего века, изображенное с помощью перечисленных мотивов – еды, одежды, крови, темы любви и дружбы, нужно для того, чтобы *...показать прошлое живым. Превратить его в действительность*[15], где герой, который *знал историю по книгам*, *начинал чувствовать ее собственной шкурой*[16].

Таким образом, можно сказать, что расширение кругозора героя (его удвоение) проходит этапы от отвлеченного (книжного) знания об эпохе к живому ее восприятию. А это уже не только увеличение объема, но и качественное изменение кругозора.

Здесь нужно отметить, что в классическом авантюрно-историческом романе «оживление» истории, безусловно, тоже есть. Так, М. М. Бахтин, характеризуя развитие формы исторического времени, пишет о «стремлении перенести историю во вторую частную, но реальную сферу» [Бахтин, 2012, с. 270]: «…перенести историю в реальное, обжитое, конкретизированное, очеловеченное время – бытовое, интимно-психологическое, семейно-биографическое, даже обыденно-житейское; почувствовать историю в приватных комнатах, у очага, в интимных пережи-

[13] *Матесон Р.* Где-то во времени.

[14] Там же.

[15] *Крайтон М.* Стрела времени. URL: http://www.modernlib.ru/books/krayton_maykl/strela_vremeni/ (дата обращения 08.08.2015).

[16] *Гаррисон Г.* Время для мятежника.

ваниях, размышлениях и чаяниях частного человека, в семейном быту, в частной человеческой судьбе и т. п. Эти временные ряды были реалистически освоены, спаяны с реальным пространством (“хронотопичны”), дифференцированы, детализированы, нюансированы, измерены живыми человеческими масштабами» [Бахтин, 2012, с. 270].

«Перенесение истории» в «приватные комнаты» – это и есть «оживление истории». Но здесь необходимо понимать, для кого эта история «оживает». Для героя классического исторического романа она и так жива, и более того – происходящее не является для него историей. Историей оно является для читателя, именно для него автор и старается ее «оживить».

В фантастическом варианте исторического романа «оживление истории» происходит в ином хронотопе – во внутреннем мире произведения, история оживает здесь для героя.

Такой процесс «перевода» исторических знаний в реальную живую действительность – существенная характеристика кругозора героя фантастического авантюрно-исторического романа. И здесь уместно применить к анализу этого процесса «теорию кругозора и окружения» М. М. Бахтина. Понятие «кругозор» М. М. Бахтин рассматривает в паре с другим – «окружение», в плоскости сочетания героя и мира: «изнутри его (героя. – *Е. К.*) – как его кругозор, и извне – как его окружение» [Бахтин, 2003, с. 173]. Все, что входит в кругозор героя, ему противостоит «как предмет… жизненной направленности» и потому герой причастен этому бытию. При этом «центр тяжести его (мира. – *Е. К.*) лежит в будущем, желанном, должном, а не в самодовлеющей данности предмета, наличности его…» и потому отношение к бытию «не завершено, но задано». Существенное отличие кругозора от окружения – именно в противостоянии «предмета»; все, что героя окружает в художественном произведении, хоть и имеет отношение к герою, но не входит в его кругозор, а является как окружение, если не противостоит сознанию героя «как предметы моей жизненной познавательно-этической направленности в открытом, еще рискованном событии бытия, единство, смысл и ценность которого не даны, а заданы» [Там же].

Когда герой перемещается в прошлое, оно предстает перед ним сначала как «пластически-живописное целое» (М. М. Бахтин), т. е. как картинка, фотография, фон, – именно как окружение, которое затем «втягивается» в фокус сознания героя, осваивается им и противостоит ему, становясь живым временем-событием. Как говорит один из персонажей романа С. Кинга, *ты можешь прочитать о нем в книгах по истории, но не поймешь его, не пожив там* [17].

В некоторых романах это качественное изменение – переход из окружения в кругозор – рефлексируется героем и фиксируется в тексте; например, в романе «Меж двух времен» Финнея Саймон говорит: *Город перестал быть просто экзотическим фоном к моему удивительному приключению. Он обрел реальность, и я сам наконец осознал, что мое пребывание здесь, в этом времени, совершенно реально и что люди вокруг меня живые* [Финней, 1972, с. 275]; или Джейк Иппинг в романе С. Кинга: *Я увидел и его сестру. И она перестала быть именем в старательно написанном сочинении, безликой маленькой девочкой, которая любила собирать цветы и ставить их в вазы* [18].

Установление осмысленного внутреннего противостояния между сознанием героя и историческим окружением, переход от «окружения» к «кругозору» – и есть то направление трансформации кругозора героя фантастического авантюрно-исторического романа. Герой включается (инкорпорируется) в историческое вре-

[17] *Кинг С.* 11/22/63.
[18] Там же.

мя (приобретающее «плоть и кровь»), а эпоха включается в сознание героя, входит в его кругозор.

Отсюда – невозможный для классической разновидности жанра статус героя и отношение к нему персонажей. Героя воспринимают в качестве Бога или ангела: *…ты не совсем человек* [19], – говорит Ричарду Элиза. В романе «Трудно быть богом» «сакральная» позиция героя заявлена уже в названии произведения. В романе Дж. Финнея Саймон отмечает такую позицию в отношении к Джулии: *…словно мы там у себя, в двадцатом веке, боги, а она ничто* [Финней, 1972, с. 277]; в романе С. Кинга героя неоднократно называют ангелом: *Ангел. Второй раз я услышал это слово…* [20] и т. д.

Такой статус героя создает новый тип авантюрного испытания – между человечностью и «божественным всезнанием и всеведением». Герой в этой ситуации должен выбирать свою роль – бога или человека (см., например, результат такого непростого выбора в романе «Трудно быть богом»).

Теперь нам нужно ответить на вопрос, меняется ли жанровый смысл исторического романа, если трансформируется структура кругозора героя, если кругозор становится двойным, как в фантастическом варианте жанра.

Одна из функций двойного кругозора – «оживление» эпохи – явление, которого мы уже коснулись выше. Эпоха «оживает» не только для читателя, но в первую очередь – для героя. Парадоксальное ощущение героем истории как «живой», текущей современности создает совершенно новый предмет изображения – «неготовую» историю, какой не может быть в классическом авантюрно-историческом романе.

Здесь, в классическом варианте, изображение прошлой эпохи ведется с двух разных точек зрения – героя и повествователя, которые находятся в разном времени и пространстве, т. е. в разных хронотопах, и потому у этих субъектов разные кругозоры.

В кругозоре героя историческая эпоха исторической не является. То, что изображается, – это настоящее героя, его окружение, которое реально для него. Герой не представляет себе, как дальше будут развиваться события, в которых он участвует, к чему они приведут и как будут впоследствии оценены. Эта жизнь не завершена и не оценена самим героем.

Кругозор повествователя значительно шире кругозора героя. Повествователь ведет изображение с иной временной точки зрения (из другого времени и пространства), и потому его кругозор охватывает как прошлое (настоящее героя), так и настоящее (автора и/или читателя); объемлет и сам кругозор героя.

Отметим, что в случае, если герой сам пишет записки о тех событиях, в которых он участвовал, перед нами все же два субъекта: герой-актант и герой-повествователь (см. размышления Н. Д. Тамарченко о Гриневе-повествующем и Гриневе – действующем лице в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина [Тамарченко, 2008а, с. 168]). Герой-актант не знает, что произойдет с ним, когда он участвует в событиях. Герой-повествователь уже знает об этом, поэтому кругозор героя-повествователя объемлет кругозор героя-актанта.

Эпоха, в которой живет и действует герой, отделена от повествователя временной дистанцией[21], создающей временн***ы***е границы. Именно поэтому она становится исторической в полном смысле слова. Повествователь относится к изо-

[19] *Матесон Р.* Где-то во времени.

[20] *Кинг С.* 11/22/63.

[21] Эта дистанция, как считают исследователи, обязательно должна быть значительной и ощущаться, прежде всего, между героем и автором. «Дистанция во времени, отделяющая автора от описываемой им в историческом романе эпохи, действительно необходима, иначе не могут быть достаточно ощутимо выявлены грани между прошлым и настоящим» [Бельский, 1968, с. 136–137].

браженному как к уже готовым событиям, уже свершившейся истории. Это позволяет ему оценить эпоху, т. е. ее завершить (ср., например, оценку повествователем времени Ивана Грозного в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный»: «Да поможет бог и нам изгладить из сердец наших последние следы того с т р а ш н о г о в р е м е н и, влияние которого, как наследственная болезнь, еще долго потом переходило в жизнь нашу от поколения к поколению! Простим г р е ш н о й т е н и царя Иоанна, ибо н е о н о д и н н е с е т о т в е т с т в е н н о с т ь за свое царствование; не он один создал свой произвол, и пытки, и казни, и наушничество, вошедшее в обязанность и в обычай. Эти в о з м у т и т е л ь н ы е я в л е н и я были подготовлены предыдущими временами, и з е м л я, у п а в ш а я т а к н и з к о, что могла смотреть на них без негодования, сама создала и усовершенствовала Иоанна, подобно тому, как раболепные римляне времен упадка создавали Тиверие в, Неронов и Калигул» (выделено нами. – *Е. К.*) [Толстой, 1993, с. 276]).

Оценка чужой эпохи позволяет повествователю классического авантюрно-исторического романа оценить и свою, но лишь отраженным светом; оценочный акцент делается на прошлую эпоху.

Итак, классический авантюрно-исторический роман создает образ уже готовой, завершенной и оцененной исторической эпохи. В случаях, когда здесь говорится о реальных исторических событиях и лицах, действует закон приведения свободной воли и инициативы героя к необходимому (уже известному из истории) результату.

В фантастическом историческом романе изображенная эпоха не тождественна самой себе, она еще «не готова». Все, что происходит с героем, вступает в противоречие с теми историческими знаниями, которые герой получил в «тотально готовой» форме лекций и учебников.

Такое несовпадение, нетождественность истории самой себе диктует разные способы разрешения противоречия: от вмешательства в исторический процесс и «переписывания» исторического события до появления альтернативных миров, где история пошла по другому пути. Отсюда – различные концовки в фантастических вариантах жанра.

В качестве итога нужно сказать о том, что художественная структура классического авантюрно-исторического романа при «переводе» ее в русло фантастики претерпевает и другие изменения. Их изучение помогает увидеть не только внешние, очевидные (путешествие во времени, встреча с людьми прошлых веков и т. п.), но и глубинные различия между классической и гротескно-фантастической традициями, позволяющие уточнить наши представления о природе фантастической литературы.

Список литературы

Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. М.: Рус. словари: Языки славянской культуры, 2003. С. 69–263.

Бахтин М. М. К «Роману воспитания» // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 3: Теория романа (1930–1961). М.: Языки славянских культур, 2012. С. 218–335.

Бельский А. А. Английский роман 1800–1810 гг. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1968. 334 с.

Готическая традиция в русской литературе. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008. 349 с.

Козьмина Е. Ю. Инвариант фантастического авантюрно-исторического романа // Новый филологический вестник. 2015. № 2(33). С. 24–43.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: ОГИЗ, 1937. 518 с.

Лобин А. М. Повествовательное пространство и магистральный сюжет современного историко-фантастического романа. Ульяновск: УлГТУ, 2008. 132 с.

Малкина В. Я. Поэтика исторического романа: Проблема инварианта и типология жанра. Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 2002. 140 с. (Литературный текст: Проблемы и методы исследования; Приложение).

Медведев П. Н. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику // Бахтин М. М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000. С. 185–348.

Петухова Е. И., *Черный И. В.* Современный русский историко-фантастический роман. М.: Мануфактура, 2003. 136 с.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2005. 332 с.

Стругацкий А., *Стругацкий Б.* Трудно быть богом // Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом: Роман; Понедельник начинается в субботу. Второе нашествие марсиан: Повести. М.: Текст: Эксмо, 1997. С. 5–162.

Тамарченко Н. Д. «Капитанская дочка» Пушкина и жанр авантюрно-исторического романа // Russian Language Journal (Michigan State Univ.). 1999. Vol. 53, No. 174-176. P. 119–139.

Тамарченко Н. Д. Повествователь // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008а. С. 167–169.

Тамарченко Н. Д. Точка зрения // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008б. С. 266–267.

Толстой А. К. Князь Серебряный // Толстой А. К. Князь Серебряный; Стихотворения; Баллады. М.: Просвещение, 1993. С. 5–276.

Топоров В. Н. Еда // Мифы народов мира: Энцикл.: В 2 т. Т. 1. М.: Сов. энцикл., 1991. С. 427–429.

Финней Дж. Меж двух времен. М.: Мир, 1972. 432 с.

E. Yu. Kozmina

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation
klen063@gmail.com

The outlook of a protagonist in the fantastic adventure-historical novel

The article describes the structure of the point of view and outlook of the hero in a fantastic adventure-historical novel based on a comparison with the classic adventure-historical novel. It is noted that there is a genetic relation between these genres. When you move the hero in time to change the basic characteristics of his outlook, it becomes double. The change of the hero's outlook happens gradually: from a personal relationship to the historical epoch, through the acquisition of knowledge about this epoch to «revitalization» of the history and perpetuation of the hero in the past. This shift, according to the theory of Bakhtin, is from the «environment» (external perception) to the «outlook» (the world inside the consciousness). The process of establishment of the hero in a previous era is represented by a set of stable motifs: love or friendship, dressing, eating and blood. Compared with the classic historical novel, in a fantastic one the status of a hero changes – he is seen as God or an angel, resulting in a new kind of adventure test. All together it creates the image of «unprepared» story.

Keywords: the outlook of a protagonist, point of view, genre, the fantastic, the fantastic adventure-historical novel, Travel in Time.

DOI 10.17223/18137083/56/12

References

Bakhtin M. M. Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti [Author and Hero in Aesthetic Activity]. In: Bakhtin M. M. *Sobranie sochineniy. T. 1: Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected works. Vol. 1: Philosophical Aesthetics 1920]. Moscow, Russkie slovari, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003, pp. 69-263.

Bakhtin M. M. K «Romanu vospitaniya» [To «The novel of education»]. In: Bakhtin M. M. *Sobranie sochineniy T. 3: Teoriya romana (1930–1961)* [Collected works. Vol. 3: The theory of the novel (1930–1961)]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012, pp. 218–335.

Bel'skiy A. A. *Angliyskiy roman 1800–1810 gg.* [English novel 1800–1810]. Perm, Perm State University, 1968, 334 p.

Finney Dzh. *Mezh dvukh vremen* [Time and Again]. Moscow, Mir, 1972, 432 p.

Goticheskaya traditsiya v russkoy literature [Gothic tradition in Russian literature]. Moscow, Russian State University for the Humanities, 2008, 349 p.

Koz'mina E. Yu. Invariant fantasticheskogo avantyurno-istoricheskogo romana [The Invariant of the Fantastic adventure-historical Novel]. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2015, no. 2 (33), pp. 24–43.

Lobin A. M. *Povestvovatel'noe prostranstvo i magistral'nyy syuzhet sovremennogo istoriko-fantasticheskogo romana* [Narrative space and the main plot of the modern historical-fiction novel]. Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University, 2008, 132 p.

Malkina V. Ya. *Poetika istoricheskogo romana: Problema invarianta i tipologiya zhanra* [The poetics of the historical novel: a problem of the invariant and typology of the genre]. Tver, Tver State University, 2002, 140 p. (Literaturnyy tekst: problemy i metody issledovaniya; Prilozhenie).

Medvedev P. N. *Formal'nyy metod v literaturovedenii. Kriticheskoe vvedenie v sotsiologicheskuyu poetiku* [A formal method in literary criticism. A critical introduction to sociological poetics] In: Bakhtin M. M. (Pod maskoy) [Behind a mask]. *Freydizm. Formal'nyy metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Stat'i* [Freudianism. A formal method in literary criticism. Marxism and the philosophy of language. Articles.]. Moscow, Labirint, 2000, pp. 185–348.

Petukhova E. I., Chernyy I. V. *Sovremennyy russkiy istoriko-fantasticheskiy roman* [The modern Russian historical fiction novel]. Moscow, Manufaktura, 2003, 136 p.

Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Moscow, Labirint, 2005, 332 p.

Strugatskiy A., Strugatskiy B. *Trudno byt' bogom* [Hard to be god] In: Strugatskiy A., Strugatskiy B. *Trudno byt' bogom: Roman. Ponedel'nik nachinaetsya v subbotu. Vtoroe nashestvie marsian: Povesti* [Hard to be god: Novel; Monday begins on Saturday. The Second Invasion from Mars: Tales]. Moscow, Tekst, EKSMO, 1997, pp. 5–162.

Tamarchenko N. D. «Kapitanskaya dochka» Pushkina i zhanr avantyurno-istoricheskogo romana [«The Captain's Daughter» by Pushkin and genre of the adventure-historical novel]. *Russian Language Journal*. Michigan State University, 1999, vol. 53, no. 174–176, pp. 119–139.

Tamarchenko N. D. Povestvovatel' [Narrator]. In: Tamarchenko N. D. (ed.). *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: a dictionary of terms and concepts relevant]. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoy; Intrada, 2008, pp. 167–169.

Tamarchenko N. D. Tochka zreniya [Point of view]. In: Tamarchenko N. D. (ed.). *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: a dictionary of terms and concepts relevant]. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoy, Intrada, 2008, pp. 266–267.

Tolstoy A. K. Knyaz' Serebryanyy [The Silver Prince]. In: Tolstoy A. K. *Knyaz' Serebryanyy; Stikhotvoreniya; Ballady* [The Silver Prince; Poems; Ballad]. Moscow: Prosveshchenie, 1993, pp. 5–276.

Toporov V. N. Eda [Food]. In: Tokarev S. A. (ed.). *Mify narodov mira: entsiklopediya* V 2 t. T. 1 [Myths of the World: encyclopedia in 2 volumes. Vol. 1]. Moscow, Sov. entsiklopediya, 1991, pp. 427–429.

УДК 82:1; 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/56/13

И. И. Плеханова

Иркутский государственный университет

Ирония Валентина Распутина

Рассмотрение содержания и форм распутинской иронии как выражения авторской позиции важно для раскрытия особенностей творческой рефлексии писателя. Проблема – в сочетаемости игрового образа высказывания с монологическим типом художественного мышления. Цель статьи – раскрыть степень свободы и ответственности писателя в игре словами и найденную им форму слияния релятивности, дидактики и пафоса. Материал рассмотрения – публицистика и художественная проза: темы, коллизии, изображение героев, авторское повествование и высказывания протагонистов. В поздних рассказах о «наивном» Сене Позднякове писатель добился нового синтеза – смеховой дидактики: игра со словом вышла за пределы нарочитой «народной этимологии», герой глубоко чувствует, заражая своим духовным прозрением не через проповедь, но эмоционально. Двуплановая ирония повествования не меняет строй монологического мышления писателя, но сообщает ему выразительные обертоны, благодаря более доверительной игре с читателем.

Ключевые слова: В. Распутин, монологическое мышление, ирония, пафос, дидактика, релятивность, психологизм, наив, игра.

Игра против искренности?

Рассмотрение содержания и форм распутинской иронии как выражения авторской позиции значимо прежде всего для раскрытия особенностей творческой рефлексии писателя. Проблема – в сочетаемости игрового образа высказывания с монологическим типом художественного мышления. Сложный, глубокий психологизм Распутина отличает эмоционально наполненная дидактика, отчетливое, вплоть до учительности, доминирование заданной идеи, реализуемой сюжетно и в рассуждениях героев-протагонистов. Автор выносит идеи в заглавия: «Живи и помни» (1974), «Век живи – век люби» (1981), «В ту же землю» (1994). Знание о человеке предопределяет развитие замысла художника, «когда садишься за книгу и намечаешь тот круг обстоятельств и доказательств, в котором станут действовать твои герои» [Распутин, 2007а, с. 479]. Таков, по Бахтину, «монолитно монологичный» мир Толстого: «слово героя заключено в твердую оправу автор-

Плеханова Ирина Иннокентьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры новейшей русской литературы факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета (ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия; oembox@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© И. И. Плеханова, 2016

ских слов о нем. <…> …Самосознание героя – только момент его твердого образа и, в сущности, предопределено этим образом даже там, где тематически сознание переживает кризис и радикальнейший внутренний переворот» [Бахтин, 1979, с. 65]. Все перипетии, событийные и духовные, описанные в художественной прозе Распутина, развиваются в свете безусловных установок, которые и транслирует автор: «Писатель вправе ставить перед собой более сложные вопросы и говорить об истинном и ложном, о вечном и преходящем, о подлинном и подменном в жизни общества, он обязан знать и указывать на ценности, которые ни при каких условиях не должны быть пересматриваемы как непременное и выверенное условие правильного общественного развития» [Распутин, 2007а, с. 478].

Императивность личного сознания Распутина опирается на веру, которая объединяет в сакральное целое Бога и природу. Он убежден в предопределении как законе творения: «Всевышний еще до сотворения земли должен был замыслить человека – чтобы было кому любоваться и наслаждаться его работой. С этого должен был начинаться человек, на этом возрастать его чувственность и нравственность» [Распутин, 2006, с. 490]. Ключевым в этих рассуждениях остается слово «должен», которое связует изначальной взаимной заинтересованностью всех участников общей жизни: Бога – природу – человека. Долженствование транслируется Распутиным во все сферы существования: экзистенциальную, социальную, творческую – и отступившие, вольно или невольно, все равно подлежат суду и расплате. Это отнюдь не упрощенная картина мира, а представление о врожденном знании и предуказанной гармонии, которые искажаются ходом истории. Так видится персональная судьба: «Человек с детства должен чувствовать ответственность за свою жизнь – она подменена сейчас казенным воспитанием и казенной ответственностью» [Распутин, 2007а, с. 173]. Так социальная миссия освящена вышним распорядком: «Но патриотизм – это не право, а обязанность, хоть и кровная, почетная, но тяжелая *обязанность*, которую в меру своих способностей и сил *должен* нести гражданин той земли, что *отдана ему* (выделено нами. – *И. П.*) под Отечество» [Там же, с. 492]. Высокая императивность переживает особую свободу призванности, как следствие – право духовной миссии и власти. Очевидно, если властная воля обратится к проповеди посредством смеха, гневного сарказма, едкой иронии, то прием ценностно взвешен и отточен.

Еще одна проблема монологического сознания – совместимость игрового выражения мысли с установкой на глубокую прочувствованность духовных процессов. Так Распутин понимал и свое призвание, и путь его осуществления: «Художником человек становится лишь тогда, когда свои собственные чувства он соединяет с общим народным и природным чувствилищем, в которые я верю не меньше, чем в совесть и истину, и в которых они, может быть, и проживают» [Там же, с. 483]. Соединение предполагает абсолютную искренность и переживание соприродности, тогда как эффект иронии достигается остранением мысли, т. е. несовпадением смысла и образа высказывания, и отстраненной рефлексией над его сутью и степенью выразительности формы. Ирония – работа интеллектуально развитого сознания, которое в предельной свободе личного и философского развития обособляется от мира. Предтеча экзистенциализма С. Кьеркегор определял иронию как «бесконечную абсолютную отрицательность» и полагал, что она «направлена не против отдельного феномена, отдельного существования, но что все сущее становится чуждым ироничному субъекту, а он становится чуждым всему сущему, и как действительность утрачивает для него свою законность, так и он в некоторой степени становится недействительным» [Кьеркегор, 1993, с. 176]. Тотальная ирония в художественном выражении – это модернистские игры в отчуждение [Артамонова, 2015] или деконструктивная практика постмодернизма.

Очевидно, что такой образ мышления-существования был неприемлем для Распутина, ибо он исповедовал социальную миссию литературы, а идеальное состояние, к которому стремился, – это прочувствованная высокая духовность. Художник апеллировал к сокровенному через предельную откровенность: «Нынче человек тем и отличается, что он не хочет слышать ничего громкого, не хочет понимать ничего всеобщего, а отзывается лишь искренности, истине и точному названию, он все больше и больше уходит в себя, и достучаться до него можно, лишь вызывая сочувствие и сострадание» [Распутин, 2007а, с. 479]. Установка на непосредственность и единение с читателем исключает самоценную игру разума, но не пренебрегает игрой слов, что оставляет для иронии ограниченную сферу реализации. Владение инструментом иронии – как искусством подтекста, непрямого выражения позиции – такой же природный дар, как поэтическая способность найти точное и единственно возможное слово для описания чудес, чувств и чаяний. Если сам писатель позволил себе в публицистике лирическое признание: «Язык мой – крест мой. Тяжкий, непосильный» [Распутин, 2006, с. 175], – это значит, что самые неожиданные для него высказывания обеспечены работой ума и души.

Следовательно, рассматривая особенности иронии Распутина, мы оцениваем степень свободы и ответственности писателя в игре словами и найденную им форму слияния релятивности, дидактики и пафоса.

Функция иронии в публицистике

Релятивность имманентна иронии и как ценностная позиция, и как когнитивная, когда суть сказанного раскрывается вопреки очевидному. Распутин, конечно, использует второй аспект, особенно ярко в самом пафосном роде литературы – публицистике. Здесь ирония с одинаковым успехом служит выражению любви и возмущения.

В первом случае выразительность достигается игрой на сходстве несочетаемого. Так, при описании особого сибирского типа, который, по убеждению писателя, получился «от слияния славянской порывистости и стихийности с азиатской природностью и самоуглубленностью» [Там же, с. 27], показав «совместимость человеческой души с природным духом» [Там же, с. 33], автор увенчал образ кантовской формулой дуализма очевидного и непостижимого: «Впрочем, на то он и сибиряк, на то она и Сибирь, чтобы не поддаться полностью извлечению из себя и остаться вещью в себе» [Там же, с. 40]. Так же обыграна «роковая» ситуация, когда «человек заболевает Сибирью. После сибирской язвы, теперь, кажется, не существующей, это самая известная болезнь» [Там же, с. 49]. Любовь как высокая боль души – понятно-приятный образ.

Позитивная ирония – редкое явление в распутинской публицистике, зато возмущение в средствах выказывания себя не стесняет. Ирония срывается в сарказм, когда в беседе с В. Кожемяко писатель яростно реагирует на приведенное замечание из «Российской газеты», будто ветераны – сторонники Сталина «распространяют особый запах бедности»: «У нас вообще везде и всюду неприятный запах для чувствительного нюха. <…> Вся Россия, надо признать, пахнет как-то не парфюмерно. И только в последнее время стало почище, когда некоторые зажили “по европейским законам”. <…> Вот и запах Сталина не могут переносить. Но тут уж я оставлю иронию и напомню читателям, что, сколько бы ни ненавидела Сталина и на дух его не принимала нынешняя инославная “элита”, не следовало бы забывать ей, что в России не только ветераны, но и молодежь относится к нему совсем по-иному» [Распутин, Кожемяко, 2011, с. 290]. Так интегрированы синоним «дух / запах», идиома «не выносить на дух» и неназванный «русский дух» – и гнев, язвительная инвектива переходит в угрозу.

Столь же непримирим «закоренелый патриот» [Там же] к возмутившему его отзыву о сибирских нравах в романе «Дети Арбата». Литературно-политическая война почвенников с западниками обострилась по поводу эпизода в автобиографическом романе А. Рыбакова, рисующего свободу нравов в сибирской деревне середины 30-х гг. Распутин счел необходимым откликнуться на «клевету» в очерке «Тобольск» в 1987 г. и повторил пассаж в издании «Сибирь, Сибирь…» 2005 г., когда бестселлер перестройки давно забылся. Но публицист адресует инвективы «сыновьям Арбата» как псевдоэлите, он ерничает, обличает и венчает текст формулой презрения: «И не возмутительно ли после этого читать, какая распущенность встречала благонравных детей Арбата в низовьях Ангары среди потомков Ермака и Кучума! Уроженец этих мест, я свидетельствую, что какие угодно грехи можно приписывать моим землякам, хоть и невежество, доходившее до утверждений, что восстание Пугачёва не обошлось без большевиков, но только не то, что со смаком рисует в них Анатолий Рыбаков. Из лести ли к притравленному читателю рисует, которому желается чего-нибудь этакого, или из мести к местам невольничьих поселений, которые виноваты в этом столько же, сколько кобыла, попукивающая от непосильной натяги, виновата в наваленном на нее негуманном грузе» [Распутин, 2006, с. 79–80]. Сарказм финальной инвективы мнимо самоуничижителен, поскольку отсылает к давней антитезе рабочего коня и пустопляса (Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин и др.). Но стоит отметить и яркую игру паронимами – «из *мести к местам* невольничьих поселений» – гневный публицист не забыл о миссии художника слова.

Столь же непримирим Распутин к губителям Байкала, упоминая их имена и фамилии, чтобы покрыть позором Геростратовой славы. Так, писатель вскрывает иронию истории, когда в 1985 г. «ООН наградила специальной грамотой Академию наук СССР “за деятельность по охране жемчужины мировой природы – озера Байкал”. Эту награду академик Н. Жаворонков должен отнести на свой счет, ибо в байкальских ученых баталиях в конечном итоге восторжествовало его мнение» [Там же, с. 315]. Академик, в частности, мотивировал пользу от целлюлозного комбината откормом свиней на его отходах, на что писатель откликнулся, воспользовавшись тем же приемом самоуничижения: «Молчи, убогая мысля, и признавай величие умов: когда бы не свет науки, гонять бы Байкалу до скончания света омулей, а тут к свиньям, курам повышение выходило» [Там же, с. 317]. Примечателен неловкий оборот с очевидно лишним предлогом: «тут *к свиньям, курам* повышение выходило». Он повторяется во всех изданиях книги «Сибирь, Сибирь…» (1991–2005), что исключает недосмотр редактора и воспринимается как бранный эвфемизм. На тот же «народный язык» Распутин переводил лицемерие пропаганды: «Мы так преуспели в иносказаниях, что, когда увидел я на подъезде к комбинату: “Защитим Байкал – жемчужину Сибири”, – само собой перевелось: “Господи, прости, в чужую дверь впусти, помоги нагрести да и вынести”» [Там же, с. 321].

Монологический склад мышления Распутина сказался в очевидно пристрастной оценке роли интеллигенции, которую он решительно делил на до- и послереволюционную. В книге «Сибирь, Сибирь…» отмечается особая степень вольнолюбия «общественного мнения» в Иркутске, что не могло не подействовать на побывавших в ссылке вождей большевизма: «…и не могли не наблюдать они, будучи и сами в ней, “среду интеллигентных интересов”, которая постоянно и далеко выплескивалась за свои края. И сделали, надо полагать, определенные выводы. Как связь, как вытекающее одно из другого – 7 февраля 1920 года в Иркутске был расстрелян адмирал Колчак, сданный “союзниками”-белочехами революционному политцентру» [Там же, с. 263]. Так ироническим оборотом речи неожиданно оправдан диктатор, чуть ли не возведенный в ранг выразителя «интеллигентных интересов». Высокое звание интеллигенции писатель оставлял

только за провинциальными учителями и библиотекарями и обличал самозваную «культурную элиту», вслед за солженицынской «образованщиной» называя ее «элитарщиной»: она «купается в свободах, как в грязном половодье, и пользуется ими только для свого удовольствия. <…> Она в своей шкуре, в своей атмосфере, ей здесь удобно. И непогрешимые в чистоте целомудренных вкусов поклонники окружают ее бесконечным восторгом» [Распутин, Кожемяко, 2011, с. 155]. Так категоричное, пристрастное мышление делит всех на своих и чужих.

Если Распутин-публицист непримирим, то Распутин-лирик склонен к самоиронии. Так, сидя у костра и в мыслях обличая вкусы и нравы, он вспоминает наставление «современного пророка» «жить не по лжи». Развивая тему, публицист подымается до высот проповеди: «”Не участвовать в сраме жизни” – вот как должен сегодня звучать завет, оставляемый лучшим. <…> “Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи”, – устами святости говорит истина, а между тем не ты опираешься на эту истину, а она ищет в тебе опоры. <…> Если бы дошло до самого крайнего и все прельстились, и ты в том числе, то и тогда правда не покинула бы землю, схоронившись где-нибудь в этих лесах и мхах, пока не народился новый человек и какой-нибудь новый отрок Варфоломей не пришел сюда за нею…» [Распутин, 2006, с. 435]. Но тут, на пределе пафоса, повествователь обрывает себя, снимая напряжение, ибо «в свете огня увидел, как из палатки на четвереньках вылезла большая медвежья фигура, поднялась на дыбы, шумно отряхнулась и, заранее протягивая вперед лапы, направилась к костру» [Там же]. Это выбрался на свет Борис Дмитриев, фотохудожник, спутник в путешествиях по Сибири. Напрашивается ироническая ассоциация с Сергием Радонежским, проповедовавшим диким зверям, а себя – со святым в юности. В том же очерке повествователь уже явно посмеивается над собой, разглядывая мемориал первопроходцам: «Внутри металлической оградки, кроме меня, отдавались чувствам две козы, которым доставляло удовольствие греться на бетонном основании местной святыни. Я стоял и читал: “В 1668 г. воевода Оничков на берегу Бирюльки положил начало Бирюльской волости. Первыми жителями Бирюльки были Стенька Александров и Мишка Синьков. В 1672 г. число пашенных крестьян было 16, в 1699 г. – 42”» [Там же, с. 469]. Встреча с потомками «пашенных крестьян» разочаровала окончательно: мемориал смотрелся «как холодный продукт проводившейся по всей стране идеологической кампании, а не благодарная слеза местного народа» [Там же, с. 470]. Печальная усмешка адресована всем: себе, беспамятным потомкам и поверхностному административному патриотизму. Упоминание коз низводит драматизм ситуации до фарса.

Интеллектуальная насыщенность публицистической иронии Распутина демонстрирует свободу оперирования идиоматикой, не связанной с народной культурой. Так, сакраментальная фраза из романа Ш. де Костера «Тиль Уленшпигель» теряет свое позитивное содержание, но не действенность, когда писатель рассуждает о негативной прививке, которой заражена молодежь, выросшая в пространстве осквернённой памяти: «Сколько угодно проводите вы потом с нею воспитательных бесед – своего рода “пепел Клааса” уже стучит в ее сердцах, она знает уже на практике, что такое вседозволенность» [Распутин, 2007а, с. 489]. Проповедническая по пафосу статья об истинном призвании женщины озаглавлена расхожим фразеологизмом в русской транскрипции, и публицист специально оговаривает правомерность такого использования: «Излишне хорошо известная криминальным юмором, в область которого она перешла, французская поговорка “Шерше ля фам” (“Ищите женщину”), будет иметь самый серьезный смысл, если вдуматься в нее внимательно применительно к нынешнему состоянию женщины. <…> Ищите женщину там, где она осталась, и в том, что составляет ее природное предназначение» [Распутин, 1993, с. 126]. Так работает противоирония: сакраментальной фразе присваивается императивный этический смысл.

Поскольку слово для Распутина самобытно, то и игра словами всегда наполнена своей философией. Так используется омонимия слова «начало» (исток и сущность) при обсуждении судеб цивилизации: «И хотелось бы верить в опамятование, в разумные теперь уже не начала, а концы человека» [Распутин, 1993, с. 147]. Писатель ссылается на одну из теорий антропогенеза, чтобы развить тему предопределенности: «…есть предположение, что миллионы лет назад хлынувшая из недр земли через гигантские разломы радиация могла в результате мутаций поставить четвероногое существо на две ноги и сделать его человеком. Не надо далеко ходить, чтобы сегодня возникло предположение обратного порядка: радиация, распространившаяся по планете в результате деятельности этого человека, способна опустить его обратно на четвереньки. С точки зрения природы, это будет справедливо» [Там же]. Так же выразительна авторефлексия фразы на письме, обыгрывающая пунктуацию: «Продолжать ли нам петь безумству храбрых песни или все-таки употребить храбрость вместе с умом на то, чтобы избежать непоправимого?! Эти слова давно уже не звучат вопросом, но не стали и действием, а *застряли где-то между вопросительным и восклицательным знаками*» (курсив наш. – *И. П.*) [Там же, с. 149]. Но Распутин не может оставить мысль незавершенной, дидактическая установка работает неукоснительно; так, начиная с усмешки, публицист тут же переходит к проповеди: «В человеке нет органа, который вырабатывал бы нравственность. Нет фабрики для выпуска этой продукции и в государстве. Она получается из совокупной работы государственного организма, из системы действующих в обществе правил и, в свою очередь, обратным действием пропитывает все части этого организма» [Там же, с. 87]. Так идея органической нравственности получает новое содержание: от врожденного знания – к организованной общей этике.

Распутинскую публицистику не только пронизывают те же идеи, что высказаны в прозе, но и та же высокая ответственность перед словом, страстным, но устремленным к безусловной истине. Ирония не релятивизирует, а указывает, не смягчает авторскую позицию, а обнажает смыслы, даже в тех случаях (как с оправданием Колчака), когда опущены логические мотивировки. Подтекст в публицистике невозможен в силу ее природы, но игра словами открывает их понятийный потенциал и энергию самообновления смыслов.

Иронический психологизм Распутина

Поскольку язвительная аналитическая ирония вполне органична для автора-проповедника, она не может не проявиться в художественном повествовании, в речах персонажей-протагонистов. Духовный статус героев придает их насмешке надличностный смысл. Символическая иллюстрация соотношения сил хтонических и сакральных – тщета троекратных попыток сжечь царь-лиственъ в «Прощании с Матёрой» (1976). Автор иронически показывает контраст ерничества и бытийной, отстраненной от зла насмешки мирового древа: «– Вот так, – удовлетворенно сказал разговорчивый мужик, подбирая с земли топор. – Посвети-ка, а то темно стало. Мы темно не любим. <…> …Лиственъ как ни в чем не бывало стоял на своем месте» [Распутин, 2007б, т. 4, с. 192]. Пожогщики угадывают в листвене сходство с Богодулом, но таковы и распутинские старухи: они говорят как власть имущие, чей авторитет в кругу земляков непререкаем. Ирония свидетельствует о мудрости и остроте ума, это смех всезнания, наблюдающий суетность мелких человечков и столь же абсурдные претензии самоутверждения за счет природы.

Дарье из «Прощания с Матёрой» и Наталье из «Женского разговора» (1995) писатель подарил абсолютный слух на ложное слово, которое они и разоблачают. Когда уполномоченный по затоплению ссылается на постановление санэпидстан-

ции, Дарья реагирует мгновенно: «– Какой ишо сам-аспид-стансыи? – сейчас же вздернулась она» [Там же, т. 1, с. 22]. Когда многоопытная внучка учит бабушку новому пониманию женской роли, та уже не обличает, а будто бы смиренно соглашается с последствиями: «…женщина ценится, которая целеустремлённая. – Куда стрелёная? <…> Рот разинешь, – кивала Наталья, – так и стреляют, в самую цель» [Распутин, 2007б, т. 2, с. 327]. Дарья без гнева, но с горечью упрекает в неразумии внука и стоящее за его верой общее заблуждение: «– Наша Матёра на электричество пойдет, тоже пользу будет людям приносить. – А то она, христовенькая, на вред тут стояла, – тихо и в себя, без желания к спору, который давно решен без них, ответила Дарья» [Там же, т. 4, с. 112]. Отчаянье прорывается в сарказме деда Егора, прощающегося не с домом, но с миром: «– Живите долго, дядя Егор, тетка Настасья. – Заживё-ё-ом! – Дед Егор придавил слово так, что оно пискнуло…» [Там же, с. 71]; «– Егор, ключ куды? – В Ангару, – сплюнул дед Егор» [Там же, с. 72]. Таков диапазон иронии персонажей – от язвительной насмешки до глубокого, поистине кьеркегоровского трагического, отрицательного отчуждения.

Интонация повествования тоже становится иронической, когда автор описывает антагонистов, носителей разрушительных сил. Таков Петруха, спаливший на Матёре свою избу и подавшийся в пожогщики. В системе героев он представляет образ человека с вымороченным сознанием и персонифицирует крайнюю степень той же абсолютной безответственности, с которой власть распоряжается землей и водой: «Лишь бы прожить сегодняшний день, а что будет завтра – это его не касается, короткие разудалые мысли до этого не достают» [Там же, с. 94]. Беспутный пройдисвет, мгновенно спустивший возмещение за усадьбу, являет собой не только модернизированного матёринца, но и карикатуру на потерявшего себя нынешнего человека-«путаника» [Там же, с. 138]. Он чуть ли не одержим бесом игры наперекор нормам жизни – так Дарья объясняет поведение «неглупого парня», упорно «прикидывающегося дурачком»: «Он знает про себя, что кочевряжится, а не живет. Но уж не оборотится, из вредности не захочет» [Там же, с. 139]. Одержимый Петруха и является среди людей, «как черт на богомолье», наряженный так, что «еще больше стал смахивать на урку» [Там же, с. 105]. Дарья встречает его насмешкой: «– Но-о… это откуль такая божья коровка к нам заползла? – Извини-подвинься, – возмутился Петруха – не “божьей коровкой” возмутился, а “заползла”. – Я не ползаю, я на самолетах, хошь знать, летаю» [Там же]. Так автором осмеяно суетное самолюбие, и такой же взгляд на предавших устои автор передает сыну Дарьи. Павел болезненно воспринимает воодушевление жены от жизни в новом поселке: «…суматошная, предовольная и готова была, кажется, приковать себя к этой квартире. А ведь тоже деревенская баба, с князьями да дворянами не вожжалась, красивой жизни не нюхала, но вот поди ж ты – распушилась, откуда что и взялось? Как жареный петух в одно место клюнул» [Там же, с. 89].

Сама Дарья на городские удобства реагирует с издевкой: «– Зато никакой тебе заботушки, – не то успокаивая, не то насмехаясь, говорила Настасье Дарья. – Я у дочери в городе-то гостевала – дивля: тут тебе, с места не сходя, и Ангара, и лес, и уборна-баня, хошь год на улицу не показывайся. <…> И баня… какая там баня, смехота одна, ребятёнка грудного споласкивать. А оне ишо чё-то булькаются, мокрые вылазят. От и будешь ты, Настасья, как барыня, полёживать, всё на дому, всё есть, руки подымать не надо» [Там же, с. 16]. Благополучие расценивается как искушение комфортом, за которым последует дорогая расплата. В довершение осмеяния Сони, не оправдавшей свое мудрое имя, автор глазами Дарьи описывает внешнее преображение стремительно урбанизировавшейся невестки – конторская работа и химическая завивка делает ее похожей на овцу: «…потолстела, одрябла, остригла на городской манер и закручивала в колечки волосы,

отчего лицо сделалось больше и круглей: глаза заплыли и казались прищуренными и маленькими» [Там же, с. 179]. Суровость автора обусловлена тем, что подмена лица для него – это продажа души. Тема начата в «Последнем сроке» (1997) образом Ильи, вернувшегося с заработков на Севере как из кромешного мира, – и старуха Анна не узнает сына: «Рядом с голой головой его лицо казалось неправдашним, нарисованным, будто свое Илья продал или проиграл в карты чужому человеку. И весь он изменился, побойчел, хотя по годам пора бы ему уже остудиться» [Распутин, 2007б, т. 2, с. 39]. Автор указывает на нечаянных оборотней (Илья и Соня) и даже разоблачает, осмеивает черта, поселившегося в человеке (Петруха), – таков подтекст иронии Дарьи: он актуализирует фольклорную тему подмененного человека, возводя ее уже в антропологический масштаб.

Тем интереснее изображение обратного обращения, оно дано в образе героя-пройдисвета, очнувшегося от пьянства и бездумья («Из цикла рассказов о Сене Позднякове», 1994–1997). Тема воскресения народной души – главная для распутинской прозы последнего периода, требующей от героев силы духа, пытливого ума, созидательной воли и энергии сопротивления злу и энтропии («В ту же землю»; «Изба», 1999; «Дочь Ивана, мать Ивана», 2003). Роль Сени Позднякова – простака, припозднившегося с реакцией на разрушение родины, – дидактическая и вырастает до символа: возможно ли опамятование и воскресение народа? Для самого писателя это был художественный эксперимент – изображение не праведника и не мученика, но раскаявшегося грешника, да еще и с ироническим образом мышления. Распутинский дар ироника наконец вырвался на свободу, страстное обличение публициста перешло в насмешливо-пытливый рассказ о прозрении человека-путаника, которого так жалела старуха Дарья.

Первая история «Сеня едет» (1994) описывает формулу преображения бродяги в защитника родины, который, впрочем, опять опоздал – Останкинское телевидение осенью 1993 г. штурмовали без него, государственная система разложения народа устояла, потешаясь над несолоно хлебавшим правдоискателем. Судьба Сенина представлена в рассказе как полет *семени*, случайно упавшего на благодатную почву: «Когда-то он читал книжки. <…> Но после армии понесло его по романтической части, об уроках которой деревня знала наизусть из песни, распеваемой не однажды “нашим орлом”. <…> “Ах ты, сука-романтика! / Ах ты, Братская ГЭС! / Я приехала с бантиком, / А уехала – без”. Трагические эти строки продолжения не имели» [Там же, т. 3, с. 283–284]. Они прерывались с появлением жены Гали, которая когда-то и подобрала выброшенного на берег судьбой буквально голого – без рубахи и паспорта – сумасброда. Это качество подчеркнуто автохарактеристикой героя: «Сеня Поздняков, в отличие от других, прозвищами себя награждал сам. Да так удачно, что они прилипали. Пока бродяжничал, бичевал – был Бродя, покончил в один прекрасный день с беспутной жизнью – стал “наш орел”» [Там же, с. 283]. Так заявлен образ играющего с судьбой ёрника, который имеет право на игру со словом – абсолютно новый для писателя-дидактика, оставлявшего право на иронию мудрым старухам. Самоназывание – прерогатива народа, который иронизирует над собой.

Примечательно, что право на иронию было отрефлексировано Дарей как нравственная самооценка. О своей старости она судит легко: «– До смертинки три пердинки, – кивнула Дарья» [Там же, т. 4, с. 117]. Отчуждение от мира воспринимает мучительно, узнавая себя в чучеле: «вдруг поразилась: да ведь это она и есть. Она, она… Встать вот так посреди гряды, раскинуть руки – и ни одна курица не подойдет, ни одна птичка не подлетит. А она еще искала, спрашивала себя, на кого она похожа… Господи милостивый! Или так надо?» [Там же, с. 146]. Возмущенная не столько наивностью Катерины, надеющейся образумить Петруху, сколько бессилием, она срывается в язвительность: «Дарья с удовольствием подхватила: – Поезжай, поезжай. Погляди, чьи избы лутче горят –

подволошенские или матёринские? <…> Очурай его. Чё это он чужие избы жгет, ежли свои ишо не все погорели. Ох, Катерина, пошто мы с тобой такие простофили? Жили, жили и нисколь ума не нажили. Что дети малые, что мы… Ну?» [Распутин, 2007б, т. 4, с. 164]. В итоге Дарья осуждает саму себя за несправедливость и горечь гнева: «А хужей того – злиться стала» [Там же, с. 171]. До высот такой мудрости Сеня, конечно, не дотягивает. В первых рассказах он живет в настоящем, ему еще предстоит обрести родовую память в «Поминном дне» (1996) и трагическое чувство вины («Нежданно-негаданно», 1997). Образ героя рассчитан «на вырост», и в первых рассказах он остается ёрником-простофилей, чтобы подняться от смеха над собой и другими до высот самосознания.

Можно предположить, что этот распутинский персонаж отчасти лирический – на нем лежит отблеск собственного увлечения романтикой великих строек в очерках 60-х, с чем и было покончено резким поворотом к «деревенской» прозе. Во-вторых, в описании рефлексии героя вышел на волю дар лирическо-иронического письма, легкого и остроумного, которым писатель отличался в юности [1]. В зрелости, возвращаясь к прозе после десяти лет публицистики, писатель, видимо, пробовал «перевернуть стиль». Так, в художественном плане самоценным остается рассказ «По-соседски» (1995) – версия бессмертной истории «о том, как поссорились…». Конфликт, вспыхнувший между двумя мужиками, абсурден: поругавшиеся из-за безумной овцы соседи обстреливают огороды друг друга бутылками из-под водки. Но суть конфликта – в борьбе мужских самолюбий, поэтому отношения представлены как развернутые боевые действия в ответ на оскорбительные по форме требования: «Это было не что иное, как ультиматум. Сеня только что по дороге обреченно размышлял под доносившееся блеянье, которое тупой пилой перепиливало его пополам, что выхода нет, надо овцу приговаривать. Неизвестно, будет ли от нее шерсть, но жизни от нее не будет. И если бы Вася не пошел на него, как таран, уже завтра он бы спал спокойно. Поторопился Вася. Ультиматумов Сеня не любил. Овца была немедленно помилована. Она не просто была помилована, но возведена в ранг, в степень, превратилась в главное действующее лицо, в самозарядное оружие непрерывного действия. Сеня нервно вздрагивал, когда раздавался очередной “залп” извергающегося взрёва, прямо-таки по сердцу осколочно-фугасным, но он представлял, что испытывает при этих звуках Вася, и собственные его страдания превращались в героическое присутствие. Вася, по-видимому, настолько был деморализован, что на обострение больше не шел. А овца все базлала и базлала» [Там же, т. 3, с. 300]. Внутренний монолог перерастает в борьбу чувств, язык писателя неузнаваем – интонационно, лексически, эмоционально.

Авторская ирония доминирует: в итоге абсурдной борьбы не на живот, а на смерть развязка приходит по формуле «мне отмщенье, и аз воздам», но после краткого мира конфликт простодушного и «жмота» возобновляется, как это было в рассказе В. Шукшина «Хозяин бани и огорода» (1971). Характер Сени вообще коррелирует с легендарными «чудиками» в их поздней версии («Забуксовал», 1973; «Алёша Бесконвойный», 1973 и др.) – так актуализируется художественная связка: до смешного наивный (как носитель природного разума) герой – высокий критик, от его духовной активности зависит судьба страны.

Так, благодаря актуализации иронического модуса повествования, писатель добился нового синтеза – смеховой дидактики: вышел в игре со словом за пределы нарочитой «народной этимологии», «наивный» герой глубоко чувствует, заражая своим духовным прозрением не через проповедь, но эмоционально. Дву-

[1] См. детский рассказ-очерк «Приключения кончились так…», найденный В. Хоружием в газете «Восточно-Сибирская правда» от 29 апреля 1960 г. [Хоружий, 2015, с. 148–152].

плановая ирония повествования не меняет строй монологического мышления писателя, но сообщает ему выразительные обертоны, благодаря более доверительной игре с читателем.

Список литературы

Артамонова А. С. «Лолита», или Ирония. История одного вымысла: Моногр. Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2015. 130 с.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Сов. Россия, 1979. 319 с.

Кьеркегор С. О понятии иронии // Логос. 1993. № 4. С. 176–198.

Распутин В. Г. Россия: дни и времена. Публицистика. Иркутск: Изд-во журн. «Сибирь»: Письмена, 1993. 232 с.

Распутин В. Г. Сибирь, Сибирь… Иркутск: Изд. Сапронов, 2006. 576 с.

Распутин В. Г. Вопросы, вопросы… 1987–2007 // Распутин В. Г. В поисках берега: Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. Иркутск: Изд. Сапронов, 2007а. С. 477–500.

Распутин В. Г. Собрание сочинений: В 4 т. Иркутск: Изд. Сапронов, 2007б.

Распутин В., *Кожемяко В.* Эти 20 убийственных лет. М.: Алгоритм: Эксмо, 2011. 320 с.

Хоружий В. В. Ранний Распутин // Творческая личность Валентина Распутина: Живопись – чувство – мысль – воображение – откровение: Сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2015. С. 148–162.

I. I. Plekhanova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation; oembox@yandex.ru

Irony of Valentin Rasputin

The study of content and forms of Valentin Rasputin's irony as the way of expression of author's position is an important aspect of explaining the features of artistic reflection of the author. The object of study is compatibility of a playful way of expression with a monological type of artistic thinking. The purpose is to reveal the degree of freedom and responsibility of the author in playing with words; and to examine his synthesis of relativity, didactics and pathos. The paper deals with publicism and prose: subjects, plots, collisions, images of characters, author's narration and characters' statements. In late novels about «naive» Senya Pozdnyakov the author manages to create a new synthesis – a humor didactics: his game with words has moved beyond the intentional «folk etymology»; the character experiences deep feelings, sharing his ideas with the readers, not via sermons but emotionally. Two irony levels in this narration do not change the way of the author's monological thinking, but add the expressive overtones to this narration, due to a more confidential game with the reader.

Keywords: V. Rasputin, monological thinking, irony, pathos, didactics, relativity, psychological insight, naive, game.

DOI 10.17223/18137083/56/13

References

Artamonova A. S. *«Lolita», ili Ironiya. Istoriya odnogo vymysla: Monografiya* [Lolita, or Irony. One Fiction Story. Monography]. Irkutsk, IRNITU, 2015, 130 p.

Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Poetics of Dostoevskiy]. 4-e izdanie, Moscow, Sov. Rossiya, 1979, 319 p.

K'erkegor S. O ponyatii ironii [On the Concept of Irony]. *Logos*, Moscow, 1993, no. 4, pp. 176–198.

Khoruzhiy V. V. Ranniy Rasputin [The Early Rasputin]. In: *Tvorcheskaya lichnost' Val'entina Rasputina: Zhivopis' – chuvstvo – mysl' – voobrazhenie – otkrovenie* [Creative personality of Valentin Rasputin: creation – feeling – thinking – imagination – revelation]. Irkutsk, Irkutsk State University, 2015, pp. 148–162.

Rasputin V. G. *Rossiya: dni i vremena. Publizistika* [Russia: Days and Ages. Publicism]. Irkutsk, Izd-vo zhurn. «Sibir'»: Pis'mena, 1993, pp. 126–137.

Rasputin V. G. *Sibir', Sibir'…* [Siberia, Siberia...]. Irkutsk, Izd. Sapronov, 2006, 576 p.

Rasputin V. G. Sobranie sochineniy: v 4 tomakh [Collection of Works in 4 Volumes]. Vol. 4, Irkutsk, Izd. Sapronov, 2007b.

Rasputin V. G. Voprosy, voprosy… 1987–2007 [Questions, questions... 1987–2007]. In: Rasputin V. G. *V poiskakh berega: Povest', ocherki, stat'i, vystupleniya, esse* [Looking for the Coast. Novel, Studies, Articles, Lectures, Essays]. Irkutsk, Izd. Sapronov, 2007a, pp. 477–500.

Rasputin V., Kozhemyako V. *Eti 20 ubiystvennykh let* [Those 20 Deadly Years]. Moscow, Algoritm, Exmo, 2011, 320 p.

УДК 82-1/29
DOI 10.17223/18137083/56/14

В. И. Козлов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

«Жизнь» и «музыка» Е. Рейна: жанровый потенциал ключевых образов

На примере одного стихотворения Е. Рейна показано, как в его творчестве трансформируются классические лирические жанры. В частности, показано, насколько неклассически предстает жанр исторической элегии. Исследование мотивов и образов, ритмической основы стихотворения позволяет выделить ярко выраженный идиллический элемент художественного мира Е. Рейна. Важным фактором трансформации традиционных лирических жанров оказываются ключевые образы «жизнь» и «музыка», которые в контексте творчества автора дорастают до уровня символов. Отношения между ними определяют лирический сюжет стихотворений поэта. Показано, как данные образы развиваются в последней на момент написания данной статьи поэтической книги поэта «Лабиринт» (2013). Характерная для поэзии Е. Рейна сюжетика отношений между указанными символами корректирует традиционную жанровую модель исторической элегии.

Ключевые слова: русская поэзия, жанровая поэтика, элегия, идиллия, лирический сюжет, Евгений Рейн.

Первая книга Евгения Рейна появилась в 1984 г., когда автору было 49 лет. Между тем его поэзия была частью литературного процесса еще с конца 50-х, а если судить по последним публикациям, то и ранее [1]. Причем, как отмечает В. Куллэ, «популярность Рейна в Питере 50–60-х была феноменальной» [Куллэ, 2016, с. 79], но начало разговора о его творчестве пришлось на совершенно иную эпоху. Поэт выходил на широкую аудиторию в те годы, когда эта аудитория стремительно сокращалась. В результате основными жанрами заметок о Е. Рейне остаются предисловия и рецензии на вышедшие книги. Да и эпоха в поэзии сме-

[1] Журнал «Новый мир» (2016, № 2) опубликовал считавшуюся утерянной поэму Е. Рейна «Рембо», датированную 1953 г., когда поэту было 18 лет, и ходившую в списках.

Козлов Владимир Иванович – доктор филологических наук, доцент кафедры отечественной литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (пер. Университетский, 93, Ростов-на-Дону, 344006, Россия; kozlov.ingup@gmail.com)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© В. И. Козлов, 2016

нилась – адекватная оценка сделанного поэтом теперь требовала способности реконструировать иной историко-культурный контекст.

Представление о поэтике Е. Рейна сегодня состоит в убежденности в том, что перед нами элегик (см. [Бродский, 2001; Шайтанов, 2007]), особенность которого – в интересе к «прозе», «вещной» стороне жизни (см. [Лосев, 2010; Рейн, 2003]), что позволяет утверждать, что перед нами наследник акмеизма [Королева, 2005], а также творчества М. Кузмина [Пурин, 2010]. Этот образ хотелось бы попытаться усложнить, показать ту парадоксальность поэтики Рейна, которая уже была подмечена А. Пуриным, – без ее понимания, как кажется, ключа к стихам поэта не подобрать. Поскольку начинать этот разговор можно с любого места, мы обратимся к одному из стихотворений, вошедших в последнюю на данный момент поэтическую книгу поэта – «Лабиринт» [Рейн, 2013]. Само стихотворение условно можно назвать типовым. Оно называется «Магазин «Росконд», приведем его полностью.

Хотелось сладкого,
Любого, всякого,
Хоть рафинада, хоть карамели,
Была блокада, и мало ели.
Когда победа – тогда конфета,
Сезам, откройся, скажи секреты,
Откуда «Мишка» и «Красный мак»?
Я помню сладкий универмаг.
Хлеб по талону, жизнь по талону,
Лишь чай да сахар не потаённо,
Но только в очередь – мы постоим,
Всем, что имеем, – не постоим.
Рог изобилия среди «Росконда»,
Мы ждали больше второго фронта,
И фантик лаковый сдирал калека
От «Шейки раковой» и до «Алеко».
Стучали фабрики «Октябрь» и Слуцкой,
И кофе Африки, и сахар русский,
И на слонах за Гималаи
Везли нам цыбики большого чая.
Всё размешалось в щербатой кружке
И без утруски, и без усушки,
Кто был ничем – напьётся чаю
(я только помню – не обличаю).
Играло радио былые марши,
всё возвращалось к тому, что старше,
с последним звуком «Интернацьонала»
химера марксова гнить начинала.
И вот, чтоб засластить прореху,
туда конфеты кидали к спеху:
«подушечки», «Золотой якорь»,
«Каракум», «Белочка», «А ну-ка, отними!» –
всего не перечислишь… [Там же, с. 17–18]

Можно с большой степенью вероятности набросать традиционный сценарий прочтения этого текста. Здесь налицо «вещность», привязанность поэта к конкретным местам, вещам и людям. В стихах Рейн редко обращается к вещам как таковым – у них, как правило, есть «имена» – временные, пространственные, ис-

торические, эмоциональные маркировки. И приведенное стихотворение такими местами и вещами переполнено. Это первое, что бросается в глаза сразу.

Вторая типовая черта также опознается легко – элегичность. Казалось бы, все просто: перед нами развернутое в деталях воспоминание, а где воспоминание, там и элегия.

Третье – нельзя не обратить внимания на особенный ритм, к которому поэт относится без лишней строгости, варьируя его в течение стихотворения, а в конце вовсе отказываясь от него. Любовь поэта к мелодичности, песенным ритмам – это тоже одно из общих мест в разговоре о поэтике Рейна. Так что, казалось бы, все со стихотворением уже ясно.

Но это ложное впечатление. В нем есть элементы, которых мы сразу не видим и которые определяют подлинную самобытность поэта. Проследим сюжетику стихотворения с начала.

С первой строки действительно понятно, что мы имеем дело с воспоминанием, причем даже – с подробной картиной определенного исторического времени. Но картина послевоенной эпохи сложена как человеческая система ценностей – из того, чего «хотелось», из принципов того времени: «Когда победа – тогда конфета», «Хлеб по талону, жизнь по талону». И потому «Рог изобилия среди “Росконда”, / Мы ждали больше второго фронта».

Дальше начинается скудный советский пир, во всех его деталях и с кульминацией, снижающей возвышенный цели «Интернационала»: «Кто был ничем – напьётся чаю». Противопоставлением пустой идеологии, гниющей «марксовой химеры» и простых «сладостей» с чаем «со слоном» организована последняя треть стихотворения. И когда поэт начинает произносить названия конфет, взятый ритм исчезает – лирика раскрывается в прозу той, вспоминаемой жизни.

Элегия – явление разнообразное, некоторые модели очень непохожи друг на друга (см. [Козлов, 2013]), причем разнообразна и элегия самого Евгения Рейна. По ряду признаков это стихотворение питается от традиции исторической элегии. Подробные, иногда символические картины или даже видения прошлого, посещающие лирического субъекта, как правило, являются обязательным элементом исторической элегии, начиная с К. Батюшкова и заканчивая первой из «Северных элегий» А. Ахматовой. Более того, трудно назвать второй жанр, в котором можно обнаружить тот же элемент. Поколенческое «мы», черты общей судьбы сообщают изображаемой картине историческую перспективу. У исторической элегии коллективный герой, поэтому жанр располагает к обобщающим сентенциям. Даже, казалось бы, очень предметным фразам типа «Всё размешалось в щербатой кружке» он сообщает силу обобщения.

Но как только мы устанавливаем традицию, стоящую за стихотворением, мы сразу начинаем видеть и отклонения от нее. Дело в том, что видение в исторической элегии несамостоятельно – оно необходимо для того, чтобы разыграть лирический сюжет о преемственности между поколениями, отцами и детьми. Это сюжет, без которого историческая элегии не обходится, он – ее сердцевина. Поэтому «пылкие юноши» там обязательно «лобзают» «мечи прадедов». Можно вспомнить О. Мандельштама, у которого «И снова скальд чужую песню сложит / И как свою ее произнесет» [Мандельштам, 1990, с. 98] – все это аранжировки сюжета о преемственности.

Найти этот сюжет в приведенном стихотворении Евгения Рейна довольно непросто. В нем нет точки зрения, выходящей за пределы картины прошлого, а значит, и напряжения между временами просто не возникает. Традиционная модель отношения между временами в элегии – «золотая» пора прошлого и драматичное настоящее. Но в стихотворении настоящее отлито в одной фразе, которая дана в скобках: «я только помню – не обличаю». Если тут и есть сюжет о преемственности, то он редуцирован до мотива памяти как способности сохранять объект

в воспоминании во всех подробностях. В отличие от воспоминания как способности обогащать хранимое в памяти личным опытом (см. [Кнабе, 2004]). И оттого, что из традиционной элегии взят только один элемент, который оказался выдвинут на первый план, все стихотворение сохраняет ауру вот этой «золотой поры», оживающего идиллического времени. Очевидно, что исходная жанровая модель здесь сдвигается, – и важно понять, как именно.

Парадокс состоит в том, что рассматриваемая элегия Рейна оказывается весьма идилличной. Даже тяжесть послевоенного времени здесь не ощутима, поскольку не просто с лихвой компенсируется пиршеством – она еще и является условием, при котором распитие чая с конфетами фактически приравнивается к полноте человеческого существования.

Эффект еще более усиливает подчеркнутая мелодичность стихотворения. Первые две строки графически разделены абзацем, несмотря на то, что это, по сути, единый стих. Но автору было важно сразу показать читателю, в каком месте стиха обязательно нужно ставить паузу, чтобы ощутить пойманным им короткий и столь не похожий на элегический ритм. Скорее, это ритмическая вариация мотива послевоенной фольклорной песенки «Цыпленок жареный, / Цыпленок пареный…». Первые строки повторяют ритм один в один: «Хотелось сладкого, / Любого, всякого…». Впрочем, в стихотворении упоминаются звучащие по радио «былые марши» и «Интернационал», из которого есть прямые цитаты – так что тут, безусловно, есть и другие мелодические источники.

Нужно заметить, что мелодика, как правило, упрощает сюжетику – и стихотворение отчасти это демонстрирует. С другой стороны, мелодичность развеществляет образы, подчеркивает символическое начало поэтического языка, что для исторической элегии довольно неожиданно. Это нужно суметь различить у Рейна. Короткий пример из той же книги:

Весенний вечер над Фонтанкой,
И смех, и вальс.
А жизнь заезженной беглянкой
Стоит средь нас.
Ну так прижми ее получше
На площадях,
Мой современник и попутчик,
И гнев, и страх.
И только вечер над Фонтанкой
Под выходной
Остался памятной делянкой
В полночный зной,
Тот майский зной, где воздух выпит,
И он звенит,
Как древний, но родной Египет
У пирамид [Рейн, 2013, с. 21].

Это стихотворение трудно назвать элегией, хотя в нем достаточно атрибутов этого жанра. Здесь показательно как раз то, что мелодия делает с сюжетом: его герои обобщаются до символов – «жизнь», стоящая «заезженной беглянкой», «современник», проводящий с нею «весенний вечер», «полночный зной» атмосферы, подобный египетскому зною, наконец – вальс, образ музыки, проникающий в стихи (см. подробнее [Козлов, 2014]).

Литературный цех довольно скептически относится к таким стихам, но их ни в коем случае нельзя выключать из рассмотрения, если мы хотим что-то понять о Рейне. Это, безусловно, безделки, но они не бессмысленны. Они в самом эле-

ментарном и простом виде разыгрывают музыкальное упоение, которому не нужно сложностей. И это ценность в поэтике Рейна. Мелодия воспевает сюжет. Ярко выраженное музыкальное начало позволяет не слишком концентрироваться на логике развития образа, давать его крупными мазками. И тень этого мелодизма падает на другие стихи поэта. Именно воспевание внятно ощутимо в рассматриваемой нами исторической элегии, сюжет которой упрощен до предела.

И фантик лаковый сдирал калека
От «Шейки раковой» и до «Алеко».
Стучали фабрики «Октябрь» и Слуцкой,
И кофе Африки, и сахар русский,
И на слонах за Гималаи
Везли нам цыбики большого чая [Рейн, 2013, с. 17].

Слушая мелодику этого стихотворения, мы слышим нечто совсем неэлегическое – восторг и упоение. Чем именно? Тем, что так – было, и это была настоящая жизнь.

За образом музыки, за мелодичностью у Рейна стоит совершенно идиллическая картина мира – в ней не может быть неудовлетворенности миром, там всегда имеет место переживание его полноты. И это музыкальное начало уводит традиционные элегические мотивы совершенно в иное измерение. Возможно, этот жанровый парадокс – один из ключей к тому, что называют лиризмом Е. Рейна. Причем поэт свой прием понимает, о чем иногда проговаривается. Вот каким четверостишием начинает в той же книге одна из элегий:

Запомни день – второе сентября,
Холодный свет на подмосковной даче.
И то, что ты судьбу благодаря,
Его провел вот так, а не иначе [Там же, с. 78].

Музыкальность дает по отношению к сюжету особенную внеположенную ценностную позицию, которую предполагает сама способность что бы то ни было воспеть. Музыка у Рейна способна воспеть память, картину памяти во всей ее предметности, сохранности. Указанный мотив предопределяет другие.

Если мы читаем элегию, лирическое событие которой состоит в воспевании самого акта памяти, то неизбежно встает вопрос о лирическом субъекте и его природе. С одной стороны, мы знаем, что он участник целого ряда сценок, попавших в стихи, что он – персонаж, причем, как правило, практически не выделяющийся на фоне происходящего: он не претендует на то, чтобы быть темой своих стихов. С другой стороны, мы понимаем, что именно его сознание – источник музыки, упоения ею и воспевания. А раз так, то перед нами не кто иной, как поэт в роли поэта. Это отчасти неожиданно, поскольку Рейн не злоупотребляет темой поэта, не навязывает этой роли – он вносит эту тему в свои стихи гораздо более тонко и органично.

Важно подчеркнуть: говоря о музыкальности Рейна, мы имеем в виду не только ритмику – музыка не просто проникает в систему образов и мотивов, но и существенно трансформирует, казалось бы, знакомые нам жанры. Дело в том, что на образном уровне музыка традиционно связана со сферой невыразимого, она – представитель невыразимой гармонии (см. [Махов, 2005, с. 26]). И с выражения этой невыразимости начиналась поэтика Рейна. Приведу начало стихотворения «Мост лейтенанта Шмидта» – это второе стихотворение первой книги Евгения Рейна «Имена мостов» (1984):

Закат над широкой рекою
И город на том берегу
Исполнены жизнью такою,
Что я объяснить не могу.
Пешком возвращаясь с прогулки,
Гляжу на огни и дома,
Но ключик от этой шкатулки
Найти не хватает ума [Рейн, 1984, с. 6].

Это очень показательная лирическая ситуация, ключевая для всего творчества поэта, – поэт, видящий или слышащий необъяснимую гармонию, в присутствии которой предстоит жить и умирать. «Ключик», о котором упоминает поэт, – музыкальный, а музыка – это какое-то иное измерение жизни. У Евгения Рейна есть стихотворение «Музыка жизни», в которой вся эта метафизика сошлась в едином образе.

Музыка жизни – море мазута,
ялтинский пляж под навалом прибоя.
Музыка жизни – чужая каюта...
Дай же мне честное слово, прямое,

что не оставишь меня на причале,
вложишь мне в губы последнее слово.
Пусть радиола поет за плечами,
ты на любые заносы готова [Рейн, 1990, с. 5].

«Море мазута», «ялтинский пляж», «прибой», «чужая каюта» – все это земная плоть, зримые ноты, из которых складывается «музыка жизни». Но здесь сам прием настолько уже осознан лирическим субъектом, что после привычной для Рейна экспозиции остальное высказывание строится как обращение к самой «музыке». И обращение символично: дай «честное слово», «что не оставишь» до последнего часа. И «радиола», что «поет за плечами» – лишь земное воплощение этой всесильной музыки, что «на любые заносы готова».

Белый прожектор гуляет по лицам
всех, кто умрет и утонет сегодня,
музыка жизни, понятная птицам,
ты в черноморскую полночь свободна [Там же].

Природа рейновской музыки – неземная, она «понятна» лишь «птицам» и поэтам. И дальше по ходу стихотворения эта внутренняя гармония мира, опознанная как «музыка жизни», с чем только не сравнивается – это и «кислородный баллон акваланга», и «спасательный пояс» для тонущего, и «чистый спирт», и «Прощанье славянки», и «победа», смешанная с «обидой», и «забвенье на траурной пьянке».

Вообще, музыкальное начало поэзии сегодня часто понимается примитивно: широкий ритмический репертуар, наличие лейтмотивов и рефренов, отказ от изобразительности. Но музыкальное начало – даже в сугубо ритмическом его воплощении – все-таки начинается с веры в музыку. В то, что музыка имеет особенное или даже исключительное значение. А эта вера – и поэзия Рейна прекрасный тому пример – не может не перестраивать образную систему стихов. Количество цитат из стихотворений, в которых музыка у Рейна играет особую роль, могло бы быть очень большим. Нам уже случалось некоторые из них приводить [Козлов, 2013].

Важно зафиксировать ценностную вертикаль, заложенную в самом словосочетании «музыка жизни». «Жизнь» в этой вертикали уходит вниз, в «прозу», в бесконечное количество «имен мостов», мест, конфет, людей, времен… «Музыка» же ведет вверх – в гармонию и поэзию. Но при этом только их сочетание дает формулу поэзии, как ее понимает Рейн. У его стихов, как правило, два вектора: с одной стороны, преодоление «прозы», бесконечно жизненной фактуры, что не всегда, к слову, удается, с другой – заземление небесной музыки, без которого она остается безделкой. И эта задача в творческом смысле тоже весьма рискованная.

Нужно заметить, что в книге «Лабиринт» меньше «музыки», больше «жизни» – это слово здесь одно из самых частотных. Собственно и «лабиринт» – это одна из метафор сложносочиненного горизонтального мира. А образу «жизни» посвящено отдельное стихотворение, которое так и называется – «Жизнь».

Она кипела жидкой кашей
И растекалась по рукам,
Среди клиентов и апашей,
Причастных к избранным кругам.
Пятном на галстук, каплей в лужу,
Кромешным штампом в паспорта,
Чуть-чуть вылазила наружу
И залезала в яму рта [Рейн, 2013, с. 106].

Вот апофеоз парадоксальной рейновской поэтики – посредством нагнетания отборного «сора» попытаться раскрыть главный свой символ гармонии. «Жизнь» предстает как магма, вбирающая в себя все многообразие мира и – главное – продолжающая течь. Что передает и синтаксис:

Таилась в философском камне,
В Бастилии, на площадях,
Ножом Корде в кровавой ванне,
Во всех мичуринских плодах,
В родильном доме и у морга,
В трухлявом шелковом белье,
У воронья на ветках мокла
Дюймовочкой на помеле,
И возрастала в гриб атóмный,
В урановый иконостас,
Она была до дна бездонной,
Она была одной из нас [Там же].

Последние две строки гениальны в точности формулировки той парадоксальности, о которой Рейн силится сказать всем своим творчеством. Главный – «бездонный» – символ Рейна делает в его творчестве такими же «бездонными» и «нас». Каждый человек, каждая вещь и тварь Божия исполнены той глубины, восхищение которой и заставляет певца петь. У Рейна «жизнь» – повсюду.

Но в той же книжке есть стихотворение-двойник под названием «Поэзия» – написано оно тем же размером, имеет то же количество строк. Если «Жизнь» написана двумя предложениями, то «Поэзия» – одним.

Когда обдуманным пульсаром
Вселенная возникла из
Того, что стало нам базаром
И перешло в анхронизм,

Из симфонического бреда,
Косноязычной чепухи,
Из откровений самоеда
Впервые вырвались стихи,
Одолевая инфузорий
И птеродактилей, они
Переписали мир в позоре,
Построились в его тени,
Пиная жесткую платформу,
Запрыгивая на ходу,
Мозг обращая в смысл и форму,
Чтя вымысел и череду,
Поправкой были к общей смуте,
Таблицей на пустых полях,
Образованьем в институте
С дипломом света на паях [Рейн, 2013, с. 134].

Поэт не очень беспокоится о связности своей метафизики, он пишет широкими мазками. В его космологии вселенная возникает из «базара», то есть Слова, которое «перешло потом в анахронизм» и стало, по сути, противовесом мира, пребывающего «в позоре». Поэзия способна этот мир «переписать», наделить «формой и смыслом» мозг, внести «поправку» в первичное состояние общей смуты, быть образованием, за которое дают «диплом света». «Поэзия» – эквивалент небесной «музыки», характерный для позднего творчества Рейна. Появление этого образа логично – раз уж образ музыки подсказал лирическому субъекту роль поэта.

Если поэзии было посвящено предпоследнее стихотворение книги, то поэту – последнее. Оно называется «Призыв». Его мы перескажем. Оно о том, что Бог, «высший художник», «создавших икону, простой подорожник, и ямб, и хорей, и анапест», «и все, что для нашего дела готово», сложил все это – и ушел. И поэт работает в его мастерской, в надежде на то, что плата за этот труд будет «по высшим расценкам» [Там же, с. 135].

Жизнь-поэзия-музыка – это неразрывная триада Е. Рейна, в которой жизнь отвечает за всеохватность и хаотичность, поэзия – за порядок и гармонию, музыка – за легкость и тайну. Как представляется, большинство стихотворений Рейна так или иначе показывают сложную борьбу, взаимодействие этих ключевых образов, которые трансформируют привычные нам литературные жанры, адаптируя их к авторской картине мира.

В завершении хотелось бы обратить внимание на финал выбранного нами стихотворения – на внезапный полный отказ от ритма, срыв в самую прозаичную «жизнь». Почему он произошел? Почему в финале поэтическая формула преображения прозы в музыку вдруг перестала работать? Есть формальный ответ: поэт хотел назвать «имена» конфет, конкретные имена – они не укладывались ни в какой размер, а без них что-то не складывалось – и выбор между «жизнью» и «музыкой» был совершен в пользу «жизни». Но есть и более общий ответ: Евгений Рейн всегда работает на той границе, на которой «жизнь» может превратиться в «музыку» – а может и не превратиться.

Список литературы

Бродский И. Трагический элегик // Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Т. 7. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. С. 147–156.

Кнабе Г. С. Вторая память Мнемозины // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 3–24.

Козлов В. И. Русская элегия неканонического периода. Очерки типологии и истории. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Козлов В. И. Спасительный символизм Евгения Рейна // Prosodia. 2014. № 1. С. 81–101.

Королева Н. «Последний акмеист»: Евгений Рейн // Вопросы литературы. 2005. № 6. С. 60–80.

Куллэ В. «…Цвет гениальности на выцветших листах…» // Новый мир. 2016. № 2. С. 79–86.

Лосев Л. Яблоко Рейна // Лосев Л. Меандр: Мемуарная проза. М.: Новое изд-во, 2010. С. 345–349.

Мандельштам О. Э. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1990.

Махов А. Е. Musica literaria. Идея словесной музыки в европейской поэтике. М.: Intrada, 2005.

Пурин А. «Однофамилец» Рембрандта (Евгений Рейн) // Пурин А. Листья, цвет и ветка: О русской поэзии XX века. СПб.: Журн. «Звезда», 2010. С. 265–270.

Рейн Е. Имена мостов. М.: Сов. писатель, 1984.

Рейн Е. Темнота зеркал. М.: Сов. писатель, 1990.

Рейн Е. Поэзия и «вещный мир» // Вопросы литературы. 2003. № 3. С. 3–9.

Рейн Е. Лабиринт. СПб.: Лениздат, 2013.

Шайтанов И. Формула лирики. Элегичен ли Евгений Рейн? // Шайтанов И. Дело вкуса: Книга о современной поэзии. М.: Время, 2007. С. 491–504.

V. I. Kozlov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
kozlov.ingup@gmail.com

E. Rein's «Life» and «Music»: genre potential of key motifs

The paper shows the transformation of classical genres in the poetry of E. Rein on the example of one of his lyrical poems. In particular, the model of historical elegy gets the features of idyll. The study of rhythm motifs and patterns in the poem allows one to discover the idyllic elements in Evgeniy Rein's artistic world. Key motifs of «life» and «music» prove to be the important transformation factor of traditional lyric genres. Theses motifs are shown to develop and to become the poetic symbols in the context of his poetry book «Labyrinth» (2013). The lyrical plot of every poem is determined. Rein's specificity of the relationships between motifs of «life» and «music» changes the traditional genre models of a historical elegy.

Keywords: Russian poetry, genre poetic, elegy, idyll, lyrical plot, Evgeniy Rein.

DOI 10.17223/18137083/56/14

References

Brodskij I. Tragicheskij jelegik [Tragic elegik]. In: Brodskij I. *Sochinenija Iosifa Brodskogo*. T. 7. [Works of I. Brodsky]. Vol. 7, SPb., Pushkinskij fond, 2001, pp. 147–156.

Knabe G. S. Vtoraja pamjat' Mnemoziny [The second memory of Mnemosyne]. *Voprosy literatury*, 2004, no. 1, pp. 3–24.

Koroleva N. «Poslednij akmeist»: Evgenij Rejn [«Last Acmeis»: Yevgeny Rein]. *Voprosy literatury*. 2005, no. 6, pp. 60–80.

Kozlov V. I. *Russkaja jelegija nekanonicheskogo perioda. Ocherki tipologii i istorii* [Russian elegy of noncanonical period. Essays on the typology and history]. M., Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2013.

Kozlov V. I. *Spasitel'nyj simvolizm Evgenija Rejna* [Saving symbolism of Yevgeny Rein]. Prosodia, 2014, no. 1, pp. 81–101.

Kullje V. «…Cvet genial'nosti na vycvetshih listah…» [«…The color of a genius on faded leaves ...»]. *Novyj mir*, 2016, no. 2, pp. 79–86.

Losev L. Jabloko Rejna [The apple of Rein]. In: Losev L. *Meandr: Memuarnaja proza* [Meander: Memoir prose]. M., Novoe izd-vo, 2010, pp. 345-349.

Mahov A. E. *Musica literaria. Ideja slovesnoj muzyki v evropejskoj pojetike* [Musica literaria. The idea of the verbal music in the European poetics]. M., Intrada, 2005.

Mandel'shtam O. Je. *Sochinenija: v 2 t. T. 1* [The works: in 2 vols. Vol. 2]. M., Hudozh. lit., 1990.

Purin A. «Odnofamilec» Rembrandta (Evgenij Rejn) [«Namesake» by Rembrandt (Yevgeny Rein)]. In*:* Purin A. *List'ja, cvet i vetka: O russkoj pojezii XX veka* [Leaves, flowers and branches: About the Russian poetry of the XX century]. SPb., Zhurn. «Zvezda», 2010, pp. 265–270.

Rejn E. *Imena mostov* [The names of the bridges]. M., Sov. pisatel', 1984.

Rejn E. *Labirint* [Labyrinth]. SPb., Lenizdat, 2013.

Rejn E. Pojezija i «veshhnyj mir» [Poetry and «the external world»]. *Voprosy literatury*, 2003, no. 3, pp. 3–9.

Rejn E. *Temnota zerkal* [The darkness of the mirrors]. M., Sov. pisatel', 1990.

Shajtanov I. Formula liriki. Jelegichen li Evgenij Rejn? [The formula of lyrics.Is Yevgeny Rein elegic?]. In: Shajtanov I. *Delo vkusa: Kniga o sovremennoj pojezii* [A matter of taste: A book of contemporary poetry]. M., Vremja, 2007, pp. 491–504.

УДК 82’282
DOI 10.17223/18137083/56/15

Н. А. Непомнящих, И. С. Полторацкий

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Сюжеты и мотивы младописьменных литератур Сибири: к вопросу о сравнительном изучении и типологии

Рассмотрены общие для разных младописьменных литератур (шорской, эвенкийской, нивхской, хантыйской и др.) и изучены как отдельные мотивы в художественной системе произведений конкретных авторов сюжетно-мотивные комплексы утраты, смерти старика/старухи, столкновения с медведем, шаманского камлания глазами ребенка. Преобладающая фольклорная и бытовая основа сюжетики произведений писателей народов Сибири во многом предопределяет типологический характер их сходства, стирая подчас грани между конкретными текстами и сюжетными реализациями, повторяя общие для всех народов Сибири мотивы, образы. Именно совокупностью всех названных обстоятельств обусловлен тот факт, что в литературах народов Сибири одни и те же сюжеты частотны, повторяются и воспроизводятся в книгах самых разных писателей.

Ключевые слова: младописьменные литературы, литературная традиция, фольклор, мифопоэтика, жанр, сюжет, мотив.

Появление и расцвет литератур народов Севера и Сибири связаны с влиянием процесса глобализации на образ жизни представителей традиционных культур. Именно в XX в. появляется такой уникальный феномен, как младописьменные литературы народов Севера и Сибири. Изучение возникновения и развития этих литератур началось не так давно, и некоторые вопросы оставались вне поля исследовательского зрения, например, исследование доминирующих в новых литературах сюжетов и мотивов.

Несмотря на научный интерес к феномену младописьменных литератур, их типологическое сходство на уровне сюжетов и мотивов до сих пор не становилось предметом последовательного изучения. Оно обусловлено многими факторами: единообразием условий жизни, диктующими особенности традиций и быта, общими основами фольклора, а также условиями возникновения и развития данных литератур, сформированными миссионерской практикой Русской православной

Непомнящих Наталья Алексеевна – старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; alkat@ngs.ru)

Полторацкий Иван Сергеевич – младший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; ipoltora@gmail.com)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© Н. А. Непомнящих, И. С. Полторацкий, 2016

церкви и советским централизованным образовательным проектом, общим практически для всех коренных народов Севера и Сибири. Однако необходимо углубленное изучение генезиса этого сходства: в одних случаях оно обусловлено общностью или сходством мифологии и фольклора разных народов, в других – является плодом литературных и культурных влияний (например, может иметь источником русскую классическую и советскую литературу). Особый интерес представляют оригинальные сюжеты, появляющиеся именно в национальных литературах.

Большая часть сюжетов и мотивов младописьменных литератур имеет бытовую основу – описание каких-то привычных, рутинных действий, трудовых процессов: охотничьих и рыболовных хитростей, порядка ухода за оленями и другими животными, особенностей выделки шкур, секретов пошива традиционной одежды. Эти и другие занятия, составляющие содержание многих рассказов как по отдельности, так и в составе романов и повестей, попадают в книги из самой жизни. Немало в книгах пересказов фольклорных сказок, быличек, сказаний, песен, поверий. Обилие сюжетов, основанных на бытовых реалиях, чаще всего объясняется либо незрелостью (отсутствием стадиального развития) этих литератур, либо как их своеобразие, отличительная черта. Однако стоит помнить, что перед национальными писателями, которые во второй половине XX в. получили образование в Москве и Ленинграде, стояла определенная задача – показать другим историю и культуру своего народа, рассказать о нем миру, – и потому этнографические подробности и даже целенаправленное использование этнографических источников, приспособляемых к художественному повествованию, были призваны эти задачи решать. Уникальность заключалась в том исключительном по своему содержанию материале, о котором мало что было известно широкому читателю. Ведь даже многие их сокурсники зачастую весьма смутно представляли себе быт северных и сибирских народов, почти ничего не знали об их языках, культуре, фольклоре, мифологии, да и просто об их повседневной жизни в непростых климатических условиях [Непомнящих, 2014].

Разумеется, сюжеты и мотивы младописьменных литератур не сводятся лишь к этнографическим источникам и материалам, большое влияние на литературу оказывают фольклор и мифология. Так, в эвенкийской литературе, в книгах известных эвенкийских писателей А. Немтушкина и Г. Кэптукэ, нивхского классика В. Санги, знаменитого хантыйского писателя Е. Айпина и других выделяются архетипические, мифологические по своему генезису сюжеты встречи с представителями других культур (цивилизаций), сюжеты разнообразных поединков (как с людьми, так и с животными). Однако одним из самых «продуктивных» в литературах коренных малочисленных народов является сюжетный комплекс утраты. Это обусловлено сложным социально-историческим положением малых народов, постоянно переживающих разрыв со своими культурными корнями, само обращение к которым является своеобразным оправданием творчества. Как правило, культура малочисленных народов ретроспективна, то есть обращена назад – в прошлое, которое представляется либо утерянным раем, либо временем великой трагедии, длящейся вплоть до момента написания художественного текста. Будущее видится безрадостным временем постепенного угасания жизни, настоящее (вкупе с урбанистическими пейзажами, отталкивающе воздействующими на национальное природоориентированное мышление) не приносит удовлетворения. В такой ситуации обращение к памяти предков становится единственным способом автопрезентации.

Доминирующий характер сюжетно-мотивного комплекса утраты в литературах различных коренных малочисленных народов объясняется несколькими причинами: социально-историческими условиями, статусом языка, близостью к фольклорным сюжетам. Народы, исторически отчужденные от своих национальных границ,

не создают, но сохраняют культуру, языки малочисленных народов нередко обладают статусом исчезающих, а художественная литература тяготеет к фольклорным жанрам. Консервативная «музейная» культура вынуждена защищать свое достояние, не обладая достаточным количеством пассионарных ресурсов для создания новых смыслов и форм. В литературе эта ситуация осложняется просветительским влиянием других, устоявшихся литератур, буквально навязывающих первым национальным авторам эстетические принципы, до которых они не успели развиться самостоятельно. Невозможность качественно освоить сюжетостроительную парадигму нового времени приводит к формированию специфических авторских стратегий письма, связанных с билингвальным мышлением.

Можно выделить группу авторов, пишущих исключительно на национальных языках и принципиально игнорирующих возможность перевода. Но подобные тексты слишком герметичны для выхода в межнациональное пространство, исследования данной группы текстов затруднены особенностями языка: комментатор либо должен владеть языком с рождения, либо быть энтузиастом-популяризатором культуры данного народа. Нам известны имена многих этнографов, лингвистов и фольклористов, посвятивших свою жизнь изучению культуры коренных народов, но литературоведы среди них встречаются достаточно редко. В первую очередь необходимо сохранить, записать и перевести фольклор малочисленного народа, что само по себе является сверхзадачей, требующей усилий целого круга исследователей, а уже после этого рассматривать «надстройку» новой литературы. Поэтому многие тексты, написанные на национальных языках, до сих пор остаются непереведенными, а самим авторам приходится придерживаться менее радикального подхода к своему творчеству. Второй стратегией авторской репрезентации является одновременное существование двух версий текста – оригинальной и переводной, причем возможны различные варианты: текст изначально написан на национальном языке, потом самим же автором переведен на русский, и наоборот. При авторской работе с двумя языками возникают своеобразные двойчатки, представляющие собой целостный текст, существующий на двух языках. И третий вариант – написание текста на неродном языке, но с использованием национальных сюжетов и образов. Здесь художественный эффект достигается за счет применения «языка отчуждения», которым описывается трагическая ситуация самого отчуждения [Полторацкий, 2015, с. 124].

Есть авторы, которые совмещают творчество на двух языках, разводя их и закрепляя за каждым из них свою сферу: чаще всего поэзия принадлежит родному языку, а проза, в особенности крупная эпическая форма, пишется на русском – это характерно для эвенкийской, нивхской, хантыйской и некоторых других литератур. Родной язык ближе и «удобнее» для выражения чувств, поэтические произведения, по форме краткие, соотносимые с фольклорными песенными жанрами, оказываются ему более органичны. Жанры повести, романа «заимствуются» этими культурами вместе языком той культуры, которая их предлагает как образцовые.

Наибольшее количество произведений младописьменных литератур Сибири, получивших признание, опубликованы в 1960–1990-е гг. Именно в этот период становятся известными такие писатели, как Ю. Рытхэу, Ю. Шесталов, Г. Ходжер, В. Санги, Е. Айпин, А. Неркаги, С. Курилов, А. Кривошапкин, В. Ледков, А. Немтушкин и другие. В эти же годы печатается большое количество работ по литературной теории, идет полемика о литературных направлениях, стилях, жанрах, их границах и т. д. В прессе поднимаются вопросы, связанные с жизнью литературы: одной из самых резонансных, всколыхнувших не только литературную общественность, была дискуссия о прозе деревенщиков. В связи с этим примечательно, что в разных литературах народов Сибири (шорской, хантыйской, эвенкийской,

нивхской, ненецкой и др.) в 1970–1990 гг. актуализируется тот же мотивный комплекс утраты, что и в русской деревенской прозе.

Отчасти это обусловлено тем фактом, что литературное творчество писателей коренных малочисленных народов Севера и Сибири возникло и развивалось в контексте русской культуры, то есть не в «герметичной» локальной среде, а в процессе диалога двух культур [Якимова, 1982, с. 204–228; Бологова и др., 2014]. Многие писатели создавали произведения на двух языках: родном и русском, но прозу, крупные жанровые формы (роман, повесть) предпочитали писать и издавать на русском языке. Национальные культуры, испытывая воздействие иной культуры, отчасти ассимилировались, отчасти вбирали в себя те элементы, идеи, художественные принципы, способы репрезентации, которые могли являться источником нового, стать импульсом к их развитию в контексте мировой и многонациональной российской культуры. Остро вставал вопрос о сохранении национальной идентичности, и именно эта проблематика становится центральной в творчестве писателей указанного периода, она, как и в русской деревенской прозе, находит свое выражение в мотивах памяти и сюжетах о стариках и старухах, носителях и хранителях памяти – исторической, крестьянской, родовой. Житейская мудрость и вековые традиции, тщательно оберегаемые этими стариками и старухами, противопоставлены рациональному и прагматическому уму современной молодежи, покидающей родные места. Если старики держатся за вековой уклад жизни, коллективные традиции, то молодежь сознательно ориентирована на кажущиеся ей более привлекательными достижения цивилизации, в ней уже развито чувство индивидуализма, которое вступает в конфликт с устоявшимися преставлениями предков («Последняя дань обычаю», «Изгин», «У истока» В. Санги). Старики в отличие от молодых с большим трудом и болью расстаются со своими родными местами, для многих из них такое расставание подобно смерти, и не только метафорической.

Одни и те же мотивы воспоминаний о детстве, утраты памяти, смерти стариков характерны для прозы В. Санги, А. Немтушкина, Е. Айпина, Г. Кэптукэ и других авторов: в их книгах одним из центральных персонажей становится бабушка или дедушка, воспитавшие ребенка, ставшие для него мудрыми наставниками и передавшие любовь к Родине и традициям предков, смерть бабушки (дедушки) переживается не только как личная утрата, но и как конец определенной эпохи, безвозвратной утраты прежнего уклада. Эти книги об уходящих традициях своих народов, о трагедии, которая постигла их в результате исторических перипетий XX в., о насильственном навязывании многим народностям на территории Сибири оседлого образа жизни, замены традиционной охоты, рыболовства, оленеводства, промыслов колхозами во многом перекликаются с трагическими страницами книг писателей-деревенщиков. И те и другие обращены к образу светлого прошлого, и тем и другим свойственно желание описать в подробностях утрачиваемый быт, опыт, за которыми стоит многовековая жизнь множества поколений.

Схожие проблематика, конфликт, включение в текст фрагментов и обработок фольклорных источников, а также общие сюжеты и мотивы, в частности мотивы утраты, родовой и исторической памяти, детских воспоминаний и широко распространенный сюжет смерти старика/старухи, который, помимо буквального и зачастую автодокументального содержания, имеет иное, переносное значение, становящееся глобальной метафорой утраты традиционного образа жизни, безвозвратного исчезновения исконной культуры, – все это в совокупности роднит многие произведения, написанные писателями о трагических судьбах народов Сибири, с русской деревенской прозой, типологически им наиболее близкой. Не имея литературных образцов в родной культуре, писатели волей-неволей ориентировались на те произведения русской литературы, которые были созвучны их художественным задачам. Будучи первопроходцами, создавая литературу о своих

народах и для своих народов, они рассказывали о национальных традициях, особенностях, быте, обычаях, повседневной жизни в суровых природных условиях. В их произведениях тот же пафос любви к утрачиваемому вековому укладу жизни вследствие вторжения цивилизации, проблемы экологии, воспоминания о детстве и мудрых людях, обращение к фольклору, национальной мифологии, что и в деревенской прозе. Таким образом, в сюжетно-мотивном комплексе утраты, архетипичном для многих национальных литератур малочисленных народов, выделяются два основных мотива: личная и национальная утрата, которые, взаимодействуя и развиваясь, отражают роль частной судьбы человека во всеобщей судьбе народа и культуры, взаимодополняя и усложняя друг друга.

Есть также несколько типичных сюжетов, в равной степени распространенных у разных писателей Сибири вне зависимости от географии проживания или принадлежности к определенной национальной культуре. Отчасти так происходит потому, что быт и фольклор этих народов во многом похожи, обусловлены общей историей их развития. Так, древнейший сюжет поединка героя с чудовищем (или другим героем или зверем) реализуется в младописьменных литературах по преимуществу как столкновение с медведем: первый вариант – случайная встреча в тайге; второй – охота на зверя, носящая характер инициации, до нового времени сохраняющая древние обрядовые действия и поверья. Общими мотивами для различных вариантов сюжета являются мотив испытания молодого охотника (удачное / неудачное испытание), а также мотив нарушения старинного обычая на охоте или перед нею, повлекшего неудачный для охотника исход. О распространенности сюжета свидетельствует тот факт, что он встречается практически у каждого писателя: в романах «Битва Кевонгов», «Ложный гон» и рассказах «Голубые горы», «Последняя дань обычаю» В. Санги; романе «Конец большого дома» Г. Ходжера; рассказе «Хозяин тайги» Ю. Шесталова; в повести «Маленькая Америка» в главе «Дедушка уезжает умирать в Сковородино» Г. Кэптукэ и др. Особняком стоит вариант сюжета, где противостояние человека и медведя имеет символический характер (например, описание Медвежьего праздника в книге «Мне снятся небесные олени» А. Немтушкина). Для человека столкновение с медведем (или другим диким зверем в тайге) – всегда испытание, и не только на прочность, зрелость, физическую выносливость и силу, но и на верность обычаям предков, мужество, порядочность, честность. Обычно это испытание становится важной, переломной вехой в судьбе героя. Зачастую столкновение человека и медведя актуализирует и заставляет вспомнить древние поверья, связанные с медведем, их нарушение также может существенно повлиять на судьбу героя и, в конечном счете, на сюжет произведения в целом. Вариант сюжета о поединке с медведем, выявляющим личностные качества человека, относится к сюжетам новым, переосмысляющим традиционные фольклорные источники и обычаи в целом.

Устные рассказы об охоте на медведя (несказочная проза в форме быличек, семейные и охотничьи рассказы о случаях на охоте) также могут стать источником этого сюжета, но тогда в нем нет никакого развития и переосмысления, лишь фиксация произошедших событий, которая чаще всего вложена в уста какого-либо героя как вставной рассказ. В произведениях с данным сюжетом нет каких-то специфических отличий, обусловленных характером той конкретной национальной культуры, носителем которой является автор, поскольку, как только речь заходит о медведе, он неизбежно попадает в общее для многих народов Сибири тематическое поле, а повторяемость и ограниченная вариативность «медвежьих» мотивов и сюжетов задана как самим жизненным материалом, так и едиными мифологическими и фольклорными источниками. Доля авторской интерпретации их невелика. Лишь у В. Санги разрабатывается новый вариант сюжета, где человек противостоит на охоте хищнику не ради исполнения древних заветов. Значение,

семантика самой охоты меняется: хотя в романах «Битва Кевонгов», «Ложный гон» и рассказах «Последняя дань обычаю», «Голубые горы» поединок становится ключевым событием, в котором проявляется истинная сущность человека, в трактовке сюжета предметом изображения становится не только сама выразительно показанная охота на медведя, но, главным образом, те новые явления, изменения, которым подвергается традиционное мировоззрение: как личное сознание начинает сопротивляться родовому, коллективному и общепринятому порядку. Если раньше соблюдение обычая диктовалось суровыми условиями выживания в тайге, то теперь соблюдение его диктуется лишь исторической памятью и традицией; результат испытания становится личной индивидуальной характеристикой человека, а не показателем готовности его к брачной жизни и гарантией выживания рода.

Сюжетный корпус младописьменных и новописьменных литератур включает как сюжеты, уходящие корнями в мифологию и фольклор, так и сюжеты новые, появившиеся в результате слома традиционного образа жизни народов Сибири в XX в. В начале 1930-х гг. развернутая антирелигиозная кампания проводилась повсеместно и в результате многие шаманы подверглись репрессиям [1]. Во многих произведениях конца XX в. есть сюжеты об арестованных шаманах, шаманах, подвергавшихся гонениям, иногда о шаманах, вернувшихся из тюрьмы. Воздействие шаманизма на литературу не исчерпывается лишь сюжетами, оно гораздо глубже, поскольку наряду с фольклором лежит в основе мировосприятия многих авторов, знакомо им с детства; иногда они используют модель мира, присущую шаманизму, в своих произведениях. Современные авторы также рассматривают некоторые шаманские приемы, используемые в камлании, как выразительные художественные средства и в преобразованном виде включают их в литературные тексты. Потому частый и опять же общий сюжет для писателей разных национальных литератур – это ситуация восприятия ребенком шаманского камлания. И хотя в произведениях о шаманских камланиях доминирует бытовая основа сюжетики, там, где автор отходит от простого описания рутинных действий, обрядов, возникают новые литературные сюжеты. Таковы изображения шаманских экстатических практик в трех сходных по жанру книгах: «Мне снятся небесные олени» А. Немтушкина (1987), «Моя маленькая Америка» Г. Кэптукэ (1991) и «У гаснущего очага» Е. Айпина (1998).

Сцены камлания в них описаны как детские воспоминания автора, якобы еще заставшего в раннем детстве традиционные обряды и верования в их аутентичном, а не «музеефицированном» виде, однако авторские стратегии существенно отличаются. Так, А. Немтушкин в книге «Мне снятся небесные олени» использует этнографический источник (статью И. М. Суслова «Шаманизм как тормоз социалистического строительства»), откуда сцена камлания (около двух страниц текста) заимствована целиком, почти без редактуры и литературной обработки [Суслов, 1932; Непомнящих, 2015, с. 79]. Наиболее далек от просветительских целей при описании камлания Е. Айпин в книге «У гаснущего очага». Рассказ о камлании помещен и постепенно превращается в созвучный ритму ритуала текст: ха-

[1] Подробнее см.: *Карлов С. В.* Массовые репрессии в 1930-е гг.: На материалах Хакасии: Дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2000; *Мельникова Т. В.* Преследование шаманов в годы советской власти // Государство и личность: Политические репрессии на Дальнем Востоке в XX веке: Материалы региональной науч.-практ. конф., 21–22 октября 2004 г.; Амурский обл. краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского. Благовещенск, 2005; *Она же.* Шаманы под запретом власти // Словесница искусств: Дальний Восток в пространстве мифа и легенды. 2006. № 1(17). С. 73–76. URL: http://www.slovoart.ru/node/1522 (дата обращения 12.04.2015); *Волкова М. Г.* Поруганная вера (о репрессиях против священнослужителей) // Книга памяти Красноярского края. URL: http://www.memorial.krsk.ru/Articles/KP/1/08.htm (дата обращения 12.04.2015).

рактерные для камлания приемы ввода в трансовое экстатическое состояние используются в главе «Голос бубна» не только как объект изображения, но и как элемент поэтики, как художественный прием. Повторы, имитирующие ритмичность, заданы анафорами и синтаксическим параллелизмом фраз, начинающихся с возгласов, сопровождающих удары по бубну. Ритм бубна повторяется в ритмике фраз, в графике текста. Г. Кэптукэ в книге «Маленькая Америка» в описании шамана и камлания (обряд укрепления души девочки) опирается на собственный исследовательский и жизненный опыт. В целом сюжеты о шаманах являются настолько частотными, что требуют отдельного исследования.

Немаловажно, что все рассмотренные произведения написаны на русском языке, то есть являются рассказом (в широком смысле) о жизни народов Сибири, их обычаях, традициях для широкого круга читателей, с описываемыми реалиями не знакомых. Потому определенный набор или круг мотивов и сюжетов приобретает в книгах разных авторов характер «обязательного», репрезентирующего читателю важные ценности, значимые сущности и типические черты родной культуры, но их общая история, мифология, фольклор, находя отражение в литературных произведениях, создают эффект многократного повтора, мультипликации, а подчас и «единого текста». Многие авторы, принадлежащие к определенной национальной культуре, ощущают себя замыкающим звеном в цепочке, предполагая, что именно на них, буквально на данном тексте, национальная культура и прекратит свое существование. Ярким примером является название книги Г. В. Косточакова «Я последний шорский поэт» (Новокузнецк, 2003), с характерной отсылкой к известному стихотворению С. Есенина. Налицо также перекличка с русской деревенской прозой, основным сюжетообразующим мотивом которой также является переживание тяжелой утраты.

Важной особенностью младописьменных литератур является их роль в судьбе своих народов, которую можно охарактеризовать как «сохраняющую общность и национальное единство», то есть помимо эстетической функции, эти литературы несут дополнительную нагрузку, являясь интересным антропологическим источником при изучении различных переходных форм, а также традиционного образа жизни коренного народа, его фольклора, быта, культуры. Кроме того, особенности генезиса и бытования младописьменных литератур позволяют говорить о принципиально новом явлении в сфере исторической поэтики: созданная искусственно, функционирующая на неродном языке, эта литература отчасти имеет в основе общие для мировых литератур мифологические и фольклорные сюжеты и мотивы. Однако наряду с ними на современном этапе развития в этих литературах сохраняется большая доля бытовой сюжетики, что отличает их от современного состояния, например русской литературы, и что диктует и другие отличия, порожденные отсутствием стадиального развития, неразвитостью жанрового и стилевого разнообразия. Но именно эти особенности делают их важным антропологическим свидетельством происходивших перемен в традиционном укладе жизни коренных народов Сибири, разрушения привычных устойчивых форм быта и неизбежной при происходящих процессах смене мировосприятия и мировоззрения. В дальнейшем эти наблюдения и выводы позволят провести анализ генезиса сюжетов и составить типологию мотивов в произведениях писателей различных географических ареалов и этнической принадлежности, а также поставить вопросы о связи сюжетов и жанров в младописьменных литературах.

Список литературы

Бологова М. А., *Дампилова Л. С.*, *Полторацкий И. С.*, *Силантьев И. В.*, *Широбокова Н. Н.* Литературы коренных народов Сибири в аспекте теоретической и исторической поэтики // Филология и человек. 2014. № 3. С. 57–65.

Непомнящих Н. А. Человек на перекрестке культур: Эвенкийская литература в современном мире // Антропологические сдвиги переломных эпох и их отражение в литературе: Сб. науч. ст. Гродно, 2014. С. 45–51.

Непомнящих Н. А. Шаманские камлания в книгах А. Немтушкина, Г. Кэптукэ, Е. Айпина: Соотношение этнографического и художественного в описаниях экстатического транса // Экстаз в литературе и искусстве: Сб. науч. ст. СПб., 2015. С. 75–85.

Полторацкий И. С. Сюжетообразующие функции мотива утраты в шорской литературе // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 123–128.

Суслов И. М. Шаманизм как тормоз социалистического строительства // Антирелигиозник: Науч.-метод. журн. 1932. № 17–18. С. 19–24.

Якимова Л. П. Многонациональная Сибирь в русской литературе. Новосибирск: Наука, 1982. 228 с.

N. A. Nepomniashchikh [1], **I. S. Poltoratsky** [2]

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
[1] *alkat@ngs.ru*, [2] *ipoltora@gmail.com*

Themes and motifs of newly created written literatures of Siberia: the question of the comparative study and typology

The motifs and plots common for the various kinds of the literature of Siberian indigenous peoples (such as the Shor, Evenk, Nivkh, Khanty, etc.) are for the first time studied as a complex. The complex includes the motifs and plots of loss, an old man/woman's death, an encounter with a bear, a shaman's ritual shown through a child's eyes. The motifs are studied both as separate motifs in the works of the certain writers and as a whole body of motifs in certain authors' poetics. The similarities of the folklore and the conditions of life determine the similarities in Siberian writers' works. They use motifs and images characteristic to all Siberian indigenous peoples and that is why their texts have so much in common. It is also for this reason that the same plots are often and repeatedly used by the writers belonging to the different kinds of Siberian literature.

Keywords: literature of Siberian indigenous peoples, folklore, genre, plot, motif.

DOI 10.17223/18137083/56/15

References

Bologova M. A., Dampilova L. S., Poltoratskiy I. S., Silant'ev I. V., Shirobokova N. N. Literatury korennykh narodov Sibiri v aspekte teoreticheskoy i istoricheskoy poetiki [Literatures of indigenous people of Siberia in aspect of theoretical and historical poetics]. *Filologiya i chelovek*, 2014, Barnaul: Altai State University, no. 3, pp. 57–65.

Nepomnyashchikh N. A. Chelovek na perekrestke kul'tur: evenkiyskaya literatura v sovremennom mire [The person at the intersection of cultures: the Evenk`s literature in the modern world]. In: Avtukhovich T. E. (ed.) *Antropologicheskie sdvigi perelomnykh epokh i ikh otrazhenie v literature* [Anthropological shifts of the pivotal era and their reflection in literature]. Grodno, 2014, pp. 45–51.

Nepomnyashchikh N. A. Shamanskie kamlaniya v knigakh A. Nemtushkin, G. Keptuke, E. Aypina: sootnoshenie etnograficheskogo i khudozhestvennogo v opisaniyakh ekstaticheskogo transa [Shamanic rituals (kamlaniya) in A. Nemtushkin, G. Keptuke E. Aypin's books: a ratio of an ethnographic and art ecstatic trance]. In: Denisenko S. V. (ed.) *Ekstaz v literature i iskusstve* [Ecstasy in literature and art]. St. Petersburg, Tver`, izd. Mariny Batasovoy, 2015, pp. 75–85.

Poltoratskiy I. S. Syuzhetoobrazuyushchie funktsii motiva utraty v shorskoy literature [The storymaking functions of the motif of loss in the Shorian literature]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, 2015, no. 4, pp. 123–128.

Suslov I. M. Shamanizm kak tormoz sotsialisticheskogo stroitel'stva [Shamanism as a hindranceto the building of socialism]. *Antireligioznik.* 1932, no. 17–18, pp. 19–24.

Yakimova L. P. *Mnogonatsional'naya Sibir' v russkoy literature* [Multinational Siberia in the Russian literature]. Novosibirsk, Nauka, 1982, 228 p.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1’04:81’373.612
DOI 10.17223/18137083/56/16

Е. В. Генералова

Санкт-Петербургский государственный университет

О развитии значений оттопонимических прилагательных в русском языке (на примере истории лексемы «московский») [*]

На материале семантической эволюции прилагательного *московский* в старорусском языке и далее в языке XVIII–XIX вв. и современном русском языке исследуются закономерности развития значений прилагательных, образованных от географических названий, в истории языка. Анализ показывает, что лексическое значение оттопонимических прилагательных не может быть сведено к чисто относительному и представляет собой ряд типовых и индивидуальных значений, набор и соотношение которых в отдельных лексемах и в лексической группе в целом изменяются во времени. Подробно описывается становление семантической структуры лексемы *московский*, происходившее в русском языке XVI–XVII вв. В развитии семантики адъектонимов в языке национального периода при сохранении большинства типовых значений происходит обновление семантической структуры, для адъектонимов в современном русском языке характерны развитие семантики, приближающейся к качественной, и тенденция к стереотипизации.

Ключевые слова: оттопонимические прилагательные (адъектонимы), русский язык XVI–XVII вв., современный русский язык, семантика, этностереотип.

К вопросу об изучении семантики оттопонимических прилагательных

Апеллятивная лексика является предметом описания толковых и аспектных словарей, ономастическая – ономастических, при этом и те, и другие слова можно обнаружить и в энциклопедических изданиях. Судьба же образований от онимов, представляющих собой «переходный случай» от собственных к нарицательным

[*] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-04-00423а).

Генералова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, заведующая Межкафедральным словарным кабинетом им. Б. А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета (Университетская наб., 11, Санкт-Петербург, 193034, Россия; elena-generalova@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© Е. В. Генералова, 2016

[Реформатский, 1964, с. 21], незавидна. Этнонимы и названия жителей, а тем более притяжательные прилагательные, образованные от антропонимов, или оттопонимические и отэтнонимические имена прилагательные не только, как правило, не попадают в лексикографические издания, но даже практически не инвентаризируются и не подсчитываются.

Между тем такие дериваты от имен собственных составляют неотъемлемую и значительную часть словарного состава языка на всех этапах его существования, обладают как группа собственными словообразовательными, семантическими, грамматическими, функциональными закономерностями развития, несут существенную культурную информацию.

Оттопонимические прилагательные (в отечественной лингвистике используются также термины «прилагательные от географических названий», «ойконимические прилагательные», «адъектонимы») принадлежат к древнейшему лексическому пласту русского языка, образуются в значительно большем количестве, чем названия лиц по месту их жительства и происхождения [Левашов, 1986, с. 6], и в большинстве своем раньше соответствующих существительных – названий жителей. Адъектонимы обладают развитой семантикой, входят в ряд устойчивых словосочетаний (*сирота казанская*, *по гамбургском счету*), в свою очередь являются базой образования онимов, в частности прозвищ, фамилий, псевдонимов (*Белозерский*, *Ржевский*, *Роттердамский*), названий улиц (*Брянская*, *Большая Московская*) и т. д.

Большинство лингвистических исследований оттопонимических прилагательных посвящено вопросам их словообразования. Семантика таких слов изучается редко и обычно изначально полагается как относительная.

Единственными словарями, системно представляющими прилагательные, образованные от географических названий, являются «Словарь прилагательных от географических названий» Е. А. Левашова [Левашов, 1986] и его же словарь-справочник «Мировая топонимика. Прилагательные от географических названий» [Левашов, 2003]. В этих словарях собран ценнейший лексический материал, описанный автором прежде всего со словообразовательной точки зрения. Предметом настоящей статьи является детальное рассмотрение семантики оттопонимических прилагательных и выяснение вопроса, может ли она быть сведена к чисто относительному значению. Придерживаемся функционального подхода, в соответствии с которым значения относительных прилагательных (в том числе и собственно относительное) устанавливаются на основании взаимодействия семантики производящего существительного (в данном случае топонима) и семантики определяемого существительного. Разделяем позицию исследователей, трактующих семантику относительных прилагательных в связи с двойной референцией смысла: «…отношения, возникающие между относительными прилагательными и определяемыми существительными, это отношения между двумя предметами, а не между предметом и его признаком, поэтому прототипическое значение относительных прилагательных во многом является “отраженным” и мотивируется той концептуальной структурой, которая стоит за относительным прилагательным как производным словом» [Никитин, 1996, с. 243].

Нельзя не согласиться с Л. И. Озтюрк, что, «являясь частью апеллятивной лексики, адъектонимы входят в особый лексико-семантический разряд и имеют ряд очень важных особенностей» [Озтюрк, 2008, с. 230]. Задачей автора статьи является выявление этих закономерностей в семантическом развитии (на примере истории прилагательного *московский*).

Прилагательное *московский*, с одной стороны, представляет собой пример характерного развития семантики оттопонимических и – шире – относительных прилагательных, а с другой стороны, обнаруживает специфику своей истории в связи с уникальностью и исключительностью по своей культурной роли суще-

ствительного *Москва* и объекта, им обозначаемого. В статье прослеживается динамика семантической эволюции этого прилагательного: подробно в старорусском языке и далее в языке XVIII–XIX вв. и современном русском языке, вплоть до рассмотрения актуальных тенденций в его использовании, выявляются закономерности развития значений оттопонимических прилагательных. Материалом исследования послужили корпусные данные и данные исторических словарей и картотек (в первую очередь хранящейся в Межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета картотеки «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» [СОРЯ]).

Семантика прилагательного *московский* в языке донационального периода

Прилагательное *московский* было известно еще в древнерусском языке, встречаясь, в частности, в летописях (наряду с топонимом *Москва*), и такая древность характерна для адъектонимов как лексической группы: «Прилагательные, образованные от географических имен, сопутствуют всей истории нашего языка, прослеживаясь в его древнейших памятниках» [Левашов, 1986, с. 4]. Лексема образована по самой характерной для оттопонимических прилагательных модели: В. А. Горпинич, один из первых обратившийся к изучению адъектонимов, подчеркивает, что «в древнерусском языке основным словообразовательным типом, по которому производились прилагательные, была модель “основа топонима (с сохранением топоформанта) + простой суффикс -ьск-”» [Горпинич, 1966, с. 5].

В памятниках старорусского языка прилагательное *московский* высокочастотно, и многочисленность контекстов дает возможность подробно рассмотреть семантику лексемы в языке этого периода.

В истории прилагательного *московский* можно выделить несколько семантических блоков (более крупных, чем значения, единицы, объединяющих несколько значений) в зависимости от разных объектов, на связь с которыми указывает прилагательное. В старорусском языке вычленяются следующие семантические блоки:

А. Относящийся к городу Москва.

Б. Относящийся к Московскому государству (Русскому государству XVI–XVII вв.).

В. Относящийся к царю Московского государства (Русского государства XVI–XVII вв.).

Основными являются два первых объединения, при этом блок А (‘относящийся к соответствующему населенному пункту’), естественно, более типичен для развития семантики оттопонимических прилагательных.

Появление второго и в результате метонимического переноса наименования и третьего семантических блоков обусловлено формированием вокруг Москвы в XVI–XVII вв. централизованного государства. В языке XVI–XVII вв. названия государств, стран образовывались чаще с прилагательными от названий этих местностей, а не городов: *Французжское* (*Францовское*) *государство*, *Аглинское государство* (*Аглинская земля*), *Датская земля* (*Датский край*), *Свейское государство* и т. п. В этом смысле синонимом обозначениям *Московское государство*, *Московская земля* является сочетание *Российское государство*, известное уже в период XVI–XVII вв. Однако обозначения значительных территорий возможны в старорусском языке и по главному городу: см. названия в прошлом независимых областей-частей Московского государства: *Псковское государство*, *Казанское царство* (*государство*), *Астраханское царство*. По этой модели с прилага-

тельным *московский* и образуются устойчивые сочетания *Московское государство*, *Московская земля*, *Московское княжество*, *Московская страна.*

Наличием таких, включающих прилагательное *московский* устойчивых сочетаний – обозначений страны, и обусловлена расширительная семантика блока Б.

Употреблений третьего блока (с семантикой ‘относящийся к царю Московского государства’) немного, и они фиксируются в тех же памятниках, в которых реализуется значение ‘относящийся к Московскому государству’: *В Цр҃егороде имѣютъ смотрителное око о* ***московском намѣрении*** *около Черного моря* (В-К VI, 1670 г.) (ср.: *намерение свеиского короля*) [КСОРЯ].

Принципиально, что значение выделенных семантических блоков (как и семантика оттопонимических прилагательных) не может быть сведено к чисто относительному (интерпретируемому отсылочно как «прилагательное к…»), а представляет собой ряд типовых и нетиповых значений. В соотношении этого общего «отсылочного» значения (а у оттопонимических прилагательных оно наиболее стандартизовано по сравнению с другими относительными прилагательными) и семантики в конкретном контексте и состоит семантическое своеобразие адъектонимов: с одной стороны, «словообразовательное значение отойконимических прилагательных предельно конкретно из-за недифференцированности выражаемого им отношения и… практически совпадает с лексическим» [Крюкова, 2000, с. 17], а с другой стороны, «значения… регулярно реализующиеся в контекстах, с достаточной частотой встречающиеся в речи, и следует считать собственно лексическими значениями отойконимических прилагательных» [Там же].

Именно в период XVI–XVII вв. на основании частотного употребления относительных прилагательных в характерных контекстах формируется типовая семантика многих тематических групп, в том числе оттопонимических прилагательных. Рассмотрим эти значения подробнее в соответствии и с их распределением по выделенным семантическим блокам (обозначены выше как А, Б, В).

1. Относительная семантика

1А. С относительной семантикой ‘относящийся к городу Москва’ лексема *московский* известна в устойчивом сочетании – обозначении соответствующей местности: *Московский уезд* (ср. аналогично с другими оттопонимическими прилагательными: *Алаторский уезд*, *Дорогобужский уезд*).

1Б. Относительная семантика ‘относящийся к Московскому государству’ чаще всего реализуется в тексте «Вестей-Курантов» в сочетаниях *московское воиско*, *московские силы* (т. е. такое значение лексема приобретает в первую очередь в переводных источниках).

1В. Именно относительная семантика характерна для прилагательного *московский* при обозначении отношения к правителю Московского государства.

2. Значение ‘происходящий из…’, ‘живущий и служащий в…’

2А. В языке XVI–XVII вв. прилагательное *московский* повсеместно используется с этим значением, и это вообще самое распространенное типовое значение оттопонимических прилагательных. Для деловых документов XVI–XVII вв. конструкция «оттопонимическое прилагательное + существительное, указывающее на профессию или социальную категорию» была официально принятым способом идентификации человека (*елецкой кузнец*, *подьячия арьзамаськия*, *воронежский посадцкий человек*). Для указания на место жительства такие конструкции употреблялись наряду с существительными – названиями жителей, но в старорусском языке использовались чаще. Очевидна большая информативность конструкций с оттопонимическими прилагательными (наряду с происхождением обозначается

также профессия или социальный статус), кроме того, здесь нет никаких ограничений для использования, в то время как названия жителей существовали не от всех названий населенных пунктов. Сочетания, включающие оттопонимические прилагательные, использовались в таможенных книгах, челобитных, других деловых документах, а также в частной переписке, т. е. в документах, требующих наибольшей точности и подробности. См. с прилагательным *московский*: *Указали мы великий государь* ***московскимъ*** *и городовымъ* ***кузнецомъ****… дѣлать мушкетные замки наспѣхъ* (А. Кунг., 1678 г.); *Бояре приговорили за стрелетцкие хлебные запасы и ямские денги* ***московским*** *и розных городов* ***ямщиком*** *на жалованье имать на нынешний 157-й год и впредь по сошному розводу* (А. писц. д., 1649 г.); *За* ***московских конюхов*** *побеите челом гдрю отцу архимандриту чтоб их родственники з голоду не умерли* (Гр.) [КСОРЯ].

Существительные (к этому времени в языке были известны синонимичные *москвитин* (наиболее частотно), *москвич*, *московлянин*) использовались в первую очередь для указания на происхождение человека (см. характерные сочетания *родиною москвитин*). Конструкция же с прилагательным могла указывать и на происхождение человека (Е. И. Зиновьева пишет, что в деловых документах XVII в. с такой семантикой использовалась, в частности, конструкция *уроженец* (*какой*) [Зиновьева, 2000, с. 134]), но обычно это характеристика именно места жительства (и часто службы на настоящий момент).

Самое частое одушевленное существительное, определяемое прилагательным *московский* в этом значении в языке XVII в., – это лексема *стрелец*: словосочетание *московские стрельцы* встречается во многих текстах деловой и повествовательной разновидности, фиксируя важную для Московской Руси реалию. Созданное по приказу Ивана Грозного в 1550 г. и расселенное изначально в Москве в Воробьевой слободе, стрелецкое войско сильно увеличилось на протяжении XVII в. и активно участвовало в жизни страны, причем большинство стрельцов были именно московскими: в 1678 г. насчитывалось 26 полков московских стрельцов, что составляло 22 504 человека [Романов, 2004, с. 40]. Распространено были также сочетание *московские дворяне* ‘дворяне, состоявшие на службе при царском дворе, высший разряд дворянства’.

2Б. В значении ‘живущий в Московском государстве’ прилагательное *московский* используется как определение к лексеме *люди*, реже *народ: А в Литвѣ говорятъ что* ***московские люди*** *вездѣ розоряютъ и грабятъ* (В-К VI, 1668 г.).

Московские люди как обозначение народа в целом, а не только жителей столицы, встает в один ряд с такими номинациями, как *аглинские люди*, *свейские люди* и др. В этом значении прилагательное *московский* во множественном числе может и субстантивироваться (слово *люди* в данном случае обладает ослабленным лексическим значением). Характерно использование субстантивированного прилагательного в таком значении в «Вестях-Курантах» (ср. аналогично в западноевропейских языках), а также в Статейных списках послов: *Новая вѣсть что* ***масковские*** *учинили казакомъ и татаромъ великую шкоду, такожь взяли де ханова брата* ***московские*** *в полон* (В-К VI, 1668 г.) [КСОРЯ].

3. Значение ‘правящий, являющийся главой…’

3А. Изначально прилагательное *московский*, определяя лексему *князь*, обозначало главу Московского княжества и именно с такой семантикой вошло в титул Ивана Грозного после его венчания на царство в 1547 г.

В качестве оттенков этого значения, также типового для оттопонимических прилагательных в текстах XVI–XVII вв., можно выделить семантику ‘управляющий; осуществляющий управление на территории…’ (ср. *звенигородский воевода*) и ‘являющийся главой церкви на территории…’ (*московский патриарх*).

3Б. Развитие семантики *московский* ‘правящий, являющийся главой Русского государства’ обусловлено экстралингвистическими причинами: с расширением границ страны, включающей наряду с Московским княжеством и другие, в том числе присоединенные Иваном Грозным земли, прилагательное *московский* получает расширительную семантику: ***Московскои гс҃дрь*** *писал х королю полскому… что будет свѣиског* [короля] *воеват* (В-К V, 1658 г.); *И онъ де, Якубко, сказалъ: «намъ де, свѣичамъ, противъ* ***Московскаго государя*** *имени не вставать для того, что намъ, свѣичамъ с Московскимъ государемъ воеваться»* (СиД, 1636 г.) [КСОРЯ].

4. Значение ‘представляющий интересы…’

4Б. Такая семантика для прилагательного *московский* зафиксирована только при его использовании в расширительном значении в памятниках, описывающих дипломатическую деятельность Российского государства.

Наиболее частотны словосочетания для обозначения официальных представителей страны: [Маамет-паша]: *так, как деи яз стал деи и в пашах, и изо всех деи земель у нашего государя послы при мне бывали, одного деи московского не было* (Пут. послов, 1570 г.). В текстах «Вестей-Курантов» прилагательное *московский* в этом значении определяет лексемы *посланный* (самое частотное), *посол*, *посланник*, *посланец*, *гонец*. При этом значение прилагательного может дополнительно уточняться: *московский приѣзжий посланец* (В-К VI, 1668 г.), поскольку относительные прилагательные обладают морфологической энантиосемией, когда противоположность значений формируется по-разному понимаемым отношением (ср. *московский* ‘прибывший (привезенный) из Москвы’ (*московские послы*) / ‘направляющийся (направляемый) в Москву’ (*московская посылка*)).

5. Значение ‘расположенный в…’

5А. Это значение (при определении неодушевленных существительных-названий локативных объектов) фиксируется только в рамках первого семантического блока – ‘расположенный в городе Москва’: [Иван Грозный Федору Ивановичу]: *Ты бери-тко казну да все несчетную поезжай-ко* ***московскима переулкамы*** (Ист. песни, XVI в.); *Гс҃дрю Ивану Ивановичу* ***московскова двора*** *твоего дворник Василеи Григоревь челом бьет* (ИНРЯ, 1714 г.) [КСОРЯ].

6. Значение ‘произведенный в …’

Иногда сложно дифференцировать, к какому семантическому блоку относится такая семантика прилагательного *московский* (при сочетании с неодушевленными конкретными существительными), но чаще, вероятно, к первому – ‘произведенный в городе Москва’: *Седло сафьянно с ящуром и уздою, с воилоком и с тебеньки, а* ***тебеньки московские*** (АФЗХ II, 1528 г.); *А велятъ имъ* [хлебникам, мясникам, пирожникам] *будучи на службѣ, тѣ свои* ***московские товары****, и которые купятъ и даромъ добудутъ въ войнѣ, продавати всякого чину служивымъ людемъ негораздо дорогою цѣною* (Котошихин, 1667 г.) [КСОРЯ].

На место изготовления может указывать и распространенное в языке XVI–XVII вв. устойчивое сочетание адъектонимов с существительным *дело* (*тульское дело*, *холмогорское дело*, *московское дело* и др.) [1]. Это сочетание употреб-

[1] Относительные прилагательные в сочетании с существительным *дело* могли указывать не только на место, но и на способ изготовления (*домашнее дело*), материал (*кедровое дело*) и т. п.

лялось как несогласованное определение в именительном и родительном падежах или с предлогом *на* в винительном падеже: *И на государѣ было платья: шуба, бархатъ цвѣтной* ***московское дѣло*** *шолкъ червчатъ по бѣлой землѣ* (Выходы ц. в. к., 1636 г.) [КСОРЯ] (ср.: *вошвы золотомъ шиты казанское дѣло* (АРГ, 1525 г.); *перстень пермское дѣло серебрян* (Сл. Перм., 1623 г.); *колеса нѣмецкого дѣла* (Пск. писц. кн. II, 1660 г.) [СОРЯ, вып. 5, с. 121].

7. Значение ‘о мерах: имеющий хождение, принятый в…’

7А. Значение ‘имеющий хождение, принятый в Москве’ при определении существительных, являющихся названиями мер, возникают изначально в первом семантическом блоке, но многие достаточно быстро получают расширительное значение. Семантика была типична для оттопонимических прилагательных (ср. *оскольская мера*, *новгородская деньга*, *елецкий пуд*), при этом с прилагательным *московский* зафиксировано наибольшее количество таких устойчивых сочетаний. Это обозначения денежных единиц и мер зерна. Знание эквивалента используемых денежных единиц было важно в повседневной жизни, и именно с этим значением *московский* фиксируется разговорниками – руководствами по изучению русского языка, составленными иностранными купцами на основе устной речи: *Московска деньга. Mosckowska denga. Halb denyngen* (Аноним. разг., сер. XVI в.); *Гривна Московская, grywna Mosckowscka*. *Muschcka – wüsche Marck, ist – 10.d*[eningen] (Там же); *Гривен* (!) *московской, griuen muschoffschoi 10 deng* (Разг. Фенне, 1607 г.) [СОРЯ, вып. 4, с. 276; вып. 5, с. 147].

Образование обозначений денежных единиц с прилагательным *московский* отражает важный исторический процесс – перестройку русской денежной системы в XVI в., когда на смену московскому и новгородскому счету приходит единая система, в основе которой московский рубль, равный ста новгородским копейкам.

Как обозначения денежных единиц с прилагательным *московский* фиксируются устойчивые сочетания *гривна московская* ‘название денежной единицы и монеты, с 1534 г. до конца XVII в. равной 1/10 московского рубля или 10 новгородским деньгам’, *деньга московская* (обозначалась и существительным *московка*) ‘название денежной единицы и монеты, имевшей хождение до конца XVI века, равной 0,34 г серебра’ («Московская деньга вдвое легче новгородской. В 1535 г. утвержден рисунок всадника с копьем на новгородских деньгах (копейные) и всадника с мечом на московских (мечевые). И те, и другие с к. XV в. чеканились в Москве. С к. XVI в. утвердилась копейка – мелкая серебряная новгородская деньга» [СОРЯ. Проб. вып., с. 285], *московский алтын* ‘название денежной единицы и монеты, равнявшейся после унификации русской монетной системы (сер. XVI в.) 6 московским деньгам (московкам)’, *московский рубль* ‘название денежной единицы и монеты, равнявшейся после унификации русской монетной системы в 1534 г. 200 московкам’ [СлРЯ 11–17, вып. 9, с. 271].

В качестве мер зерна известны *московская мера*, *московская четверть*, *московский пуд*, *московская осьмина*, *московская четь*: *Рожь купим по пети алтынъ* ***осмину московскую*** *а овесъ ту же меру по два алътына по четыре деньги* (Гр.); ***московскую чет*** *овса* (Там же) [КСОРЯ].

7Б. После денежной реформы прилагательное *московский* используется в сочетаниях с названиями денежных единиц и как обозначение денег, имеющих хождение в Московском государстве (т. е. с расширительной семантикой). Интересны частотные сочетания *московские ходячие прямые деньги* (*Занял есми… пять рублев* ***денег московских ходячих прямых*** (Сл. Перм., 1577 г.); *Се яз, Дмитрей Петров сын Кутузав, занел есми у Ивана у Ондреевича у Кутузава пет рублев* ***денегь масковскых хадячех*** *от Рожества Христова да Юрьева дни да вешнева*

(АФЗХ II, 1564 г.) [СОРЯ, вып. 5, с. 147]) и устойчивое сочетание *московское* (*московье*) *число* ‘о денежном исчислении, принятом в Русском (Московском) государстве’ [СлРЯ 11–17, вып. 9, с. 271].

Изначально по месту чеканки получает свое название *московский золотой*, однако это обозначение – название именно русской (а не только столичной) монеты, которое встает в один ряд с обозначениями аналогичных реалий других государств (ср. *золотой угорский*, *золотой португальский*, *золотой турский* и др.).

Официально принятой мерой объема жидкостей и сыпучих тел было *московское* (*за*)*орленое полуаршинное ведро* (ср. синонимичное *государево московское ведро*): *Двѣ тысячи вѣдръ вина самого доброго пѣнного хлѣбного… отдать на Чердынские кружечные дворы в* ***московское*** *мѣдное* ***заорленое полуаршинное ведро*** (Сл. Перм., 1681 г.); *А станет де он* [кадашевец С. Г. Баженов] *мне* [боярину Б. И. Морозову] *с той винокурни… оброку платить по сту ведр вина в* ***государево московское ведро*** *кружечного двора* (АХБМ II, 1660 г.) [СОРЯ, вып. 2, с. 58].

8. Значение ‘ведущий в …’

8А. Эта специализированная семантика возникает при определении оттопонимическими прилагательными лексем *путь*, *дорога* и характерна и для слова *московский* в сочетании *московская дорога* (используется и как имя собственное).

9. Значение ‘происходящий в …’

9А. Это менее распространенное в языке XVI–XVII вв. значение оттопонимических прилагательных. Оно реализуется в сочетании с абстрактными существительными, обозначающими процессы: *А вотчинную, государи, и ввозную грамоту взялъ онъ, Алексѣй, до* ***московского пожару*** (МДПП, 1628 г.); *и в* ***московское розорене*** *все изгибло* (МДБП, 1617 г.) [КСОРЯ].

Сочетание *московское дело* встречается в частной переписке и как имя ситуации – ‘то, что было, происходило в Москве, каким-либо образом связано с Москвой’: *И ты Иван Ивановичъ к нам атпиши во всомъ* ***московска делѣ*** (ИНРЯ) [КСОРЯ].

10. Значение ‘свойственный …’, ‘такой, как принято в …’

10А. Очень важно, что уже в старорусском языке появляются первые (еще единичные) примеры фиксации оттопонимических прилагательных с семантикой ’свойственный …’, такой, как принято в…’: *И вы сами бегаете, а держася своего* ***звычаю московского****: братъ брату, отецъ сыну, сынъ отцу, не верите; и тот звычай такъ великую теперешнюю погибель на царство Московское навелъ* (Сл. Смол., 1609 г.) [КСОРЯ].

См. также субстантивированное употребление *московское* ‘такое, как принято в Москве (о цене)’: *А что наперед сего я писал к тебѣ о соли, и ты пишеш что и в Кузмодемянску сол не дешева и будет с провозом не дешевле станет* ***московского*** *и ты соли мнѣ не купи* (Гр.) [КСОРЯ].

Значение ‘такой как принято в г. Москве’ реализуется и в устойчивом сочетании *московское дело* ‘произведенный в Москве’ (см. выше).

Одним из ключевых понятий, характеризующих Российское государство, становится концепт «волокита», а своим возникновением он обязан ведению дел в приказах на Москве, сопровождавшемуся потерей времени и убытками для тех, кто обратился в приказы. Именно в старорусском языке возникает сочетание *московская волокита*: *А он, Исай, хотя крестьян государя моего в том деле* ***московскою волокитою*** *изволочить и изубытчить, собрав по себе поручную запись,*

не бив челом тебе, г., с Москвы съехал (АХБМ I, 1650 г.); *И велите, государи, намъ же, холопемъ своимъ… поднемные деньги и подводы давать во Псковѣ по десяти рублей и ваше же великихъ государей годовое жалованье безъ* ***московския волокиды*** (ДАИ X, 1682 г.); *А стала гсдрь мнѣ* [Ваське Аврамову] *от тово Семена продаж в три годы* ***московских волокит*** *и проестеи дватцат сем рублев денег* (Южн. челобитные, 1619 г.) [СОРЯ, вып. 2, с. 312].

Тенденции в развитии семантики прилагательного *московский* и других оттопонимических прилагательных в языке национального периода

1. Обновление семантической структуры прилагательных: перегруппировка значений, выход из употребления одних значений, появление других

В языке XVIII и XIX вв. в семантической эволюции адъектонимов при сохранении типовых значений наблюдаются определенные новации. В семантике прилагательного *московский* это прежде всего обновление семантической структуры на уровне семантических блоков.

В языке XVIII в. у лексемы *московский* сохраняются фактически те же значения, что и в предыдущий период, хотя изменяется, например, сочетаемость прилагательного *московский* с семантикой ‘живущий в…’: *московская публика*, *московские красавицы*, *московские щеголь*ки. Появляется значительное количество обозначений учреждений с этим прилагательным (*московские департаменты*), номенклатурных устойчивых сочетаний, включающих прилагательное *московский*, указывающих на определенную разновидность реалий (*московская глина*, *московский камень*, *московское стекло* [СлРЯ 18, вып. 13, с. 41]). Увеличивается количество употреблений с семантикой ‘происходящий в Москве’.

Самым же существенным изменением в языке XVIII в. является устаревание семантического блока ‘относящийся к Московскому государству’, что обусловлено экстралингвистическими причинами (утрата реалии – утрата значения). Эта семантика справедливо характеризуется как сохраняющаяся, но выходящая из употребления в «Словаре русского языка XVIII в.» [СлРЯ 18, вып. 13, с. 41].

Начиная с XIX в. для прилагательного *московский* выделяются следующие семантические блоки:

А. относящийся к Москве;

Б. относящийся к жителям Москвы;

В. относящийся к Московскому государству (выходит из употребления, используется только в исторических контекстах для стилизации или характеристики соответствующей эпохи).

Семантической новацией, таким образом, является значение ‘относящийся к москвичам’ (*с московской точки зрения*, *московская закалка*) и, в частности, семантика ‘свойственный москвичам’: *В понедельник обедал у Евфанова с компанией, видел между прочими там Тизенгаузена, который мне противен за свою* ***московскую невежливость*** (А. В. Дружинин. Дневник. 1845 г.); ***Пороки московские*** *происходят от отсутствия деятельности, от недостатка живой цели в жизни, от скуки и тяжелой барской лени* (В. А. Соллогуб. Тарантас. 1845 г.); *Теснота, чад,* ***московская неопрятность****… все это производило безотрадное впечатление и вызывало брезгливость* (А. В. Никитенко. Моя повесть о самом себе. 1860–1877 гг.) [НКРЯ].

2. Развитие семантики, приближающейся к качественной

Тенденция к развитию качественной семантики – одна из важнейших особенностей функционирования всего фонда имен прилагательных в современном русском языке (см., например: [Русский язык…, 1996, с. 124–131]), и оттопонимические прилагательные не являются исключением в этом отношении. С. В. Крюкова даже пишет о лексикализации значений оттопонимических адъективов с приобретением компонента положительной оценки [Крюкова, 2000, с. 7].

В основе этой семантики возникающее еще в старорусском языке и активно развивающееся в языке XIX в. значение ‘свойственный (представляющийся типичным, характерным) для города / людей, проживающих в соответствующей местности’. Полный переход оттопонимических прилагательных в качественные происходит в редчайших случаях (*африканские чувства*, *страсти* ‘бурные, необузданные’), но, несомненно, можно говорить о тенденции к формированию качественной семантики.

В языке появляются и формальные показатели качественности на уровне словообразования и сочетаемости. Так, на протяжении XIX в., вплоть до 1910-х гг., от оттопонимических прилагательных образовывались приставочные дериваты с приставкой *архи-*: *архинемецкий* (1835), *архималороссийский* (В. Г. Белинский, 1841 г.), *архианглийский* (А. И. Герцен, 1864 г.), *архипетербургский* (П. Д. Боборыкин, 1895 г.) и др., указывающие на сгущенный признак. В произведениях П. Д. Боборыкина встречается и прилагательное *архимосковский* с семантикой ‘такой, как свойственно г. Москве, принятый, присущий Москве в высшей степени’: *Мы жили в тех архимосковских номерах челышевского дома* (П. Д. Боборыкин. Воспоминания. 1906–1913 гг.) [Библ. лекс.].

Важный показатель развития качественной семантики – образование от прилагательного абстрактного существительного с суффиксом *-ость*. Одно из первых таких образований от оттопонимических прилагательных – производное именно от *московский*. Слово *московскость* появляется еще в 1936 г. у М. Цветаевой со значением ‘особенности выговора, произношения’. В современном же русском языке достаточно активно образование существительных на *-ость*, обозначающих качества, представляющиеся типичными для какого-л. народа, жителей какой-л. местности (см. *американскость*, *английскость*, *британскость*, *европейскость*, *парижскость*, *польскость*, *русскость* и др.). С таким значением лексема *московскость* в русле подобных качественных образований известна в современных текстах: *В этом бурном строительстве исчезает дух города, атмосфера привлекательной домашней теплоты, та самая «московскость», которая составляла прелесть древней российской столицы* (Т. Земцова. О прогулках по городу, которого нет. 2007) [НКРЯ].

С XIX в. оттопонимические прилагательные фиксируются с показателями сравнительной и превосходной степени. Для прилагательного *московский* известно только использование превосходной степени (*самая московская из гостиниц*, *самое московское питье*) и отмечается постепенное увеличение таких контекстов: *С этой поэтической оценкой Арбата –* ***самой московской из московских улиц*** *– согласны тысячи москвичей и жителей глубинки* (В. Быков, О. Деркач. Книга века, 2000); *Любопытно, что* ***самый московский из всех писателей*** *– В. Гиляровский вообще не использовал это слово в своем творчестве* (С. Логинов. Пышка, пончик и «аладья». 2007) [НКРЯ].

Наречие *по-московски* все чаще выступает как характеристика образа действия (*по-московски смачно*) и в сочетании с кванторными словами (*чисто по-московски*).

3. Тенденция к стереотипизации

Исследователями описан ряд способов выражения этностереотипов в языке; наиболее полное описание предпринято Л. П. Крысиным [Крысин, 2003]. Анализ показывает, что число лингвистических способов выражения этностереотипов растет и развитие семантики оттопонимических прилагательных (и производных) – один из таких динамически развивающихся во времени способов выражения стереотипов в языке.

Сочетания с прилагательным *московский* чаще характеризуют внешние проявления стереотипа города (*совершенно московский цвет домов*, *очень московское название* (*улицы*)) и горожанина (*совершенно московская походка*), но могут также и описывать содержание стереотипно представляемого характера москвича (*совершенно московская хватка*, *совершенно по-московски сумасшедший*).

Одним из способов выражения этностереотипов в языке является сочетание оттопонимических прилагательных с абстрактными существительными – обозначениями качеств [Крысин, 2003, с. 450–451]. Анализируя лексическое наполнение таких сочетаний, можно выяснить конкретное содержание стереотипов. Для прилагательного *московский* в современном русском языке обнаруживается целый ряд таких контекстов: *московская теснота*, *московская духота*, *московское благочиние*, *московское благополучие*, *московское великолепие*, *московское безобразие*, *московское радушие*, *московская домотканость*, *московская трактирность*, *московская нетерпеливость*, *московский патриотизм*, *московский космополитизм*, *московский снобизм*, *московская находчивость* и др.

Таким образом, прилагательное *московский* имеет длительную историю в русском языке, отражающую и историю страны, и семантическую эволюцию лексического пласта оттопонимических прилагательных. Такие прилагательные развивают в старорусском языке ряд типовых и индивидуальных значений, при этом в семантической эволюции прилагательного *московский* в старорусском языке обнаруживается особый семантический блок «относящийся к Московскому государству» (и производный от него «относящийся к царю Московского государства»). В развитии семантики адъектонимов в языке национального периода при сохранении большинства типовых значений происходит обновление семантической структуры (в семантической эволюции прилагательного *московский* выходят из употребления семантические блоки в связи с обозначением Русского государства XVI–XVII вв. и появляется блок «относящийся к жителям Москвы», активно развивается семантика ‘свойственный…, такой, как в…’). Для адъектонимов в современном русском языке характерны развитие семантики, приближающейся к качественной, и тенденция к стереотипизации.

Таким образом, лексическое значение оттопонимических прилагательных не может быть сведено к чисто относительному и представляет собой ряд типовых и индивидуальных значений, набор и соотношение которых как в отдельных конкретных случаях (лексемах), так и в лексической группе в целом изменяется во времени.

Список литературы

Горпинич В. А. Словообразование имен прилагательных и названий жителей от топонимов в восточнославянских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1966. 22 с.

Зиновьева Е. И. Записные кабальные книги Московского государства XVI–XVII веков: Структура, лексика, фразеология. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 240 с.

Крысин Л. П. Этностереотипы в современном культурном сознании: к постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003. С. 450–455.

Крюкова С. В. Структурно-семантическая характеристика прилагательных, образованных от названий населенных пунктов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2000. 30 с.

Левашов Е. А. Словарь прилагательных от географических названий. М.: Рус. яз., 1986. 550 с.

Левашов Е. А. Мировая топонимика. Прилагательные от географических названий: Слов.-справ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 532 с.

Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Науч. центр проблем диалога, 1996. 760 с.

Озтюрк Л. И. Региональный аспект в исследованиях адъектонимии современного русского языка // Вестн. Чуваш. ун-та. Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 229–236.

Реформатский А. А. Топономастика как лингвистический факт // Топономастика и транскрипция. М.: Наука, 1964. С. 9–34.

Романов М. Ю. Стрельцы московские. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. 352 с.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995): Коллективная моногр. / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Яз. рус. культуры, 1996. 473 с.

Список словарей и картотек

Библ. лекс. – *Бурыкин А. А.* Библиотека лексикографа – электронная база «Словаря русского языка XIX века».

КСОРЯ – Картотека «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» / С.-Петерб. гос. ун-т.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: http://search.ruscorpora.ru (дата обращения 17.07.2015).

СлРЯ 11–17 – Словарь русского языка XI–XVII веков. Т. 1–29. М.: Наука, 1975– 2011 (Изд. продолжается).

СлРЯ 18 – Словарь русского языка XVIII века. Т. 1–20. Л.; СПб.: Наука, 1984–2011 (Изд. продолжается).

СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–6. СПб.: Наука, 2004–2014 (Изд. продолжается).

СОРЯ. Проб. вып. – Словарь обиходного русского языка. Пробный вып. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003.

Список источников

А. Кунг. – Кунгурские акты XVII в. (1668–1699 гг.). / Изд. А. Г. Кузнецов. СПб., 1888.

А. писц. д. – Акты писцового дела (1644–1661) / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1977.

Аноним. разг. – «Ein Rusch Boeck...» Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert // Hrsg. von A. Fałowski. Köln; Weimar; Wien, 1994.

АРГ – Акты Русского государства 1505–1526 гг. / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1975.

АФЗХ II – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. / Подг. к печ. Л. В. Черепнин, А. А. Зимин. Ч. II. М., 1951–1956.

АХБМ I, АХБМ II – Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова / Под общ. ред. А. И. Яковлева. Ч. I–II. М.; Л., 1940–1945.

В-К V – Вести-Куранты 1651, 1652, 1654, 1656, 1658, 1660 гг. / Изд. подг. В. Г. Демьянов; Отв. ред. В. П. Вомперский. М., 1996.

В-К VI – Вести-Куранты 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. Ч. 1: Русские тексты / Изд. подг. В. Г. Демьянов при участии И. А. Корнилаевой; отв. ред. А. М. Молдован, И. Майер. М., 2009.

Выходы ц. в. к. – Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича всея Русии самодержцев (1632–1682 гг). / Сообщ. П. М. Строев. М., 1844.

Гр. – Грамотки XVII – начала XVIII в. / Подг. изд. Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова; под ред. С. И. Коткова. М., 1969.

ДАИ X – Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. Т. 2–12. СПб., 1846–1875.

ИНРЯ – *Котков С. И., Панкратова Н. П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века. М., 1964.

Ист. песни – Исторические песни XIII–XVI веков (по спискам XVIII–XX вв.) / Подг. изд. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960.

Котошихин – *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. 2-е изд. СПб., 1859.

МДБП – Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / Подг. изд. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.

МДПП – Материалы делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. Вып. 1. СПб., 1906.

Пск. писц. кн. II – Псков и его пригороды. Кн. II // Сб. Москов. архива м-ва юстиции. Т. 4. М., 1914.

Разг. Фенне – Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607 / Ed. by L. L. Hammerich, R. Jakobson. Vol. 2: Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.

СиД – *Новомбергский Н.* Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1 // Зап. Моск. археол. ин-та. Т. 14. М., 1911.

Сл. Перм. – Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII в. / Сост. Е. Н. Полякова. Вып. 1. Пермь, 1993.

Сл. Смол. – Региональный исторический словарь 2-й половины XVI–XVIII в.: По памятникам письменности Смоленского края / Отв. ред. Е. Н. Борисова. Смоленск, 2000.

Пут. послов – Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954.

Южн. челобитные – Памятники южновеликорусского наречия: Челобитья и расспросные речи / Подг. изд. С. И. Котков, Н. С. Коткова, Т. Ф. Ващенко, В. Г. Демьянова. М., 1993.

E. V. Generalova

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
elena-generalova@yandex.ru

About semantic development of the adjectives formed from place names in the Russian language (at the example of the history of the word «Moscow» («Muscovite»))

Basing on the semantic evolution of an adjective *Moscow* (*Muscovite*) in Old Russian language and further in the language of the XVIII century, XIX century and modern Russian, the

paper analyses the regularities of the semantic development of the adjectives formed from place names. The research shows that the lexical meaning of the adjectives formed from place names can't be described as exclusively relative and appears to include a number of typical and specific meanings, their number and correlation changing with time in concrete words and in the lexical group in whole. The formation of the semantic structure of the word *Moscow* (*Muscovite*) which took place in the Russian of 16–17th centuries is described in details. There is an updating of semantic structure during the development of semantics of such adjectives in Russian language of the national period while the majority of standard meanings are preserved. Also there is a development of semantics which is becoming qualitative and a tendency to stereotypisation.

Keywords: adjectives-derivations from toponyms, the Russian language of 16–17th centuries, modern Russian, semantics, ethno stereotypes.

DOI 10.17223/18137083/56/16

References

Gorpinich V. A. *Slovoobrazovanie imen prilagatel'nykh i nazvaniy zhiteley ot toponimov v vostochnoslavyanskikh yazykakh* [Derivation of adjectives and names of inhabitants from toponyms in East Slavic languages.]. Abstract of Philology Dr. Diss. Kiev, 1966, 22 p.

Krysin L. P. Etnostereotipy v sovremennom kul'turnom soznanii: k postanovke problemy [Etnostereotypes in modern cultural consciousness: to statement of a problem]. In: *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and linguoculturological problems of toleranc]. Ekaterinburg, 2003, pp. 450–455.

Kryukova S. V. *Strukturno-semanticheskaya kharakteristika prilagatel'nykh, obrazovannykh ot nazvaniy naselennykh punktov* [The structural-semantic characteristic of the adjectives formed from names of settlements]. Abstract of Philology Dr. Diss. Belgorod, 2000, 30 p.

Levashov E. A. *Mirovaya toponimika. Prilagatel'nye ot geograficheskikh nazvaniy: Slovar'-spravochnik* [World toponymics. Adjectives from place names: Dictionary]. Saint-Petersburg, «Dmitriy Bulanin», 2003, 532 p.

Levashov E. A. *Slovar' prilagatel'nykh ot geograficheskikh nazvaniy* [The dictionary of adjectives from place names]. Moscow, Russkiy yazyk, 1986, 550 p.

Nikitin M. V. *Kurs lingvisticheskoy semantiki* [Course of linguistic semantics]. Saint-Petersburg: Scientific center of problems of dialogue, 1996, 760 p.

Oztyurk L. I. Regional'nyy aspekt v issledovaniyakh ad"ektonimii sovremennogo russkogo yazyka [Regional aspect in researches of an adjektonimiya of modern Russian]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. Cheboksary, Chuvash State University, 2008, no. 4, pp. 229–236.

Reformatskiy A. A. Toponomastika kak lingvisticheskiy fakt [Toponomastics as linguistic fact]. In: *Toponomastika i transkriptsiya* [Top onomastics and transcription]. Moscow, Nauka, pp. 9–34.

Romanov M. Yu. *Strel'tsy moskovskie* [Moscow Sagittariuses]. Moscow, 2004, 352 p.

Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995) [Russian of the end of the 20th century (1985–1995)]. E. A. Zemskaya (ed.). Moscow, Languages of Russian culture, 1996, 473 p.

Zinov'eva E. I. *Zapisnye kabal'nye knigi Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vekov: Struktura, leksika, frazeologiya* [Enslaving books of the Moscow state of the 16–17th centuries: Structure, lexicon, phraseology]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University, 2000, 240 p.

Dictionaries and Card Files

Burykin A. A. Biblioteka leksikografa – elektronnaya baza «Slovarya russkogo yazyka XIX veka» [Library of the lexicographer – electronic base of «The dictionary of Russian of the 19th century» (Electronic resource)] (accessed: 17.07.2015).

Kartoteka «Slovarya obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv.» [Card file «Dictionary of everyday Russian of the Moscow Russia of the 16–17th centuries»]. St. Petersburg State University.

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Elektronnyy resurs]. [National corpus of Russian [Electronic resource]. URL: http://search.ruscorpora.ru (accessed: 17.07.2015).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of Russian of the 11–17th centuries]. Vols. 1-29. Moscow, Nauka, 1975–2011, the edition proceeds.

Slovar' russkogo yazyka XVIII v. [Dictionary of Russian of the 18th century]. Vols. 1–20. Leningrad, Saint-Petersburg, Nauka, 1984–2011, the edition proceeds.

Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv. [Dictionary of everyday Russian of the Moscow Russia of the 16–17th centuries]. Vols. 1–6. Saint-Petersburg, Nauka, 2004–2014, the edition proceeds.

Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka. Probnyy vypusk [Dictionary of everyday Russian. Trial issue]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University, 2003.

Sources

Kungurskie akty XVII v. (1668–1699 gg.). Izd. A. G. Kuznetsov. SPb., 1888. (in Russian)

Akty pistsovogo dela (1644–1661). Sost. akad. S. B. Veselovskiy. Moscow, 1977.

«Ein Rusch Boeck...» Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert. Hrsg. von A. Fałowski. Köln; Weimar; Wien. 1994.

Akty Russkogo gosudarstva 1505–1526 gg. Sost. S. B. Veselovskiy. Moscow, 1975.

Akty feodal'nogo zemlevladeniya i khozyaystva XIV–XVI vv. Podg. k pechati L. V. Cherepnin, A. A. Zimin. Ch. I-II. Moscow, 1951–1956.

Akty khozyaystva boyarina B. I. Morozova. Pod obshch. red. A. I. Yakovleva. Ch. I-II. Moscow, Leningrad, 1940-1945.

Vesti-Kuranty 1660 g., 1660–1662, 1664–1670 gg.: v 2-kh ch. Izd. podg. V. G. Dem'yanov / Pod red. A. M. Moldovana, I. Mayer. M., 2009.

Vesti-Kuranty 1651, 1652, 1654, 1656, 1658, 1660 gg. Izd. podg. V. G. Dem'yanov. Otv. red. V. P. Vomperskiy.

Vykhody gosudarey tsarey i velikikh knyazey Mikhaila Feodorovicha, Alekseya Mikhaylovicha, Fedora Alekseevicha vseya Rusii samoderzhtsev (1632–1682 gg). Soobshch. P. M. Stroev. Moscow, 1844.

Gramotki XVII – nachala XVIII v. / Izd. podg. N. I. Tarabasova i N. P. Pankratova; pod red. S. I. Kotkova. M., 1969.

Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobr. i izd. Arkheograf. komis. T. 2–12. SPb., 1846–1875.

Kotkov S. I., Pankratova N. P. Istochniki po istorii russkogo narodno-razgovornogo yazyka XVII – nachala XVIII v. Moscow, 1964.

Istoricheskie pesni XIII–XVI vekov (po spiskam XVIII–XX vv.). Izd. podg. B. N. Putilov, B. M. Dobrovol'skiy. Moscow, Leningrad, 1960.

Kotoshikhin G. O. Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhaylovicha: 2-e izd. SPb., 1859.

Moskovskaya delovaya i bytovaya pis'mennost' XVII v. Izd. podg. S. I. Kotkov, A. S. Oreshnikov, I. S. Filippova. Moscow, 1968.

Materialy deloproizvodstva Pomestnogo prikaza po Vologodskomu uezdu v XVII v. Vyp. 1. SPb., 1906.

Pskov i ego prigorody. Kn. II. Sb. Moskov. arkhiva ministerstva yustitsii. T. VI. Moscow, 1914.

Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607. / Ed. by L. L. Hammerich and R. Jakobson. Vol. II: Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.

Novombergskiy N. Slovo i delo gosudarevy: Protsessy do izdaniya Ulozheniya Alekseya Mikhaylovicha 1649 g. T. 1. Zap. Mosk. arkheolog. in-ta. T. 14. Moscow, 1911.

Slovar' permskikh pamyatnikov XVI – nachala XVIII v. Sost. E. N. Polyakova. Vyp. 1. Perm', 1993.

Regional'nyy istoricheskiy slovar' 2-y poloviny XVI–XVIII v.: po pamyatnikam pis'mennosti Smolenskogo kraya Otv. red. E. N. Borisova. Smolensk, 2000.

Puteshestviya russkikh poslov XVI–XVII vv. Moscow, Leningrad, 1954.

Pamyatniki yuzhnovelikorusskogo narechiya: Chelobit'ya i rassprosnye rechi. Izd. podg. S. I. Kotkov, N. S. Kotkova, T. F. Vashchenko, V. G. Dem'yanova. Moscow, 1993.

УДК 811.161.1
DOI 10.17223/18137083/56/17

В. К. Приходько

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск

Лексические средства описания внешнего вида женщины в аспекте рассмотрения эстетической категории «прекрасное / безобразное» (на материале русских говоров Приамурья)

Рассматриваются диалектные единицы как лексические средства описания тематической группы «внешний вид женщин» в русских говорах Приамурья. Раскрываются эмотивные характеристики высших чувств диалектоносителей на примере проявлений эстетических чувств, а также некоторых представлений жителей Приамурья о прекрасном и безобразном. Тематическая группа диалектных слов отражает стремление диалектоносителей к совершенству. Приводятся некоторые факты национальных различий в понимании прекрасного и безобразного на примере разных преставлений о женской красоте жителей Приамурья и китайцев, взаимодействующих в пограничных районах Приамурья.

Ключевые слова: этнокультура, эмотиология, лингвокультура, базовые эмоции, высшие чувства, эстетическая категория «прекрасное / безобразное», диалектные единицы, тематическая группа «внешний вид женщины».

В настоящее время в современном языкознании наблюдается интеграция лингвистических направлений (этнолингвистики, эмотиологии, диалектологии, лингвокультурологии и т. д.). В последнее десятилетие появляется все больше работ, свидетельствующих о наличии междисциплинарных связей, в круг проблем которых входит национальная и диалектная лингвокультурология [Калиткина, 2008; Рябова, 2010], эмотиология и сравнительное языкознание [Якищенко, 2013]. Большой интерес исследователей к семантической многогранности концептов также существенно расширяет предметную область лингвистики и сферы ее взаимодействия с другими науками: с философией, психологией, литературоведением [Ефанова, 2008; Шмугурова, 2011]. Изучение лексики и фразеологии русских говоров Приамурья с обращением к эмоциям и чувствам диалектоносителей, к их культуре и философии также вписывается в современный научный контекст исследований и характеризуется особой актуальностью для ряда современных лин-

Приходько Виктория Константиновна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры русского языка и издательского дела Тихоокеанского государственного университета (ул. К. Маркса, 68, Хабаровск, 680000, Россия; ulius-viktori@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© В. К. Приходько, 2016

гвистических дисциплин (этнолингвистики, диалектной эмотиологии, лингвокультурологии).

В XIX в. по инициативе и при большой поддержке царского правительства осуществлялось серьезное освоение Дальнего Востока по всей протяженности Верхнего и Среднего Амура. Территория, граничащая с Китаем, обживалась и укреплялась переселенцами из Забайкалья, разных уголков России, Украины, Белоруссии, в результате чего на востоке России сложился уникальный говор, с сильной славянской составляющей и с доминирующими севернорусскими чертами. Приамурские говоры складывались на основе большой национальной и социальной дифференциации, поскольку Дальний Восток заселяли крестьяне, казаки, промышленники, «штрафованные» солдаты, старообрядцы. Поскольку в большинстве своем это был простой люд, необразованный, преимущественно крестьяне, диалектные формы «завезенных» языков (русского, белорусского, украинского) преобладали [Оглезнева, 2012, с. 34]. Жителям образовавшихся поселений приходилось приспосабливаться к новому суровому климату, обустраивать в нелегких условиях свой быт, много работать: корчевать лес, возделывать землю, строить дома, осваивать охоту, рыбалку. Несмотря на все трудности, сопутствующие переселенцам, в социуме дальневосточников сложились довольно четкие и строгие этические нормы и своеобразная эстетика, проявляющаяся в особом понимании чувства прекрасного.

Чувство прекрасного относится к высшим чувствам человека – эмоциональным состояниям индивидуума, которые вызываются культурными и социально значимыми факторами (этическими, эстетическими, интеллектуальными, праксическими, религиозными, пугническими, глористическими, гедонистическими и др.) [Додонов, 1978; Симонов, 1966].

Ранее нами уже были описаны некоторые из одиннадцати базовых эмоций [Изард, 1999] на материале русских говоров Приамурья: например, эмотивная лексика, представляющая эмоции радости, несчастья, гнева в русских говорах Приамурья. Также мы рассматривали лексические репрезентации некоторых высших чувств, таких, например, как этические чувства, в частности любовь, или религиозные чувства, рассмотрены также эмотивные коннотации в значениях некоторых диалектных лексем и устойчивых выражений [Приходько, 2013; 2014; 2015].

В данной статье рассматриваются диалектные единицы, репрезентирующие эстетические чувства жителей Приамурья, то есть те «ценностные переживания, для испытания которых необходимы память, фантазия, эмоциональная чуткость» [Коломиец, 2005, с. 116], которые помогают идентифицировать прекрасное. Под термином *прекрасное* обычно понимается основная эстетическая категория. Понятие прекрасного связано с понятием красоты, однако не тождественно ему.

В категории прекрасного отражаются такие явления действительности, которые доставляют человеку чувство наслаждения. Прекрасное – наивысшая эстетическая ценность, к которой стремится человеческая психика. Чувство прекрасного совпадает с представлениями о совершенстве. Прекрасное – главная позитивная форма освоения бытия, примиряющая человека с трудностями быта и несовершенством жизни. Прекрасное тесно связано с понятием идеала. Наиболее близкие по значению понятия: гармония и красота [Степанов, 2005; Рябов, 2014].

Противоположностью прекрасного является категория *безобразное*, понимание которой связано с такими базовыми эмоциями любого здорового человека, как презрение и отвращение. Безобразное часто определяется как внешнее нарушение определенной меры бытия. Умение разграничивать красивое и безобразное в окружающем мире доступно людям развитым духовно и культурно [Арская, 2002].

Целью статьи является исследование диалектных единиц тематической группы «внешний вид женщины», являющихся лексическими средствами репрезентации эстетических чувств и эстетического вкуса жителей Приамурья посредством описания существующей в сознании диалектоносителей эстетической категории *прекрасное* / *безобразное*. Под тематической группой мы понимаем слова различных частей речи, необходимые для раскрытия той или иной темы. Лексический материал анализируется в синхронном аспекте: данные «Словаря русских говоров Приамурья», который явился основным используемым в статье источником, представляют собой срез лексической подсистемы диалекта, ограниченный временными рамками сроков начала диалектологических экспедиций, предпринятых преподавателями и студентами Хабаровского педагогического института (Хабаровского государственного педагогического университета, Дальневосточного государственного гуманитарного университета) с 1964 г., и выходом второго издания «Словаря русских говоров Приамурья» (2007).

В Словаре, насчитывающем более 7 000 диалектных слов и выражений, зафиксировано слово *чура*. Ср.: *чура* ‘устар. мера в работе, отдыхе, еде и др.’ *Бесчурно, если перевести, меры, чуры не знает никакой*. *Или больной или старый. Он уже ничё не понимает, чуры на знат в еде*. *Завистливый человек, чуры не понимает*. *Перестаньте, скачете бесчурно, чуры не знаете никакой*. *Бесчурно работат, не знат меры, чуры не знат ни в чем* (АС-2, с. 489). В понимании жителей Приамурья тот, кто *не знает чуры*, не знает меры в чем-либо и нарушает определенные сложившиеся нормы, например нормы поведения, внешнего вида и т. д. Главным критерием в определении красоты и совершенства является мера. Во внешнем виде красивой женщины тоже важна мера. Женщина не должна быть очень высокой, слишком худой, чересчур маленькой или слишком толстой. Насмешкам и презрительному отношению одинаково подвергаются и чрезмерно высокие женщины, и непомерно толстые. Ср.: *бы́дла* ‘презр. высокая худая девушка’ *Сидит эта быдла там* (АС-2, с. 49); *жинде́лка* ‘экспр. очень худой человек’ *На сцене така жинделка выступат, кожа да кости* (АС-2, с. 132); *зно́сок* ‘человек маленького роста’ *Это Наташку все зносок звали. Она и правда не росла* (АС-2, с. 161); *бесподви́жный* ‘малоподвижный’ *Жена брата то́лста сильно, бесподви́жна* (АС-2, с. 33).

Для характеристики внешней красоты дальневосточники пользуются прилагательными *змазный* или *баской*. Ср.: *зма́зный* ‘миловидный, с приятной, привлекательной внешностью’ *Змазны были девчаты раньше* (АС-2, с. 160); *ба́ско́й* ‘красивый, нарядный’ *А невеста-то баска́я. Деушка хоть и бе́дна была, да больно ба́ска* (АС-2, с. 26).

Внешне красивая женщина, по мнению жителей Приамурья, должна быть: 1) опрятной, чистой, 2) аккуратно причесанной, 3) естественно красивой (без косметики или умеренно накрашенной), 4) умеренной в ношении украшений. Здесь тоже преобладает чувство меры.

Неопрятный вид женщины вызывает отвращение, а сама неаккуратная женщина – презрение. Неряшливую, грязную женщину называют *анчуткой*. Ср.: *анчу́тка* ‘неодобр. 1. Неряха, грязнуля’ *Не баба, чиста анчу́тка* (АС-2, с. 16). Вероятно, прозвище возникло путем метафорического переноса по производимому впечатлению. В славянской мифологии *анчутка* – злой дух, болотный черт, название, происходящее, вероятно, от балтийского наименования утки (ср. литов. *anèiûte* ‘маленькая утка’) [Топоров, 1973].

Другие резко негативные оценочные слова, отражающие эмоции отвращения и презрения (базовые эмоции, лежащие в основе понимания безобразного), – это *замурдышка*, *дзюмбурушка*, *неряшиха*, *неряшка*, *шумануха* и т. д. Ср.: *замурдыа́шка* ‘неодобр. грязнуля, замарашка’ *Совсем замурдышкой стала: не следит за собой* (АС-2, с. 148); *дзюмбуру́шка* ‘пренебр. 1. То же, что джимбура́, суслик.

2. Перен. неряшливая женщина’ *Вон идёт дзюмбурушка, вся грязная, сама вся замуслюкана* (АС-2, с. 269); *неря́шиха* ‘неодобр. неряха’ *Грязнулю называли неряшихой. Сенька ленива, а неряшиха, каких свет не видел! Неряшихи и счас найдутся. Есть таки в селе* (АС-2; с. 269); *неря́шка* ‘то же, что неряшиха’ *Неряшка кака́ моя соседка, а мужиков водит* (АС-2, с. 269); *шуману́ха* ‘неряха; растрепа’ *Сестра моя шуманухой ходила. Мы раньше шуманухами ходили в детстве* (АС-2, с. 502).

Во «Фразеологическом словаре русских говоров» Приамурья зафиксировано выражение: *Из-под пятницы субботу видать* ‘О небрежно одетом человеке’ *Ты посмотри в зеркало-то, у тебя из-под пятницы субботу видать. Переоденься! Была модница, теперь уж не узнать, из-под пятницы субботу видать* (Фразеологический словарь…, 2009, с. 28).

Женщину, одетую наспех, второпях, у которой одна одежда выглядывала из-под другой, называли *кулёмой*. Ср.: *кулёма* ‘перен. пренебр. о неловком, неряшливом человеке’ *Ну чё ты как кулёма, подбери рубаху-то, видно же из-под платья. Я всё время ходила кулёмой, как меня тогда называли, но когда ко мне стали приглядываться парни, стала прихорашиваться* (АС-2, с. 211). Данная лексема является общерусской и, вероятно, завезенной на Дальний Восток переселенцами, так как встречается довольно часто в разных регионах России и фиксируется в разных словарях [Даль, 2007; Ефремова, 2000; Фасмер, 2004]. Этимологию слова установить довольно трудно, оно могло происходить от *куль* ‘мешок’, хотя М. Фасмер из слова *куль* выводит не слово *кулёма*, а лексему *куленя* в значении ‘толстяк’. Возможно также, что *кулема* берет начало от тюркского *куль* ‘водоем’, ‘озеро’, ‘вместилище для воды’; ‘бурдюк с водой’, ‘неуклюжий человек’. В русских говорах Приамурья – это ‘рыболовная снасть в виде мешка’ и ‘часть невода в виде мешка, куда проваливается рыба’. *Кулёма* также обозначает ловушку для мелкого зверя (зайца, белки, горностая, соболя, колонка), которая делается наспех, подручным инструментом: рылась яма в форме мешка, в яме был давок, сверху ловушка неаккуратно и беспорядочно забрасывалась ветками. Для изготовления ловушки также используется деревянный ящик-западня или дворик-ловушка, огороженный колышками (АС-2, с. 211). Вероятно, что путем метафорических переносов, было найдено сходство с внешним видом и поведением человека (например, неуклюжесть, мешковатость, угловатость, тяжеловесность связывалась с формами мешка, куля, ящика, бурдюка, а наспех и беспорядочно сработанная ловушка – с неопрятностью и неряшливостью).

В понимании жителей Приамурья женская красота заключается в скромности и аккуратности, поэтому главными требованиями к внешнему виду, не вызывающему неприятия, являются следующие:

- **Покрытая платком (шалью, косынкой и т. д.) голова**. Женщина без головного убора считалась неприбранной. Ср.: *простоволо́ска* ‘неодобр. женщина с непокрытой головой’ *Много будет девок-самокруток, и бабы-простоволоски будут* (АС-2, с. 353); *Вот таких я тоже не обожаю людей, не трудолимых. Попушна така девушка, непутна. Губы накрашены и сама голоуша (без платка)* (А. М. Самбурова, 1904 года рожд., 63 года)[1]. Платок также является и символом патриархальности, обязательным атрибутом православной женщины, поскольку переселенцы в основной своей массе были православными. Ношение платка означает покорность Богу, отцу, мужу.
- **Аккуратно расчесанные волосы, закрученные в шишку либо заплетенные в косы**. Длинные, густые волосы считаются красивыми. Обладательниц таких волос называют *волосогривицами*. Ср.: *волосогри́вица* ‘девушка с густыми длинными волосами’ *У кого большой-большой волос – волосогривица она называ́*

[1] Тетрадь № 32, запись от 1967 г., диалектологический кабинет ДВГГУ (ПИ ТОГУ).

тся (АС-2, с. 68). Волосы должны быть обязательно чистыми. Отвращение у приамурских старожилов вызывают липкие, словно склеенные клейстером, грязные волосы. Ср.: *заклестери́ться* ‘стать клейким, липким’ *Голову-то вымойте, а то заклестерится* (АС-2, с. 144). Правила поведения диктуют быть причесанной даже дома, только прибрав волосы, можно садиться за стол. Нарушавшие эти правила получают обидные прозвища, такие, например, как *лахудра*. Ср.: *лахудра* ‘неодобр. неопрятная, непричесанная, с лохматыми волосами женщина’ *Ты чё встала и лахудрой ходишь, причешись. За стол лахудрой не садятся* (АС-2, с. 220).

Распущенные волосы носить не принято, поскольку это является признаком женской нескромности и распущенности в поведении. Ср.: *Ходить космачем* ‘с непокрытой головой’ *Вот щас девки все космачем ходют, вот голова у их болит. Опеть Людка космачем пошла* (АС-2, с. 147); *завить шишку* ‘укладывать волосы в виде шишки на затылке’ *После замужества девка косу расплетат и завиват шишку. Моя мама всю жись, до старости и смерти завивала волосы в шишку. Красиво и аккуратно* (АС-2, с. 138); *вро́спуск* ‘распустив (волосы)’ *Заплетут две косы, волосы вроспуск не носили, шишки делали* (АС-2, с. 72). Для опрятного и эстетичного внешнего вида женщины могут волосы *загрудить*, то есть собрать в пучок, использовать *гребелки* и *косоплетки*: *загру́дить* ‘1. Зачесать наверх, собрать в пучок (о волосах)’ *Чупы делали: отсе́ль загрудишь волосья и гребелку заткнёшь* (АС-2, с. 141); *закру́тса* ‘коса, волосы, заплетенные в косу’ *Девки раньше всё больше закрутсы заплетали. Девки закрутсы заплетали* (АС-2, с. 145); *косоплётка* ‘устар. длинная узкая полоска ткани, лента, вплетаемая в косу’ *В косу косоплётка, тряпочка дли́нненька, чтоб коса не расплеталась. Косоплётка в косу вплета́тся. Раньше ленту все косоплёткой звали* (АС-2, с. 198).

- **Естественная красота лица, без косметики**. Предпочтение в среде переселенцев отдается естественной красоте, без применения косметики. Девушки, которые осмеливаются пользоваться губной помадой, пудрой, белилами и т. д., подвергаются осуждению, неодобрению. Лексика, означающая процесс использования девушками декоративной косметики, имеет ярко выраженную отрицательную, негативною оценочность, а также содержит эмоциональные коннотации отвращения и презрения. Ср.: *насанда́литься* ‘сделать макияж, накраситься’ *Девочка маленькая, а так сильно насандалилась* (АС-2, с. 263); *наликва́сить* ‘накрасить’ *Наши-то девки наликвасят глаза, губы и бегом на танцульки* (АС-2, с. 258); *нарисова́ться* ‘1. Накраситься’ *Ишь как она нарисовалась* (АС-2, с. 261). Лексема *набелиться* отражает стремление некоторых женщин придать лицу более светлый оттенок кожи, скрыть следы загара, обветривания. Известно, что бледность кожи была привилегией знати, аристократии, не работавшей в поле. Слово содержит эмоциональные коннотации, отражающие явно презрительно-насмешливое отношение диалектоносителей к процессу осветления кожи. Ср.: *набели́ться* ‘накраситься’ *И куда ты так набелилась сегодня?* (АС-2, с. 251).

Однако отсутствие белизны кожи, например веснушки на лице женщины, может считаться существенным недостатком и стать препятствием к браку. Ср.: *весни́стый* ‘веснушчатый’ *Она была веснистая* (АС-2, с. 58); *весновáтый* ‘то же, что веснистый’ *Она весновата была, я и не женился* (АС-2, с. 58).

Умеренное употребление косметики все же допускается, о чем свидетельствует приставка *под* со значением частичности действия в слове *подчимбуриться*. Неполнота действия лексемы *подчимбуриться* подчеркивается сочетанием с лексемой *немножко* в речи диалектоносителя. Ср.: *подчимбури́ться* ‘подкраситься, приодеться, привести себя в порядок’ *Надо бы нам немножко подчимбуриться* (АС-2, с. 327). Аналогичное значение частичности действия наблюдается у приставки *при* в слове *причепуриться*: *причепури́ться* ‘приодеться, напудриться, под-

румяниться’ *Ишь причепурилась: туфли модельные надела*. *Перед зеркалом причепурилась, припудрилась* (АС-2, с. 349).

- **Умеренность в ношении украшений**. Убежденность жителей Приамурья в том, что главное достоинство женщины – скромность, делает пристрастие к украшениям в среде дальневосточников достаточно редким. Женщины стесняются носить украшения и не очень одобряют ношение их другими. Ср.: *Я не любила коральки надевать на вечёрку, а другие носили, ещё и серёжки наденут* (АС-2, с. 196).

Умение к месту надевать украшения связано с чувством прекрасного, а конкретно с развитым чувством эстетического вкуса. Под эстетическим вкусом, как правило, понимается способность, присущая человеческой природе, судить о красоте [Кант, 1994], эмоциональное стремление индивидуума к гармонии, определяющееся четкой избирательностью чего-либо и приверженностью к чему-либо, означает также наличие строгих предпочтений и собственного мнения о предметах или явлениях. Соответственно, под эстетическим вкусом применительно к внешнему виду женщины в данной статье подразумевается гармоничное сочетание в женском образе всех элементов: головных уборов (платков), чистой, аккуратной одежды (возможно, нарядной) и аксессуаров (украшений).

По мнению жителей Приамурья, отсутствие меры в ношении украшений считается неуместным и смешным. Об этом свидетельствуют лексемы *убряхтанный*, *прищеголье*, *щекозненький*, зафиксированные в «Словаре русских говоров Приамурья», и комментарии информантов к ним. Ср.: *убря́хтанный* ‘о человеке богатом, безвкусно одетом’ *Жена у него такая убряхтанная: повесит на себя и бусы, и цепочки, и подвески, и все брошки, и ещё шарфик с висюльками, повесит и ходит* (АС-2, с. 451); *прищего́лье* ‘неодобр. о женщине, любящей носить украшения’ *Прищеголье – форсит, значит, она украшения носит, бусы в четыре. О, это прищеголье-то!* (АС-2, с. 349); *щеко́зненький* ‘ласк. щеголеватый’ *Така щекозненька старушонка была – моднилася* (АС-2, с. 503).

Интересно, что отношение к стремлению принарядиться у диалектоносителей является в ряде случаев противоположным: положительным и отрицательным, что ведет к появлению противоположных значений в слове, к внутрисловной антонимии (энантиосемии). Ср.: *уго́иться* ‘1. Украсить себя, нарядиться’ *Я, гыт, давно угоилась, можно в клуб идти*; ‘2. Выпачкаться’ *И где же ты так угоилась? Ведь сёдни только чистое платье надела* (АС-2, с. 451). Появление энантиосемии внутри одной лексемы является, на наш взгляд, следствием противоречия высших чувств: этических и эстетических. Этические чувства предписывают женщинам скромное поведение, эстетические – вызывают желание украсить себя. Подобное энантиосемичное столкновение этических и эстетических чувств наблюдается и в ранее упомянутых лексемах *подчимбуриться* и *причепуриться*. Данные слова имеют шутливо-насмешливый оттенок, смягченный, однако, префиксами частичного действия.

Нередко чувство прекрасного в понимании диалектной личности противоречит иностранным представлениям о красивом внешнем виде женщины. Так, поскольку Приамурье граничит с Китаем, русские диалектоносители зачастую сталкиваются с непонятными и неприемлемыми для себя обычаями, существующими в Китае.

Отвращение у жителей Приамурья вызывает обычай китайцев бинтовать маленьким девочкам ноги, чтобы они не росли, оставаясь у взрослой женщины, как у ребенка, в идеале – не больше 10 см. В Китае забинтованные в детстве ноги назывались «золотым лотосом». Деформированные стопы были предметом мужского восхищения, основанного на представлении, что красивая женщина должна быть тонкой, как тростинка, хрупкой и маленькой. Нередко от маленькой ножки зависело даже выгодное замужество. Когда девочке исполнялось пять лет, четыре

пальца ноги сильно подгибались вниз и накрепко привязывались к ступне. Этот обычай был распространен в Китае на протяжении тысячи лет. Первоначально бинтовали ноги только знатным женщинам, которых носили на носилках, затем эта процедура стала повсеместной, их стали бинтовать и крестьянкам. Ходить на деформированных ступнях было тяжело и больно, это существенно затрудняло передвижение женщин. Вероятно, основной причиной данного безобразного обычая было не стремление к идеальной красоте, а желание удержать женщину дома и ограничить ее общение с другими мужчинами, предотвратив тем самым возможные измены. Только в 60-х гг. XX в. культурная революция в Китае отменила данный обычай, влекущий за собой на протяжении столетий многочисленные смертельные случаи вследствие гангрены, некрозов и других болезней [Дворкин, 2002].

У жителей Приамурья изуродованные, напоминающие копытца ноги китаянок, на которых женщины с трудом передвигались, считаются безобразными и вызывают отвращение. Чувство прекрасного диалектоносителей травмировалось внешним видом китаянок: *Ох, некрасивы ноги у китаянок были. Страмотны каки, противны. Девочкам крепко заматывали их, шоб не росли, как копыта страшны получались. Они даже стоять на них не могли, только ковыляли* (А. С. Кутнюк, 1905 года рожд., 86 лет) [2].

Таким образом, можно сделать некоторые обобщения.

1. Чувства прекрасного и безобразного являются высшими чувствами людей духовных и культурно развитых, они квалифицируются как эстетические и сочетаются с этическими чувствами, с нормой и культурой поведения, сформировавшимися в среде переселенцев на Дальний Восток в XIX–XX вв. Приамурские говоры складывались на основе существенной национальной и социальной дифференциации, поскольку Дальний Восток заселяли крестьяне, казаки, промышленники, «штрафованные» солдаты, старообрядцы. В связи с тем что в большинстве своем это были простые, необразованные люди, преимущественно крестьяне, преобладали диалектные формы «завезенных» языков (русского, белорусского, украинского). Тем не менее, несмотря на социальное и национальное расслоение, нравы и обычаи переселенцев были во многом весьма патриархальны, тесно связаны с православной верой.

2. Чувства прекрасного и безобразного связаны главным образом с соблюдением или несоблюдением меры. Мера у жителей Приамурья называлась словом *чура*. *Чуры не знать* означало не знать меры в чем-либо. Главным критерием в определении красоты и совершенства являлась мера. Во внешнем виде красивой женщины тоже должна присутствовать мера. Женщина не должна быть чрезмерно высокой, худой, маленькой или толстой.

3. Этические и эстетические нормы, сложившиеся в социуме жителей Приамурья, сформировали четкие особенности идеального внешнего вида женщины, заключающегося в опрятности и чистоте. Скромность в поведении диктует и скромность в одежде: покрытая платком голова, чистые, аккуратно зачесанные волосы, заплетенные в косы или завитые в шишку, отсутствие или умеренность косметики на лице, а также умеренность в использовании украшений, то есть здесь также преобладает мера.

4. Чувства прекрасного и безобразного жителей Приамурья не совпадают с эстетическими чувствами иностранцев, в частности, с представлениями китайцев о прекрасном и безобразном во внешнем виде женщин. Данный факт свидетельствует о специфических национальных и этнических коннотациях в отношении эстетических категорий прекрасного и безобразного.

[2] Тетрадь № 95, запись от 1991 г., диалектологический кабинет ДВГГУ (ПИ ТОГУ).

Список литературы

Арская М. А. Семантическая категория эстетической оценки (прекрасное / безобразное) и ее онтология в современном немецком языке: Дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2002. 185 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. медиа, 2007. Т. 3.

Дворкин А. Г*и*ноцид, или китайское бинтование ног // Женская солидарность. Пособие для мужчин и женщин / Под. ред. Е. Гаповой, Н. Сирош. Минск, 2002. С. 10–26.

Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978. 272 с.

Ефанова Л. Г. Душа как объект оценки и субъект нормы в русской языковой картине мира // Сибирский филологический журнал. 2008. № 3. С. 164–175.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка (толково-словообразовательный). М.: Дрофа: Рус. яз., 2000. 1233 с.

Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999. 464 с.

Калиткина Г. В. Междисциплинарные области диалектной лингвокультурологии // Сибирский филологический журнал. 2008. № 3. С. 181–191.

Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с. (История эстетики в памятниках и документах).

Коломиец Г. Г. Эстетика и категория «эстетическое» // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2005. № 7. С. 115–125.

Оглезнева Е. А. Языковая ситуация в Дальневосточном регионе России: динамика славянской составляющей // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 356. С. 33–38.

Приходько В. К. Лексико-семантическая группа с базовым когнитивным компонентом «любовь» в Словаре русских говоров Приамурья // Учен. зап. Комсомольского-на-Амуре техн. ун-та. 2013. Т. 2, № 4(16). С. 41–47.

Приходько В. К. Семантические особенности лексемы «радость» в русских говорах Приамурья // European Social Science Journal. 2014. № 3-1(42). С. 235–241.

Приходько В. К. По страницам Словаря русских говоров Приамурья. Обозначение несчастья в русских говорах Приамурья // Русская речь. 2015. № 2. С. 104–109.

Рябов А. А. Попытка диалектического определения эстетических категорий прекрасного и безобразного // Молодой ученый. 2014. № 7. С. 662–666.

Рябова М. Ю. Национальный язык и культура как объекты лингвокультурологии // Сибирский филологический журнал. 2010. № 2. С. 197–205.

Симонов П. В. Что такое эмоция? М.: Наука, 1966. 94 с.

Степанов А. Н. Революционно-демократическая концепция эстетизации общественных отношений в России XIX века: Дис. ... канд. филос. наук / Самар. гос. ун-т. Самара, 2005. 188 с.

Топоров В. Н. Из истории балтославянских языковых связей: анчутка // Baltietica. 1973. Т. 9. С. 29–44.

Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 2004. Т. 2. С. 410.

Шмугурова К. В. Вербализация концепта *радость* в поэтической картине мира Ф. Сологуба // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 214–218.

Якищенко Е. А. Лексические средства выражения эмоции возмущения в английском и французском языках (на материале художественной литературы) // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 200–204.

Список источников

АС-2 – Словарь русских говоров Приамурья. 2-е изд., испр. и доп. / Авт.-сост.

О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевец. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. 528 с.

Фразеологический словарь русских говоров Приамурья / Авт.-сост. Л. В. Кирпикова, Н. П. Шенкевец. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. 155 с.

V. K. Prikhodko

Far Eastern State University of Humanities, Khabarovsk, Russian Federation
ulius-viktori@mail.ru

Lexical means describing the appearance of women in terms of aesthetic category of «beauty / ugliness» (based on Russian dialects of the Amur region)

The paper discusses the dialect units as lexical means of describing the thematic group «woman's appearance» in the Russian dialects of the Amur region. The emotive characteristics of the higher senses by the examples of the aesthetic senses manifestations and by some «beauty» and «ugliness» ideas of the Amur region residents are revealed. The thematic group of dialect words is represented in the pursuit of excellence of the Amur region residents. The paper also provides some facts of national differences in understanding of «beauty» and «ugliness» on the examples of the different ideas of woman's beauty of the Amur region residents and Chinese interacting in the border areas of the Amur region.

Keywords: ethnoculture, emotiology, linguoculture, basic emotions, higher senses, aesthetic category «beauty / ugliness», dialectal units, thematic group «the appearance of women».

DOI 10.17223/18137083/56/17

References

Arskaya M. A. *Semanticheskaya kategoriya esteticheskoy otsenki (prekrasnoe/bezobraznoe) i ee ontologiya v sovremennom nemetskom yazyke.* Diss. kand. filol. nauk [The semantic category of aesthetic evaluation (fine/ugly) and its ontology in modern German language. PhD philol. diss.]. Irkutsk, 2002, 185 p.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka v 4 tomakh* [Explanatory Dictionary of Russian language in 4 volumes]. Vol. 3, Moscow, Ruskiy yazyk media, 2007.

Dodonov B. I. *Emotsiya kak tsennost'* [Emotion as value]. Moscow, Politizdat, 1978, 272 p.

Dvorkin A. Ginotsid, ili kitayskoe bintovanie nog [Ginotsid or Chinese foot-binding] In: Gapova A., Sirosh N. (eds). *Zhenskaya solidarnost'. Posobie dlya muzhchin i zhenshchin* [Female solidarity. The benefit for men and women]. Minsk, 2002, pp. 10–26.

Efanova L. G. Dusha kak ob'ekt otsenki i sub'ekt normy v russkoy yazykovoy kartine mira [The soul as an object and subject of assessment standards in Russian language picture of the world]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 2008, no. 3, pp. 164–175.

Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka (tolkovo-slovoobrazovatel'nyy)* [New Dictionary of the Russian language (sensibly-derivation)]. Moscow: Drofa, russkiy yazyk, 2000, 1233 p.

Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka v 4-kh tomakh* [Etymological dictionary of the Russian language in 4 volumes]. Vol. 2, Moscow, 2004, 410 p.

Izard K. E. *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of emotions]. Saint-Petersburg, Piter 1999, 464 p.

Kalitkina G.V. Mezhdistsiplinarnye oblasti dialektnoy lingvokul'turologii [Interdisciplinary field of dialectal lingvokulturology]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, 2008, no. 3, pp. 181–191.

Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [The critique of ability to judge]. Moscow, Iskusstvo, 1994, 367 p.

Kolomiets G. G. Estetika i kategoriya «esteticheskoe» [Aesthetics and the category of «aesthetic»]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], 2005, no. 7, pp. 115–125.

Oglezneva E.A. Yazykovaya situatsiya v Dal'nevostochnom regione Rossii: dinamika slavyanskoy sostavlyayushchey [The language situation in the Far East region of Russia: the dynamics of the Slavic component]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2012, no. 56, pp. 33–38.

Prikhod'ko V. K. Semanticheskie osobennosti leksemy «radost'» v russkikh govorakh Priamur'ya [Semantic features of the token «joy» in the Russian dialects of the Amur Region]. *Evropeyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk* [European Social Science Journal], 2014, no. 3-1 (42), Moscow, pp. 235–241.

Prikhod'ko V. K. Leksiko-semanticheskaya gruppa s bazovym kognitivnym komponentom «lyubov'» [Lexico-semantic group with basic cognitive component of «love»]. *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure tekhnicheskogo universiteta* [Scholarly Notes of Komsomolsk-na-Amure State Technical University]. 2013, vol. 2, no. 4 (16), pp. 41–47.

Prikhod'ko V. K. Po stranitsam Slovarya russkikh govorov Priamur'ya. Oboznachenie neschast'ya v russkikh govorakh Priamur'ya [Through the pages of the Dictionary of Russian dialects of the Amur region. Designation of unhappiness in the Russian dialects of the Amur Region]. *Russkaya rech'*, 2015, no. 2, pp. 104–109.

Ryabov A. A. Popytka dialekticheskogo opredeleniya esteticheskikh kategoriy prekrasnogo i bezobraznogo [Trying to determine the dialectical aesthetic categories of beauty and ugliness]. *Molodoy uchenyy*, 2014, no. 7, pp. 662-666.

Ryabova M. Yu. Natsional'nyy yazyk i kul'tura kak ob"ekty lingvokul'turologii [National language and culture as an object of cultural linguistics]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, 2010, no. 2, pp. 197–205.

Shmugurova K. V. Verbalizatsiya kontsepta padost' v poeticheskoy kartine mira F. Sologuba [Verbalization concept of joy in the poetic picture of the world from F. Sologub]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 2011, no. 1, pp. 214–218.

Simonov P. V. *Chto takoe emotsiya?* [What is emotion?]. Moscow, Nauka, 1966, 94 p.

Stepanov A. N. *Revolyutsionno-demokraticheskaya kontseptsiya estetizatsii obshchestvennykh otnosheniy v Rossii XIX veka*. Diss. filos. nauk [The revolutionary-democratic concept of aestheticization of social relations in Russia of the XIX century. Cand. philos. diss.]. Samara, 2005, 188 p.

Toporov V. N. Iz istorii baltoslavyanskikh yazykovykh svyazey: anchutka [From the history of Balto Slavic linguistic ties: anchutka]. *Baltietica*, 1973, Vol. IX (1), pp. 29–44.

Yakishchenko E. A. Leksicheskie sredstva vyrazheniya emotsii vozmushcheniya v angliyskom i frantsuzskom yazykakh (na materiale khudozhestvennoy literatury) [Lexical means of expressing emotions of indignation in English and French (in the fiction material)]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, 2013, no. 3, pp. 200–204.

Sources

Galuza O. Yu., Ivanova F. P., Kirpikova L. V., Putyatina L. F., Shenkevets N. P. (auths-comps) *Slovar' russkikh govorov Priamur'ya* [Dictionary of dialects of the Amur Region]. In 2nd ed. Blagoveshchensk, Blagoveschensk State Pedagogical University, 2007, 528 p.

Kirpikova L. V., Shenkevets N. P. (auths - comps) *Frazeologicheskiy slovar' russkikh govorov Priamur'ya* [Phaseological Dictionary of dialects of the Amur Region]. Blagoveshchensk, Blagoveschensk State Pedagogical University, 2009, 155 p.

УДК 811.11’01:81’22
DOI 10.17223/18137083/56/18

С. Г. Проскурин [1, 2], **А. В. Проскурина** [2]

[1] *Новосибирский государственный университет*
[2] *Новосибирский государственный технический университет*

К вопросу функционирования именника в традиции [*]

Показано функционирование именника в традиции, который может быть организован на базе аллитерации и передаваться из поколения в поколение. Можно утверждать, что в истории германских племен существует определенная корреляция между именами собственными королей и названиями королевств. Рассматриваются вопросы синтагматики и парадигматики имен собственных в генеалогиях англосаксонских королей. Подчеркивается комплексный характер именования в англосаксонской традиции, при котором учитывалась не только традиция наследования, т. е. преемственность в парадигматике имени короля, но и соблюдение правил идентичности на уровне корреляции имени, с одной стороны, и этнонима, или названия королевства, – с другой.

Ключевые слова: именник, корреляция, аллитерация, германские племена.

«Имена – а они внушают людям идею чего-то, чему не суждено погибнуть, – весьма подходят для того, чтобы возбудить в каждом роде или семье желание продлить свое существование; есть народы, у которых имена определяют роды или семьи; есть также народы, у которых имена различают лишь отдельных лиц…» [Монтескье, 1955, кн. 23, гл. 4].

[*] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

Проскурин Сергей Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Новосибирского государственного университета, профессор кафедры иностранных языков Новосибирского государственного технического университета (ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия; s.proskurin@mail.ru)

Проскурина Анна Вячеславовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета (просп. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630073, Россия; a.vyacheslavovna@gmail.com)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© С. Г. Проскурин, А. В. Проскурина, 2016

Расслоение в именовании сущностей на имена нарицательные и имена собственные иногда иллюстрируется следующим образом: если поименованный тигр ничем не отличается от другого животного, то последнего можно назвать тигром; однако, если известно, что имя одного из тигров Witchgren, из этого не следует, что имя второго также Witchgren. Принятие такого способа именования, или кода имени нарицательного, для именования второго индивида ложно, поскольку противоречит правилу индивидности имени собственного, характеризующегося избирательной точечностью. Другими словами, имена собственные наглядно демонстрируют ситуацию, при которой код направлен сам на себя (code referring to code) [Якобсон, 1972, с. 96], но в пределах замкнутых коллективов.

Имя – «жесткий десигнатор – термин, обозначающий одного и того же индивидуума в любом из возможных миров. Иными словами, имя относится к некоему человеку в любом из возможных случаев, в которых мы вообще можем говорить об этом индивидууме, и факты биографии тут ни при чем. Референция имени фиксируется на самом деле в тот момент, когда родители указывают пальцем на своего малыша, который, согласно их пожеланиям, будет носить это имя, или в любой другой момент, когда какое-то имя закрепляется за человеком. Оно продолжает указывать на человека в течение всей его жизни и после нее, благодаря цепи передач, в которой лицо, знающее это имя, использует в присутствии другого лица, которое собирается употреблять его таким же образом» [Пинкер, 2013, с. 345–346]. Таким образом, имя в какой-то степени является представителем человека в этносе, иногда эта репрезентация сопровождалась определенными правилами обращения с ним.

Имена условно можно разделить на первичные и вторичные. Первые – это божественные деяния, вторые – результат наречения людьми. В индоевропеистике существовало представление о языке людей и богов, что признавалось античной традицией на очень глубоком теоретическом уровне. Впоследствии функции творца и нарекающего переосмысливаются и со временем рассматриваются независимо.

В ряде древнейших индоевропейских традиций (древнеиндийской, древнегреческой, древнеиранской и т. д.) возникает особый институт установителей имен, в обязанность которых входит функция – отвечать за правильность именования неких истинных причин вещей – сущностей.

Подобный институт ономатетов (др.-греч. ὀνοματοθέτης) был относительно независим в своей деятельности от создателей вещей и ориентировался исключительно на поиск сущности имени и определения соответствия имени и вещи, т. е. на их называние, номинацию. Профессионализация деятельности ономатетов подтверждается ранними сведениями, относящимися к древнегреческой школе пифагорейцев. Подобные институты зафиксированы в ряде других традиций индоевропейского ареала: древнеиранской, древнеиндийской, древнегерманской и др. Ономатетический акт, равноценный процессу созидания, был первым осмыслением сложного единства имени и объекта.

Имя понималось не как условное название предмета, но как то, что уже содержит в себе правила обращения с именуемой вещью или объяснение поведения именуемого объекта. Если, к примеру, именовался человек, то он, как ожидалось, должен был вести себя в соответствии со своим именем. Имя отображало какие-то свойства его внешности, характера, деятельности или профессии. То же справедливо и в отношении вещей, имя которых выражает их существенные свойства, напоминает о правилах обращения с ними. Соответственно, первичное восприятие сущности имени было пронизано условной этимологической природой. Этимологизация имени в первых исследованиях по истории слов Древней Греции и Рима была по существу продолжением древнейшей традиции поиска сущности имени.

В мифопоэтической традиции мы встречаемся с контрастной ситуацией по отношению к той, которую описал К. Маркс в контексте своего политэкономического учения: «Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Якобом» [Маркс, 1960, с. 10]. Тем не менее вне науки люди во все времена рассуждали как раз противоположным образом, полагая, что знание имени открывает путь к сущности (см.: [Степанов, 1985, с. 13]). Так, А. Я. Гуревич на примере скандинавских саг показал, что датирование обозначенных и описываемых событий (несмотря на большое количество указаний на время) практически невозможно по причине отсутствия связи с христианским или другим летоисчислением. Временными ориентирами служили имена собственные. Иными словами, время соотносится и организуется в рамках жизни и правления верховного правителя, а временными ориентирами в данном случае выступают его деяния [Гуревич, 1990, с. 76, 78]. «Для скандинавов той эпохи более существенно было знать родословную человека, чем его координаты на хронологической шкале. Если известны происхождение и место жительства человека, указаны его сородичи, брачные союзы с другими семьями, дружеские связи, то о нем сказано достаточно для того, чтобы средневековой человек с должной отчетливостью локализовал его в своем сознании и мог следить за событиями его жизни, не задаваясь излишними для него вопросом, в каком году от рождества Христова эти события имели место» [Там же, с. 76–77].

Идея прямого соответствия имени и денотата, трактовка имени собственного как alter ego индивида является традиционной исторической концепцией *nāma-rupa* ‘имя и форма’, опиравшейся в названии на реальные связи. В этом случае представляется удачным сравнение Дж. Гонды: «отношения между именем и его носителем можно сопоставить с тенью и человеком, ее отбрасывающим» (цит. по: [Топорова, 1996, с. 7]).

До появления алфавитов действовали формы культурной памяти – идентичность индивидуума была тождественна идентичности этноса. Не исключено, что потребность в кодификации через звукопись являлась предшественницей появлению алфавитов, поскольку семиотика звукописи – предварительный этап поиска экономии речи. «Так, у англосаксонского нобилетета, носившего кельтские имена, имена собственные были созвучны с этнонимом Cymro “валлиец”. Caedwalla, Caedda, Cedd, Ceawlin, Cerdic, Cumbra» (перевод наш. − *С. П.*, *А. П.*) [Crystall, 2004, p. 32].

Например, ономастикон англосаксонского нобилитета аллитерирует с этнонимом «валлиец», выбор которого оказывался неслучайным: (519) *Her* ***C****erdic 7* ***C****ynric: Westsexena rice onfengun on þy ilcan geare hie fuhton wiþ Brettas þær mon nu nemneþ Cerdicesford: 7 siþþan ricsadan Westsexana cynebearn of þan dæge* ‘Здесь Кердик и Кюнрик наследовали королевство западных саксов; и в этом же году они сражались против бриттов там, где сейчас это место именуется Кердиксфорд. И с этого времени королевский отпрыск западных Саксов правил’ [1]. Вероятно, как это можно заключить из контекста, речь шла об этническом смешении германцев и кельтов. (560) *Her* ***Ceawlin feng to rice*** *on Wesseaxum…* ‘Здесь *Кевлин наследовал* Уэссекс…’; (643) *Her Cenwalh feng to Wesseaxna rice 7 heold .xxxi. wintra…* ‘Здесь Кенвальх наследовал королевство Уэссекс и правил 31 год…’; (709) *…7 Ceolred feng to Myrcna rice…* ‘…и король Кеолред наследовал королевство Мерсия…’.

[1] Здесь и далее контексты приводятся по: The Anglo-Saxon Chronicle. Vol. 5: An Electronic Ed. URL: http://asc.jebbo.co.uk/e/e-L.html (дата обращения 10.01.2016). В круглых скобках проставлена летописная датировка записей именника «Англосаксонских хроник». Перевод с древнеанглийского наш.

Исследователи давно обратили внимание на связь имен собственных и эпонимов. К. Леви-Стросс в свое время отмечал, что «индивидуальные названия зависят от той же системы, что и коллективные названия, прежде нами изученные, и что посредством них можно перейти с помощью преобразований от горизонта индивидуации к горизонту наиболее общих категорий. Действительно, каждый клан или субклан обладает определенным количеством имен, носить которые предоставлено его членам, и раз индивид – часть группы, то индивидуальное имя – это часть коллективного названия» [Леви-Стросс, 2008, с. 361].

Согласно спискам тул (аллитерационных перечней имен) англосаксонских королей, в трех королевствах (Ēast Engla Rīce, Ēast Seaxna Rīce, Westseaxna Rīce) поддерживается аллитерация между именем короля и названием королевства: ***A**nna*, ***A**ethelhere*, ***A**ldulf… – Ēast Engla Rīce*; ***S**eaxnete*, ***S**waeppa*, ***S**igefugel… – Ēast Seaxna Rīce*; ***Ae**dmund*, ***Ae**lfred*, ***Ae**lfgiva… – Westseaxna Rīce*. В других списках обнаруживается однородность имменика, являющаяся коррелятом названия королевства по типу. Именник выполнял функцию смыслоразличения, по нему можно было определить, какое это королевство. Например, если *E*, то *Cent* (***E**mme*, ***E**ormenred*, ***E**rmenburga*…), если *C*, то *Mierce* (***C**nebba*, ***C**ynewald*, ***C**reoda*), если *A*, то *Norþanhymbra* (***A**lhfrith*, ***A**edryht*, ***A**ethelwold*…).

Возможность связи генеалогии в последовательности с аллитерацией представляется важной с позиции структуры текста: синтагматики и парадигматики. Последовательность имен в традиции образовывала синтагмы, которые взаимодействовали с этнонимами в парадигматике, с помощью аллитерации на ту же букву.

Генеалогия королей Восточной Англии
*Ēast **E**ngla Rīce* (*The Kingdom of East **A**nglia*)

Anna	**A**ethelbert
Aethelhere	**A**ethelburn
Aldulf	**A**etheldryth
Aelfwold	

Генеалогия королей Нортумбри
Norþanhymbra/*Norþhymbre* (*Northumbria*)

Alhfrith	**A**elfwold
Aedryht	**A**ethelberht
Aethelwold	**A**eile
Alhred	**A**etheldrythe
Aethelred/Aethelterht	

Так, в Нортумбрии проживали англы. Возможно, этот факт повлиял на имена королей, начинающиеся там на *A*, которые связываются в парадигматике с названием этноса *Angle*. Однако это остается исторической гипотезой. Сами списки выполняли историческую роль, т. е. являлись живой историей англосаксонских королевств; их функция обеспечивалась за счет передачи информации из поколения в поколение. В этом смысл англосаксонской традиции (см.: [Проскурин, Проскурина, 2014]).

Генеалогия королей Уэссекса
Westseaxna Rīce (*The Kingdom of Wessex*)

Cerdic	**C**oentwine	**A**escwine	**A**egelward
Cynric	**C**eadwalla	**A**ethelhard	**A**ethelstan
Cuthwulf	**C**uthred	**A**edburh	**A**edburn
Cutha	**C**ynewulf	**A**ethelbald	**A**edmund
Ceaulin	**C**utha	**A**lhmund	**A**elfgiva
Ceol	**C**uthwine	**A**thulf	**A**edgar
Ceolwulf	**C**utha	**A**ldgith	**A**elfthryth
Cynegils	**C**ynebald	**A**theleidis	**A**edward
Cuthgils	**C**eolwold	**A**lienora	**A**elfgitha
Cenferth	**C**enred	**A**ethelbald	**A**egelred
Cenfus	**C**uthburh	**A**ethelbryht	**A**elfgiva
Cynegils	**C**uenburh	**A**ethered	**A**edwius
	Canut	**A**ealswith	**A**edmund
		Aedward	**A**elfred
		Aegelfled	**A**elfgiva
		Aelfthryth	**A**edward
			Aethelstan
			Aedward

Генеалогия королей Восточного Саксонского Королевства
*Ēast **S**eaxna Rīce* (*The Kingdom of **E**ssex or Kingdom of the East **S**axons*)

Seaxnete	**S**aexn	**S**ighere
Swaeppa	**S**igeferth	**S**igheard
Sigefugel	**S**eleferth	**S**aelread
Sledda	**S**igebald	**S**withhaed
Saeberht	**S**withelm	**S**igeric
Saexraed	**S**aebbi	**S**igeraed

В любом случае, парадигматический перенос фонетических маркеров в именах англосаксонского нобилетета в диахронии коррелирует с названиями коллективов. Такой вид взаимодействия примыкает к традиционному виду связи «имя собственное – тотем». Вероятно также, что скандинавские корни корреляции имен *Rhos – Рюрик* могли послужить тем фактором, который повлиял на выбор этнонима *Русь*. С современной точки зрения, как пишет академик Ю. С. Степанов, нет, однако, никакой необходимости рассматривать это имя восточных славян как данное им германцами. Скорее всего, семиотическая параллель германского имени *Рюрик* и этнонима *Rhos*, то есть племени из числа шведов, послужили в качестве фактора, повлиявшего на выбор термина *Русь*, который изначально связывался с Северным новгородским центром: «постепенно он продвигался на Юг и закрепился в южном Киевском центре, постепенно превращаясь в этнический термин для обозначения всего населения этой земли и государственный термин» [Степанов, 2004, с. 152]. В качестве реликта германского семиотического правила (имя собственное – название племени) на Руси сохраняется корреляция названия династии Рюриковичей с названием самого государства.

Именник «Англосаксонских хроник» связан с выбором синтаксических конструкций при переводах архаических текстов. Обратимся к записям «Англосаксонских хроник». Именник, использующийся в рамках формулы *Her sum.* (*on*) *feng to rice* ‘Здесь кто-то наследовал трон (королевство, государство, империю)’, римского происхождения, в нем имена римских императоров: (70) *Her Uespassianus onfeng rice* ‘Здесь Веспасиан наследовал трон’. В примере за 81 г. та же формула начинает обрастать новыми фактами, а именно: указывается имя наследника и дается краткая информация о нем, поэтому здесь мы регистрируем ряды с нарастающей детализацией по отношению к более ранним записям: (81) *Her feng Titus to rice, se þe sæde þæt he þone dæg forlure þe he naht to gode on ne dyde* ‘Здесь Титус наследовал трон; он, кто сказал, что потерял день, если не сделал ничего хорошего’. В записях от 84 и 155 гг. фиксируются снова только имена наследников, информация идет на спад (ряды с нисходящей детализацией по отношению к ранним записям): (84) *Her Domitianus Tites broþor feng to rice* ‘Здесь Домициан, брат Тита, наследовал трон’; (155) *Her Marcus Antonius 7 Aurelius his broðer fengon to rice* ‘Здесь Марк Антоний и Аврелий, его брат, наследовали трон’; (423) *Her Ðeodosius se gingra feng to rice* ‘Здесь Феодосий II наследовал трон’; (449) *Her Mauricius 7 Ualentines onfengon rice 7 ricsodon .vii. winter…* ‘Здесь Марциан и Валентин наследовали трон и правили 7 лет’; (583) *Her Mauricius feng to Romana rice* ‘Здесь Марциан наследовал правление Римской империей’. Для современников этих записей латинский онамастикон был без прозрачной внутренней формы. Такие записи образуют серьезный ранний слой хроник. Коммуникативная стратегия перевода отмеченных предложений римского периода опирается на фактор передачи информации. Роль имен собственных латинского происхождения заключается в том, что они влияют на выбор термина перевода существительного *rice*. Если в формуле *Her sum.* (*on*) *feng to rice* употреблено римское имя, то *rice* переводится как ‘трон (империя)’. Коммуникативная цель высказывания влияет на фактор передачи информации из поколения в поколение. Коммуникативные стратегии существенно изменяются, когда анализируемая формула начинает использоваться по отношению к германскому периоду правления на острове Британия: (674) *Her feng Æscwine to rice on Wesseaxum, se wes* ***C****enfusing,* ***C****enfus* ***C****enferþing,* ***C****enferþ* ***C****uþgilsing,* ***C****uþgils* ***C****eolwulfing,* ***C****eolwulf* ***C****ynricing,* ***C****ynric* ***C****erdicing* ‘Здесь Эсквин наследовал королевство Западных Саксов; он был сыном **К**енфуса, **К**енфус – **К**енферта, **К**енферт – **К**утгилса, **К**утгилс – **К**еолвульфа, **К**еолвульф – **К**юнрика, **К**юнрик – **К**ердика’. Здесь *rice* начинает употребляться в значении ‘королевство’, а сам именник представлен именами с прозрачной внутренней формой, понятной англосаксам.

Как мы видим, однородность именования королей связывается с правилом тулы. Аллитерируемые имена правителей определяются устным этапом существования культуры, когда генеалогические последовательности именовались однотипно, чтобы сохранить в исторической памяти англосаксонских племен сведения о минувшем.

«С помощью фонетического и частотного анализа антропонимов удалось выявить и описать новый принцип именования – фоностетический. Этот принцип именования выделяет аллитерацию в качестве древнегерманской идентифицирующей черты. Она сохранилась в коллективной памяти благодаря подсознательному выбору имен собственных по их звуковому оформлению. На материале города Винчестер были выделены начальные и конечные звуки / буквы, которые среди мужских и женских имен собственных получили максимальное распространение. А именно, конечный звук – *а* среди женских имен обладал видимым преимуществом, так как присутствовал более чем в 40 именах собственных из общего количества 74» [Хоцкина, 2014, с. 18].

Коммуникативная задача, реализуемая в туле в форме песнопения, создает опору для передачи информации. Ассонанс (аллитерация) в следующей туле, примыкающей к анализируемой формуле, свидетельствует о династических циклах англосаксонских королей: (738) *Her **E**adbryht **E**ating, **E**ata Leodwalding, feng to Norþanhymbra rice 7 heold .xxi. wintra…* ‘Здесь Эадбрюхт, сын Эата, Леодвалда, наследовал королевство Нортумбрия и правил 21 год…’; (836) [2] *Her… 7 feng **Ę**þelwulf **E**cgbrehting to Wesseaxna rice, 7 he salde his suna **Ę**þelstane Cantwara rice 7 Eastseaxna 7 Suþrigea 7 Suþseaxna* ‘Здесь… и Этелвулф, сын Экгбрюхта, наследовал королевство Уэссекс; и он дал своему сыну, Этельстану, королевства Кент и Суссекс и Сурет’; (866) *Her feng **Ę**þered **Ę**þelbryhtes broþur to Wesseaxna rice…* ‘Здесь Этеред, Этелбюрхта брат, наследовал королевство Уэссекс…’.

Л. Г. Викулова и Е. Г. Васильева отмечают, что ономастическому аспекту в ранней средневековой картине мира было отведено особое место, поскольку существовала связь между именем правителя и дифференциацией среди родственников. На примере выбора имен династий Меровингов исследователи показали принцип вариации элементов с принципом наследственной передачи на основе аллитерации. Так, «корни chold, mer mech, составляющие имена *Хлодиона* (**Chlod**io) и *Меровея* (**Mér**ovée), реальных или предполагаемых предков Хлодвига (**Cl**ovis), мы находим в именах Ingo**mer**, **Clod**omir, **Cloth**aire в то время как *child* от Childéric входит в состав имен Lante**child** и **Childe**bert» [Викулова, Васильева, 2015, с. 61].

Отмеченная формула *Her Sum.* (*on*) *feng to rice* образует кластер с другой формулой *Sum. forþferde* ‘Кто-то умер’ за счет коммуникативного расширения, способствующего передаче события как целого: *Her sum. forþferde, 7 sum.* (*on*) *feng to rice* ‘Здесь кто-то умер, и кто-то наследовал королевство’. Германский именник формулы подчиняется на протяжении значительного периода Средневековья идее цикла, образующего династический период тулы: (819) [3] *Her Cenwulf Miercna cyning forþferde, 7 Ceolwulf feng to rice…* ‘Здесь король Мерсии Кенвулф умер, и Кеолвульф наследовал королевство…’; (940) *Her Æþelstan cyning forðferde on Gleaweceastre on .vi. Kalendas Nouembris, ymb .xl. wintra butan anre nihte þæs þe Ælfred cyning forðferde, 7 Eadmund æþeling feng to rice, 7 he wæs þa .xviii. wintre…* ‘Здесь король Этельстан умер в Глостере на шестые календы ноября в возрасте 41 года, через день (после) король Альфред умер. И Эадмунд Этелинг, его брат, наследовал королевство, ему было тогда 18 лет…’; (958) *Her forðferde **Ea**dwig cyng on kalendas Octobris, 7 **Ea**dgar his broðor feng to rice* ‘Здесь король Эдвай умер на календы октября, и Эдгар, его брат, наследовал королевство’.

Как отмечает О. В. Хоцкина, в древнегерманской традиции существуют циклы именования. Так, цикл с затемненной внутренней формой – цикл наречения, например латинский именник, сменяется циклом именования с прозрачной внутренней формой – древнегерманским именником (см.: [Хоцкина, 2014]).

Далее, даже неразвернутые циклы в древнегерманском именнике, состоящие из двух правителей: умершего и наследующего престол, подчиняются отмеченному правилу тулы и аллитерируют в прозаическом тексте: (924) *Her Æd**w**ard cyning forðferde, 7 Æþelstan his sunu feng to rice* ‘Здесь король Эдвард умер и Этельстан, его сын, наследовал королевство’; (946) *Her Eadmund cyning forðferde on Sancte Agustinus mæssedæge… 7 þa æfter him feng Eadred æþeling his broþor to rice, 7 gerad þa eall Norðhymbra land him to gewealde. 7 þa Scottas him sealdon aþas þæt hi eall woldon þæt he wolde* ‘Здесь король Эадмунд умер на день литургии святого Августина… и затем после него его брат Эадред Этелинг насле-

[2] Неточная датировка. Имеется в виду 839 г.
[3] Неточная датировка. Имеется в виду 821 г.

довал королевство. Он подчинил всю Нортумбрию под своею властью. И шотландцы дали ему присягу, что они будут делать то, что он захочет’.

Однако иногда эти правила тулы не соблюдаются, что также заслуживает внимания. Возможно, это связано с нарушением династического цикла: (675) *Her… 7 þy ilcan geare Wulfhere forþferde, 7 Ęþelręd feng to rice* ‘Здесь… и в этом же году Вулфхере умер, и Этелред наследовал королевство’.

Смена династического цикла часто связана с правилом смены аллитерации имени собственного: (634) *Her feng to Dearne rice Osric þone Paulinus ær gefullode, se wæs Ælfrices sunu Ædwines federan, 7 to Bærnicum feng Æðelfriðes sunu Eanfrið…* ‘Здесь Осрик, кого Паулин прежде крестил, наследовал королевство Дейра; он был сыном **Э**лфрика, дядя **Э**двина, и **Э**анфрит, сын **Э**телфрихта, наследовал Берницию…’; (694) *Her… 7 Wihtred feng to Cantwara rice, 7 heold .xxxiii. wintra; Se Wihtred was **E**cgbryhting, **E**cgbryht Arcenbryhting, **E**rconbryht **E**adbalding, **E**adbald **Ę**þelbryhting* ‘Здесь… и Вихтред наследовал королевство Кент и правил 33 года. Вихтред был сыном **Э**кгбрюхта, **Э**кгбрюхт − Эрконбрюхта, **Э**рконбрюхт − **Э**дбалда, **Э**дбалд − **Э**телбрюхта’.

Таким образом, существует корреляция между именами и именником, а также жанровым своеобразием переводов средневековых текстов. Выбор латинского имени для императоров отличается особым вхождением в тексты по сравнению с именами германских правителей. Имена просто образуют сетки значений в переводах. Следовательно, можно сделать вывод о том, что именник и синтаксис тесно связаны между собой.

Список литературы

Викулова Л. Г., *Васильева Е. Г.* Выбор имени как инструмент укрепления династической власти в раннем Средневековье (Франция, V−X вв.) // Верхневолж. филол. вестн. 2015. № 2. С. 58–64.

Гуревич А. Я. Средневековой мир: Культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.

Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль / Пер. с фр. А. Б. Островского. М.: Акад. проект, 2008. 520 с.

Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М., 1960.

Монтескье Ш. Л. О духе законов // Монтескье Ш. Л. Избр. произведения: Пер. с фр. / Под ред. и с предисл. М. П. Баскина. М.: Госполитиздат, 1955. URL: http://worldconstitutions.ru/?p=1166&page=5 (дата обращения 10.01.2016).

Пинкер С. Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу: Пер. с англ. М.: Кн. дом «Либроком», 2013. 560 с. (Философия сознания).

Проскурин С. Г., *Проскурина А. В.* Коммуникативное расширение формулы как условие ее распознавания в контексте и передача в диахронии // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 8-1(47). С. 252–257.

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотическое проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.

Топорова Т. В. Культура в зеркале языка: Древнегерманские двуличные имена собственные. М., 1996.

Хоцкина О. В. Семиологическое описание средневекового антропонимикона (на материале данных архива города Винчестер в период X−XIV веков): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2014. 21 с.

Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

Crystal D. The Stories of English. L.: Penguin books, 2004. 584 p.

S. G. Proskurin [1, 2], **A. V. Proskurina** [2]

[1] *Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation*
s.proskurin@mail.ru
[2] *Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation*
a.vyacheslavovna@gmail.com

On a set of proper names in the tradition

The paper shows the functioning of a set of proper names in the tradition. It can be organized on the basis of alliteration and may be transferred from generation to generation. It can be said that there is some correlation between the proper names and the names of kingdoms in the history of Germanic tribes. The authors consider the issues of syntagmatics and paradigmatics of proper names in genealogies of Anglo-Saxon kings. They emphasize the complex type of nomination in the Anglo-Saxon tradition when not only the tradition of inheritance, that is, the succession in the paradigmatics of the king's name, but also the observance of the rules of identity at the level of correlation of name, on the one hand, and the ethnonym or the name of the kingdom, on the other hand, were taken into account.

Keywords: a set of proper names, correlation, alliteration, Germanic tribes.

DOI 10.17223/18137083/56/18

References

Crystal D. The Stories of English. London, Penguin books, 2004.

Gurevich A. Ya. *Srednevekovoj mir: Kul'tura bezmolvstvujushhego bol'shinstva* [The Medival World: The Culture of the Silent Majority]. Moscow, Iskusstvo, 1990, 396 p.

Hockina O. V. *Semiologicheskoe opisanie srednevekovogo antroponimikona (na materiale dannyh arhiva goroda Vinchester v period X–XIV vekov* [Semiotic description of medieval antroponymycon (based on Winchester material X–XIV cc.)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Barnaul, 2014, 21 p.

Jakobson R. O. Shiftery, glagol'nye kategorii i russkij glagol [Shifters, verbal categories and Russian verb]. In*: Printsipy tipologicheskogo analiza jazykov razlichnogo stroja* [Principles of the typological analysis of various system languages]. Moscow, Nauka, 1972, pp. 95–113.

Levi-Stross K. *Totemizm segodnja. Nepriruchennaja mysl'*. Per. s fr. A. B. Ostrovskogo [Totemism today. Untamed thought. Transl. from French by A. B. Ostrovskiy]. Moscow, Akad. proekt, 2008, 520 p.

Marx K. Kapital. T. 1. [Capital. Vol. 1]. In: Marx K., Engels F. *Soch. 2-e izd. T. 23* [The writings. 2nd edition, vol. 23]. Moscow, Politizdat, 1960.

Montesk'e Sh. L. O duhe zakonov [About the spirit of the laws]. In: Montesk'e Sh. L. *Izbr. proizvedenija: Per. s fr. / Pod red. i s predisl. M. P. Baskina.* [Selected works: transl. from French / edited by M. P. Baskina] M, Gospolitizdat, 1955. Available at: http://worldconstitutions.ru/?p=1166&page=5 (accessed 10.01.2016).

Pinker S. *Substancija myshlenija: Jazyk kak okno v chelovecheskuju prirodu: Per. s angl.* [The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature: transl. from English]. Moscow, Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2013, 560 p.

Proskurin S. G., Proskurina A. V. Kommunikativnoe rasshirenie formuly kak uslovie ee raspoznavanija v kontekste i peredacha v diahronii [The communicative extension of a formula as a condition of its recognition in the context and the transfer in the diachronic]. *European Social Science Journal*, 2014, no. 8-1 (47), pp. 252–257.

Stepanov Yu. S. *V trekhmernom prostranstve yazyka. Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva* [In three-dimensional space of language. Semiotic problems of linguistics, philosophy, art]. Moscow, 1985.

Toporova T. V. *Kul'tura v zerkale yazyka: drevnegermanskie dvulichnye imena sobstvennye* [Culture in the mirror of the language: two-faced old Germanic proper names]. Moscow, 1996.

Vikulova L. G., Vasil'eva E. G. Vybor imeni kak instrument ukreplenija dinasticheskoj vlasti v rannem Srednevekov'e (Francija, V–X vv.) [The name choice as an instrument to reinforce the dynastic power in the Early Middle Ages (France, V–X cc.)]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik*, 2015, no. 2, pp. 58–64.

УДК 81-13
DOI 10.17223/18137083/56/19

С. А. Осокина

Алтайский государственный университет, Барнаул
Российский университет дружбы народов, Москва

Сетевая модель языкового тезауруса: особенности построения

Рассматриваются существующие модели тезауруса, или представленной в словах языковой системы знания о мире, большинство из которых являются семантическими сетями разных видов. При принятии в качестве основной единицы языкового тезауруса отдельного слова выстраиваются такие модели тезаурусной сети, в которых трудно восстанавливать синтагматические связи между словами, позволяющие изучать свойства тезауруса как коммуникативной системы. Приводятся основания выделения в качестве структурных единиц тезауруса устойчивых сочетаний слов, главным из которых является соответствие сочетания слов критериям знания как семиотического продукта, выделяемым в философских трудах. Раскрываются этапы построения сетевой модели языкового тезауруса на основе сочетаний слов. Основным преимуществом предлагаемой модели тезаурусной сети является то, что фрагменты данной сети можно соотнести с моделями сетей других типов, включая дефинициальные, ассоциативные, импликационные и нейронные сети.

Ключевые слова: тезаурус, семантическая сеть, устойчивое сочетание слов, знание, языковая система знания о мире.

Понятие «тезаурус» имеет множество интерпретаций в различных отраслях науки, однако можно выделить и общие черты в его определении с точки зрения различных подходов: 1) это система, имеющая определенную организацию; 2) это «хранилище» информации, или знания; 3) это коммуникативное устройство, необходимое для взаимодействия с другими системами с целью обмена информацией, накопления новых знаний.

Начиная с 1960-х гг. в рамках теории информации, информатики и кибернетики тезаурус рассматривается как система, необходимая для рецепции и обработки семантической информации [Шрейдер, 1963; 1975]. В настоящее время в работах по синергетике под тезаурусом понимается способная к саморазвитию система, служащая не только для обработки входящей информации, но и для генерирова-

Осокина Светлана Анатольевна – доктор филологических наук, доцент кафедры германского языкознания и иностранных языков Алтайского государственного университета, научный сотрудник кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов (ул. Димитрова, 66, Барнаул, 656049, Россия; s.a.osokina2@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© С. А. Осокина, 2016

ния новой информации [Чернавский, 2004, с. 20–21]. В гуманитарных исследованиях тезаурус трактуется как когнитивная система человека, являющаяся необходимым условием понимания и ориентации в мире [Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2014]. В лингвистике тезаурусами называются словари идеографического или ассоциативного типа, а также присущая человеку система знания, связанная с языком. В последнем значении понятие «тезаурус» соотносится с понятием «картина мира» и получает особенно широкую интерпретацию в концепции Ю. Н. Караулова [Караулов, 1981; 1987].

Соответственно, имеется несколько моделей тезауруса, преобладающими из которых являются уровневые, или древовидные, модели. Однако с точки зрения структурной организации все они являются семантическими сетями различных типов, поэтому основной моделью тезаурусной системы следует признать сетевую.

Семантическая сеть представляет собой модель определенной области знаний, состоящую из узлов (в качестве которых могут выступать понятия, процессы, явления) и соединений между ними. Так, классические тезаурусные словари (например, «Thesaurus of English Words and Phrases» П. Роже (1852) и созданные по его образцу современные тезаурусные словари) представляют собой древовидные семантические сети, называемые дефинициальными сетями, основным видом отношений в которых являются родовидовые отношения. Ассоциативные тезаурусы (например, «Русский ассоциативный словарь» (1994), «The Edinburgh Associative Thesaurus», разрабатываемый с 1970 г.) представляют собой сети, в которых далеко не всегда можно проследить логические отношения между узлами, но имеются механизмы перехода и присоединения. Модель тезауруса как языковой системы знания также может соотноситься с другими моделями семантических сетей, среди которых сети утверждений, импликационные и обучающиеся сети (типы семантических сетей, которые можно применять при моделировании отношений между словами языка, рассматриваются в работе J. F. Sowa [Sowa, 1992]).

Поскольку тезаурус представляет собой сложную информационную систему, которая моделируется путем построения семантических сетей разного вида, имеется необходимость создания обобщающей модели тезаурусной сети.

Для создания такой модели необходимо изменить взгляд на сущность единицы тезауруса и более четко определить ее черты. Подчеркнем, что в данной работе на обсуждение выносятся принципы моделирования именно языкового тезауруса, т. е. такой информационной системы, которая строится на основе знаков языка и отношений между ними, а не на основе понятий, концептов, логических категорий, несомненно имеющих отношение к значению языковых знаков, но не являющихся собственно языковыми сущностями.

Вопрос о том, что следует признавать единицей языкового тезауруса, наиболее сложный, поскольку языковой знак представляет собой двустороннюю материально-идеальную сущность и при составлении тезаурусных словарей бывает очень трудно определить, имеем ли мы дело со словом, обладающим определенным значением, чрезвычайно зависимым от контекстов употребления этого слова, или абстрактным понятием (или концептом), не имеющим прямого отношения к контекстам употребления соответствующего слова.

Данная проблема подробно рассматривается Н. В. Лукашевич, которая четко формулирует «принцип независимости онтологии от естественного языка» [Лукашевич, 2011, с. 108]. Согласно данному принципу, информационно-поисковые тезаурусы должны представлять собой онтологии, т. е. системы, построенные на строгих логических отношениях между понятиями. Единицами словаря в таком случае являются не слова естественного языка, а термины, имеющие строго фиксированное значение, не всегда полностью соотносимое со значениями соответст-

вующих слов естественного языка. Такие тезаурусы не являются собственно языковыми, поэтому для человека, привыкшего «упаковывать» свои знания в слова, использование таких тезаурусов может вызывать трудности.

Составители многих тезаурусных словарей (например, [Wordnet, 2015; Kirkpatrick, 1994; Баранов, 1995]), напротив, выстраивают систему отношений в тезаурусе, исходя из семантики слов языка, в результате чего получающиеся в разных словарях логические системы словесных отношений не совпадают, так как совокупность самих слов, включенных в словарь, диктует, какие будут выделены логические категории и как они будут соотнесены между собой. Соответственно, отдельные словари не могут претендовать на построение универсальной модели тезауруса как языковой системы знаний.

Вместе с тем и при построении строгих онтологий, и при подходе «от семантики слов» при составлении тезаурусов возникает одна большая проблема – трудно создать такую систему, в которой слова могли бы соединяться в последовательности, имеющие коммуникативную значимость. Иначе говоря, словари, построенные по принципу иерархии логических категорий, в какой-то мере удовлетворяют такой функции тезауруса, как хранилище информации, но не могут обеспечить функцию обмена информацией, необходимую для приращения и генерирования нового знания. В языковом отношении это значит, что тезаурусные словари древовидного типа не могут работать как системы, при помощи которых можно строить сочетания слов и осуществлять коммуникацию.

Корень проблемы кроется в том, что если принимать в качестве основной семантической единицы языкового тезауруса слово, то необходимо выстраивать систему отношений, исходя из свойств этой единицы. Это делается путем обращения к значению слова, точнее, к его языковому воплощению – дефиниции. Дефиниция, или описание значения слова в словаре, как правило, предполагает наличие родового или видового понятия либо представляет собой синоним. Поэтому построенные на основе значений слов тезаурусные словари воссоздают систему родовидовых или синонимических отношений – семантическую сеть дефиниального типа.

Однако связи между словами определяются не только значением слов, но и традицией их употребления носителями языка. Более того, значение слова формируется только в результате накопления знаний о множестве контекстов употребления данного слова в речи. Анализ контекстов слов по письменным текстам, как это делается, например, при составлении толковых словарей, показывает, что большинство из них представляют собой устойчивые, воспроизводимые в разных текстах сочетания слов.

Мысль об устойчивости абсолютного большинства сочетаний слов высказывалась И. Е. Аничковым еще в середине XX в. [Аничков, 1997, с. 106]. Тот факт, что человеческое общение на языке осуществляется путем воспроизведения готовых «коммуникативных фрагментов», по своей языковой структуре представляющих собой сочетания слов, доказывается в концепции Б. М. Гаспарова [Гаспаров, 1996]. Проведенное нами исследование [Осокина, 2015] показывает, что не отдельное слово, а сочетание слов удовлетворяет статусу единицы языкового тезауруса, так как именно путем усвоения сочетаний слов происходит накопление знания и его закрепление в высказываниях на определенном языке.

Данное положение находит точки соприкосновения с концепцией Вал. А. и Вл. А. Луковых, также подчеркивающих структурную сложность тезауруса и разрабатывающих понятие «тезаурусные конструкции», которые в определенном смысле можно сравнить с идиомами, или устойчивыми фразеологическими оборотами [Вал. А. Луков, Вл. А. Луков, 2005, с. 5]. Понимание того, что в языковом отношении единицы знания о мире могут соотноситься с устойчивыми выражениями и прецедентными высказываниями, имеется в работе Ю. Н. Ка-

раулова и Ю. Н. Филипповича [Караулов, Филиппович, 2009, с. 9–10]. Данные Русского ассоциативного словаря, в котором, по подсчетам Ю. Н. Караулова и Н. Л. Чулкиной, 75 % реакций испытуемых являются «грамматикализованными», т. е. слово-стимул и слово-реакция представляют собой сочетание слов (например, *ходить – в гости*, *говорит – о любви*) [Караулов, Чулкина, 2008, с. 31–32], подтверждают важность исследования сочетаний слов как языковых единиц системы знания о мире.

Устойчивое сочетание слов может на полном основании быть названо структурной единицей тезауруса не только потому, что в системе языкового тезауруса нет отдельных слов, а есть только слова в совокупности их связей, но и потому, что сочетание слов в полной мере соотносится с характеристиками знания, выделяемыми при анализе значения слова «знание» в философских словарях [Философский словарь, 1986; Философия, 2004; Касавин, 2009; Философский энциклопедический словарь, 2011], а именно: устойчивое сочетание слов представляет собой фиксированный семиотический продукт познавательной деятельности, отработанный в языковом опыте и закрепленный в памяти факт, имеющий социально-коммуникативную значимость.

Итак, структурной единицей языкового тезауруса является устойчивое сочетание слов в широком понимании – основным критерием устойчивости выступает воспроизводимость сочетаний слов в текстах (высказываниях), созданных разными носителями языка. Семантическая слитность сочетаний слов не всегда является необходимым условием их устойчивости, хотя факт наличия семантической слитности в большинстве возможных на определенном языке сочетаний нельзя отрицать. Семантическая слитность сочетаний может являться и результатом употребления слов вместе, и взаимного влияния значений слов друг на друга.

Соответственно, под статус единицы тезауруса могут подходить любые в семантическом и грамматическом отношении сочетания слов: фразеологические единицы, клише, речевые стереотипы, формульные выражения и даже сочетания, называемые свободными, например *пить чай* или *зеленая трава*, так как все эти типы сочетаний характеризуются свойством воспроизводимости в речи и соответствуют перечисленным в предыдущем разделе признакам знания, т. е. функционируют как языковые проявления знания.

Столь разнородные сочетания слов невозможно объединить в сетевую структуру по семантическому признаку, поэтому стоит обратиться к поиску «внешних» критериев их объединения. Таким критерием является наличие в различных сочетаниях одинаковых слов, например *зеленая трава*, *зеленый чай*, *зеленые годы*, *зеленая миля*. Данные сочетания можно объединить в сетевую структуру, в которой узловым компонентом будет слово *зеленый*, а присоединенными компонентами – сочетающиеся с данным словом слова.

Необходимо обратить особое внимание на то, что при построении тезаурусной сети такого типа первым этапом является отбор из существующих на определенном языке текстов воспроизводимых в них сочетаний слов. При анализе текстов небольших объемов это можно осуществлять методом аналитического чтения, анализ больших текстовых массивов можно проводить при помощи статистических методов корпусной лингвистики, а также используя статистические сервисы поисковых систем типа Google или Yandex.

Объединение сочетаний в узловые структуры с одинаковыми словами является только вторым этапом конструирования сети. Поэтому, несмотря на то что узловыми элементами оказываются слова, нельзя считать отдельные слова основными структурными единицами данной сети. Неверно отождествлять представление об узлах сети с представлением об элементах системы. То, что в узлах конструируемой модели оказываются слова, еще не делает их структурными элементами тезауруса. Узел сети – это только позиция, из которой открываются выходы

и входы в другие позиции. Соответственно, слово в такой структуре не обязательно должно рассматриваться как самостоятельный элемент системы тезауруса, хотя в описанных выше моделях так и есть. В нашей модели структурообразующий статус получают не слова с их определенными значениями, а имеющаяся между ними устойчивая связь, благодаря которой они воспроизводятся вместе, даже если семантическая связь между ними не очевидна. (Например, ребенку, только начинающему говорить, не очевидна семантическая связь между словами *трава* и *зеленая*. На вопрос *Трава какая?* он может ответить *голубая* или *желтая* не потому, что не видит цвет, а потому, что пока не понимает, почему то, что он видит, должно именоваться словом *зеленая*. Аналогично, понимая, насколько это возможно в раннем возрасте, семантическую близость между словами *ходит* и *идет*, он принимает как навязываемую сверху данность, что нужно говорить *дождик идет*, а не *дождик ходит*.)

Таким образом, в приведенных выше примерах слова *зеленая* и *миля* объединяются в единую структуру не потому, что в их семантике есть схожие элементы, а потому, что данное сочетание, соотносящееся с наименованием произведения С. Кинга и квалифицирующееся как прецедентный текст, в настоящий момент воспроизводится во множестве текстов разных носителей языка, отображаемых в Google, в том числе и тех, в которых нет прямых отсылок к творчеству Стивена Кинга. Вместе с тем, если бы мы принимали в качестве единицы тезауруса слово *зеленая* и строили сетевую структуру, опираясь на семантику данного слова и вытекающие из его семантики синтагматические связи, переход от слова *зеленая* к слову *миля* вряд ли был бы возможен.

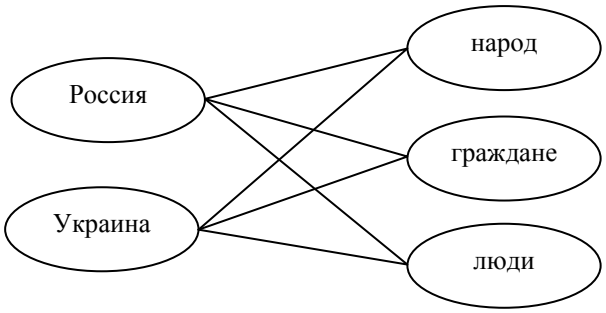
Основной характеристикой предлагаемой сети является обратимость переходов от одного узла к другому и принципиальная открытость. Так, слово *зеленый* является узловым компонентом в составе перечисленных сочетаний, но может квалифицироваться и как присоединенный компонент в составе других сочетаний, например со словом *чай* (*зеленый чай*, *цейлонский чай*, *пить чай*). Еще одна важная черта данной сети состоит в том, что в нее могут быть включены практически все слова языка, включая имена собственные, неологизмы, сленг – все то, что обычно не входит в тезаурусные словари.

В сети, построенной на основе устойчивых сочетаний слов, можно уловить практически все возможные типы семантических отношениий между словами, так как во многих текстах воспроизводятся не только сочетания на основе подчинительной связи, но и сочетания, в состав которых входят синонимы (*голубой и бирюзовый*), гиперонимы (*собака бульдог*), антонимы (*холодное и горячее*), так что семантические сети других типов оказываются растворенными в структуре такой сети и могут быть из нее выявлены при помощи лингвистического анализа.

В частности, из такой сети можно выявить фрагменты сетей дефинициального типа, так как дефиниции также состоят из устойчивых сочетаний слов, воспроизводящихся в различных текстах; фрагменты ассоциативных сетей, поскольку языковые ассоциации, как указывалось выше, в большинстве своем представляют собой реакции синтагматического характера; фрагменты импликационных сетей, раскрывающих причинно-следственные связи, также зафиксированные в готовых сочетаниях слов (*радуга после дождя*, *падает осенний лист*), и фрагменты других семантических сетей.

Например, в результате анализа текста «Обращения Президента Российской Федерации Владимира Путина по поводу вхождения Республики Крым и города Севастополь в состав РФ от 18.03.2014» была сконструирована тезаурусная сеть, фрагменты которой обнаруживают сходство с графическим изображением модели нейронной сети, являющейся сетью «обучающегося» типа (см. схему).

В данной схеме слова *Россия*, *народ*, *граждане* и *люди* соединены потому, что в проанализированном тексте, а также во многих других текстах на русском языке

Узлы «Россия – Украина – народ – люди – граждане»

встречаются сочетания *народ России*, *граждане России*, *люди России* (аналогично *народ Украины*, *граждане Украины*, *люди Украины*), которые функционируют как самостоятельные языковые блоки информации.

По классификации, представленной в упомянутой выше работе J. F. Sowa, рассматриваемая тезаурусная сеть может быть квалифицирована как семантическая сеть гибридного типа с тем принципиальным уточнением, что семантика не лежит в основе построения данной сети, а из нее выводится, как выводит ребенок семантику слов из того массива языковых высказываний, которые он воспринимает, учась говорить.

Сетевая модель языкового тезауруса представляет собой сложный конструкт, вбирающий в себя структурные элементы семантических сетей разных видов, вероятно, с преобладанием механизмов присоединения и перехода, характерных для ассоциативных сетей и необходимых для осуществления функций понимания, воспроизведения и создания новой языковой информации.

Дальнейшая разработка представленной модели имеет значительные перспективы как с точки зрения теоретического осмысления, поскольку имеет отношение к проблемам сетевого мышления и сетевого бытия современного человека, так и в прикладном аспекте, поскольку может применяться при усовершенствовании электронных тезаурусов и других языковых компьютерных приложений.

Список литературы

Аничков И. Е. Труды по языкознанию. СПб.: Наука, 1997. 512 с.

Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка. М.: ЭТС, 1995. 820 с.

Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: НЛО, 1996. 352 с.

Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. 368 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.

Караулов Ю. Н., *Филиппович Ю. Н.* Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М.: Азбуковник, 2009. 336 с.

Караулов Ю. Н., *Чулкина Н. Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: Учеб. пособие. М., 2008. URL: http://web-local.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения 25.08.2015).

Касавин И. Т. Знание // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2009. URL: http://enc-dic.com/enc_epist/Znanie-116.html (дата обращения 23.08.2015).

Лукашевич Н. В. Тезаурусы в задачах информационного поиска. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 512 с.

Луков Вал. А., *Луков Вл. А.* Тезаурусный анализ мировой культуры // Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. тр. М.: Изд-во Моск. гуманитарного ун-та, 2005. Вып. 1. С. 3–15.

Луков Вал. А., *Луков Вл. А.* Методология тезаурусного подхода: стратегия понимания // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 18–35.

Осокина С. А. Основания лингвистической теории тезауруса: Дис. … д-ра филол. наук / Алт. гос. ун-т. Барнаул, 2015. 451 с.

Философия: Энцикл. слов. М.: Гадарики, 2004. 1072 с.

Философский словарь / Под. ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат, 1986. 590 с.

Философский энциклопедический словарь / Сост. Е. Ф. Губский и др. М.: Инфра-М, 2011. 570 с.

Чернавский Д. С. Синергетика и информация (динамическая теория информации). М.: Едиториал УРСС, 2004. 288 с.

Шрейдер Ю. А. Об одной модели семантической теории информации // Проблемы кибернетики. М.: Наука, 1963. С. 233–240.

Шрейдер Ю. А. Семиотические основы информатики (Лекции). М.: Ин-т повышения квалификации информационных работников, 1975. 80 с.

Kirkpatrick B. The Oxford Paperback Thesaurus. Oxford Univ. Press, 1994. 909 p.

Sowa J. F. Semantic networks // Encyclopedia of Artificial Intelligence. 2nd ed. Wiley, 1992 (1st ed. Wiley, 1987). URL: http://www.jfsowa.com/pubs/semnet.htm (дата обращения 01.08.15).

WordNet. A Lexical Database for English. Last update: 2015. March 17 / Princeton University. URL: http://wordnet.princeton.edu (дата обращения 08.08.2015).

S. A. Osokina

Altai State University, Barnaul, Russian Federation
s.a.osokina2@yandex.ru

Language thesaurus network: steps of modeling

The paper studies modern models of the thesaurus system: the system of knowledge about the world given in language signs. Most models can be described as semantic networks of different types. If we take the word as the basic thesaurus unit, it is very hard to design a system which would show not only paradigmatic relations between words but syntagmatic ones as well. Such models do not allow studying communicative functions of the thesaurus, only its role as information storage. We prove that word collocations, instead of separate words, should be considered the thesaurus units. The main argument is that set collocations suit the characteristics of knowledge listed in philosophical papers better than words. The article describes the steps of modeling the thesaurus net based on set collocations of words. The main advantage of the designed network is that its fragments can be compared with semantic networks of different types, including definitional, associative, implicational, and neural networks.

Keywords: thesaurus, semantic network, collocation, knowledge, language picture of the world.

DOI 10.17223/18137083/56/19

References

Anichkov I. E. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. St. Petersburg, Nauka, 1997, 512 p.

Baranov O. S. *Ideograficheskiy slovar' russkogo yazyka* [Ideographic dictionary of the Russian language]. Moscow, ETS, 1995, 820 p.

Chernavskiy D. S. *Sinergetika i informatsiya (dinamicheskaya teoriya informatsii)* [Synergy and information (dynamic theory of information)]. Moscow, Editorial URSS, 2004, 288 p.

Filosofiya: entsiklopedicheskiy slovar' [Philosophy: encyclopedic dictionary]. Moscow, Gadariki, 2004, 1072 p.

Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Philosophy encyclopedic dictionary]. Gubskiy E. F. i dr. (ed.). Moscow, Infra-M, 2011, 570 p.

Frolov I. T. (ed.) *Filosofskiy slovar'* [Philosophy dictionary]. Moscow: Politizdat, 2011, 570 p.

Gasparov B. M. *Yazyk. Pamyat'. Obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [language. Memory. Image. Linguistics of language existence]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 1996, 352 p.

Karaulov Yu. N. *Lingvisticheskoe konstruirovanie i tezaurus literaturnogo yazyka* [Linguistic constructing and thesaurus of literary language]. Moscow, Nauka, 1981, 368 p.

Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian language and language personality]. Moscow, Nauka, 1987, 262 p.

Karaulov Yu. N., Chulkina N. L. *Russkaya yazykovaya lichnost'. Integrativnyy aspekt v usloviyakh mezhkul'turnykh kommunikatsiy: uchebnoe posobie* [Russian language personality. Integrative aspect under condition of cross-cultural communication]. Moscow, 2008. Available at: http://web-local.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (accessed 25.08.2015).

Karaulov Yu. N., Filippovich Yu. N. *Lingvokul'turnoe soznanie russkoy yazykovoy lichnosti. Modelirovanie sostoyaniya i funktsionirovaniya* [Linguistic-cultural consciousness of the Russian language personality]. Moscow, Azbukovnik, 2009, 336 p.

Kasavin I. T. Znanie [Knowledge]. In: *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. Moscow: «Kanon+», ROOI «Reabilitatsiya», 2009. Available at: http://enc-dic.com/enc_epist/Znanie-116.html (accessed 23.08.2015).

Kirkpatrick B. *The Oxford Paperback Thesaurus*. Oxford University Press, 1994, 909 p.

Lukashevich N. V. *Tezaurusy v zadachakh informatsionnogo poiska* [Thesauruses in information search programs]. Moscow, Moscow State University, 2011, 512 p.

Lukov Val. A., Lukov Vl. A. Metodologiya tezaurusnogo podkhoda: strategiya ponimaniya [Methodology of thesaurus approach: strategy of understanding]. In: Lukov V. A. (ed.) *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2014, no. 1, pp. 18–35.

Lukov Val. A., Lukov Vl. A. Tezaurusnyy analiz mirovoy kul'tury [Thesaurus analysis of world culture]. In: Lukov V.A. (ed.) *Tezaurusnyy analiz mirovoy kul'tury* [Thesaurus analysis of world culture]. Moscow, Moscow University for the Humanities. 2005, vol. 1, pp. 3–15.

Osokina S. A. *Osnovaniya lingvisticheskoy teorii tezaurusa.* Diss. dokt. filol. nauk. [Foundations for linguistic theory of thesaurus. Dr. philol. diss.]. Barnaul, 2015, 451 p.

Shreyder Yu. A. Ob odnoy modeli semanticheskoy teorii informatsii [About one model of semantic theory of information]. *Problemy kibernetiki* [Problems of cybernetics]. Moscow, Nauka, 1963, pp. 233–240.

Shreyder Yu. A. *Semioticheskie osnovy informatiki (Lektsii)* [Semiotic foundations of informatics (Lectures)]. Moscow, Institut povysheniya kvalifikatsii informatsionnykh rabotnikov, 1975, 80 p.

Sowa J. F. *Semantic Networks*. Encyclopedia of Artificial Intelligence. Wiley, 1987, second edition 1992. Available at: http://www.jfsowa.com/pubs/semnet.htm (accessed 01.08.15).

WordNet. A lexical database for English. Princeton University, 2015, March 17. Available at: http://wordnet.princeton.edu (accessed 08.08.2015).

УДК 81’42
DOI 10.17223/18137083/56/20

Н. В. Мельник [1], **Т. Д. Богачанова** [1, 2]

[1] *Кемеровский государственный университет*
[2] *Новосибирский государственный медицинский университет*

Соотношение тенденций к персонализации и деперсонализации со степенями проявленности метаязыкового сознания в тексте

Статья посвящена исследованию корреляции степеней проявленности метаязыкового сознания в тексте и тенденций к персонализации и деперсонализации в результате текстовой деятельности непрофессиональной языковой личности. Материал, полученный в процессе лингвистического эксперимента, подвергнут лингвоперсонологическому анализу при помощи разработанных классификаций степеней проявленности метаязыкового сознания, метапоказателей и лингвистических и экстралингвистических факторов текстообразования и соотнесен с тенденциями к персонализации и деперсонализации. Иллюстрируются принципы анализа применительно к вторичному тексту на уровне порождения и восприятия, обобщаются итоги исследования, выявляются основные причины действия вышеназванных тенденций.

Ключевые слова: языковая личность, вторичный текст, метатекст, метаязыковое сознание, метапоказатели, степени проявленности метаязыкового сознания, тенденции к персонализации и деперсонализации.

Основные принципы текстовой деятельности непрофессионального носителя языка являются предметом рассмотрения современной науки о языковой личности (далее – ЯЛ) [Караулов, 2014] – лингвоперсонологии [Нерознак, 2003]. Результатом речевой деятельности рядового носителя языка становятся тексты. В свою очередь, любой текст «отражает особенности языковой личности» [Болотнова, 2007, с. 115], его создавшей. Согласно Н. С. Болотновой, в рамках коммуникативного подхода при текстопорождении должен учитываться фактор адресата, являющийся ключевым при выборе общей стратегии и тактики автора, а также

Наталья Владимировна Мельник – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия; saikova@mail.ru)

Татьяна Дмитриевна Богачанова – соискатель кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета, преподаватель кафедры лингвистики Новосибирского государственного медицинского университета (Красный просп., 52, Новосибирск, 630091, Россия; besserde4naya@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© Н. В. Мельник, Т. Д. Богачанова, 2016

организации языковых средств, играющих важную роль при дальнейшем анализе полученного материала.

Таким образом, текст – продукт первичной коммуникативной деятельности [Ким, 2010] автора и вторичной адресата, детерминированный особенностями ЯЛ, его порождающей и воспринимающей. Результатом первичной коммуникативной деятельности автора становится создание вторичного текста (далее – ВТ), в широком смысле – текста, полученного на основании другого [Мельник, 2011, с. 44], первичного. Вторичная коммуникативная деятельность ориентирована на порождение нового ВТ, обозначенного нами как метатекст – «текст о тексте, в котором эксплицитно и имплицитно, осмысленно, сознательно и интуитивно, качественно и количественно представлена о нем самая разнообразная информация» [Сайкова, 2008, с. 285]. Следовательно, метатекст – это, в нашем понимании, ВТ, созданный на основании другого ВТ.

Получение материала осуществлялось путем лингвистического эксперимента, в котором приняли участие студенты 1-го курса Новосибирского государственного медицинского университета (далее ЯЛ-1, ЯЛ-2 и т. д.). Такой способ сбора текстовых реакций является распространенным в сфере непрофессиональной ЯЛ [Орлова, 2009; Сайкова, 2009; Ким, 2010; Шпильная, 2010; Мельник, 2011], что соотносится с теорией естественной письменной речи [Лебедева, 2001]. Так, испытуемым было предложено написать ВТ, отвечая на вопрос: «Да и сам я – не сфинкс ли себе?», после прочтения первичного текста – художественного произведения И. С. Тургенева «Сфинкс». На втором этапе эксперимента участники, рассматривая эти ВТ, отвечали на вопрос: «Как вы считаете, кто написал этот текст? Аргументируйте». Результатом анализа стали новые ВТ, условно обозначенные нами как метатексты, так как они представляют собой рефлексии по поводу ВТ других участников эксперимента [Перфильева, 2006]. Таким образом, предметом нашего изучения стала сама лингвоперсонологическая рефлексия по поводу ЯЛ авторов ВТ и их текстовой отраженности. Из этого следует, что на каждом уровне реализовалась работа непосредственно с текстами, обусловленными интенциями порождающих их ЯЛ, ставшими результатом метатекстовой деятельности ЯЛ, т. е. ВТ. В теории Л. Г. Ким к текстам такого типа были применены понятия интерпретирующего и интерпретируемого ВТ [Ким, 2009].

В метатексте находит свое отражение метаязыковое сознание (далее – МЯС), в данном случае непрофессиональной ЯЛ. Оно отвечает за мыслительную работу в области анализа не только языка как такового [Голев, 2008], но и языка определенной личности, проявляющейся в метатексте.

Наша работа была направлена на комплексное изучение степеней проявленности МЯС и их соотнесение с предложенными французским философом-персоналистом Э. Мунье [Мунье, 1999] тенденциями к персонализации и деперсонализации, которые мы проецируем на текст. Первая указывает на способность к проявленности свойств ЯЛ, вторая тяготеет к «нивелированию свойств личности» [Мельник, 2011, с. 111], т. е. к пассивности в своих индивидуальных проявлениях в тексте. Исследование ориентировано на проверку основной гипотезы: чем выше степень проявленности МЯС в тексте, тем выше вероятность действия тенденции к персонализации; чем степень проявленности МЯС ниже, тем выше вероятность действия тенденции к деперсонализации.

Для анализа метаязыка полученных ВТ (всего 1 102 ВТ) и выявления степеней проявленности МЯС была поставлена задача построения классификации метаязыковых показателей, метапоказателей, рефлексивов [Шварцкопф, 1970; Вежбицкая, 1978; Блинова, 1989; Вепрева, 2002; Шумарина, 2011], т. е. «средств выражения метатекста» [Перфильева, 2006, с. 40]. В рамках действующего текстоцентрического подхода нам представляется возможным разделить метапоказатели на **персоноориентированные**, т. е. указывающие на субъективное, персональное выра-

жение точки зрения ЯЛ по отношению к сказанному, и **текстоориентированные**, эксплицирующие объективные способы и возможности построения ВТ.

Персоноориентированные:

- выражение собственной позиции: *я считаю*, *мне кажется*, *я думаю*, *по-моему*, *могу сказать*, *я наблюдаю*, *в голову пришло*, *я замечаю* и т. д.;
- выражения, иллюстрирующие сомнение, колебание, уверенность: *видимо*, *кажется*, *прям точно*, *стопроцентно*, *конечно*, *на самом деле*, *реально* и т. д.;
- выражения оценки: *слушком заумно*, *сложновато*, *мудрено*, *по делу*, *не раскрыто*, *замысловатые слова*, *она особенный человек*, *грамотно* и т. д.;
- выражения, актуализирующие способ изложения мысли (перефразирование, объяснение, уточнение, сравнение и т. д.): *иными словами*, *то есть*, *именно объяснение*, *потому что*, *кстати* и т. д.

Текстоориентированные:

- выражения, отвечающие за устройство и последовательность текста: *следовательно*, *во-первых*, *во-вторых*, *затем*, *потом*, *потому что* и т. д.;
- выражения – ссылки на мнение других, авторитетный взгляд: *я тоже склоняюсь к тому*, *до этого говорили девочки*, *уже прозвучало* и т. д.;
- выражения, указывающие на приведение примера: *например*, *и фраза*, *по первому предложению про народ*, *вот тут слово*, *использование слова* и т. д.

На выражение степеней проявленности МЯС в тексте оказывают влияние также **лингвистические** и **экстралингвистические** факторы текстообразования [Болотнова, 2007]. К лингвистическим признакам отнесем частотность использования в речи, стиль, тип изложения, разговорные слова и выражения, образные средства. К экстралингвистическим – черты характера, манеру общения ЯЛ, описание, апелляцию к реальным событиям, гендерную принадлежность, экспрессивность. Такая дифференциация производится на основании выявления признаков объективной организации языковых средств и внетекстовых, ориентированных на включение субъективных факторов.

Современная лингвоперсонологическая система анализа текстов опирается на теорию Н. Д. Голева об уровнях проявленности МЯС [Голев, 2009, с. 13]. Мы предприняли попытку создания собственной классификации степеней МЯС по принципу градуальности на основе полученного материала.

1. **Безэкспликативный уровень** иллюстрирует нулевую степень проявленности МЯС, ЯЛ принимает формальное участие в обсуждении и создании текста, не поясняя свою точку зрения на уровне порождения и восприятия. Для обоих этапов эксперимента актуально следующее деление: ВТ без элементов объяснения, ВТ с элементами объяснения, ВТ с фрагментами исходного (первичного) текста.

2. **Сравнительный** (или **эмпирический**) **уровень** актуализирует эмпирические знания о ЯЛ. На уровне текстопорождения данные ВТ были дифференцированы: 1) на текст о себе: опосредованный (с ответом на поставленный вопрос и без ответа) и непосредственный (дополнительным параметром при классифицировании может служить объем ВТ: сжатый и развернутый) и 2) текст-комментарий, представляющий собой краткие, пространные рассуждения по теме первичного текста, а также некоторые дополнения участников. На уровне текстовосприятия были выделены ВТ: 1) на основе общения с личностью (проявление знаний об указываемой ЯЛ, выведенных на основании коммуникации) и 2) на основе анализа, а также анализа и описания личности (способность участников описывать внешние данные и черты характера личности).

3. **Оценочный уровень** связан с критическим отношением к прочитанному или написанному, на уровне текстопорождения все ВТ могут быть отнесены только к положительной оценке собственной ЯЛ. При восприятии ВТ можно разделить на восприятие личности автора и восприятие текста автора. Так, участники критикуют анализируемый текст или ЯЛ, его написавшую, они могут положи-

тельно отозваться о прочитанном, а могут дать отрицательный комментарий (ВТ положительный и ВТ отрицательный).

4. **Логический уровень** основывается на умении делать логические выводы, исходя из собственных знаний ЯЛ и полученной информации, реализуется при помощи логических связок или слов-маркеров, проявляется единообразно как при порождении, так и при восприятии ВТ.

5. **Литературно-лингвистический уровень** (с элементами логического, оценочного, или комплексный) представляет комплексный анализ ВТ в лингвистическом плане с учетом особенностей ЯЛ, ее привычек и способа выражения мыслей.

При рассмотрении полученного материла мы разработали методику **лингвоперсонологического анализа** ВТ на уровне порождения и восприятия текста, которая направлена на достижение основной цели исследования – доказательства соотношения степеней проявленности МЯС в тексте и тенденций к персонализации и деперсонализации. Для этого было необходимо:

- изучить лексические и грамматические особенности ВТ;
- выделить необходимые метаязыковые показатели;
- выявить лингвистические и экстралингвистические признаки ВТ;
- отнести ВТ к тому или иному уровню МЯС;
- рассчитать процент установления авторства (1–49 % угадываний – тенденция к деперсонализации, 50–100 % – тенденция к персонализации);
- сделать вывод о корреляции вышеназванных тенденций и степеней проявленности МЯС в тексте.

Нами были введены новые понятия: **персонализированная языковая личность** – ЯЛ, ярко проявившая себя в языковом плане при текстопорождении, поэтому при восприятии ее текст был определен большинством участников; **деперсонализированная языковая личность** – ЯЛ, слабо проявившая себя в языковом плане при текстопорождении, поэтому при восприятии ее текст не был определен большинством участников; **персонализирующая языковая личность** – ЯЛ, определившая верно большое количество авторов ВТ при текстовосприятии; **деперсонализирующая языковая личность** – ЯЛ, определившая верно малое количество авторов ВТ при текстовосприятии.

Спроецируем данные теоретические положения на лингвоперсонологический анализ ВТ ЯЛ-4 на двух уровнях.

ВТ ЯЛ-4 на уровне текстопорождения (в примерах сохраняется орфография и пунктуация испытуемых):

*Да и сам я – не сфинкс ли себе? **Ведь** во **мне** тоже есть то, что до конца не **разгадано** ни кем-то **другим**, ни **самим мной**. Ассоциировать со **сфинксом я могу себя на основании** тех качеств, что присущи этому ни для кого **непонятному** и весьма **загадочному** существу.*

*Мир полон иллюзий, **потому что нам кажется**, что **мы все знаем**, во всем **разбираемся**, видим людей насквозь. Но **на самом деле** это не так. **Мы не можем разобраться** даже в **самом себе**, что уж говорить о **других** вещах?! **Понять себя**, услышать – все не так уж и просто. **Для начала** потребуется большое количество времени, усилий. Но нет гарантий полагать, что когда-нибудь **я стану знать о себе все**. **Мое будущее** будет зависеть только от того, **какой я сейчас**. Но на этот вопрос **я никогда не смогу дать** полноценный ответ. **Следовательно**, я – **загадка**, я – **сфинкс*** (ЯЛ-4).

Обратимся к лингвоперсонологическому анализу исходного ВТ ЯЛ-4. Его можно разделить на два способа экспликации признаков персоноориентированности. Формально ВТ содержит два абзаца, однако подробное изучение позволяет выявить трехчастную структуру работы. Первый абзац и финал имеют персоноориентированную направленность за счет введения личного местоимения 1-го л. ед. ч. *я*, воз-

вратного местоимения *себя* и притяжательного местоимения 1-го л. ед. ч.: *ведь во мне тоже*; *я могу себя*; *я стану знать о себе все*; *мое будущее*; *какой я сейчас.* Основная часть рассуждения выражает субъекта действия при помощи личного местоимения 1-го л. мн. ч. *мы*, тем самым придавая изложению объективную оценку, в этом случае автор выступает в позиции над текстом, например: *нам кажется*; *мы все знаем*; *мы не можем разобраться.*

Рассматривая персоноориентированные метапоказатели, выделим, в первую очередь, выражения собственного мнения, пронизывающие всю ткань ВТ: *я могу себя на основании*; *нам кажется*; *мы не можем разобраться* и т. д., подробно описанные в предыдущем абзаце. В этот раздел также можно отнести выражения сомнения, уверенности, например: *нам кажется*; *на самом деле*. Решительность и убежденность в своем мнении проявляется также в таких конструкциях: *мое будущее будет зависеть только от того*; *я никогда не смогу дать полноценный ответ.* Выражения, отвечающие за отношение к способу изложения мысли, представлены союзами и конструкциями пояснения, уточнения: *ведь во мне тоже есть.* Этот фрагмент объясняет причину причастности ЯЛ-4 к сфинксам.

Текстоориентированные метапоказатели эксплицированы в основном выражениями, отвечающими за последовательность, структурированность ВТ, а также указывающими на трехчастную структуру: *ведь во мне тоже есть* – объяснение принадлежности к сфинксам; *мир полон иллюзий, потому что нам кажется* – пояснение иллюзорности мира при помощи причинного союза и комментарий по поводу проблемного подхода к самопознанию; *для начала потребуется* – структурирование изложенных мыслей; *следовательно, я – загадка* – подведение итога, заключение, нацеленное на обратную проекцию ЯЛ-4 к собственной персоне. Вследствие употребления данных маркеров структурированности этот ВТ был отнесен к логическому уровню МЯС.

Остановимся на лингвистических факторах текстообразования. Частотность использования лексем в тексте осуществляется за счет введения однокоренных слов, лексических повторов, различных форм одного и того же слова: *разгадано – загадочному – загадка*; *другим – других*; *непонятному – понять*; *сфинксом – сфинкс*; *разбираемся – разобраться*; *самим – самом*; *знаем – знать*. Данный фактор ЯЛ-4 чередует с различными синонимическими конструкциями, например: *сфинкс – непонятное и загадочное существо*; *разобраться даже в самом себе – знать о себе все*; *я – загадка – я – сфинкс – ассоциировать со сфинксом я могу себя*; и антонимическими конструкциями: *мы все знаем*, *во всем разбираемся*, *видим людей насквозь – мы не можем разобраться даже в самом себе.* Данные словосочетания и выражения разнообразят лексический облик ВТ. Стиль текста книжный, на это указывает использование следующих слов и выражений: *ассоциировать со сфинксом*; *присущи этому*; *мир полон иллюзий*; *нет гарантий полагать.* Образные средства демонстрируют начитанность и образованность ЯЛ-4: *видим людей насквозь* (гипербола); *мы не можем разобраться даже в самом себе* (метонимия). По типу текст можно отнести к рассуждению, актуализирующему традиционную трехчастную структуру (см. предыдущий абзац).

Обратимся к экстралингвистическим факторам. В тексте находят свое воплощение черты характера как самой ЯЛ-4, так и обобщенного образа человека-сфинкса: *мы не можем разобраться даже в самом себе.* ЯЛ-4 в своем рассуждении отталкивается именного от этого тезиса. К описанию отнесем следующий фрагмент ВТ: *когда-нибудь я стану знать о себе все. Мое будущее будет зависеть только от того, какой я сейчас.* Автор ВТ предпринимает попытку взглянуть на себя с позиции будущего.

Приведем метатекст участника, установившего автора этого ВТ.

*ЯЛ-4. Ну, не знаю даже…«присущи этому ни для кого непонятному и весьма загадочному существу». **То есть**… вот, мы все знаем, кажется, что все знаем. А на самом деле это не так! **То есть**… какой-то поиск что ли…* (ЯЛ-6).

ЯЛ-6, правильно устанавливая авторство, не дает развернутого, полноценного ответа, ограничиваясь кратким комментарием, стараясь пояснить, расшифровать сказанное ЯЛ-4, поэтому дважды включает в собственный ВТ пояснительный союз *то есть*, ориентируясь на пересказ.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что ЯЛ-4 на уровне текстопорождения является деперсонализированной. Ее авторство при анализе ВТ испытуемыми было установлено на 10 %, это свидетельствует о тенденции к деперсонализации. Данный ВТ нами был отнесен к логическому уровню несмотря на то, что во ВТ логической степени при порождении обычно действует тенденция к персонализации.

Обратимся к ВТ ЯЛ-4 на уровне текстовосприятия.

Я думаю**, этот текст принадлежит ЯЛ-2, **потому что** здесь мысль идет о том, что есть желание вернуться в прошлое, «окунуться бы в беззаботное детство, полное загадок, тайн, того, что не знал, перестать думать о проблемах». Вот. Также к лексикону **его относятся такие слова**, как рутина, ничтожные, лживые. **Что еще нашла**?...«застрять нам навечно, в тине времени», тина, это тоже, **думаю, из лексикона его (ЯЛ-4).

Данный метатекст иллюстрирует логический уровнь МЯС. Как и на уровне текстопорождения, ЯЛ-4 использует выражения персоноориентированности, актуализированные при помощи личного местоимения 1-го л. ед. ч. *я* и глагольных форм 1-го л. ед. ч., например: *я думаю*; *думаю.* Персоноориентированные метапоказатели также могут быть проиллюстрированы данными выражениями собственного мнения. Текстоориентированные метапоказатели представлены выражениями, отвечающими за логичность, структурированность ВТ: *ЯЛ-2, потому что здесь мысль* – попытка объяснить причину отнесения текста ЯЛ-2; *Что еще нашла?* – инициирование новых примеров и ориентирование на изложение материла; *я думаю*; *думаю* – использование глаголов ментальности. Выражения, указывающие на приведение примера: *также к лексикону его относятся такие слова*; *это тоже, думаю, из лексикона его*, с введением соответствующего фрагмента ВТ.

Лингвистические факторы текстообразования представлены частотностью использования лексем в тексте, в данном случае ЯЛ-4 исходит из общих знаний об анализируемой ЯЛ и, соотнося ее речь с написанным, приводит конкретные примеры употребляемых ею лексем, например: *также к лексикону его относятся такие слова*; *это тоже, думаю, из лексикона его.*

К экстралингвистическим факторам текстообразования отнесем апелляцию к реальным событиям: *тина, это тоже, думаю, из лексикона его.* Иными словами, ЯЛ-4 делает вывод о принадлежности текста автору на основании анализа ВТ и общения с данной ЯЛ.

Данный ВТ иллюстрирует тенденцию к персонализации, так как ЯЛ-4 правильно установила автора. Большая часть метатекстов ЯЛ-4 на уровне восприятия относится к логическому уровню и демонстрирует тенденцию к персонализации в 80 % случаев, поэтому ЯЛ-4 является при текстовосприятии персонализирующей языковой личностью.

Таким образом, наше исследование показывает, что при детальном лингвоперсонологическом анализе все ВТ можно расклассифицировать по предложенным параметрам, при этом выдвинутая нами гипотеза подтверждается. С одной стороны, низкие степени проявленности МЯС, безэкспликативный и сравнительный уровни, соотносятся с тенденцией к деперсонализации на уровнях порождения и восприятия текста. Однако небольшой процент ВТ сравнительного уровня при порождении, эксплицирующих описание внешних данных анализируемой

ЯЛ, показывает тенденцию к персонализации, соответственно ЯЛ, их породившие, являются персонализирующими ЯЛ. С другой стороны, высокие степени проявленности МЯС, оценочный уровень, логический уровень и литературно-лингвистический [Мельник, Богачанова, 2015], стремятся к тенденции к персонализации на уровнях текстопорождения и текстовосприятия. Исключения из этой классификации составляют ВТ оценочного уровня, отражающие восприятие ЯЛ, создавшей ВТ, демонстрирующие тенденцию к деперсонализации, а ЯЛ, написавшая данный текст, является деперсонализирующей.

Выявляя лингвистические причины небольшого процента установления авторства на уровне порождения и восприятия в ВТ безэкспликативного и сравнительного уровней, можно отметить, во-первых, малый объем анализируемых ВТ, во-вторых, отсутствие эксплицированных метапоказателей, в-третьих, отсутствие представлений участников о письменной речи одногруппников. Основаниями для низкого процента определения авторов при восприятии ВТ оценочного уровня, рассматривающих ЯЛ, становится стремление не анализировать текст, а критиковать ЯЛ, его написавшую.

Список литературы

Блинова О. И. Языковое сознание и вопросы теории мотивации // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 122–126.

Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: Учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 2007. 520 с.

Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 402–425.

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2002. 379 с.

Голев Н. Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2008. № 3. С. 5–17.

Голев Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание – онтологический и гносеологический феномен // Обыденное метаязыковое сознание: Онтологические и гносеологические аспекты: Коллективная моногр. Кемерово; Барнаул, 2009. Ч. 1. С. 7–41.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 8-е изд. М.: Кн. дом «Либроком», 2014. 264 с.

Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009. 312 с.

Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: Теоретико-экспериментальное исследование: Дис. … д-ра филол. наук / Кем. гос. ун-т. Кемерово, 2010. 405 с.

Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестн. Благовещ. гос. пед. ун-та. 2001. № 2. С. 4–10.

Мельник Н. В. Деривационное функционирование русского текста: Лингвоцентрический и персоноцентрический аспекты: Дис. … д-ра филол. наук / Кем. гос. ун-т. Кемерово, 2011. 403 с.

Мельник Н. В., *Богачанова Т. Д.* Корреляция степеней проявленности метаязыкового сознания в тексте и тенденций к персонализации и деперсонализации // Вестн. Кем. гос. ун-та. 2015. Т. 4, № 4(64). С. 138–143.

Мунье Э. Манифест персонализма / Пер. с фр. И. С. Вдовиной. М.: Республика, 1999. 559 с.

Нерознак В. П. Лингвокультурология и лингвоперсонология // Вавилонская башня-2: Слово. Текст. Культура. Чтения 2002–2003. М., 2003. С. 13–17.

Орлова Н. В. Метаязыковое сознание выпускника школы (по данным сочинений ЕГЭ) // Обыденное метаязыковое сознание: Онтологические и гносеологические аспекты: Коллективная моногр.; Кем. гос. ун-т. Кемерово, 2009. Ч. 2. С. 410–428.

Перфильева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2006. 285 с.

Сайкова Н. В. Вариативность метатекстовой деятельности и типология языковой личности // Языковая картина мира: Лингвистический и культурологический аспекты: Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Бийск, 16–17 окт. 2008 г. / БПГУ им. В. М. Шукшина. Бийск, 2008. С. 285–287.

Сайкова Н. В. Метатекстовая деятельность носителей языка: лингвоперсонологический аспект // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 2(14). С. 39–42.

Шварцкопф Б. С. Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 277–304.

Шпильная Н. Н. Языковая картина мира в структуре речемыслительной деятельности русской языковой личности: Дис. … канд. филол. наук / Кем. гос. ун-т. Кемерово, 2010. 169 с.

Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста. Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы. М.: Флинта, Наука, 2011. 328 с.

N. V. Melnik [1], **T. D. Bogathanova** [1, 2]

[1] *Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation*
saikova@mail.ru
[2] *Novosibirsk State Medical University, Novosibirsk, Russian Federation*
besserde4naya@mail.ru

The correlation of degrees of expression of metalinguistic consciousness and the tendencies towards personalization and depersonalization

The focus of this paper is on the correlation of degrees of expression of metalinguistic consciousness and the tendencies towards personalization and depersonalization as a result of the textual activity of the nonprofessional linguistic personality. The material obtained in the linguistic experiment was subjected to the linguo-personalogical analysis using the classifications of degrees of expression of metalinguistic consciousness, metaindicators and linguistic and extralinguistic factors of a formation of the text, correlated to the trend towards personalization and depersonalization. The paper illustrates the basic principles of analysis of the secondary text at the level of creation and perception, generalizes results of research, and reveals the main reasons for the tendencies in question.

Keywords: linguistic personality, secondary text, metatext, metalinguistic consciousness, metaindicators, degrees of expression of metalinguistic consciousness, indicators of metatext, the tendencies towards personalization and depersonalization.

DOI 10.17223/18137083/56/20

References

Blinova O. I. Yazykovoe soznanie i voprosy teorii motivatsii [Language consciousness and questions of motivation theory]. In: *Yazyk i lichnost'* [Language and identity]. Moscow, Nauka, 1989, pp. 122–126.

Bolotnova N. S. *Filologicheskiy analiz teksta*: Uchebnoe posobie **[**Philological analysis of the text]. Moscow, Flinta, Nauka, 2007, 520 p.

Golev N. D. Obydennoe metayazykovoe soznanie – ontologicheskiy i gnoseologicheskiy fenomen [Ordinary metalinguistic consciousness – ontological and epistemological phenomenon]. In: *Obydennoe metayazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty: Kollekt. monogr. Chast' 1*. [The ordinary meta-linguistic consciousness: the ontological and epistemological aspects: collective monograph]. Golev N. D. (ed.). Kemerovo, Barnaul, 2009, Pt 1, pp. 6–22.

Golev N. D. Osobennosti sovremennogo obydennogo metayazykovogo soznaniya v zerkale obsuzhdeniya voprosov yazykovogo stroitel'stva [Features of the modern ordinary metalinguistic consciousness in the mirror of discuss of questions linguistic engineering]. *Vestnik Tomskogo gos. ped. universiteta*, 2008, no. 3, pp. 5–17.

Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The russian language and the linguistic personality]. Izd. 8-e. Moscow, Knizhnyj dom Librokom, 2014, 264 p.

Kim L. G. *Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta: monografiya* [Variative-interpretating functioning of the text]. Tomsk, TSPU, 2009, 312 p.

Kim L. G. *Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta: teoretiko-eksperimental'noe issledovanie* [Variative-interpretating functioning of the text: theoretical experimental research]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo, KemSU, 2010, 405 p.

Lebedeva N. B. Estestvennaya pis'mennaya russkaya rech' kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Natural written Russian speech as an object of linguistic research]. *Vestnik Blagoveshchenskogo gos. ped. universiteta*. 2001, no. 2, pp. 4–10.

Mel'nik N. V. *Derivatsionnoe funktsionirovanie russkogo teksta: lingvotsentricheskiy i personotsentricheskiy aspekty* [Derivational functioning of a Russian text: lingvocentricesky and personotsentrichesky aspects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo, KemSU, 2011.

Mel'nik N. V., Bogachanova T. D. Korrelyatsiya stepeney proyavlennosti metayazykovogo soznaniya v tekste i tendentsiy k personalizatsii i depersonalizatsii [Correlation of degrees of manifestation of metalinguistic consciousness in the text and trends to personalization and depersonalization]. *Vestnik Kemerovskogo gos. universiteta*, 2015, 4 (64), pt. 4, pp. 138–143.

Mun'e E. *Manifest personalizma* [Manifest of the personalism]. Transl. from French by I. S. Vdovin. Moscow, Respublika, 1999, 559 p.

Neroznak V. P. Lingvokul'turologija i lingvopersonologija [Linguoculturology and linguopersonology]. In: *Vavilonskaya bashnya-2: Slovo. Tekst. Kul'tura. Chteniya 2002–2003* [The Tower of Babel – 2: Word. Text. Culture. Reading 2002–2003]. Moscow, 2003, pp.13–17.

Orlova N. V. Metayazykovoe soznanie vypusknika shkoly (po dannym sochineniy EGE) [Metalinguistic consciousness of the graduate of school (according to compositions of ST)]. In: *Obydennoe metayazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty. Kollektivnaya monografiya. Ch. 2* [Ordinary metalinguistic consciousness: the ontological and epistemological aspects. The collective monograph. Pt 2]. Kemerovo, KemSU 2009, pp. 410–428.

Perfil'eva N. P. *Metatekst v aspekte tekstovykh kategoriy* [Metatext in the aspect of text categories]. Novosibirsk, NSPU, 2006, 285 p.

Saykova (Mel'nik) N. V. Metatekstovaya deyatel'nost' nositeley yazyka: lingvopersonologicheskiy aspekt [Metatextual activity of native speakers: linguopersonlogical aspect]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. Gorno-Altajsk, 2009, no. 2 (14), pp. 39–42.

Saykova (Mel'nik) N. V. Variativnost' metatekstovoy deyatel'nosti i tipologiya yazykovoy lichnosti [Variety of metatextual activity and typology of the linguistic personality]. In: *Yazykovaya kartina mira: lingvisticheskiy i kul'turologicheskiy aspekty. Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Bijsk, 16–17 oktyabrya 2008 g.* [Linguistic picture of world: linguistic and culturological aspects. Materials of the VI International scientific and practical conference. Biysk, October 16–17, 2008]. Biysk, Biysk State Pedagogical University, 2008, pp. 285–287.

Shpil'naya N. N. *Yazykovaya kartina mira v strukture rechemyslitel'noy deyatel'nosti russkoy yazykovoy lichnosti* [Linguistic picture of the world in structure of speaking and cognitive activity of the Russian linguistic personality]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo, KemSU, 2010, 169 p.

Shumarina M. R. *Yazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta. Metayazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoy prozy* [Language in the mirror of a literary text. Metalinguistic reflection in the works of Russian prose]. Moscow, Flinta, Nauka, 2011, 328 p.

Shvartskopf B. S. Problema individual'nykh i obshchestvenno-gruppovykh otsenok rechi [The problem of individual and social group speech evaluations]. In: *Aktual'nye problemy kul'tury rechi* [Actual problems of speech]. Moscow, 1970, pp. 277–304.

Vepreva I. T. *Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epokhu* [Language reflection in the post-Soviet era]. Ekaterinburg, Ural State University, 2002, 379 p.

Vezhbitskaya A. Metatekst v tekste [Metatext in the text]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 8. Lingvistika teksta* [New in foreign linguistics. No. 8. Linguistic in the text]. Moscow, Progress, 1978, pp. 402–425.

УДК 81.42
DOI 10.17223/18137083/56/21

Е. А. Московкина

Алтайский государственный институт культуры, Барнаул

Специфика рекламного текста в аспекте лингвоперсонологии

Язык является частью системы социальных символов, закрепляющих сведения о членах соответствующей социальной среды. Рекламный образ, в том числе языковой, как правило, формирует социальный портрет потребителя рекламируемого товара, коррелирующий с определенным языковым типом личности. Рекламное сообщение, ориентированное на ту или иную целевую группу, использует лексические, грамматические и стилистические маневры этой группы. Рекламные тексты в соответствии со своими коммуникативными задачами могут быть направлены на языковых «централов» / «маргиналов» в ортологическом аспекте, «манипуляторов» / «актуализаторов» – в характерологическом, «порождающий» («аналитический») / «воспроизводящий» типы в концепции языковой личности Ф. де Соссюра; осуществлять эскалацию ментальных и культурологических языковых резервов; разворачиваться в пространство психодиагностики: тексты-настроения, тексты-эмоции (ностальгия, радость, веселье и т. п.), соционики, гендерной спецификации, мотивологии и других способов языковой онтологизации различий психо-, социокоммуникативных типов личности. Предпринята попытка выявить «инвариантные» модели и дихотомии лингвоперсонологии (вариативность антропотекстов), отследить языковую типологизацию в коммуникативном пространстве рекламного дискурса.

Ключевые слова: язык, текст, лингвоперсонология, языковой тип личности, реклама, коммуникация, дискурс.

В лингвистической, культурологической, психосоциальной и коммуникативной перспективе рекламные сообщения в силу своей семиотической насыщенности и компактности предоставляют благодарный материал для изучения лингвоперсонологической парадигмы. Непосредственно к вопросу лингвоперсонологии отсылает хорошо известный в теории рекламы тезис: реклама должна говорить на языке клиента.

«Спрессованный» языковой материал рекламного текста является, с одной стороны, иллюстрацией социокультурных и социально-психологических установок современного общества, отражением языкового мышления и языковых потребностей, с другой стороны, работает как мощный механизм психологического

Московкина Евгения Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела организации научно-исследовательской работы Алтайского государственного института культуры (ул. Юрина, 277, Барнаул, 656055, Россия; evgenya.moskovkina@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© Е. А. Московкина, 2016

воздействия на потенциального потребителя, учитывающий социальною (возрастную, профессиональную, гендерную) стратификацию.

«Различные материальные блага, – пишет А. В. Овруцкий, – кроме очевидных функциональных ценностей формируют систему социальных символов, несущих информацию об их владельцах» [Анатомия рекламного образа, 2004, с. 12]. Частью этой системы, несомненно, является язык. Рекламный образ, в том числе языковой, обычно представляет собой условный портрет потребителя рекламируемого товара. Соответственно, рекламное сообщение, ориентированное на ту или иную целевую группу, использует лексические, грамматические и стилистические маневры этой группы.

Например, в рекламе средства от насморка центральным персонажем является образ заботливой матери, видеоряд сопровождается текстом: *Не дайте насморку испортить торжество, пусть Ваше солнышко сияет!* Очевидно, что *солнышко* – образ, который в психологии и вербалике матери соотносится с ребенком.

Речь «рекламных» подростков содержит сленговые элементы (*вливайся*, *не тормози*, *клёвый*, *ты не догоняешь* и т. п.), лояльна к пунктуационным нарушениям, каламбурной небрежности по отношению к языковой норме: *Повернутый на музыке* (мобильный телефон фирмы «Nokia»); *Собирай людей. Дуй к нам!* (дворец связи «Евросеть»); *Парни ведутся на все, что блестит и сверкает* (средства для укладки волос серии «Wella design»); *КОМСОМОЛЛ пацаны уже в курсе* (реклама торгово-развлекательного центра в Екатеринбурге); *8-А SUPER ПАЦАНЫ* (реклама краски торговой марки «Zabor») [1].

Детскую речь отличают грамматические неточности, отражающие особенности возрастной психологии носителя языка. Например, в рекламе кефира, йогурта (грамматически мужской род) «Растишка» детский голос воспроизводит наименование этого продукта в категории женского рода: *Она такая вкусная!* Такое грамматическое нарушение, связанное с фонетической ассимиляцией гласных, распространено среди детей 3–4 лет: существительные с «женским» окончанием в фонетической трансляции воспринимаются детьми как существительные женского рода: *солнышка* (солнышко), *яблока* (яблоко), *чудовища* (чудовище), *поня* (пони).

«Сегодня во многом происходит возврат к принципам детского мышления, – пишет В. В. Корнев, – и многие рекламируемые вещи подают себя именно как наивные грамматические опыты ребенка. Вот, навскидку, названия одних только часто фигурирующих в СМИ лекарственных препаратов: “Длянос”, “Нестарит”, “Антисклерин”, “Исцелин”, “Жизнедар”, “Светодар”, “Ревматит” и т. п.» [Корнев, 2005, с. 45]. Поэтизация детской непосредственности, восприимчивости, доверчивости и открытости, актуализация так называемого внутреннего ребенка – еще одна тенденция современного копирайтинга: *Пока мы остаемся детьми, мы верим, что каждая вещь – живая: она мечтает, она боится, она способна искренне любить*, – гласит текст, посвященный продвижению авторских украшений.

Речь рекламных героев, адресованная респектабельному покупателю, напротив, нарочито грамотна, включает слова редкой грамматической частотности, ортологически безупречна, адресна: *– Сеньор Хворостовский, я знаю, что вы ищете. Вам нужен совершенный подарок. Ferrero Rocher – это неповторимая магия мастерства, воплощенная в изысканном вкусе. Впечатляет, не так ли? Ferrero Rocher – подарок для искушенных*.

Таким образом, тексты в рекламе элитной продукции, где семантически акцентирована традиционность, надежность, ориентированы на так называемых языковых «централов», в то время как продукты питания, бытовые атрибуты,

[1] Здесь и далее орфография и пунктуация авторов сохранены.

предметы повседневного обихода представлены, как правило, в «маргинальной» речи (женская, детская речь) [Арутюнов, 1994].

Примером корреляции ортологических характеристик и социально-психологических страт могут служить орфоэпические нюансы. В телевизионной рекламе зефира «Шарме» утонченные и воздушные (как рекламируемый зефир) дамы высшего общества пользуются надлежащим языковым материалом: слово *баловать* одна из них произносит грамотно (ударение на последний слог), что характерно для светского общества начала XX в. Тем самым авторы клипа подчеркивают традиционность и элитарность рекламируемого продукта.

Однако то же слово в другом видеоролике произносится с орфоэпическим нарушением, допущенным, по всей вероятности, сознательно и отражающим языковые тенденции разговорной речи молодежи. Героини ролика девочки-подростки в соответствии с речевыми особенностями своей социальной (возрастной) группы произносят слово *побáлуй* с ударением на второй слог, что противоречит современной языковой норме, однако отражает языковые тенденции разговорной речи. Рекламное сообщение, ставшее частью разговорного языка, снижает порог критичности восприятия, приобретает доверительный тон.

Аналогичный эффект можно наблюдать в рекламе кетчупа. *Мистер Рикко – кетчуп из спелых помидоров* – сравнительно дорогой продукт в ряду аналогичных, предназначенный, вероятно, для обеспеченного и, соответственно, вполне образованного покупателя. Поэтому в родительном падеже множественного числа существительного *помидор* рекламный призыв использует грамматически верную, однако практически не употребляемую в разговорной речи форму – *помидоров*.

Другим путем идет реклама более демократичного кетчупа «Пикадор»: *Пикадор – больше вкусных помидор*. Этот вариант противоречит литературной норме русского языка, однако отражает более привычную, узнаваемую, частотную и демократичную разговорную форму употребления этого слова в данной грамматической позиции в соответствии с тенденцией к экономии языковых средств (редукция окончания).

Явная неграмматикабельность рекламного текста определенным образом позиционирует целевую аудиторию телеканала «Пятница»: *Давайте радоваца! Пойдём наряжаца! Пора женица! Будем хохотаца!*; ресторана кавказской кухни «Вахтангури»: *Захади дарагой!* и пр.

Оригинальный каламбурный эффект создает рекламная «дискуссия» на предмет лингвистической грамотности в видеоролике, посвященном продвижению торговой марки кофе «Grand». Вопрос грамматической нормы прямо поставлен в самом рекламном диалоге: – *Кофе – он или оно?* Ответ рекламного персонажа (актер Инвар Калныньш – публичный человек, представитель бомонда) намекает на качество кофе: «оно» – в том случае, если кофе плохой, он – когда напиток настоящий. Рекламный слоган подкрепляет убеждение рекламного героя: – *Grand – только он!*

В посмодернистском игровом пространстве реклама включается в языковую игру, «примеряет» этно- и социолингвистические маски как своей целевой группы, так и наиболее влиятельных для последней персонажей: «эксперты-профессионалы», «звезды», «лидеры мнений» (testimonial), «близкие люди», «независимые эксперты» – респонденты «с улицы».

Каждой группе соответствуют свои речевые маркеры. Речь «экспертов-профессионалов» (стоматолог, косметолог, инструктор, профессор и т. п.) интонационно сдержанна, насыщена терминологией (подчас несуществующей), псевдообъяснениями – приятными, но непонятными словосочетаниями: *уникальная система Мультистат*; *активный концентрат фруктов*; *новый слой Stay-Dry*; *elastesse – уникальный ингредиент для гибкой фиксации*; *голубые кристаллы Pro-Z*

и т. п. Речь «близких людей» (образы матери, бабушки, дедушки) сопровождается интонационной теплотой, содержит звательные формы, уменьшительные обращения, в остальном – нейтральна и правильна, а потому авторитетна. Речь «независимых экспертов» – крайне небрежна (что создает иллюзию спонтанности общения), содержит множество речевых паразитов, штампов, междометий, грамматических нарушений: *Мне нравится, что он реально конкретно оттирает жир* (о чистящем средстве).

Говоря о ментальной лингвоперсонологии, важно обратить внимание на разницу переводных и «исконных» рекламных слоганов. Прямые команды, эффективные в американской рекламе (*Пейте Соса-Cola!*; *Купи себе немного ОЛБИ*), отторгаются русским национальным мировоззрением. Кричащая, навязчивая риторика (hard sell), по меньшей мере, не привлекает российского потребителя. Поэтому российские и европейские слоганы, ориентированные на собственную ментальную парадигму, в отличие от американских менее категоричны, рассчитаны на латеральный эффект, стремятся вовлечь потребителя в интертекстуальную языковую игру. В речи российской рекламы актуализированы иные ценностные аспекты. *Россия – щедрая душа!* – такая реклама педалирует национальные ценности. На Западе нравственная категория щедрости обычно вытесняется категорией выгоды.

Ряд слоганов прочитывается только в ментальной проекции. Слоганы, основанные на фразеологизмах, при переводе, утратив интертекстуальные связи с национальным культурным фоном, будут выглядеть значительно беднее и менее выразительно. Так, рекламный слоган фитнес-центра: *Приходи за здоровьем!* апеллирует к разговорной идиоме *на здоровье*, узнаваемой только в контексте национальной культуры.

В создании ментального языкового портрета в современной рекламе креативные решения нередко порождают лингвистические суррогаты: псевдоэтнические, псевдодиалектные, псевдоархаичные обертоны. Таковы, например, слоганы компании РИКИ (российские исконные колбасные изделия): *Не добры словеса, добра колбаса, разложенная на блюде*. В том же контексте следует рассматривать имитацию дореволюционной орфографии: *Капиталъ – твердая уверенность*; *Пушкинъ – не ищите на книжной полке*.

Рекламные тексты, казалось бы, лишенные явной характерологической языковой окраски, так или иначе указывают или намекают на индивидуальность, неповторимость потенциального клиента. Изысканное обаяние нетривиальности покупателя достигается исключительно благодаря языковой (графической, фонетической, риторической) ауре рекламируемого продукта: *ХорошаЯмебель*; *Ателье мебели*; *Я тот, кто я есть*; *Ты здесь главный*.

Отдельную проблему в рамках исследования лингвоперсонологической перспективы рекламы представляет интересный и не вполне объяснимый феномен безличных, неопределенно-личных эрзац-конструкций в рекламных текстах. На первый взгляд, такие рекламные слоганы, как *Многое сказать…* или *Чистота – чисто Tide!* выглядят как неудачный перевод или злоупотребление сленговыми дефинициями (ср. «братковское» *чисто* как «привет из 90-х»). В этом случае слоган *Чистота – чисто Тайд* можно рассматривать в одном ряду с девизами, ориентированными на сленг: *В натуре и на заказ*; *Обставим всех*; *Без разборок – высокое качество сборки* (реклама мебели). Однако частотность употребления абстрактных конструкций исключает версию о случайности или неточности рекламного сообщения. Подобные синтаксические пассажи выявляют постмодернистскую коммуникативную психологию: психологию пустот и ризом, открытого недосказанного текста, психологию многоточий: *выбирая лучшее…*; *превосходя ожидания…*; *приумножая победы России…*

Любопытное обоснование эффективности синтаксических «инвалидов», лишенных контекстуальной коннотации, дает одно из креативных агентств: с помощью вынесенного из контекста деепричастия «создается грамматический эффект “стоп-кадра” в движущейся ленте, мгновения посреди ощущений… Многие носители языка даже не подозревают о таком эффекте деепричастий, но часто чувствуют его интуитивно. И он полностью согласуется с ситуацией потребления: позволить себе долгие впечатления, прервав обычный ритм всего лишь на минутку» [2]. Речь здесь идет о качестве слогана *Растворяясь во вкусе Италии*.

Однако в аспекте лингвоперсонологии такие конструкции выглядят деперсоналистичными, нивелируют субъективное начало в социальном портрете, претендуют на универсальность и безграничность интерпретации. В обычной речи употребление подобных оборотов неприемлемо. Между тем «тотальная деперсонализация и дереализация», следуя логике В. П. Руднева, – суть отражение шизофренического дискурса современной культуры [Руднев, 1999].

Выветривание смысла из текста вполне закономерно с точки зрения постмодернистской философии абсурда. Абсурдистская логика позволяет инфинитивным и деепричастным оборотам существовать автономно от несуществующего центрального смысла, претендовать не на логическую, но на психологическую состоятельность. Эффект недосказанности, многозначности рекламного обещания, стилевой интриги вовлекает потребителя в эмоциональную и интеллектуальную игру, а следовательно, побуждает к коммерческому диалогу, одновременно снимая всякую ответственность с автора рекламного предложения: причины коммуникативного диссонанса реципиента – в ложной интерпретации рекламного текста, выпадающей из потока предложенных толкований (абстрактный позитив). Абстрактные конструкции создают намеренные смысловые разрывы: *Преодолевая любые преграды*; *Управляя завтрашними технологиями*; *Приумножая победы России*; *Опережая время*; *Доверяя друг другу*. Неразгаданные коннотации, говоря словами С. Зимена, «втягивают» клиента в «отношения с торговой маркой» [Зимен, Бротт, 2003, с. 73].

Другой предпосылкой стилистико-синтаксической экстравагантности слоганов, выводящей последние не только за пределы языкового узуса, но и за пределы обыденного сознания, – распространение так называемого клипового сознания, сформировавшего собственную стилистику: «…экранный и текстовый синтаксис с преобладанием звонких, вызывающих метафор, громкой звукозаписью, вызовом глагольных форм, создающих материю повышенной ассоциативной сложности… В языковой среде победа клипового способа общения есть результат победы стихийного над нормативным: “нет проблем”, “воще”, “тащусь”, “балдею”, “блин”, “оттянуться” – самые безобидные образцы. Этот современный языковой имидж возник как реакция на долгий языковой пуризм тоталитарной эпохи. В условиях ускоренного курса демократии англицизмы, ненормативная лексика, латынь стали часто заходить в гости. Некоторые из них получат “постоянную прописку” и останутся надолго, может, навсегда», – утверждает Б. Л. Борисов [Борисов, 2004, с. 501].

Реклама представляет богатый арсенал текстов, которые могут быть рассмотрены в аспекте психодиагностики – тексты-настроения (*Макзавтрак в McDonald's. Не проспи настроение!*); тексты-эмоции: ностальгия (*Душевно и по-русски*; *Как в старые, добрые времена*), восхищение (*Electrolux Inspiro – не просто хорошо, а превосходно!*), нежность (*Нежный сон – доброе утро*; *Нежен, как никогда*; *Нежнее, еще нежнее*), радость (*Ровента: радость в вашем доме*; *Краски ярче*

[2] Grano Milano, растворимые напитки для торговых автоматов // Fabula Branding. URL: http://fabula.by/portfolio/rastvorimye-napitki-dlja-torgovyh-avtomatov (дата обращения 23.04.2015).

лета!), бодрость (*«ЮНОСТЬ» всегда легка на подъем!*; *Бодрость на все утро*), веселье (*У нас всегда Пятница!*; *Здесь вкусно и не грустно!*) и т. п.

Репрезентативные системы, описанные Д. Гриндером и Р. Бэндлером в методологии нейролингвистического программирования, также коррелируют с лингвоперсонологической сегментацией. Адресность рекламных текстов целесообразно представить с позиций учения о темпераментах Гиппократа, юнгианской характерологии, типологии характеров В. Сатир, психогеометрии С. Делингер, эго-состояний Э. Берна, соционики А. Аугустинавичюте, психофизиологических типов Э. Кречмера.

Наиболее внятные лингвоперсонологические портреты позволяет сконструировать область нейролингвистического программирования [Бэндлер, Гриндер, 1995].

Рекламная вербалика визуальных типов направлена на визуальные образы, яркие впечатления, экспрессию, статусные характеристики: *Финляндия – красивая страна для красивых женщин* (услуги туристического агентства); *Роскошное окружение*; *Самый большой магазин света в Сибири*.

Аудиальные типы учтены в логоцентричных текстах, нацеленных на рациональную сферу реципиента («центровой» – характерологический тип) – традиции, нормы, надежность, стабильность (указанные смысловые оттенки представлены в формальной структуре речи): *…предлагаем Вам наиболее оптимальный в соотношении «цена – качество» измерительный инструмент от лучших фирм-производителей (АИСТ, Эталон, King Tony). Этот инструмент – точный, эргономичный и недорогой – пользуется популярностью у мастеров автосервисов, механиков и рядовых автолюбителей*; ещё пример: *Компания «Азбука строительства» занимается проектированием и возведением домов из керамического поризованного камня (кирпича) производства Wienerberger и «Победа ЛСР» (RAUF). Сооружения из такого материала долговечны и монументальны, ведь кирпич практически не подвержен выцветанию, гниению, плесени и грибку, имеет большую степень пожароустойчивости, высокую прочность и хорошую звукоизоляцию*.

Кинестетический модус заявлен в рекламе посредством «чувственной» речи, ориентированной на эмоции, настроения, насыщенной междометиями и многозначительными паузами; лексические доминанты подобных текстов – чувствовать, ощущать, переживать. Например, на «чувственников» рассчитан слоган сети обувных магазинов «Монро»: *Одежда для Ваших ног*. Слово *одежда*, несомненно, более «мягкое», «легкое» и «комфортное» в сравнении с объективным *обувь*, – удачный эвфемизм, вносящий в сообщение дополнительный смысл: ‘повышенная комфортность обуви’. Визуальная и кинестетическая модальности актуализированы в рекламе мягких игрушек фирмы «Aurora»: *Мягкий взгляд на жизнь*.

Все репрезентативные системы учтены в рекламе принтера «Epson»: *Видишь поле – почувствуй запах травы, видишь людей – услышь их смех. Печатай на принтере Epson – почувствуй настроение*. Лексика (главным образом, глагольные маркеры), ориентированная на визуалов – *видишь поле… видишь людей*, на аудиалов – *услышь смех*, на кинестетиков – *почувствуй запах, почувствуй настроение*.

В гендерном отношении персоналистичность рекламных текстов проявляется в их содержательных характеристиках. Тексты, ориентированные на мужскую аудиторию, – лаконичны, сдержанны, информативны (большая часть мужчин – аудиалы). «Женские» тексты более коммуникативны – в них целенаправленно создается иллюзия общения.

Женщины (преимущественно кинестетики, поэтому они хуже воспринимают звучащий текст), особенно домохозяйки, хорошо отзываются на пространные тексты, которые создают иллюзию заинтересованности в виртуальном собеседнике

(рекламном реципиенте), личностно-ориентированную модель общения [Дударева, 2002, с. 86]: *Каждая вещь, представленная в нашей коллекции, индивидуальна, как и Вы сами. Только примерьте, и Вы поймете – Ваша это вещь или не Ваша*.

Лимит речевой активности у мужчин и женщин тоже разный, что, соответственно, находит отражение в рекламных текстах гендерной ориентации. В работе «Социальное поведение и его связь с языком» М. Левис приводит результаты эксперимента, которые показали, что женщина использует в день около 15 000 вербальных сигналов, в то время как мужчина довольствуется только 6 000 (цит. по: [Там же]).

А. А. Дударева справедливо отмечает: «Важно помнить, что мужчины и женщины разговор строят по-разному. У мужчин предложения короче, чем у женщин, и структурно оформлены. Мужчины обычно дают вводную часть, ясно излагают суть и делают вывод. Из мужской речи легко понять, о чем он говорит и чего хочет. Женщина в ходе разговора ведет сразу несколько линий. Мужчины же такую речь не воспринимают, они путаются и теряют нить разговора. Это важно учитывать в рекламе. Реклама для мужчин должна быть четкой и рациональной. Перечислять все достоинства товара не имеет смысла, так как в этом случае мужчина может растеряться и не запомнить рекламу. В женской рекламе практически нет ограничений ни по объему текста, ни по форме его изложения» [Там же].

Очевидно, что женские типы текстов будут отчетливо экстравертивными, холеричными, эмоциональными, ориентированными на кинестетический эффект; мужские – напротив, интровертивно-сдержанными, флегматичными (вескими и основательными), логичными.

Предположительно, за словарь в мозгу мужчины отвечает специальная область, в то время как та же зона женского мозга отвечает за целый ряд других функций, в том числе за речь и слух. Поскольку запоминание терминов – не самая сильная стороны женщины, от них лучше отказаться в женской рекламе, сделав акцент на интонации. Мужчина, напротив, более склонен доверять слову, причем его буквальному смыслу.

Еще одна психолингвистическая особенность, которую, по мнению А. А. Дударевой, следует учитывать в «гендерных» текстах, – склонность женщины говорить намеками, а также преувеличивать, привносить в текст яркую эмоциональную окраску. Использование импликатур и экспрессии в мужских текстах нежелательно [Там же, с. 88].

Сильна в копирайтинге и мотивология. Опытные копирайтеры стремятся сделать рекламное сообщение не только благозвучным, но и внушающим позитивные, побуждающие к действию, активности ассоциации. Не редки в современной рекламе положительные, но ассоциативно далекие от образа самого продукта мотивационные корреляты: таково, например, название новосибирской компании вентиляционного оборудования «Благовест».

Мотивология как компонент лингвоперсонологии оказывается задействованной в программе формулирования обращений рекламы и пропаганды к реципиенту: личностными характеристиками наделяется комплексное наименование целевой аудитории. Так, сталинское обращение к соотечественникам во время Великой Отечественной войны: *Братья и сестры!* – риторически выверено и отзывается на психологические потребности аудитории.

В соответствии с характерологией Э. Шострома в лингвоперсонологической парадигме рекламных текстов может быть выявлена дихотомия – речь манипулятора и актуализатора [Райгородский, 1997, с. 180–242]. Манипулятор использует адаптивные языковые модели, коммуникативные эффекты, суггестивные техники. Характеристики речи актуализатора – сердечность, выразительность, чистота, прозрачность.

Такие чистые и прозрачные для менталитета русского человека дефиниции были найдены и акцентированы в PR-акции предвыборной кампании Б. Н. Ельцина: *Верю, люблю, надеюсь* – сакральная лексика, закрепленная в социальной психологии русского человека как нравственный и эмоциональный стержень. Слова, связанные с наиболее почитаемыми на Руси святыми, как хоругви, пронесенные через войны, лишения и тяготы, сыграли решающую роль в предвыборной кампании первого президента: доверительность, открытость и необычайная сила, запечатленные в рекламном слогане, ставшим инструментом манипуляции, прозвучали как речь актуализатора.

Рекламные тексты являются убедительной иллюстрацией языковых проявлений оппозиции – «порождающая» («аналитическая») / «воспроизводящая» языковая личность [Голев, 2004]. «Аналитический» элемент парадигмы Ф. де Соссюра, на наш взгляд, проявляется в копирайтинге, ориентированном на креативность, словотворчество, языковое трюкачество, где заявляет о себе «порождающая» языковая личность: *Не тормози! Сникерсни!* (реклама шоколадных батончиков «Сникерс»); *Пепсизм-Колализм* (слово из рекламы Пепси-Колы); *Вливайся!* (реклама напитка «Фанта»); *распумдажа* (слово из рекламного текста торговой марки «Puma»); *Кнорр – вкусен и скорр* (реклама бульонных кубиков); *Живи припиваючи* (реклама пива).

Рекламные штампы, в свою очередь, – продукт «воспроизводящей» языковой личности: *Новое время, новые чувства*; *Новая легкость, новая свобода*. По одной модели выстраиваются многочисленные рекламные «миры» – *Мир продуктов*, *Мир книги*, *Мир игрушек*. Особенно яркий пример слепого копирования стандартной языковой «формулы», без всяких раздумий над содержанием – *Мир кожи*. Широко распространена в копирайтинге схема: наименование торговой марки + «больше чем» + наименование видовой категории продукта – *Vanish. Больше, чем отбеливатель*; *Beyond Petrolium. Больше чем топливо*; *Kartina.TV. Больше чем телевидение*.

Обзор лингвоперсонологических стратегий в рекламном дискурсе приводит к заключению, что языковые портреты личности в социальной проекции представлены в рекламе достаточно полно и интересно: реклама позволяет выявить «инвариантные» модели и дихотомии лингвоперсонологии, отследить маневры языковой типологизации в полидискурсивном коммуникативном пространстве СМИ.

Список литературы

Анатомия рекламного образа / Под ред. А. Овруцкого. СПб.: Питер, 2004. 208 с.

Арутюнов С. А. Народные механизмы языковой традиции // Язык. Культура. Этнос. М.: Наука, 1994. С. 5–12.

Бэндлер Р., *Гриндер Дж.* Рефрейминг: Ориентация личности с помощью речевых стратегий / Пер. с англ. И. М. Ребейко. Воронеж: Модэк, 1995. 256 с.

Борисов Б. Л. Технологии рекламы и PR: Учеб. пособие. М.: Фаир-пресс, 2004. 624 с.

Голев Н. Д. Лингвоперсонологическая вариативность языка // Изв. Алт. гос. ун-та. 2004. № 4. С. 41–45.

Дударева А. А. Рекламный образ. Мужчина и женщина. М.: РИП-холдинг, 2002. 222 с.

Зимен С., *Бротт А.* Бархатная революция в рекламе. М.: Эксмо, 2003. 179 с.

Корнев В. В. Система вещей в антропологической перспективе: Моногр. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 280 с.

Руднев В. П. Шизофренический дискурс // Логос: Филос.-лит. журн. 1999. № 4(14). URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_04/1999_4_03.htm (дата обращения 22.04.2015).

Райгородский Д. Я. Типологическая модель Э. Шострома // Райгородский Д. Я. Психология и психоанализ характеров. М.: Бахрах-М, 1997. 640 с.

E. A. Moskovkina

Altai State Academy of Culture and Arts, Barnaul, Russian Federation
evgenya.moskovkina@yandex.ru

The specificity of an advertising text in the aspect of linguistic personology

Language is a part of the system of social symbols consolidating the information about the members of the corresponding social environment. As a rule, an advertising image, including a linguistic one, forms an advertised product consumer's social portrait, correlating with a specific linguistic personality type. Accordingly, the advertising message focused on one or another target group, uses this group's lexical, grammatical and stylistic maneuvers. The advertising texts, in accordance with their communicative goals, can be directed to language «centrals» / «marginals» in the normative aspect, to «manipulators» / «actualizers» in the characterological one, the «generating» («analytical») / «reproducing» types in the conception of the linguistic personality of F. de Saussure; to implement the escalation of mentality and cultural language reserves; to unfold in the space of psychodiagnostics: texts-moods, texts-emotions (nostalgia, joy, fun, etc.), socionics, gender specification, motivation and other ways of language determination of differences of psycho- and socio-communicative personality types. In the paper an attempt is made to reveal «invariant» models and dichotomies of linguistic personology (variability of anthropological texts), to track linguistic typology in the communicative space of an advertising discourse.

Keywords: language, text, linguistic personology, language personality types, advertising, communication, discourse.

DOI 10.17223/18137083/56/21

References

Bandler R. W., Grinder J. *Refrejming: orientatsiya lichnosti s pomoshh'yu rechevykh strategij* [Reframing: the orientation of the person using the speech strategies]. Voronezh, Modehk, 1995, 256 p.

Borisov B. L. *Tekhnologii reklamy i PR* [Technologies of advertising and PR]. Moscow, Fairpress, 2004, 624 p.

Dudareva A. A. *Reklamnyj obraz. Muzhchina i zhenshhina* [The promotional image. Man and woman]. Moscow, RIP-kholding, 2002, 222 p.

Golev N. D. Lingvopersonologicheskaya variativnost' yazyka [Personological difference of the language]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. Barnaul, Altai State University, 2004, no. 4, pp. 41–45.

Kornev V. V. Sistema veshhej v antropologicheskoj perspective [The system of things in anthropological perspective]. Barnaul, Altai State University, 2005, 280 p.

Ovrutskij A. (ed.) *Anatomiya reklamnogo obraza.* [Anatomy of promotional image]. Saint-Petersburg, Piter, 2004, 208 p.

Rajgorodskij D. Ya. *Tipologicheskaya model' Eh. Shostroma* [Typological model of E. Shostrom]. In: Rajgorodskij D. Ya. *Psikhologiya i psikhoanaliz kharakterov* [Psychology and psychoanalysis of the characters]. Moscow, Bakhrakh-M, 1997, 640 p.

Rudnev V. P. Shizofrenicheskij diskurs [Schizophrenic discourse]. *Logos: Filosofsko-literaturnyj zhurnal* [Logos: philosophical-literary magazine]. 1999, no. 4 (14). Moscow, Dom intellektual'noj knigi, pp. 21–34. Available at: URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_04/1999_4_03.htm (accessed 22.04.2015).

Zimen S., Brott A. *Barkhatnaya revolyutsiya v reklame* [The velvet revolution in advertising]. Moscow, Eksmo, 2003, 179 p.

Arutyunov S. A. Narodnye mekhanizmy yazykovoj traditsii [National mechanisms of linguistic tradition]. In: Neshhimenko G. P. (ed.) *Yazyk. Kul'tura. Ehtnos* [Language. Culture. Ethnos]. Moscow, Nauka, 1994, pp. 5–12.

УДК 811.161.1/81’276.6
DOI 10.17223/18137083/56/22

Д. В. Ильина

Новосибирский государственный университет

Авторизация и адресация как средство популяризации научного содержания (на материале статьи лингвистической тематики)

Статья посвящена описанию авторизации и адресации как средства экспликации отношений автора, адресата и предмета научно-популярной статьи лингвистической тематики. Данный прием рассматривается в контексте функции трансляции научных знаний в социум и поддержания его интереса к науке, в целом присущей научно-популярной сфере общения, с учетом жанровых ограничений на условия общения. На примере конкретной лингвистической научно-популярной статьи рассматривается одна из реализаций вышеназванных задач: повествователь, условный адресат и другие текстовые субъекты научно-популярной статьи включаются в сложные отношения, свойственные реальному взаимодействию коммуникантов, исследователей и носителей языка. В работе демонстрируется многообразие возникающих в тексте ситуаций и их чередование.

Ключевые слова: научно-популярная сфера общения, научно-популярная статья, коммуникация, коммуникативная ситуация, точка зрения, авторизация, адресация.

Данная статья написана в рамках разрабатываемого автором жанрово-сферного подхода к научно-популярным текстам, основной идеей которого является обусловленность содержания и языкового оформления научно-популярных текстов их жанровыми характеристиками и спецификой научно-популярной сферы общения. Таким образом, на организацию научно-популярной статьи влияет не только его жанр, но и охватывающая этот жанр сфера общения, сущностные свойства которой формируют базовые условия общения и ставят перед автором типовые коммуникативные задачи. В этом аспекте обнаруживается важность отражения в научно-популярной статье позиций автора и адресата, которые преломляются в речежанровых понятиях образа автора и образа адресата [Шмелёва, 1990] и языковых категориях авторизации и адресации.

Ильина Дарья Владимировна – ассистент кафедры истории культуры Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия; dviljina@gmail.com)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© Д. В. Ильина, 2016

Термин «авторизация» в значении ‘указание на источник информации, субъекта точки зрения’ [1] введен в рамках функционального синтаксиса в 1973 г. Г. А. Золотовой как «способ взаимодействия моделей предложения», средство, делящее предложение на план «информации об объективной действительности» и план указания на субъекта, предоставляющего эту информацию [Золотова, 1973, с. 263]. Г. А. Золотова подробно описала систему средств выражения этого явления, охватив, однако, лишь его эксплицированные случаи. Т. В. Шмелёва [1994, с. 32–33] рассматривает авторизацию как квалификативную категорию модуса (наряду с персуазивностью), означающую указание на источник информации и способ ее получения. Она расширяет сферу применимости этой категории, обнаруживая ее во всех высказываниях и отмечая необязательность ее показателей в ряде случаев. К последним относятся высказывания «от себя» (что принято в языке «по умолчанию»), высказывания с тем же источником информации, который был указан ранее («принцип авторизационного ключа») и высказывания с «жестким соответствием диктумного содержания и характера его получения».

Адресация – более молодой термин, заимствованный в конце 1980-х – начале 1990-х гг. из технических наук, где он означает «осуществить ссылку [обращение] к устройству или элементу данных по его адресу» [Вычислительная техника, 1989, с. 12], однако в лингвистике обозначаемое им понятие было разработано ранее. Н. Д. Арутюнова в работе «Фактор адресата» [Арутюнова, 1981] утверждает обязательность параметризованной модели адресата для любого речевого акта. К параметрам модели относится социальный статус адресата, пол, возраст и т. п., причем коррелирующий с параметрами автора (например, учитель и ученик, отец и сын) и социальной ситуацией, в которую включены коммуниканты [Там же, с. 357–358].

Таким образом, авторизация и адресация являются текстовым отражением позиций автора и адресата в коммуникативной ситуации того или иного типа. Тип ситуации определяется, во-первых, ее включенностью в определенную деятельность, а значит сферу общения, а во-вторых, более конкретной целевой направленностью и более жестким ограничением условий общения, а значит принадлежностью текста к тому или иному речевому жанру.

Ситуация научно-популярной коммуникации имеет целью сообщить научное знание неспециалисту и сделать это содержание интересным для него. Состав и соотношение этих функций – информативной и воздействующей – определялись в лингвистике неоднозначно. Авторы работ, посвященных стилистике научно-популярного текста, как правило, формулируют цель, учитывая только языковую способность адресата (М. Н. Кожина: научно-популярные тексты «популяризуют научные знания в широкой аудитории», отсюда простота изложения, экспрессивность и образность [Кожина и др., 2008, с. 310–311]; Г. Я. Солганик: цель – «передать научные знания» [Солганик, Дроняева, 2005, с. 13]) и вынося за скобки его собственные цели, интересы и то воздействие, которое оказывает на него текст. Авторы, исследующие научно-популярную литературу в коммуникативном и лингвопрагматическом аспекте или, по крайней мере, учитывающие этот аспект, выделяют наряду с функцией сообщения функцию воздействия на адресата (В. Г. Костомаров, Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев, И. И. Баранова), иногда подчеркивая преобладание последней. Взаимодействие этих функций «формирует коммуникативную стратегию создателя научно-популярного текста» [Баранова, 1995, с. 34], обеспечивая передачу информации «наиболее оптимальным образом» [Ужахова, 2003, с. 156].

[1] В отличие от значения ‘установление авторства текста’, в котором термин применяется, например, в юрислингвистике.

Характеристики субъектов научно-популярной сферы общения вариативны, однако общим является следующие. Автор научно-популярного текста, стремящийся передать широкой аудитории научное знание, – это ученый или журналист, в некоторой степени овладевший научным знанием. Адресат – неспециалист, либо вообще не знакомый с объектом излагаемого знания, либо знакомый с ним в общих чертах или фрагментарно. Коммуникативная установка адресата может быть различной: от ситуативного интереса до настойчивой потребности разобраться в предмете.

Эти особенности, а также особенности жанра научно-популярной статьи – печатная фактура, однонаправленность коммуникации (отсутствие непосредственной обратной связи) – создают ряд трудностей при написании. Во-первых, это проблема трансформации сложного и узкоспециального содержания в представление, понятное неспециалисту, причем «перевод» должен быть выполнен корректно «с первого раза» (у адресата нет возможности задать вопрос). При этом автор должен учитывать и когнитивный, и лингвистический аспекты «перевода» (представления и термины). Во-вторых, для того чтобы состоялась коммуникация, текст должен быть не только информативным, но и интересным. Это предполагает учет возможных целей и мотивов читателя.

Неопределенность характеристик адресата и разная степень сложности предлагаемого лингвистического материала позволяют сформулировать отправной тезис исследования: соотношение функций сообщения и убеждения в конкретном тексте может быть разным (в зависимости от темы, от личной интенции автора, от средовых воздействий, например факторов актуальности темы), при этом, поскольку они обе задают направленность текста, следует рассматривать их в комплексе. Иными словами, нецелесообразно квалифицировать те или иные средства как реализующие только одну функцию. Для понимания функционального эффекта языковых средств имеет смысл, напротив, рассматривать поведение каждого из них в ситуации конкретного текста, своей структурой реализующих цель коммуникации.

Цель данной работы – описать механизмы реализации функций сообщения и воздействия в лингвистической научно-популярной статье средствами авторизации и адресации как средствами сокращения когнитивного и целевого разрыва между автором и адресатом.

В ряде рассматриваемых текстов сообщение информации о лингвистическом объекте происходит в двух режимах: субъект-объектном, когда язык представлен как объект ментально-речевой активности автора текста, и субъект-субъектном, когда язык описывается через действия, совершаемые над ним различными субъектами в рамках конкретной социально-речевой ситуации. В первом случае язык и речь представлены отвлеченно от ситуации общения; во втором – язык может быть представлен как инструмент носителя, речь – как процесс его деятельности, язык и речь – как объект исследования лингвиста и т. п. В последней ситуации становится возможна идентификация автора и адресата с позициями этих субъектов. Поэтому по нашей версии во втором случае автор способствует более эффективному пониманию при сохранении интереса, искусственно сближая или заостряя в микросюжетах текста позиции, занимаемые им самим и адресатом.

Для терминологического удобства будем обозначать фрагменты с субъект-объектным представлением лингвистического объекта фрагментами текста с прагматической ситуацией (ПрС), поскольку такая ситуация изоморфна ситуации научно-популярной коммуникации, являясь ее моделью в представлении автора. Фрагменты с субъект-субъектным представлением знаний, вводящие объект через микросюжеты с действующими лицами, – фрагментами с событийной ситуацией (СС). Они «вложены» в ПрС, являясь средством достижения прагматической цели. При этом действующие лица каждой СС могут иметь интенции, не связанные

с коммуникативной ситуацией (например, носитель языка хочет выбрать необходимые языковые средства, а лингвист – исследовать этот выбор) или являющиеся частной задачей коммуникативной цели (например, лингвист хочет привести в пример случай из своей исследовательской деятельности, а носитель языка – продемонстрировать свои наивные представления о языке).

Для выявления того спектра средств, с помощью которого будут определяться позиции, потенциально занимаемые в коммуникативной ситуации автором и читателем, требуется ввести понятие точки зрения. Данное понятие появилось прежде всего в исследованиях художественной литературы (М. М. Бахтин, В. В. Виноградов и др.), что выразилось, в частности, в различении речи повествователя и речи персонажа. Впоследствии данное различение было детализировано и перенесено на тексты других функциональных стилей в трудах Ю. Д. Апресяна, Б. А. Успенского, Е. В. Падучевой и др. Первичный субъект говорения (находящийся в «канонической речевой ситуации» – непосредственно контактирующий с адресатом) и различные типы вторичных субъектов (представленный в тексте «образ автора») были противопоставлены в трех аспектах: пространственно-временном (субъект дейксиса и субъект восприятия), в аспекте семантики речевых актов (субъект речи), в когнитивном, эмоциональном и волюнтивном аспекте (субъект сознания) [Падучева, 2010, с. 262–265]. Каждый из аспектов находит свое выражение в тексте – с той или иной степенью однозначности – в модальных, дейктических, оценочных элементах, предикатах со значением сходства и подобия, обобщающих врезках, словах с оценочным значением и др. ([Апресян, 1986; Падучева, 2010, с. 266–291] и др.).

Работая с научно-популярной статьей, мы имеем дело с вторичными субъектами говорения, и в аспекте различения субъект-объектного и субъект-субъектного способов донесения информации существенно выделение экзегетического (повествователя, «не входящего во внутренний мир текста») и диегетического (рассказчика, «принадлежащего миру текста») авторов. В качестве примера первого типа Е. В. Падучева приводит повествователя в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (повествователь – субъект оценок и т. п.), а второго – повествователя в «Выстреле» А. С. Пушкина (повествователь – один из персонажей) [Падучева, 2010, с. 203 и далее].

Соответствующие средства выражения оценки или дейксиса эксплицируют, как правило, наличие СС, тогда как ПрС таких показателей чаще всего не имеет. Исключение может составлять прямое обращение к читателю.

Предмет указанных исследований – средства выражения только авторского голоса. Однако, поскольку в нашей модели текстовые позиции автора и адресата имеют равный статус и, более того, могут накладываться друг на друга, будет корректно расширить сферу применимости «субъектного» анализа и до позиций, занимаемых адресатом.

Продемонстрируем предложенную методику на примере анализа статьи Б. Иомдина «Как взаимодействуют язык бытовой и язык официальный?» [2]. Содержание работы связано с двумя функциональными разновидностями русского языка – бытовой и официально-деловой, носителями которых является и автор, и читатель (хотя последнее и небезусловно), при этом и тот и другой имеют большой опыт использования бытовой разновидности и меньший – официально-деловой. Автор статьи, Б. Иомдин, – профессиональный лингвист, и более того – специалист именно в области бытовой лексики, значит, он стремится рассказать не просто об известных ему свойствах языка, но и о продукте собственной исследовательской деятельности.

[2] *Иомдин Б.* Как взаимодействуют язык бытовой и язык официальный? URL: http://postnauka.ru/faq/34828 (дата обращения 24.10.2015).

Исходя из этого, можно выделить следующие позиции в СС, потенциально занимаемые коммуникантами (см. таблицу).

Потенциальные соотношения коммуникантов и позиций событийных ситуаций научно-популярной статьи лингвистической тематики

Позиция в коммуникативной ситуации	Позиция в событийной ситуации		
	Лингвист-исследователь	Объект исследования	Носитель языка
Автор	+		+
Адресат		+	+

Разработанная нами процедура анализа механизмов авторизации и адресации включает три этапа: на материале содержания статьи (1) выявляется объект, по поводу которого происходит взаимодействие коммуникантов; (2) обозначаются позиции реального автора и реального адресата по отношению к объекту (отсюда становится ясным разрыв в знаниях и интересе, который автор стремится преодолеть с помощью текста); на материале языковых средств (3) описываются ситуации взаимодействия автора и адресата (прагматические и событийные ситуации) через выявление их текстовых ролей.

1. **Выявление объекта описания**. Из синтаксического анализа заголовка *Как взаимодействуют язык бытовой и язык официальный?* вытекает, что тема статьи – характер взаимодействия двух функциональных стилей языка. Подзаголовок *Лингвист Борис Иомдин об активном словарном запасе, языковых изменениях и текстах официальных документов* выделяет из этого тематического поля три аспекта. Активный словарный запас является параметром носителя языка, и в зависимости от профессионального и социального статуса его стилистическое наполнение может быть различным. Дальнейшее содержание текста (например, *бытовая лексика – самая частотная и общеупотребительная* и *как без специального образования понять такой* [официальный] *текст?*) свидетельствует о том, что бытовой язык формирует активный словарный запас любого носителя, а владение официальным стилем варьирует в зависимости от сферы и степени социализации человека. Таким образом, рассуждает автор, взаимодействие этих разновидностей языка будет в большей степени неравноправным с большей открытостью первой из них для носителей языка. Аспект языковых изменений актуализирует динамический фокус рассмотрения языка: часть изменений в языке связана с влиянием бытового и официального языков друг на друга. Тексты официальных документов являются речевым проявлением официального языка; их может порождать и их вынужден понимать носитель языка.

Содержание других «сильных позиций» (элементы текста, в которых смысловые компоненты «особенно психологически заметны» [Арнольд, 1990, с. 46]) самого текста, а именно начала и конца, а также, в меньшей степени, начала абзацев или микротем, вводит в тематику статьи еще один аспект – деятельность лингвистов по упрощению взаимодействия между бытовым и официальным языком.

2. **Обозначение реальных позиций коммуникантов**. «По умолчанию» (то, что Т. В. Шмелёва назвала принятым в языке стандартом [Шмелёва, 1994, с. 32]) позиции автора и адресата в научно-популярной статье имеют следующие (жанровые) характеристики. Автор – лингвист, он знает об объекте и о том, как объект

исследуется в лингвистике, больше, чем читатель, и считает важным говорить об объекте вне научной сферы общения. В применении к анализируемой статье это означает, что автор знает специфику взаимодействия бытового и официального языков, каким уровнем их владения характеризуется рядовой носитель, как взаимодействие этих двух разновидностей меняет их и в каких речевых формах существуют та и другая. Читатель же – не специалист, он знает меньше или ничего об объекте и, возможно, имеет к нему меньший интерес.

В статье находим показатели того, что автор исходит именно из вышеперечисленных «жанровых» характеристик; приведем самые яркие примеры: *Может показаться, что изучение и описание таких слов* ***нетрудно*** *и* ***малоинтересно****…* (предикат ментального состояния, оценочные предикаты); *лингвисту, который ее исследует, приходится* ***тяжело****: каждый* ***носитель*** *языка имеет* ***собственное твердое мнение****, какой предмет как называется, и составить из этой палитры мнений то* ***единственно правильное****, которое надо поместить в словарь,* ***очень трудно*** (оценочные предикаты, оценочное наречие и прилагательное *единственно правильное*, номинация субъективной «чужой» точки зрения *собственное твердое мнение*); ***Приведу примеры*** *проблем, возникающих при работе над словарем бытовой лексики, которым* ***я занимаюсь*** *со* ***своими*** *коллегами и учениками* (личное и возвратное местоимения, личные формы глаголов, метатекстовый предикат *приведу примеры*). Видно, что, с одной стороны, носитель имеет «неправильные» (ср. *единственно правильное* [мнение] для лингвиста) представления о языковом факте и о его исследовании (два элемента объекта обсуждения) – *нетрудно* – и отношение к его обсуждению (*малоинтересно*). С другой стороны, автор, лично исследующий объект (*я занимаюсь*), имеет более точные знания о языке (есть *единственно правильное* мнение), отношение к его исследованию (*тяжело*, *очень трудно*) и выносит квалификацию представлениям носителя (есть только один *правильный* вариант).

Указанные языковые средства, описывающие представления тех позиций, в которые попадают автор и читатель (лингвист и носитель языка; рассказчик и читатель), находятся в разных планах текста. В первом фрагменте текста автор имитирует полемику с читателем, вводя от третьего лица СС, в которой сталкиваются мнения лингвиста и носителя языка, пытающегося занять позицию лингвиста. «Спор» происходит по поводу выбора предмета для исследования – это взаимодействие представлений о языке. Во втором фрагменте автор вводит другую СС, в которой лингвист, изучающий действия носителей языка, испытывает трудности в связи с разнообразием языковых привычек носителей. Это оценка уже не по поводу языка, а по поводу действий исследователя и носителя языка. В обеих ситуациях мы опознаем текстовые роли по прямым номинациям (*лингвист* и *носитель языка*) и по тем языковым средствам, которые невозможно употребить в ПрС (например, средства выражения оценки), т. е. при отчужденном, объектном описании свойств языка, а возможно только из определенных позиций в СС. В третьем фрагменте автор, как специалист в данной области лингвистики, от первого лица рассказывает читателю об опыте своей деятельности, и здесь мы говорим об СС с «диегетическим повествователем», занимающим позицию лингвиста.

Эти ситуации взаимодействия – ПрС и вложенные в нее СС с закрепленными ролями, которые могут исполнять автор и читатель, – и являются единицей следующего шага нашего анализа.

3. **Описание ситуаций взаимодействия автора и адресата через выявление их ролей в разных СС и ПрС**. Текст статьи был разделен на фрагменты – единицы анализа, после чего были определены ПрС и, при наличии, вложенные в них СС, которые описывались с учетом текстовых субъектов. В связи с тем, что текст линеен, анализируемые фрагменты выделялись также линейно, даже в тех случаях, когда фрагмент с $СС_2$ разрывает фрагмент с $СС_1$ или ПрС на две части, как,

например, в предложении *А между тем лингвисты знают*, *что многие слова* ($СС_1$)*, которые сейчас нам кажутся абсолютно нейтральными* ($СС_2$)*, когда-то тоже были уменьшительными* (ПрС). О наличии в высказывании двух разных типов событийных ситуаций свидетельствует следующие признаки. В $СС_1$ субъект-«лингвист», позицию которого занимает автор, выражается через констатацию лингвистического знания (хоть и в «неточном», «популярном» виде, на что указывает местоимение *когда-то*) и через метатекстовый элемент *а между тем* выстраивающий логику доказательства. В $СС_2$ местоимение 1-го лица *нам* и неопределенное местоимение *многие* обозначают позицию носителя языка, ее также и в том числе занимает автор со своим языковым восприятием и языковыми привычками.

Позиции читателя менее разнообразны. В предложении *Многие образованные люди сейчас возмущаются обилием уменьшительных, особенно в речи официантов, продавцов или, например, парикмахеров: Салатики нести? Вот эту модельку показать? Височки подровнять?* – читатель может отождествить себя с ролью «образованного человека», рефлектирующего носителя языка. В $СС_2$ эта роль у читателя сохраняется: как и автор, читатель здесь, являясь носителем языка, имеет сформированное мнение о стилистической окраске некоторых слов.

Во фрагменте *когда-то тоже были уменьшительными* отсутствуют маркеры текстовых субъектов, следовательно, мы определяем его как ПрС. Эта квалификация подтверждается и наличием неопределенного местоимения *когда-то*: в ситуации научно-популярной коммуникации научное содержание может сообщаться в упрощенном виде, хотя автором является ученый.

В данном предложении мы выделяем не две, а три ситуации (хотя ПрС могла бы быть квалифицирована как продолжение $СС_1$), поскольку во время чтения читатель «проживает» свое нахождение в них последовательно.

Диспозиция автор – лингвист, читатель – носитель языка прослеживается в ряде различных СС. Продемонстрируем это на следующих примерах:

(а) пример фрагмента с отсутствующим планом выражения авторизации и адресации: ***Многие образованные люди*** *сейчас возмущаются обилием уменьшительных…* СС имеет значение ‘носители имеют определенное отношение к речевым фактам’; дальнейший контекст, демонстрируя иное отношение лингвиста (*А между тем* ***лингвисты*** *знают, что…*), в позицию которого встает автор, отделяет автора от «многих образованных людей». Прямых показателей соотнесенности читателя с образованными носителями языка нет, однако читатель может соотнести себя с этими носителями или, по меньшей мере, с носителями, которые часто сталкиваются с указанными примерами в речи (это можно подтвердить предшествующим *…названия разных бытовых предметов – тех, с которыми мы сталкиваемся каждый день*, где читатель вместе с автором включен в *мы*);

(б) пример фрагмента с показателями позиционной принадлежности коммуникантов: *У каждого носителя языка свое мнение о значении слов, и лингвистам порой трудно выбрать из этой палитры мнений то единственно правильное, которое надо поместить в словарь.* В СС носитель имеет определенные представления об элементах языка, а лингвист, работая с ними, испытывает затруднения в связи с множественностью этих представлений. Средствами различной номинации и отдельных предикаций разграничены позиции лингвиста и носителя языка. Оценочное наречие *трудно* является субъективной квалификацией исследовательских действий, которую может дать только лингвист. Следовательно, в приведенном фрагменте автор занимает текстовую позицию лингвиста. Однозначных маркеров принадлежности читателя к данной позиции носителя языка не наблюдается, но, как и в предыдущем примере, он может соотнести себя с носителем.

Очевидное проявление соотношения читатель – носитель языка наблюдается в уже процитированном ранее в усеченном виде фрагменте. Отрывок представля-

ет собой СС, включенную в микросюжет «диалог лингвиста с оппонентом – носителем языка». Этот микросюжет содержит пять фрагментов – две СС и три ПрС. Приведем его полностью.

Может показаться, что изучение и описание таких слов нетрудно и малоинтересно – то ли дело, например, названия животных и растений, всевозможные оттенки цветов или юридические термины, в которых сам черт ногу сломит ($СС_1$ или $ПрС_1$: читатель – носитель языка пытается занять позицию лингвиста). *Однако именно потому, что бытовая лексика – самая частотная и общеупотребительная* ($ПрС_2$: автор-лингвист вводит аргумент, основанный на научных данных)*, лингвисту, который ее исследует, приходится тяжело: каждый носитель языка имеет собственное твердое мнение, какой предмет как называется, и составить из этой палитры мнений то единственно правильное, которое надо поместить в словарь, очень трудно* ($СС_2$: лингвист испытывает исследовательские затруднения в связи с действиями носителя). *По-разному говорят представители различных профессий, люди разных возрастов и интересов, жители разных городов. Кроме того, язык постоянно меняется, и быт – сфера наиболее интенсивных изменений: то и дело появляются новые предметы, рождаются новые названия, старые слова меняют свои значения* ($ПрС_3$: автор сообщает научные сведения и научные оценки)*, и возникает неуправляемый хаос* ($СС_3$: лингвист дает эмоциональную оценку состоянию языка).

В первом фрагменте чужая речь (из последующего *Однако…* мы понимаем, что приведенный отрывок содержит именно чужую речь) обрамлена вводной конструкцией – предикатом со значением ментального состояния *может показаться*, далее следуют оценочные слова категории состояния *нетрудно* и *малоинтересно*, а после с помощью несобственно-прямой речи, усиленной разговорными элементами (*то ли дело*, *сам черт ногу сломит*), развивается содержание «оппонирующей» точки зрения. Поскольку далее следует разворачивание опровержения от лица лингвиста (эта позиция вводится в $ПрС_2$, затем в $СС_2$ разворачивается с помощью средств, аналогичных средствам $СС_1$/$ПрС_1$ – *приходится тяжело*, *очень трудно*, – но без маркеров неуверенности или предположительности, и далее сохраняется в $ПрС_3$ с помощью введения научных сведений), мы опознаем, что позицию оппонента занимает адресат в соответствии со своими социологическими характеристиками (носитель языка, имеющий наивные представления о лингвистическом исследовании). Это позиция носителя языка, «примеряющего на себя» роль лингвиста. Однако прямых показателей соотнесенности читателя с этой точкой зрения нет (ее может принимать и не читатель), поэтому констатируем неопределенность субъекта и, соответственно, типа ситуации.

Ситуации, в которых автор соотносится с лингвистом, а читатель – с носителем, неоднородны не только по степени выраженности этих соотношений, но и по тому, какую из функций выполняет субъект в данных позициях. Выше уже были обозначены две разновидности лингвиста в функции популяризатора – транслятора знаний: лингвист, только владеющий научным знанием об объекте – языковых и речевых явлениях и способах их исследования (не обязательно изучающий описываемые языковые явления), и лингвист, занимающийся именно их исследованием.

В другой функции – функции популяризатора-эксперта (популяризатора отношения к знаниям) – лингвист выступает в последнем предложении текста, относящемся к ПрС: *Составление толкового словаря без непоследовательностей, основанного на принципе системности, – одна из самых актуальных… задач современной лингвистики.* Квалификация *одна из самых актуальных* [задач] может быть дана лингвистом, оценивающим и обдумывающим современное состояние науки.

Другая позиция, в которую встает автор, – позиция носителя языка. Она выражается, прежде всего, местоимениями 1-го лица и соответствующими глагольными формами и во вторую очередь – показателями модальности и оценки: *Заметную часть **нашего** активного словарного запаса составляют названия разных бытовых предметов – тех, с которыми **мы сталкиваемся** каждый день*; *...слова, которые сейчас **нам кажутся** абсолютно нейтральными…*; ...[предметы называются или описываются в ГОСТах] *не так, как **нам привычно*** и т. п. [3]

Особый интерес представляют отрывки, в которых граница между событийными ситуациями проходит внутри предложения: *Многие образованные люди сейчас возмущаются… А между тем лингвисты знают, что многие слова* (CC_1: автор – лингвист)*, которые сейчас нам кажутся абсолютно нейтральными* (CC_2: автор – носитель языка); *Мы и теперь наблюдаем такие изменения* (CC_1: автор – носитель языка)*: в современном языке говорят не «шнуры для ботинок», а «шнурки», не «ремень для часов», а «ремешок», не «шапка для душа», а «шапочка»* (CC_2 или ПрС – см. следующий абзац) – *и это, кажется, никого не раздражает, а значит, должно быть включено в словарь как нейтральная лексика* (CC_2: автор – лингвист).

Встречаются и случаи (один из них приведен выше), в которых невозможно точно установить позицию автора и даже само наличие СС внутри ПрС: *Мы и теперь наблюдаем такие изменения: в современном языке говорят не «шнуры для ботинок», а «шнурки», не «ремень для часов», а «ремешок», не «шапка для душа», а «шапочка»…* (СС: автор – лингвист / ПрС); *Читать ГОСТы часто довольно трудно. Как без специального образования понять такой текст: «Допускается изготовлять чемоданы без пуклей длиной не более 40 см; с применением наружного профилированного кедера по ботану корпуса и крышки; с другими деталями, выполняющими назначение пуклей»?..* (автор – лингвист или носитель языка).

Позиции, которые занимает читатель, отличаются меньшим разнообразием. Кроме того, маркированность такого позиционирования гораздо слабее и, следовательно, менее достоверна, чем маркированность позиций автора.

Читатель может находиться в роли носителя языка. Пример с ярким показателем такой отнесенности (вводящий «полемику» лингвиста с носителем) уже обсуждался выше: *Может показаться, что изучение и описание таких слов нетрудно и малоинтересно – то ли дело, например, названия животных и растений, всевозможные оттенки цветов или юридические термины, в которых сам черт ногу сломи.* (ПрС или CC_1, активирующая позицию носителя, пытающегося встать на место лингвиста). *Однако именно потому, что бытовая лексика – самая частотная и общеупотребительная, лингвисту, который ее исследует, приходится тяжело: каждый носитель языка имеет собственное твердое мнение…* (CC_2: автор – лингвист, читатель – носитель языка). Выше мы выяснили, что в ПрС/CC_1 позицию носителя языка может занимать читатель. Показатели этой соотнесенности включают несобственно-прямую речь; предикат ментального состояния, не совпадающий с характером последующего изложения точки зрения лингвиста; противопоставительную конструкцию *то ли дело*.

Другой ряд примеров связан с употреблением, в частности, местоимений 1-го лица мн. ч., референт которых включает как автора, так и адресата (см. приведенные выше примеры типа *Заметную часть **нашего** активного словарного запаса…*). Такую соотнесенность мы тоже относим к однозначным. Менее достоверна

[3] Такие ситуации мы отличаем от других, в которых местоимение 1-го лица имеет другую референцию, например: *Для **наших** исследований **мы работаем** с юридическими текстами…* где *мы* это ‘я со своими коллегами и учениками’. Это сообщество лингвистов, к которому принадлежит реальный автор и к которому присоединяется автор текстовый.

отнесенность коммуникантов к текстовым ролям в тех СС, в которых позиция носителя языка введена в третьем лице и где читатель может (но не обязан) поставить себя на его место: ***каждый носитель языка имеет*** *собственное твердое мнение, какой предмет как называется*; *по-разному* ***говорят представители различных профессий***, ***люди разных возрастов и интересов***, ***жители разных городов***; *итальянское borsetta (небольшая сумочка) дало русское слово «борсетка», которое* ***все больше людей предпочитают*** *писать через «а»* и т. п. (СС: автор – лингвист, читатель – носитель языка / ПрС с проявленным автором-лингвистом). Еще слабее позиции без прямой номинации субъекта с неопределенно-личным типом сказуемого: *по нашим исследованиям, «барсетка»* ***пишут*** *как минимум в десять раз чаще, чем «борсетка»*; *в современном языке* ***говорят*** *не «шнуры для ботинок», а «шнурки», не «ремень для часов», а «ремешок», не «шапка для душа», а «шапочка»* – и позиции с субъектом, выраженным неопределенным местоимением в роли дополнения: *и это… **никого** не раздражает*.

При анализе статьи выделяется подтип этой позиции – образованный носитель языка, или рефлектирующий носитель. Последний пример может быть отнесен именно к этой группе, ср. с аналогичными: *Многие образованные люди сейчас возмущаются обилием уменьшительных…*; *Назовем ли мы сейчас «верхней одеждой», вход в которой в театр запрещен, брюки и рубашку? А пиджак?* (Отметим, что в первом примере соотнесенность читателей с «образованными людьми» менее достоверна, чем во втором.)

Наличие только ПрС без вложенной СС связано, как правило, с введением лингвистической информации, научных рассуждений или квалификаций языковых и речевых фактов без указания на носителей языка и их действия: *Определения ГОСТов предельно точны: «Книга – книжное издание объемом свыше 48 страниц»; «Свитер – трикотажная плечевая одежда с длинными рукавами, без застежки, с высоким воротником более 5 см»; В быту же язык не терпит такой точности*; *А значит, использовать официальные определения для анализа неофициальных текстов неправильно*; *Составление толкового словаря без непоследовательностей, основанного на принципе системности, – одна из самых актуальных, но и наиболее сложно выполнимых задач современной лингвистики* и пр. Отметим в этих примерах элементы, характерные для научно-популярной коммуникативной ситуации и менее характерные для собственно научной: наречия с оценочной или усилительной семантикой ***предельно*** *точны*, ***сложно*** *выполнимая*; предикат субъективной оценки *неправильно* (ср. с более объективированными *некорректно*, *неправомерно* и пр.), олицетворение *язык* ***не терпит*** *точности*.

Стоит сделать оговорку относительно некоторых случаев, похожих на приведенные абзацем выше, но имеющие содержательное отличие. Речь идет о фрагментах типа: *прежде всего,* ***нужно определить*** *написание*; *ударения в письменном тексте не увидишь,* ***нужно обрабатывать*** *записи устной речи и* ***проводить*** *масштабные опросы*; ***должно быть включено*** *в словарь как нейтральная лексика*; *а значит,* ***использовать*** *официальные определения для анализа неофициальных текстов* ***неправильно***; ***надо учитывать*** *и эти тексты* и т. д. Субъект действий предикатов, осложненных семантикой долженствования, – лингвист, изучающий бытовую лексику (ср. в этом же ряду описания исследовательских действий: *Для* ***наших*** *исследований* ***мы работаем*** *с юридическими текстами, с описаниями протоколов…*), это, как мы отмечали, позиция, занимаемая автором. Однако модальность долженствования добавляет к характеристике коммуникативной ситуации оттенок инструктивности, то есть событийной ситуации, в которой лингвист инструктирует тех, кто может заняться исследованием бытовой лексики.

В результате, если опустить семантические нюансы, мы имеем следующие позиции автора и адресата:

- в прагматической ситуации автор – лингвист (в том числе узкий специалист), читатель – неспециалист, воспринимающий информацию;
- в событийных ситуациях автор – лингвист и носитель языка, читатель – носитель языка.

Взаимодействие автора и читателя происходит внутри СС посредством действий, а в ПрС – в рамках «речежанровых» параметров фрагмента, которые можно описать через понятия регистра и содержания. Так, в коммуникативном взаимодействии (ПрС) преобладает информативный регистр (автор сообщает читателю фрагмент лингвистического знания), а также имеет место информативный с вкраплениями волюнтивного (в отрывках, похожих на инструкцию исследователя) и реактивный (отрывки с квалификацией работы лингвиста и актуальности его задач).

Взаимодействия внутри СС варьируют соответственно позициям, приписываемым автору и читателю.

Лингвист, позиционируемый как профессионал «широкого профиля», полемизирует с носителем (см. примеры выше) и исследует речевую деятельность носителя; при этом носитель затрудняет работу исследователя: *У каждого носителя языка свое мнение о значении слов, и лингвистам порой трудно выбрать из этой палитры мнений то единственно правильное, которое надо поместить в словарь*.

Действия лингвиста как узкого специалиста частично пересекаются с действиями лингвиста «широкого профиля», но имеют свою специфику.

Содержание сообщения может включать не только языковые и речевые факты (*Орфография оригинала соблюдается далеко не всегда…* и пр.), но и процедуру исследования, причем как в информативном регистре (в ПрС без СС: *Чтобы определить тренды в орфографии, мы изучаем огромные объемы текстов…*), так и в волюнтивном (*Прежде всего, нужно определить написание*; *…это, кажется, никого не раздражает, а значит, должно быть включено в словарь как нейтральная лексика*). Если первое соотносится с ситуацией, когда «автор рассказывает читателю об объекте», то во втором лингвист еще будто инструктирует начинающего коллегу, как исследовать бытовую лексику. Приведем пример, в котором этот «оттеночный» смысл особенно отчетлив: *Прежде всего, нужно определить написание.* ***А как быть, если слово только недавно было заимствовано из иностранного языка?*** *Орфография оригинала соблюдается далеко не всегда…* Невозможно однозначно установить, задан ли этот вопрос от лица будущего исследователя или лингвиста, демонстрирующего процесс исследования (во второй интерпретации взаимодействие коммуникативное, т. е. в ПрС). Такая неопределенность работает на сближение ролей автора и читателя.

Другой вид взаимодействия, близкий к предыдущему, – предъявление лингвистом рассуждений с вынесением «экспертной оценки» языкового или речевого факта: *слово «колготки» происходит от чешского kalhoty, а итальянское borsetta (небольшая сумочка) дало русское слово «борсетка», которое все больше людей предпочитают писать через «а»… По-видимому, борсетку ждет судьба колготок, только в колготках «а» сменилось на «о», а в «барсетке» – наоборот*; *Многие образованные люди сейчас возмущаются обилием уменьшительных… многие слова, которые сейчас нам кажутся абсолютно нейтральными, когда-то тоже были уменьшительными* [примеры]. *Мы и теперь наблюдаем такие изменения… и это, кажется, никого не раздражает, а значит, должно быть включено в словарь как нейтральная лексика. Новые изменения на подходе: слово «тапки» пока вполне нормально, но «тапочки» уже встречается в четыре раза чаще* и т. п.

Автор и читатель совпадают здесь в позиции носителя языка, имея аналогичные языковые привычки: преобладание в активном словарном запасе бытовой лексики, характерное отношение к языковым и речевым фактам (трудности в понимании официальной речи, неточные представления о значениях слов).

Произведенный выше анализ показал, что в научно-популярной статье лингвистической тематики с двухуровневой коммуникативной структурой: 1) повествованием о языке; 2) вложенными в него описаниями взаимодействий с языком, – цель научно-популярной сферы общения (информирование и воздействие) во многом достигается с помощью средств авторизации и адресации. Многообразие ситуаций взаимодействия автора, читателя и лингвистического объекта задает множественность их отношений, что содержательно приближает материал к читателю. Таким образом, непонятное или малопонятное становится понятным, а чередование различных событийных и прагматических ситуаций сохраняет у читателя ощущение активного и продуктивного освоения новых знаний.

Список литературы

Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5–33.

Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М.: Просвещение, 1990. 300 с.

Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4. С. 356–367.

Баранова И. И. Функциональные особенности научно-популярных текстов: На материале подъязыка физики: Дис…. канд. филол. наук / Рос. ун-т дружбы народов. М., 1995. 183 с.

Вычислительная техника. Терминология: Справ. пособие. Вып. 1. М.: Изд-во стандартов, 1989. 168 с.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.

Кожина М. Н., *Дускаева Л. Р.*, *Салимовский В. А.* Стилистика русского языка: Учеб. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.

Солганик Г. Я., *Дроняева Т. С.* Стилистика современного русского языка и культура речи: Учеб. пособие для студ. фак. журналистики. 3-е изд., стер. М.: Академия, 2005. 256 с.

Ужахова Т. О. Коммуникативно-прагматические особенности построения текстов в научно-популярных журналах: Дис. … канд. филол. наук. М., 2003. 170 с.

Шмелёва Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика: Науч. журн. актуальных проблем преподавания рус. яз. 1990. № 2. С. 20–32.

Шмелёва Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1994. 43 с.

D. V. Ilyina

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation; dviljina@gmail.com

Authorisation and addressing as means of popularisation of scientific content (a case study of a popular scientific article)

The paper is concerned with the description of authorization and addressing as means of explication of relations between the author, the reader and the subject matter of a popular scientific article on a linguistic theme. The method is considered within the context of the informing and attracting functions of popular scientific sphere of communication, taking into account the limitations of communication conditions placed by the genre. A particular popular linguistic article has been envisaged in this respect. A way of achievement of the goals concerned has been studied, where the figures of the author, the reader and the subject matter enter into relationships appropriate of real communicators' interactions – researchers and language speakers. Their variety and interchange are shown in the paper.

Keywords: popular scientific sphere of communication, popular scientific article, communication, communicative situation, viewpoint, authorisation, addressing.

DOI 10.17223/18137083/56/22

References

Apresyan Yu. D. Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira [Deixis in lexis and grammar and naïve world model]. In: *Semiotika i informatika* [Semiotics and informatics]. Iss. 28, Moscow, 1986, pp. 5–33.

Arnol'd I. V. *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka* [Stylistics of modern English]. Moscow, Prosveshchenie, 1990, 300 p.

Arutyunova N. D. Faktor adresata [Factor of afressee]. In: *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of Academy of Sciences of the USSR. Series of literature and language]. Moscow, Nauka, 1981, vol. 40, no. 4, pp. 356–367.

Baranova I. I. *Funktsional'nye osobennosti nauchno-populyarnykh tekstov: Na materiale pod"yazyka fiziki* [Functional features of popular scientific texts: a case study of physics sublanguage]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow, 1995, 183 p.

Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskiy V. A. *Stilistika russkogo yazyka:* Ucheb. [The stylistics of Russian language. Tutorial]. Moscow, Flinta, Nauka, 2008, 464 p.

Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa* [Semantic research: Semantics of tense and aspect; Semantics of narrative]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2010, 480 p.

Shmeleva T. V. Rechevoy zhanr. Vozmozhnosti opisaniya i ispol'zovaniya v prepodavanii yazyka [Genre of speech. The scope of description and use in language teaching]. In: *Russistik. Rusistika. Nauchnyy zhurnal aktual'nykh problem prepodavaniya russkogo yazyka* [Russian Studies. Scientific journal on current issues of Russian language teaching]. Berlin, 1990, no. 2, pp. 20–32.

Shmeleva T. V. *Semanticheskiy sintaksis: Tekst lektsiy iz kursa «Sovremennyy russkiy yazyk»* [Semantic syntax: Script of lectures in discipline «Modern Russian language»]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University, 1994, 43 p.

Solganik G. Ya., Dronyaeva T. S. *Stilistika sovremennogo russkogo yazyka i kul'tura rechi: Uchebnoe posobie* [Stylistics of modern Russian language and culture of speech: Study guide]. Moscow, Academia, 2005, 256 p.

Uzhakhova T. O. *Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti postroeniya tekstov v nauchno-populyarnykh zhurnalakh* [Communicative pragmatic features of text structure in popular science journals]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow, 2003, 170 p.

Vychislitel'naya tekhnika. Terminologiya: Sprav. posobie. Vyp. 1. [Computer Engineering. Terminology: Tutorial. Iss. 1]. Moscow, Izd-vo standartov, 1989, 168 p.

Zolotova G. A. *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on the functional syntax of the Russian language]. Moscow, Nauka, 1973, 351 p.

УДК 070.4
DOI 10.17223/18137083/56/23

Н. Н. Молитвина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Лингвостилистические особенности современной литературной рецензии

Статья посвящена анализу лингвостилистических особенностей современной литературной рецензии. На материале трех печатных и трех сетевых популярных изданий разного формата автор рассматривает наиболее характерные для рецензирования стилистические черты и предполагает, каким образом актуальные тенденции литературного процесса, формат изданий и прагматические задачи книжных обозревателей проявляются в специфике жанра – в характере изложения, образах адресанта и адресата, структурно-композиционных элементах, типичных стилистических недостатках и удачных языковых решениях. Связанное с проблемой изменения коммуникативных характеристик литературной рецензии в современном медиадискурсе, исследование намечает возможную трансформацию жанра и общие тенденции, характерные для рецензирования в сети и в прессе. Выявленные черты соотносятся автором с современной словесностью и литературной журналистикой в целом.

Ключевые слова: литературная рецензия, лингвостилистические особенности, литературный процесс, медиадискурс.

Современная литературная журналистика, выделяющаяся по тематическому признаку в приложениях, спецпроектах, отдельных разделах или специализированных изданиях и состоящая из литературных портретов, рецензий, обзоров, эссе, представляет новые формы отклика на произведения словесности, меняя характер привычной рефлексии о литературе с учетом содержания, композиции, языка и стиля. Ее исследователи отмечают синтетическую природу жанров и их качественные изменения: сближение с аннотацией или эссе [Новиков, 2012], субъективность, экспрессивность, ироничность, легкость, фрагментарность и «увлекательность» повествования, особенности языкового выражения аксиологических значений [Кобзеева, 2006; Набиева, 2010], интертекстуальность, полифоничность, сокращение аналитических компонентов, использование рекламных стратегий, склонность авторов к самопрезентации, провокации и эпатажу. На ма-

Молитвина Надежда Николаевна – аспирант кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (ул. Моховая, д. 9, Москва, 125009, Россия; molitvina@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© Н. Н. Молитвина, 2016

териале литературных журналов, сборников литературно-критических статей, массовых печатных и сетевых изданий подчеркиваются типичные тропы, семантические и синтаксические риторические приемы и лексические особенности [Гугунава, 2003; Сергунина, 2006; Говорухина, 2010; Крылов, 2014].

Поэтика рецензии [Новиков, 1978; Синдеева, 1984; Десюкевич, 2012; Лассан, 2012; Башкатова, 2013] – одного из самых распространенных в литературной журналистике жанров, историческими аналогами которой называют библиографическую рецензию газетного типа (краткую информацию об авторе, произведении, эпохе) и аналитическую журнальную рецензию (развернутый и аргументированный разбор книжных новинок) [Шильникова, 2011, с. 217–219, 513–514], – складывается в пределах научной, публицистической и художественной речи. Уступая литературоведческому исследованию в глубине анализа и обоснованности оценок, рецензия в современном медиадискурсе на уровне содержания и на уровне языка отражает тенденции, характерные для противоречивого литературного процесса в целом, с его реалистическим и авангардным направлениями, взаимопроникновением родов и жанров.

Ученые расходятся во мнениях по поводу классификации рецензий, ориентируясь на их содержание и типологические особенности изданий (по слиянию с другими жанрами различают рецензию-статью, рецензию-очерк, рецензию-интервью, рецензию-репортаж, по объему – гранд-рецензию и мини-рецензию, по количеству анализируемых произведений – монорецензию и полирецензию, по числу объектов – моноэлементную и полиэлементную рецензию, по каналу коммуникации – печатную, аудио- и аудиовизуальную рецензию, по цели создания – рецензию-аннотацию, рецензию-рассуждение, рецензию-полемику, по содержательным и форматно-стилевым характеристикам – рецензию-навигатор, рецензию-стимул, рецензию-фильтр, рецензию-сигнал и др.). Процесс рецензирования – как строгий, академический, так и нарушающий каноны, творческий – соотносится с экстралингвистическими факторами. Акцент на языковом аспекте жанра в существующих научных работах не позволяет сложить целостную картину его стилистических черт.

Цель нашего исследования – рассмотреть лингвостилистические особенности газетных и сетевых рецензий. Рабочей гипотезой служит предположение о том, что в литературной журналистике происходят трансформации, связанные с актуальными тенденциями литературного процесса, форматом изданий и прагматическими задачами книжных обозревателей, проявляющиеся на уровне стиля конкретного жанра и заключающиеся в изменении его коммуникативных характеристик. Основным эмпирическим материалом служат тексты рецензий, опубликованные в течение 2014 г. в трех печатных и трех сетевых источниках разного формата: в специализированной газете «Книжное обозрение», в литературном приложении Ex Libris к общественно-политической «Независимой газете», в глянцевом приложении к «Коммерсанту» – журнале «Коммерсант Weekend» и в новых сетевых проектах, посвященных культуре, образованию и досугу, – «Афиша-Воздух» [1], «Теории и практики» [2], «Кольта.ру» [3].

Первый из сетевых источников – «Афиша-Воздух» (сайт издательского дома «Афиша») – представляет собой вид глянцевого издания о досуге, привлекает профессиональных авторов и сочетает стратегии критики, журналистики и рекламы. Интернет-портал «Кольта.ру» освещает современное искусство и культуру и продолжает традицию сетевого проекта OpenSpace, привлекает узких специалистов, пишущих в формате развернутого, основательного критического суждения,

[1] https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/books
[2] http://theoryandpractice.ru/projects/otkrytoe-chtenie
[3] http://www.colta.ru/literature

по способу подачи темы и по ее исчерпанности сопоставимого с материалами литературных журналов и лонгридами [Колесниченко, 2015]. Наконец, сайт «Теории и практики» существует с 2009 г. как платформа для обмена знаниями, предлагая всем зарегистрированным пользователям создавать «лекции», «посты», «курсы» и «возможности», вследствие чего здесь возникает непрофессиональная критика, в том числе – литературные рецензии.

Лингвостилистический и контекстуальный анализ позволяет нам строить предположения о том, каким образом актуальные тенденции литературного процесса, специфика изданий и прагматические задачи книжных обозревателей влияют на специфику интересующего нас жанра и отражаются на характере изложения, образах адресанта и адресата, обязательных и факультативных структурно-композиционных элементах, типичных стилистических недостатках и удачных языковых решениях.

Следствием ориентации современной рецензии на массовую аудиторию является демократизм, простота и доступность лексики и синтаксиса, желание вписаться в мейнстрим, с одной стороны, и интеллектуализация повествования [Клушина, 2012] – с другой. Этим интенциям книжных обозревателей соответствуют две исторически сложившиеся разновидности жанра (газетная и журнальная рецензии), многоуровневость литературного процесса и отсутствие четких границ между массовой и элитарной литературой. Так, использование косвенных речевых актов многократно усложняет интерпретацию текста. Основанная на прецедентности языковая игра, интертекстуальные связи, идиоматические выражения, профессионализмы и термины, нетипичные для сообщений, адресованных массовому читателю, выражают заложенный рецензентом небуквальный смысл, требуя от адресанта и адресата вдумчивого анализа и специальных знаний. Мастерство обозревателя определяется не столько афористичностью заимствуемых выражений и способностью рассмотреть очередную книгу как *театр абсурда* или *философский дискурс*, сколько умением убедительно вписать ее в литературный процесс. В то же время подробный разбор произведений художественной литературы мало интересует массового читателя. Рассчитанное на последнего намеренное нарушение логики повествования, подчеркнутая эмоциональность, интрига, стилистическая раскованность создают эффект обманутого ожидания, превращая книгу из объекта исследования в бестселлер, рекламируемый продукт, информационный повод, сенсацию.

Современные тексты открыты для интерпретаций и множества смыслов, их жанровые границы размыты, а роль читателя и автора определяется будто всякий раз заново – от соавторства до анонимности, надперсональности. Желание рецензентов максимально приблизиться к своему читателю проявляется в явной полемике на уровне содержания, в вопросно-ответной форме изложения на уровне стиля, в нетипичности образов адресанта, когда литературный эксперт и филолог представляется непрофессиональным читателем, вступая в дискуссии с такими же дилетантами и навешивая ярлыки на ключевые фигуры книжного мира: *Так что же – Басу большевик? Нет-нет: корнуэллский профессор и вице-президент Всемирного банка, сам он предпочитает определение «диссидент». Политических выводов – ноль: надо бы договориться об ограничении уровня богатства и реформе системы наследования; ну да, хорошо было бы* (Л. Данилкин. Афиша-Воздух, 2014, 14 мая).

Установка на изобразительность и субъективность размывает структурно-композиционные жанровые образования. Привычный отклик на произведение словесности, включая полифоничность – голос автора и его коллег-обозревателей, писателя и читателя, разрастается до развернутого аналитического разбора в формате интернет-портала «Кольта.ру» или, напротив, сокращается до небольшого, информационно насыщенного, но не предполагающего полемики и подробной

аргументации высказывания в формате глянцевого журнала о досуге «Коммерсант Weekend». Привычное вступление / заключение, полные выходные данные, меткое заглавие становятся в рецензии необязательны. Монтажность повествования постмодернистских художественных произведений отражается в эклектичном, непоследовательном или цитатном письме рецензентов, противопоставленном литературоведческой интерпретации. Основная часть рецензии по желанию критика разбивается на тематические фрагменты, получающие подзаголовки: 1) *что* (сообщение о выходе книги) – *зачем читать* (оценка) – *цитата*; 2) *автор* (биография и выходные данные) – *в двух словах* (синопсис и оценка) – *детали* (подробный разбор) – *цитата* или 3) *книга и ее жанр* (определение жанру) – *книга и ее амбиции* (оценка авторской стратегии) – *книга-событие* (оценка книги).

В то время как в литературном процессе в целом происходит поиск новых способов воздействия на адресата, обозреватели ориентируются на коммерческих писателей, моду и законы рынка, заимствуют пиар- и рекламные речевые стратегии. Уже на лексическом уровне в литературной и арт-журналистике [Цветова, 2012] подчеркивается исключительность, новизна, актуальность: *лучший роман*, *первый выпуск*, *самая интересная*, *новый сборник*, *впервые*, *вновь изданный*, *бестселлер*, *дебют*, *вышедший сегодня*.

Приемы филологической критики и литературоведения не исчезают вовсе, но адаптируются под формат информационно-развлекательных и общественно-политических медиа, отвечая ожиданиям непрофессионального адресата. В результате внимание рецензента занимают не столько идеи, содержание первоисточника, контекст или убедительная система оценок, сколько нетривиальность характеров, конфликта и композиции. Особенности произведений при этом затрагиваются литературными критиками в случаях, когда могут служить рекламной цели.

Современная рецензия – жанр прагматический. Оценки по гамбургскому счету нередко отходят в ней на второй план. Такая позиция выражается в предпочтении обозревателем стилистической раскованности – сленга, жаргона, стилистически окрашенной, часто сниженной разговорной лексики – аргументированному, подчеркнуто объективному повествованию: *И у потенциального клиента есть несколько минут, чтобы* ***втюхать*** *плод ума холодных наблюдений и сердца горестных замет... Я прямо видела, как он говорит агенту:* ***короче****, там чудеса, по берегам водочных рек медведи бродят,* ***дичь****, нищета и кошмар...* (Ю. Яковлева. Афиша-Воздух, 2014, 26 мая).

Исключение представляют собой разборы, интерпретация в которых отталкивается от лингвистической составляющей исходных текстов – семантики и грамматики – и не ограничивается простым упоминанием «особых примет» книги: *Версификационная виртуозность здесь достигается за счет того, что всякая версификация отрицается... все... парадоксальные семантические взрывы... даны уже в строке, называющей первую главку: дожидаться если правильных морей... Конфликт усиливается тем, что неконтролируемых морей (еще и во множественном числе!)... каким-то образом можно дожидаться, а ведь «дожидаться» как глагол со значением направленного действия уже предполагает некий контроль над ситуацией. И вот парадокс: этот контроль тем не менее грамматически оформлен несовершенным видом инфинитива (т. е. окончательно он так никогда и не воплощается), а семантически – в виде пассивного ожидания. Не «дождаться», а дожидаться: этот неровный анапест первого стиха, соседствующий с ямбом, словно подчеркивает: не доплыть же до них, в самом деле...* (И. Соколов. Colta.ru, 2014, 22 янв.).

В своих крайних, авангардных проявлениях рецензия стремится к лаконичности и может строиться на одном выразительном приеме, больше зависящем от идиостиля автора, чем от формата издания или функционального стиля. Обо-

зреватели-практики склонны считать эту тенденцию влиянием сетевых жанров, где бо́льшим успехом пользуются короткие комментарии, рейтинги и рекомендательные сервисы. На семантическом, лексическом, синтаксическом уровнях в коротких рецензиях (объемом 300–1 000 знаков) проявляется языковая компрессия, подчеркивающая живость восприятия. Такие тексты – удачное решение для социальных сетей, онлайн-изданий и непрофессиональной критики – представляют собой самостоятельные завершенные высказывания и могут играть роль синопсиса / аннотации / отзыва по отношению к культурному явлению или роль лида / врезки, предупреждая, привлекая читателя и расставляя акценты: *Ева – яблоня – яблоко – змей – рептилия – крокодил – изгнание из рая – смерть – чудо – воскресение; в памяти остается разветвленная система образов и метафор, а не рецепт варки наркотика или матерный сленг уральских отверженных* (Л. Данилкин. Афиша-Воздух, 2014, 5 февр.).

Этот и подобные примеры становятся приметой идиостиля рецензента. В противоположном случае «формульный» характер сюжетов и образов, стереотипность произведений массовой литературы, глобализация, космополитизм, универсальность, минимум национальных различий в сюжетах, мотивах, приемах отражаются в однотипности коротких критических текстов.

Несмотря на скептическое отношение критиков к отрицательным рецензиям, именно среди них встречаются наиболее экспрессивные и потому интересные с точки зрения стиля публикации. Удачные образцы жанра (вспомним «Литпрозектор» «Литературной газеты») отличает ирония, иносказание или сарказм. Их выражение в тексте рецензии как форма неприятия и осуждения художественного явления осуществляется благодаря каламбурам, перифразам, метафоричности, гиперболичности, сравнениям, языковой игре. Экспрессивность сложных синтаксических целых или отдельных лексических единиц достигается за счет столкновения положительных и отрицательных коннотаций, взаимодействия эксплицитного и имплицитного смыслов: *От избытка героев и деталей начинает по-настоящему рябить в глазах... В этой ряби виноват не только главный герой. В тексте то и дело появляются ружья, которые не стреляют, и персонажи, которые не действуют, всякий раз создавая в сюжете пустоты, которые Ролинг заполнить нечем. Отец героя, сестра героя, бывшая девушка героя, бывший сослуживец героя, жених секретарши героя – хотя их присутствие ограничивается бессловесным существованием на заднем плане, все они с завидным постоянством вылезают на поверхность текста, как фигуры в игровом автомате, но Ролинг методично бьет по одним и напрочь игнорирует других – и делает это более чем осознанно* (С. Пермякова. Афиша-Воздух, 2014, 17 февр.).

В отличие от печатных газетно-журнальных, в сетевых рецензиях заметнее существующие в литературной журналистике недостатки – от чрезмерной субъективности, клишированности высказываний или смешения функциональных стилей до отсутствия четких эстетических критериев оценки. Однако именно эти издания больше открыты для экспериментов с формой и пользуются заметным успехом у читателя.

Тенденции, только намеченные в печати со строгим форматом и сложившимися традициями, получают максимальное развитие в сетевых проектах. Соединяя технические возможности интернета с находками филологии, литературы и журналистики, книжные обозреватели экспериментируют с формой, отклоняясь от прототипических жанров, но сохраняя рецензирование необходимым видом журналистской работы.

Отмеченные черты печатных и сетевых рецензий свидетельствуют о качественных изменениях в литературной журналистике – в стиле изложения, образах адресанта и адресата, структуре и содержании.

Многоуровневость литературного процесса и ориентация книжных обозревателей на широкую аудиторию отражается в противоречивых способах подачи материала – в одновременном упрощении текстов и их интеллектуализации.

Поиск новых способов воздействия на читателя, установка на изобразительность и лаконичность, заимствование собственно литературных приемов или рекламных речевых стратегий размывает устоявшиеся структурно-композиционные жанровые образования и становится новой стилистической нормой. В результате рецензия приобретает сходство с другими жанрами и в практике книжных обозревателей возникают не характерные для рецензирования прецеденты.

Отсутствие четких эстетических критериев отражается в спорных, субъективных оценках, а стереотипность произведений – в однотипности отзывов.

Ориентированная на развлечение читателя и рекламу книжных новинок, современная литературная журналистика на примере рецензии строго функциональна. Сокращение доли профессионального анализа, эпатаж как метод создания текстов, вызывающая бескомпромиссность и комплиментарность отличают ее стиль и содержание.

На материале печатных и сетевых медиа заметно меняются представления о поэтике жанров. Однако вопрос перспективной формы разговора о литературном процессе остается открытым.

Список литературы

Башкатова А. Г. Литературная рецензия в контексте современных тенденций развития культуры: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.

Говорухина Ю. А. Русская литературная критика на рубеже XX–XXI веков: Дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2010.

Гугунава Д. В. Специфика словопроизводства в литературной критике произведений постмодернизма: Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2003.

Десюкевич О. И. Композиционно-стилистические и дискурсивные характеристики жанра рецензии // Жизнью и словом присягаючи: Сб. науч. работ. Минск: БГУ, Институт журналистики, 2012. С. 148–157.

Клушина Н. И. Непрямое информирование в современных СМИ // Жизнью и словом присягаючи: Сб. науч. работ. Минск: БГУ, Институт журналистики, 2012. С. 288–293.

Кобзеева О. В. Стилежанрообразующая роль аксиологических значений и средств их выражения во вторичных жанрах современной русской речи: научной рецензии, театральной рецензии, отзыве: Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006.

Колесниченко А. В. Длинные тексты (лонгриды) в российской прессе // Медиаскоп. 2015. № 1. URL: http://www.mediascope.ru/node/1691

Крылов В. Н. Проблемы прагматики и поэтики жанра литературно-критической рецензии // Медиаскоп. 2014. № 4. URL: http://www.mediascope.ru/node/1595

Лассан Э. Р. Рецензия как жанр и как речевой акт // Лингвистика речи. Медиастилистика: Коллективная моногр. М.: Флинта: Наука, 2012. С. 190–205.

Набиева Е. А. Оценочность в жанре рецензии: лингвистический и прагматический аспекты: На материале «Литературной газеты» и региональной парламентской газеты «Тюменские известия» постсоветского периода 1993–1995 и 2003–2005 гг.: Дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2010.

Новиков В. И. Поэтика рецензии // Литературное обозрение. 1978. № 7. С. 18–24.

Новиков В. И. Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: http://www.mediascope.ru/node/1116

Сергунина Н. А. Литературная критика в РуЛиНете как звено коммуникативной системы: Автор – текст – аудитория: Теория вопроса: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006.

Синдеева Т. И. Речевой жанр «газетная рецензия» и его лингвотекстовые характеристики (на материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.

Цветова Н. С. Дискурс искусства в современной российской журналистике // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. 2012. Сер. 9, вып. 1. С. 231–238.

Шильникова О. Г. Литературная критика в контексте русской журналистики: Генезис, принципы функционирования, типология текстов: Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2011.

N. N. Molitvina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
molitvina@mail.ru

Linguistic and stylistic features of contemporary literary review

The article is devoted to the analysis of contemporary literary review's linguistic and stylistic features. It's a case study of printed and online popular media, in which the author observes the most typical stylistic features and assumes, how actual tendencies of literary process, media format and pragmatic goals of book observers appear in the genre's specifics – in style of narrative, images of addresser and addressee, structural and compositional elements, typical stylistic failures and successful linguistic practices. Research is connected with the problem of changing communicative characteristics of literary reviews in contemporary media discourse and outlines possible transformation of the genre and main trends or reviewing in network and press. Features revealed in the article correlate by the author with contemporary literature and literary journalism in general.

Keywords: literary review, linguistic and stylistic features, literary process, media discourse.

DOI 10.17223/18137083/56/23

References

Bashkatova A. G. *Literaturnaya retsenziya v kontekste sovremennykh tendentsiy razvitiya kul'tury*. Diss. kand. filol. nauk. [Literary review in the context of modern culture evolution tendencies. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2013.

Desyukevich O. I. Kompozitsionno-stilisticheskie i diskursivnye kharakteristiki zhanra retsenzii [Composition, stylistic and discoursive characteristics of the review genre]. In: *Zhizn'yu i slovom prisyagayuchi* [Swearing the life and the word]. Minsk, Belarusian State University, Institute of Journalism, 2012, pp. 148–157.

Govorukhina Yu. A. *Russkaya literaturnaya kritika na rubezhe XX–XXI vekov*. Diss. dokt. filol. nauk. [Russian literary criticism at the turn of the 21st century. Dr. philol. sci. diss.]. Tomsk, 2010.

Gugunava D. V. *Spetsifika slovoproizvodstva v literaturnoy kritike proizvedeniy postmodernizma*. Diss. kand. filol. nauk. [Specificity of word derivation in literary criticism of postmodernist works. Cand. philol. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2003.

Klushina N. I. *Nepryamoe informirovanie v sovremennykh SMI* [Indirect information in the modern media]. In: *Zhizn'yu i slovom prisyagayuchi* [Swearing the life and the word]. Minsk, Belarusian State University, Institute of Journalism, 2012, pp. 288–293.

Kobzeeva O. V. *Stilezhanroobrazuyushchaya rol' aksiologicheskikh znacheniy i sredstv ikh vyrazheniya vo vtorichnykh zhanrakh sovremennoy russkoy rechi: nauchnoy retsenzii, teatral'noy retsenzii, otzyve*. Diss. kand. filol. nauk. [Style and genre making role of axiological meanings

and their means of expression in scientific reviews, theater reviews and comments. Cand. philol. sci. diss.]. Omsk, 2006.

Kolesnichenko A. V. Dlinnye teksty (longridy) v rossiyskoy presse [Long texts (longreads) in the modern Russian press]. *Mediaskop*, 2015, no. 1. Available at: URL: http://www.mediascope.ru/node/1691

Krylov V. N. Problemy pragmatiki i poetiki zhanra literaturno-kriticheskoy retsenzii [The problems of pragmatics and poetics of the genre of a literary and critical review]. *Mediaskop*, 2014, no. 4. Available at: URL: http://www.mediascope.ru/node/1595

Lassan E. R. Retsenziya kak zhanr i kak rechevoy akt [Review as a genre and a speech act]. In: *Lingvistika rechi. Mediastilistika* [Speech linguistics. Mediastylistics]. Moscow, Flinta, Nauka, 2012, pp. 190–205.

Nabieva E. A. *Otsenochnost' v zhanre retsenzii: lingvisticheskiy i pragmaticheskiy aspekty: na materiale «Literaturnoy gazety» i regional'noy parlamentskoy gazety «Tyumenskie izvestiya» postsovetskogo perioda 1993–1995 i 2003–2005 gg.* Diss. kand. filol. nauk. [Evaluativity in the review genre: linguistic and pragmatic aspects (a case study of the «Literaturnaya gazeta» newspaper and the regional parliamentary newspaper «Tyumenskiye izvestiya» of the post-Soviet period 1993–1995 and 2003–2005. Cand. philol. sci. diss.]. Tyumen, 2010.

Novikov V. I. *Esse kak zhanrovaya dominanta novoy literaturnoy zhurnalistiki* [Essay as a genre dominant of the new literary journalism]. *Mediaskop*, 2012, no. 2. Available at: URL: http://www.mediascope.ru/node/1116

Novikov V. I. Poetika retsenzii [Poetics of a review]. *Literaturnoe obozrenie*, 1978, no. 7, pp. 18–24.

Sergunina N. A. *Literaturnaya kritika v RuLiNete kak zveno kommunikativnoy sistemy: avtor – tekst – auditoriya: teoriya voprosa*. Diss. kand. filol. nauk. [Literary criticism in RuLiNet as a part of communication system: author – text – audience: the theory. Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2006.

Shil'nikova O. G. *Literaturnaya kritika v kontekste russkoy zhurnalistiki: genezis, printsipy funktsionirovaniya, tipologiya tekstov*. Diss. dokt. filol. nauk. [Literary criticism in the context of Russian journalism: genesis, principles of operation, text typology. Dr. philol. sci. diss.]. Volgograd, 2011, pp. 217–219, 513–514.

Sindeeva T. I. *Rechevoy zhanr «gazetnaya retsenziya» i ego lingvotekstovye kharakteristiki (na materiale angliyskogo yazyka)*. Diss. kand. filol. nauk. [Speech genre «newspaper review» and its lingistic and textual characteristics (with reference to English language. Cand. philol. sci. diss.)]. Moscow, 1984.

Tsvetova N. S. Diskurs iskusstva v sovremennoy rossiyskoy zhurnalistike [Art discourse in modern russian journalism]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2012, no. 9 (1), pp. 231–238.

УДК 81’255.4
DOI 10.17223/18137083/56/24

В. И. Кудинова [1], **А. А. Свиридов** [2]

[1] *Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого*
[2] *Тульский государственный университет*

Исследование влияния методов перевода метафоры на ее прагматическую составляющую

Изучается влияние методов перевода метафоры на прагматику. Авторы освещают текущее состояние вопроса, предлагают комплексный способ анализа, а также приводят алгоритм выполнения более полного исследования прагматической составляющей, интегрирующий трансформационный и когнитивный подходы. В ходе сопоставительного анализа переводов метафор политического дискурса англоязычных газет на русский язык составляются таблицы процентов использования переводческих трансформаций, их уровней и способов передачи метафорической формы. Проводится корреляционный анализ способов передачи метафор между данными изданий, устанавливающий релевантность выборки. Далее на отдельных примерах авторы показывают, как методы перевода влияют на прагматику, и приводят таблицы со сводной информацией по всем примерам. В заключение указываются возможные направления дальнейших исследований и формулируются основные выводы.

Ключевые слова: метафора, прагматика, лингвистическая прагматика, теория перевода, когнитивистика, статистический анализ, корреляционный анализ.

Проблемы теории перевода представляют несомненный интерес для исследователей. Так, например, важно проводить успешные переговоры с представителями других культур или выполнять качественные переводы материалов зарубежных средств массовой информации. Существенное место в изучении этого вопроса отводится прагматике [Morris, 1938, с. 6], что отмечают известные лингвисты В. Н. Комиссаров [1990, с. 210] и Л. С. Бархударов [1975, с. 106–107]. Питер Ньюмарк говорит о переводе метафор как о важнейшей частной задаче [Newmark, 1988, p. 104]. В данной работе с позиции лингвистической прагматики, заключающейся в понимании языка как инструмента воздействия на читателя

Кудинова Валентина Иосифовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой немецкого языка Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (просп. Ленина, 125, Тула, 200026, Россия; Walkoud@rambler.ru)

Свиридов Александр Александрович – аспирант кафедры прикладной математики и информатики Тульского государственного университета (просп. Ленина, 92, Тула, 300012, Россия; Sviridov86@gmail.com)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© В. И. Кудинова, А. А. Свиридов, 2016

[Володина, 2008, с. 221], изучается прагматический аспект передачи этого тропа: с помощью сопоставительного анализа англоязычных текстов и их переводов на русский язык мы определяем, как переводческие трансформации (ПТ) и способы передачи метафорической формы (СПМФ) влияют на прагматику, то есть устанавливаем, насколько перевод соответствует оригиналу в отношении воздействия на адресата, что включает в себя определение точности передачи интенций автора и степени эквивалентности оценки освещаемых событий представителями рассматриваемых языковых культур с учетом имеющихся у них различных фоновых знаний. В качестве оригиналов использованы 26 статей политической тематики ведущих изданий Великобритании («The Guardian» и «BBC News») и США («The New York Times»), из которых посредством сплошной выборки были отобраны 200 примеров. Все переводы взяты с вебсайта «Переводика – Переводы мира, мир переводов» [1]. Предложенный метод может быть использован и для любых других видов дискурса.

Текущее состояние вопроса

Рассмотрим сначала ряд подходов к анализу переводов метафоры. С. А. Пикалева изучает применяемые ПТ (лексические, синтаксические и стилистические) и СПМФ (метафора сохранена, изменена или опущена), показывает, какие метафорические модели (ММ) [Чудинов, 2001] вызывают наибольшие трудности при переводе [Пикалева, 2004]. А. В. Немировская рассматривает ПТ (полный перевод, интерпретация (толкование), замена образа, традиционное соответствие, структурное преобразование, добавление, опущение) [Немировская, 2007]. Она описывает стратегии перевода авторской (встречная метафоризация; замена метафоры собственными интерпретациями; перевод образным сравнением или устойчивыми языковыми метафорами, характерными для языка перевода; буквальное тождество) и концептуальной метафор (передача аналогичными метафорами, замена образа, подбор традиционного соответствия). Е. В. Бабурина исследует СПМФ, выделяя буквальный перевод, перевод другой метафорой или перевод сравнением, толкованием или опущением [Бабурина, 2001]. Е. В. Приказчикова подчеркивает важность построения ММ [Приказчикова, 2009]. А. А. Прокопьева интегрирует когнитивный и трансформационный подход, распределяя ПТ на группы, где преобладает сохранение сферы-цели (конкретизация, генерализация, антонимический перевод, лексико-грамматические трансформации) либо ее изменение (эквиваленция, стилистическая нейтрализация, метафорическая дифференциация, целостное преобразование) [Прокопьева, 2006]. Таким образом, в указанных выше работах авторы использовали один или несколько из следующих способов анализа: изучение применяемых ПТ, СПМФ, построение ММ и определение влияния методов передачи на построенные ММ посредством сопоставления их с ММ переводов.

Рассмотренные труды посвящены вопросам передачи метафор, но прагматический аспект не включался в исследования. З. С. Дотмурзиева проводит уже анализ прагматики переводов (не только метафор) и указывает ПТ, позволяющие сохранить прагматический потенциал (выделяются транскрипция, транслитерация, калькирование, добавление, опущение, дескрипция, генерализация, конкретизация, сноски (комментарии), авторские неологизмы и окказионализмы, замена образа, смешанные способы) [Дотмурзиева, 2006]. О. Е. Вошина разграничивает СПМФ: структурно-эквивалентный (метафоры с эквивалентной, более широкой или узкой информацией по сравнению с оригиналом) и структурно-неэквива-

[1] Переводика – Переводы мира, мир переводов. URL: http://perevodika.ru (дата обращения 17.10.2013).

лентный (сравнения, нейтральные средства или другие образы) [Вошина, 2003]. В ряде случаев она описывает влияние этих способов перевода на прагматику. В. Н. Комиссаров выделяет четыре вида прагматической адаптации (на уровне понимания, на уровне восприятия, для конкретных рецепторов и ситуаций общения, при решении экстрапереводческой сверхзадачи) [Комиссаров, 2011, с. 139–144] и приводит их примеры [Комиссаров, 1990, с. 211–226]. Л. С. Бархударов рассматривает передачу прагматики с помощью некоторых ПТ (добавление, опущение, замена, генерализация, конкретизация, комментарий) [Бархударов, 1975, с. 126–130].

Авторам работы неизвестны труды по анализу влияния ПТ и СПМФ на прагматический потенциал метафоры.

Описание метода исследования

Анализ влияния способов перевода метафоры на прагматическую составляющую мы проводим по следующей схеме:

1. Определение переводческих трансформаций – рассчитать для каждой из газет и в среднем процент применения различных ПТ и их уровней.
2. Определение способов передачи метафорической формы – указать для каждой из газет и в среднем процент использования СПМФ каждого из типов.
3. Исследование наличия корреляции по способам перевода статей разных газет – установить наличие или отсутствие общих тенденций в переводе статей разных газет.
4. Анализ влияния способов перевода на прагматику – определить, как ПТ, их уровни и СПМФ повлияли на прагматику.

В работе мы ограничиваемся изучением влияния приемов перевода метафор на прагматический потенциал, однако более полный алгоритм анализа прагматики, интегрирующий трансформационный и когнитивный подходы, может выглядеть следующим образом:

1. Определение способов перевода метафор – рассчитать проценты применения различных ПТ, их уровней и СПМФ в каждом из источников материала и в среднем.
2. Построение метафорических моделей – указать проценты использования различных ММ, а также фреймов сферы-источника и сферы-цели в каждом из источников материала и в среднем.
3. Исследование наличия корреляции по параметрам анализа – определить наличие или отсутствие общих тенденций по использованию ПТ, их уровней, СПМФ, ММ и фреймов сферы-источника и сферы-цели для разных источников материала.
4. Анализ влияния способов перевода на прагматику – определить, как ПТ, их уровни и СПМФ повлияли на прагматику.
5. Анализ взаимосвязи метафорических моделей и фреймов сферы-источника с прагматикой переводов – установить, как изменяется прагматический потенциал для разных ММ и фреймов сферы-источника.

Перейдем к определению способов передачи метафор. После этого при выполнении анализа влияния ПТ и СПМФ на прагматику мы приведем конкретные примеры использования различных способов перевода и их воздействия на прагматический потенциал.

Определение переводческих трансформаций

Мы изучили ПТ, выделяемые Я. И. Рецкером [2007, с. 45–84], Л. С. Бархударовым [1975, с. 191–226], В. Н. Комиссаровым [1990, с. 172–173], Р. К. Миньяр-

Белоручевым [1996, с. 95–97; 1999, с. 59–142] и Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне [Вопросы теории перевода..., 1978, с. 158–166]. В этих исследованиях, как правило, указываются два уровня ПТ: лексический и грамматический. Выполняемые ПТ часто представляют собой комбинацию приемов, например, перестановку и замену, грамматическую и лексическую ПТ [Бархударов, 1975, с. 230]. Анализ показал, что для перевода 200 метафор было задействовано 254 ПТ.

Мы ориентировались по большей части на классификации Я. И. Рецкера, Л. С. Бархударова и В. Н. Комиссарова и выделили пять уровней ПТ: нулевые, лексические, синтаксические, семантические и грамматические. Отметим, что В. Н. Комиссаров относит дословный перевод к грамматическому уровню [Комиссаров, 1990, с. 172–173], однако для целей нашего исследования удобнее отнести его к нулевым ПТ. В табл. 1 показаны проценты использования всех обнаруженных в отобранных примерах ПТ, а также их уровней.

Определение способов передачи метафорической формы

Обратимся теперь к другому важному вопросу перевода метафор – СПМФ.

Составлением классификаций СПМФ занимались разные исследователи. Мы рассмотрели работы С. А. Пикалевой [2004], А. В. Немировской [2007], Е. В. Бабуриной [2001], О. Е. Вошиной [2003] и Дж. Бикмана и Дж. Келлоу [1994]. За основу мы взяли классификацию Дж. Бикмана и Дж. Келлоу [Там же, с. 161–167]:

1) сохранение метафорической формы;
2) использование формы сравнения;
3) использование формы необразного выражения;
4) комбинация вышеперечисленных возможностей.

Авторы отмечают, что указанные приемы расположены в порядке убывания предпочтительности их использования [Там же, с. 161]. Мы немного модифицировали эту классификацию, подразделив первый пункт на два, чтобы увидеть, насколько часто сохранялся образ, а также сократили названия вариантов перевода:

1) сохранение формы и образа;
2) сохранение формы и изменение образа;
3) замена сравнением;
4) замена необразным выражением;
4) комбинация способов передачи.

Статистика анализа показана в табл. 2.

Исследование наличия корреляции по способам перевода статей разных газет

Определим теперь, есть ли корреляция по использованию приемов перевода для разных изданий.

Мы работаем с изданиями примерно одного уровня, переводами занимались разные специалисты вебсайта «Переводика – Переводы мира, мир переводов», поэтому наличие корреляций в способах передачи говорит о релевантности выборки и позволяет описать общие тенденции, тогда как их отсутствие свидетельствует, вероятно, о выборе специфичных статей.

Начнем анализ с уровней ПТ. Рис. 1 иллюстрирует явную корреляцию между всеми изданиями.

Таблица 1

Использование различных трансформаций и их уровней, %

Трансформация	The Guardian	BBC News	The New York Times	Средние показатели
Нулевой уровень				
Дословный перевод	28,97	31,82	34,95	31,89
Оставлен вариант на английском языке	0	2,27	0	0,39
Общие показатели	28,97	34,09	34,95	32,28
Лексический уровень				
Смысловое развитие	14,95	4,55	17,48	14,17
Дифференциация	10,28	6,82	3,88	7,09
Целостное преобразование	0	6,82	4,85	3,15
Конкретизация	0,93	2,27	0,97	1,18
Калькирование	1,87	0	0,97	1,18
Транскрипция	0	0	1,94	0,79
Генерализация	0	2,27	0	0,39
Общие показатели	28,04	22,73	30,1	27,95
Синтаксический уровень				
Перестановка	23,36	15,91	9,71	16,54
Семантический уровень				
Добавление	5,61	13,64	8,74	8,27
Опущение	7,48	0	3,88	4,72
Общие показатели	13,08	13,64	12,62	12,99
Грамматический уровень				
Замена части речи	5,61	6,82	6,8	6,3
Замена формы слова	0,93	2,27	3,88	2,36
Замена простого предложения сложным	0	2,27	1,94	1,18
Замена члена предложения	0	2,27	0	0,39
Общие показатели	6,54	13,64	12,62	10,24

Таблица 2

Использование различных способов передачи метафорической формы, %

Способ передачи	The Guardian	BBC News	The New York Times	Средние показатели
Сохранение формы и образа	77,22	75,76	67,07	72,68
Сохранение формы и изменение образа	6,33	6,06	13,41	9,28
Сохранение формы	83,54	81,82	80,49	81,96
Замена сравнением	0	0	1,22	0,52
Замена необразным выражением	16,46	18,18	18,29	17,53
Комбинация способов передачи	0	0	0	0

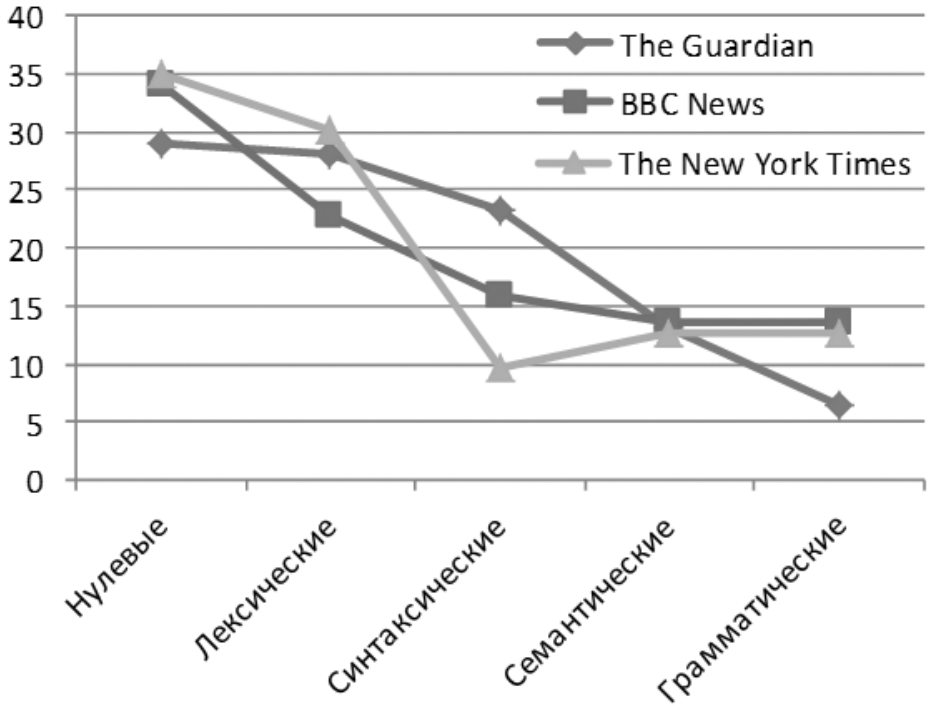

Рис. 1. Процент использования трансформаций разных уровней в газетах

Рассмотрим отдельные ПТ. На рис. 2 показана статистика по нулевым, синтаксическим и семантическим ПТ. Вновь наблюдаем заметную корреляцию.

Данные по лексическому уровню приведены на рис. 3. Общие закономерности прослеживаются, но есть и отличия: для смыслового развития и целостного преобразования видна зависимость между парами газет «The Guardian» / «The New York Times» и «BBC News» / «The New York Times» соответственно, однако в обоих случаях показатели третьего издания отличаются значительно.

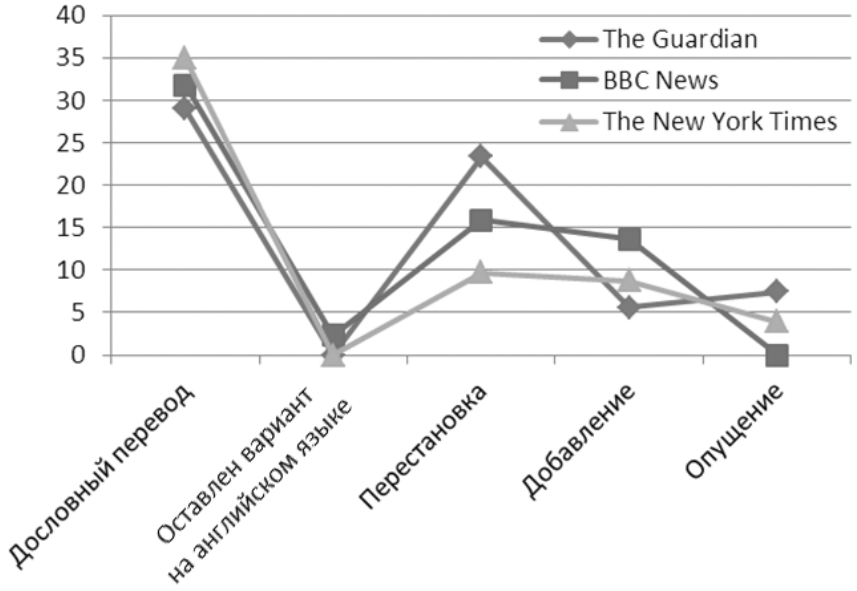

Рис. 2. Процент использования нулевых, синтаксических и семантических трансформаций в газетах

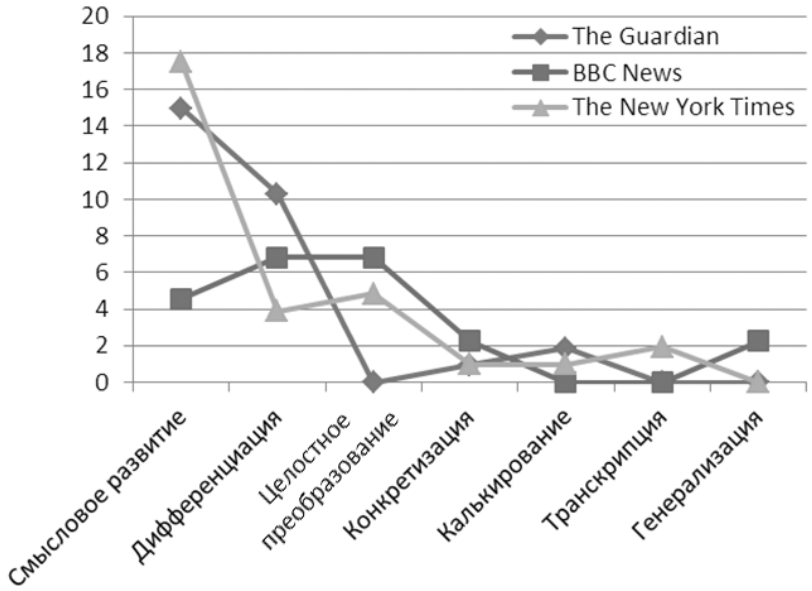

Рис. 3. Процент использования лексических трансформаций в газетах

Графики грамматических ПТ показаны на рис. 4. Наличие общих тенденций в этой группе не вызывает сомнений.

Частотность применения СПМФ отражена на рис. 5, где хорошо видна аналогия использования во всех изданиях.

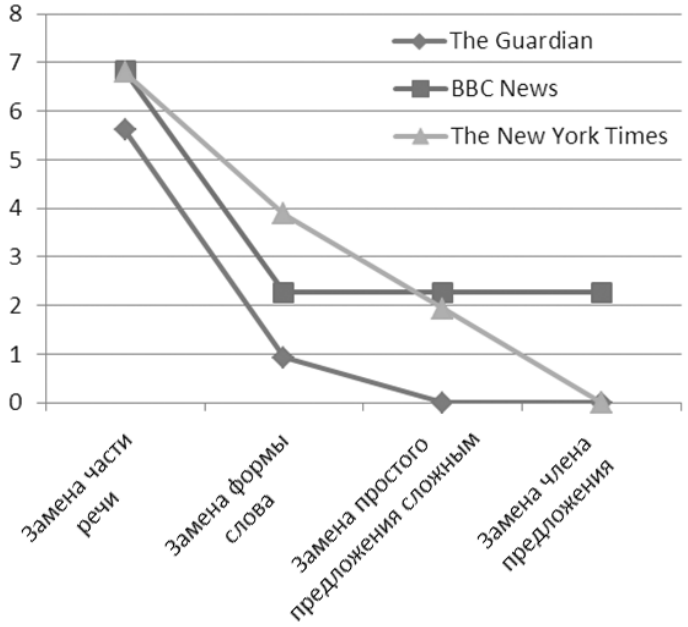

Рис. 4. Проценты использования грамматических трансформаций в газетах

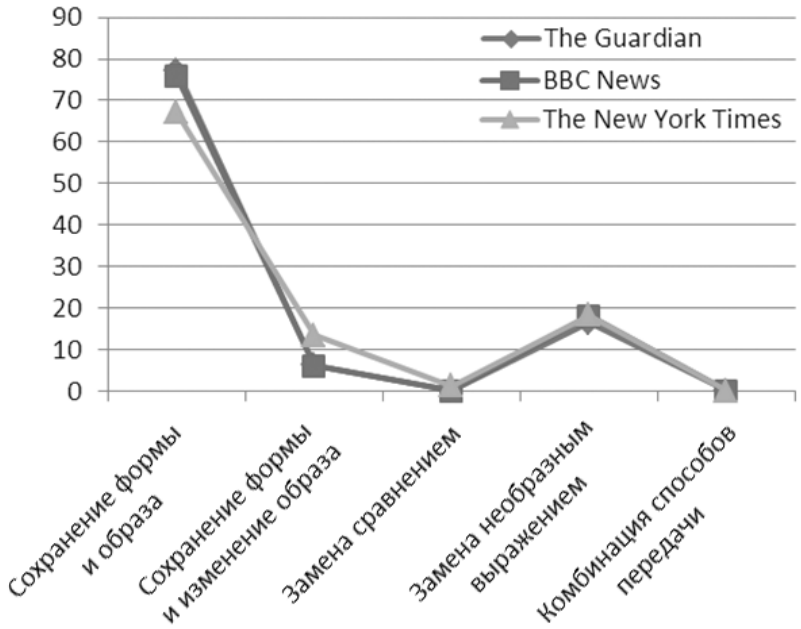

Рис. 5. Процент использования способов передачи метафорической формы в газетах

Проведенный анализ показывает значительную в целом корреляцию по параметрам исследования.

Анализ влияния способов перевода на прагматику

Рассмотрим, как способы передачи метафор повлияли на прагматику переводов.

Определим сначала влияние ПТ. В ходе исследования часто встречался дословный перевод, например: *the ideology of the zoo* ‘идеология зоопарка’, *a rime of disappointment* ‘иней разочарования’, *laundering their blood dollars* ‘отмывая их кровавые доллары’. Во всех случаях прагматическая составляющая была полностью сохранена.

Обратимся к лексическому уровню. В 80,56 % примеров смыслового развития влияние не оказывалось: *news blackout* ‘блокирование прессы’, *freedom of speech* ‘свобода слова’, *the watershed year* ‘поворотный год’. В 19,44 % прагматический потенциал передан не был: *a big beast* ‘большая организация’, *floral tributes* ‘цветы’.

При применении целостного преобразования прагматика сохранялась в 62,5 %. Например, при передаче *to knock Washington down a peg or two* переводчик подобрал очень удачное соответствие: ‘выдрать парочку перьев из хвоста Вашингтона’. В 37,5 % были изменения; рассмотрим несколько примеров, перевод которых мы считаем неудачным. Статья *Psychological scars of war take toll in Misrata* стала называться «Похмелье». В ней рассказывается о том, что люди, чье психическое здоровье было подорвано во время военных действий, страдают и нуждаются в помощи психологов. Заголовок «Похмелье» неинформативен и имеет иную прагматику: «психологические шрамы войны» будут ассоциироваться у русского читателя со страданиями людей, вызывая сочувствие, тогда как «похмелье» приведет к негативным ассоциациям. Мы бы предпочли видеть перевод «В Мисурата дают о себе знать психологические шрамы войны». Еще один пример – преобразование заголовка *As Putin’s Grip Gets Tighter, a Time of Protest Fades in Russia* в «Нам пишут из солнечной Танзании». Статья о человеке, сбежавшем от политического преследования в Танзанию. При переводе информативность утеряна, а жесткие слова *As Putin’s Grip Gets Tighter* заменяются на жизнерадостные. Заголовок «Путин ужесточает хватку: затихание протеста в России» кажется нам более уместным.

При дифференциации прагматика сохранялась в 77,78 %: *the benevolent zookeeper* ‘добрый хранитель зоопарка’, *to pierce the veil of secrecy* ‘срывать завесу секретности’. В 22,22 % произошли изменения, например: *Some were horrified, for example, when in October 2011 Mustafa Abdul Jalil, the internationally-known* ***face of the revolution****...* ‘Некоторые были шокированы, например, когда в октябре 2011 года Мустафа Абдель Джалиль, известный на весь мир **представитель революции**…’, но *face of the revolution* воспринимается как лидер, что видно из контекста, а не как один из участников, т. е. представителей революции.

В работе конкретизация встретилась три раза, прагматика сохранена везде: *we have only shaken the rose a little bit* ***to get*** *the smell* ‘мы лишь потрясли немного розу, чтобы **почувствовать** запах’. Калькирований также три, прагматика снова передана везде: *the Vienna-based nuclear watchdog* ‘Венский ядерный сторожевой пес’. Транскрипций всего две, прагматика изменена: *the bug* ‘баги’. В единственном примере генерализации прагматика сохранена: *the Depression era* ‘времена Великой депрессии’.

Перейдем к синтаксическим и семантическим ПТ. Перестановка не изменяла прагматическую составляющую: *this battle for hearts and minds* ‘эта битва за умы и сердца’, *the poverty line* ‘черта бедности’. Добавление также не оказывало влия-

ния: *the fall of the regime* ‘момент падения режима’, *down the unsustainability road* ‘идти по дороге неустойчивого развития’. При опущении в 58,33 % либо метафора опускалась полностью, либо прагматическая составляющая была утеряна, как при переводе *the sidelines of politics* ‘политика’, либо сила воздействия ослаблялась, например: *omnipotent and benevolent, sole dispenser of salvation* ‘всесильный и великодушный, дает свободу’, где опущено *sole*. В 41,67 % изменений не было: *the head of the Russian state* ‘глава государства’, *the computer worm* ‘червь’.

Рассмотрим грамматические ПТ. При замене части речи прагматика сохранялась в 75 %: *the essential propaganda battle* ‘основа пропагандистской битвы’, *Islamic vacuum* ‘пустота в плане Ислама’. В 25 % есть изменения, например: *Panorama’s Hilary Andersson comes face to face with* ***the reality of poverty*** *in America and finds that, for some, the last resort has become life in a tented encampment* ‘Корреспондент «Панорамы» Хилари Андерсон рассказывает о своей встрече лицом к лицу с **реальной бедностью** в Америке, и о том, что для некоторых людей, последним убежищем стала жизнь в палаточном лагере’, здесь поменялись и смысл и прагматика. В случае замены формы слова прагматика передавалась в 66,67 %: *a fall in price* ‘падение цен на нефть’. Замен простого предложения сложным было три, прагматика сохранена везде: *he liked to have a man's life in his hands* ‘ему нравилось то, что у него в руках жизнь другого человека’. Замена члена предложения выполнялась один раз, прагматика передана: *oil prices do suffer a sustained drop* ‘произойдет длительное падение цен на нефть’.

Сводная информация по степени влияния на прагматический потенциал ПТ и их уровней показана в табл. 3.

Проанализируем теперь влияние СПМФ. При сохранении формы и образа прагматика передавалась в 99,29 %. Конечно, для таких метафор как *a parallel universe*, *flight of hope*, *office plankton* и многих других, при переводе которых применялся дословный перевод, изменений не будет. В случаях сохранения формы и изменения образа прагматика передавалась уже в 88,89 %: *an aura of inevitability* ‘ореол неизбежности’, *the worm* ‘вирус’. В 11,11 % прагматика изменена: *the worm’s escape* ‘побег программы’. В единственном примере замены сравнением прагматика сохранена: *Trojan horses* ‘программы типа троянский конь’. Больше всего изменений при замене необразными выражениями – 47,06 %: *the heart of winter* ‘морозы’, *game changing weapons* ‘качественно новые вооружения’. Однако в 52,94 % прагматика сохранена: *militant strand* ‘воинственная составляющая’, *whitewashing Iranian money* ‘сокрытие иранских денег’.

Результаты анализа влияния СПМФ на прагматический потенциал приведены в табл. 4.

Опишем теперь возможные направления дальнейших исследований и подведем итоги проделанной работы.

Основные выводы

В качестве возможных направлений дальнейших исследований мы можем выделить следующие:

- расширить выборку до 10 изданий и 2 000 примеров или более;
- учитывать при анализе авторов переводов;
- провести корреляционный анализ не только по способам передачи, но и по прагматической составляющей, характеризующейся значениями «сохранена» и «изменена»;
- использовать алгоритм, интегрирующий трансформационный и когнитивный подходы.

Таблица 3

Влияние переводческих трансформаций и их уровней на прагматику текста

Трансформация	Прагматика, %	
	сохранена	изменена
Нулевой уровень		
Дословный перевод	100	0
Оставлен вариант на английском языке	100	0
Общие показатели	100	0
Лексический уровень		
Смысловое развитие	80,56	19,44
Дифференциация	77,78	22,22
Целостное преобразование	62,5	37,5
Конкретизация	100	0
Калькирование	100	0
Транскрипция	0	100
Генерализация	100	0
Общие показатели	74,41	25,59
Синтаксический уровень		
Перестановка	100	0
Семантический уровень		
Добавление	100	0
Опущение	58,33	41,67
Общие показатели	79,17	20,84
Грамматический уровень		
Замена части речи	75	25
Замена формы слова	66,67	33,33
Замена простого предложения сложным	100	0
Замена члена предложения	100	0
Общие показатели	85,42	14,58
Общие показатели по газетам	88	12

Таблица 4

Влияние способов передачи метафорической формы на прагматику текста

Способ передачи	Прагматика, %	
	сохранена	изменена
Сохранение формы и образа	99,29	0,71
Сохранение формы и изменение образа	88,89	11,11
Сохранение формы	94,09	5,91
Замена сравнением	100	0
Замена необразным выражением	52,94	47,06

Перейдем к выводам. Более половины всех ПТ (60,23 %) приходится на нулевые (32,28 %) и лексические (27,95 %), меньше всего грамматических изменений (10,24 %). Из отдельных ПТ чаще встречались (62,6 %) такие приемы, как дословный перевод (31,89 %), перестановка (16,54 %) и смысловое развитие (14,17 %), а меньше (1,17 %) – сохранение варианта на английском языке (0,39 %), генерализация (0,39 %) и замена члена предложения (0,39 %). Установлена корреляция в использовании всех уровней и почти всех ПТ по данным разных газет, за исключением некоторых отличий для смыслового развития и целостного преобразования.

В большинстве примеров (81,96 %) метафорическая форма была сохранена, образ оставлялся в 72,68 % и изменялся в 9,28 %. Применение замены сравнением (0,52 %) и комбинирования метафоры, сравнения и необразного выражения (0) нехарактерно. Замена необразным выражением (17,53 %) часто обедняла перевод. Корреляция данных СПМФ значительна по всем газетам.

Нулевые и синтаксические ПТ не оказывают влияния на прагматику, а больше всего изменяют прагматический потенциал лексические – 25,59 %. Среди отдельных ПТ на прагматику чаще воздействуют транскрипция (100 %), опущение (41,67 %), целостное преобразование (37,5 %) и замена формы слова (33,33 %), однако многие другие ПТ изменений не вносят.

В случае сохранения метафорической формы прагматика передавалась без изменений в 99,29 и 88,89 % случаев при сохранении и изменении образа соответственно. В единственном примере замены сравнением прагматическая составляющая сохранена. Больше всего изменений при замене необразными выражениями – 47,06 %.

В целом прагматика сохранялась в 88 %, однако встречались и ошибки при передаче как смыслового, так и прагматического компонента. Таким образом, переводчикам нужно уделять должное внимание прагматическому аспекту передачи метафор и использовать по возможности те приемы, при которых прагматика изменяется меньше всего.

Список литературы

Бабурина Е. В. Явление интерференции в создании и переводе метафоры (на материале англоязычных и русскоязычных художественных текстов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Перм. политехн. ун-т. Пермь, 2001. 22 с.

Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с.

Бикман Дж., *Келлоу Дж.* Не искажая слова Божия...: Принципы перевода и семантического анализа Библии / Пер. с англ. под ред. Д. В. Дмитриева. СПб.: Ноах, 1994. 464 с.

Володина М. Н. Язык средств массовой информации: Учеб. пособие для вузов. М.: Акад. проект: Альма Матер, 2008. 760 с.

Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Пер. с англ., нем., франц.: Сб. ст. / Вступ. ст. и общ. ред. пер. В. Н. Комиссарова. М.: Междунар. отношения, 1978. 232 с.

Вошина О. Е. Особенности перевода индивидуально-авторской метафоры С. Моэма // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 2. С. 60–65.

Дотмурзиева З. С. Прагматика англоязычного художественного текста и проблемы прагматики его перевода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Пятигор. гос. лингвистический ун-т. Пятигорск, 2006. 20 с.

Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.

Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. 2-е изд., испр. М.: Р. Валент, 2011. 408 с.

Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996. 208 с.

Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? / Отв. ред. М. Я. Блох. М.: Готика, 1999. 176 с.

Немировская А. В. Метафора в турецком художественном тексте: Интегративный подход к переводу: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Сиб. федер. ун-т. Красноярск, 2007. 23 с.

Пикалева С. А. Особенности перевода метафоры Андрея Платонова (на материале повести «Котлован» и ее переводов на английский язык): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Новг. гос. ун-т. Великий Новгород, 2004. 20 с.

Приказчикова Е. В. Перевод метафорических единиц на материале произведений Дж. Стейнбека: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. обл. гуманитарный ин-т. М., 2009. 27 с.

Прокопьева А. А. Сопоставительное исследование метафорических моделей в русскоязычных и англоязычных романах В. В. Набокова: Дис. … канд. филол. наук / Урал. гос. пед. ин-т. Екатеринбург, 2006. 260 с.

Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода / Доп. и коммент. Д. И. Ермоловича. 3-е изд., стереотип. М.: Р. Валент, 2007. 244 с.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Моногр. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

Morris Ch. W. International Encyclopedia of Unified Science. Foundations of the Unity of Science. Foundations of the Theory of Signs. Vol. 1, No. 2. Chicago, Illinois: The Univ. of Chicago Press, 1938. 59 p.

Newmark P. A Textbook of Translation. Exeter: A. Wheaton & Co. Ltd, 1988. 292 p.

V. I. Kudinova [1], **A. A. Sviridov** [2]

[1] *Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russian Federation; Walkoud@rambler.ru*
[2] *Tula State University, Tula, Russian Federation; Sviridov86@gmail.com*

Investigation into the influence of the method of translating a metaphor on its sociopragmatic component

The paper investigates the influence of metaphor translation techniques on sociopragmatics. The authors discuss the present day state of the problem, describe the methodology of the analysis

that is in progress, and propose an algorithm of performing a more complete pragmatics investigation, integrating the transformational and the cognitive approach. During the comparative analysis of the translations of the metaphors of the political discourse of English-language newspapers into Russian the authors of the paper prepare tables containing the percentage of using translation transformations, their levels and methods of transmitting metaphoric forms. A correlation analysis of the methods of metaphor interchange between the data of the newspapers is performed to establish the relevance of the selection. With separate examples the authors show what influence the translation techniques exert on sociopragmatics, and demonstrate tables with the summary information on all the examples. In conclusion the authors indicate possible directions of further research and formulate the main conclusions.

Keywords: metaphor, sociopragmatics, linguo-pragmatics, theory of translation, cognitive science, statistical analysis, correlative analysis.

DOI 10.17223/18137083/56/24

References

Baburina E. V. *Yavlenie interferentsii v sozdanii i perevode metafory (na materiale angloyazychnykh i russkoyazychnykh khudozhestvennykh tekstov)* [The phenomenon of interference in creation and translation of metaphor (based on English and Russian fiction)]. Abstract of Philology Cand. Diss., Perm, 2001, 22 p.

Barkhudarov L. S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of the general and special theory of translation)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975, 240 p.

Bikman Dzh., Kellou Dzh. *Ne iskazhaya slova Bozhiya...: Printsipy perevoda i semanticheskogo analiza Biblii*. Per. s angl. pod red. Dmitrieva D. V. [Translating the Word of God: With Scripture and Topical Indexes. Transl. from English by Dmitriev D.V.]. Saint-Petersburg, Hoax, 1994, 464 p.

Charles W. Morris. International Encyclopedia of Unified Science. Foundations of the Unity of Science. Foundations of the Theory of Signs. Vol. 1, no. 2. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, 1938, 59 p.

Chudinov A. P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of a political metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg, Ural State Ped. un-t, 2001, 238 p.

Dotmurzieva Z. S. *Pragmatika angloyazychnogo khudozhestvennogo teksta i problemy pragmatiki ego perevoda* [Pragmatics of English fiction and problems of the pragmatics of its translation]. Abstract of Philology Cand. Diss. Pyatigorsk, 2006, 20 p.

Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie. 2-e izd., ispr*. [The modern translation studies. 2nd edition, corrected]. Moscow, R. Valent, 2011, 408 p.

Komissarov V. N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [The theory of translation (linguistic aspects)]. Moscow, Vysshaya shkola, 1990, 253 p.

Komissarov V. N. *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike: Sbornik statey. Per. s angl., nem., frants.* [Questions of the theory of translation in foreign linguistics: a collection of articles. The translation from English, German, French. The introduction and general translation revision is made by Komissarov V. N.]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya, 1978, 232 p.

Min'yar-Beloruchev R. K. Kak stat' perevodchikom? [How to become a translator?]. Moscow, Gotika, 1999, 176 p.

Min'yar-Beloruchev R. K. *Teoriya i metody perevoda* [The theory and methods of translation]. Moscow, Moskovskiy Litsey, 1996, 208 p.

Nemirovskaya A. V. *Metafora v turetskom khudozhestvennom tekste : integrativnyy podkhod k perevodu* [Metaphor in Turkish fiction: an integrative approach to the translation]. Abstract of Philology Dr. Diss. Krasnoyarsk, 2007, 23 p.

Newmark P. *A Textbook of Translation.* Exeter: A. Wheaton & Co. Ltd, 1988, 292 p.

Pikaleva S. A. *Osobennosti perevoda metafory Andreya Platonova (na materiale povesti Kotlovan i ee perevodov na angliyskiy yazyk*) [Features of the translation of Andrei Platonov's metaphor (based on the story Pit and its translation into English)]. Abstract of Philology Dr. Diss., Velikiy Novgorod, 2004, 20 p.

Prikazchikova E. V. *Perevod metaforicheskikh edinits na materiale proizvedeniy Dzh. Steynbeka* [The translation of metaphorical units of John Steinbeck's works]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow, 2009, 27 p.

Prokop'eva A. A. *Sopostavitel'noe issledovanie metaforicheskikh modeley v russkoyazychnykh i angloyazychnykh romanakh V. V. Nabokova. Dis. kand. filol. nauk* [The comparative research of metaphorical models in Russian and English language novels of V. V. Nabokov. Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2006, 260 p.

Retsker Ya. I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika: Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda* [The theory of translation and translation practice: essays of the linguistic theory of translation]. Moscow, R. Valent., 2007, 244 p.

Volodina M. N. *Yazyk sredstv massovoy informatsii: Ucheb. posobie dlya vuzov* [The language of mass media: a textbook for universities]. Moscow, Akadem. Proekt, Al'ma Mater, 2008, 760 p.

Voshina O. E. Osobennosti perevoda individual'no-avtorskoy metafory S. Moema [Features of the translation of S. Maugham's individually-author's metaphor]. *Vestnik Voronezhsogo gos. un-ta*. *Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, Voronezh, 2003, pp. 60–65.

УДК 81’366.587
DOI 10.17223/18137083/56/25

Е. Э. Пчелинцева

Черкасский государственный технологический университет
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург

Польское отглагольное имя действия и семантика начинательности *

Рассматриваются вопросы отглагольной деривации существительных в польском языке, исследуется влияние аспектуальной семантики начинательности глагола на его продуктивность по отношению к девербативам по материалам словарей и корпусов польского языка. Считается, что в польском языке имена действия образуются от подавляющего большинства глаголов и практически без ограничений наследуют от них аспектуальную семантику. Однако сплошной анализ данных Национального корпуса польского языка и сопоставление их с материалами словарей польского языка опровергает это утверждение. В статье доказывается, что есть группы польских глаголов, аспектуальная семантика которых системно препятствует их номинализации. Установлено, что аспектуальное значение количественно-временного предела плохо транспонируется в имя действия: соответствующие единицы либо отсутствуют в корпусах, либо полностью теряют интересующее нас значение.

Ключевые слова: отглагольное имя действия, аспектуальная семантика начинательности, количественно-временной предел действия.

В фокусе нашего исследования в данной статье – польское имя существительное, образованное от глагола и выражающее значение действия или состояния (например, *zapalić* ‘зажечь’ → *zapalenie*). Эта категория слов сочетает в себе свойства двух основных частей речи, высвечивая разные грани семантики имени и глагола и демонстрируя иногда нетривиальное поведение в языке и речи. Хорошо известно, что имя действия в польском языке считается регулярной отглагольной формой и в толковых словарях часто приводится непосредственно в статьях,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Президента РФ, грант НШ-3135.2014.6 «Петербургская школа функциональной грамматики».

Пчелинцева Елена Эдуардовна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой украинского языка и общего языкознания Черкасского государственного технологического университета (бул. Шевченко, 460, Черкассы, 18006, Украина; pchele@gmail.com)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© Е. Э. Пчелинцева, 2016

описывающих значения и грамматические свойства глаголов, см., например, [Dubisz, 2004]. Но в близкородственных русском и украинском языках действуют системные формальные и семантические ограничения на образование имен действия, см. об этом, например: [Зализняк, 2007; Пчелинцева, 2015]. Поэтому привычно декларируемая в польской грамматике полная и безоговорочная «бесконфликтность» перехода *глагол → имя* вызывает некоторые сомнения. В связи с этим мы предприняли сплошной анализ польских глаголов на их способность образовывать имена действия. В качестве основного материала для исследования использовалась сплошная выборка из Универсального словаря польского языка С. Дубиша объемом около 12 500 глагольных лексем [Dubisz, 2004]. Основная цель анализа – установить глаголы, в словарных статьях которых нет указания на имя действия, и попытаться прояснить причины этого явления, а затем проверить самые «подозрительные» семантические группы девербативов на их употребительность в корпусах польского языка. В статье представлены результаты этого исследования на примере компактной группы польских глаголов со значением начинательности.

Следует отметить, что выражение значения начинательности с помощью глагольных префиксов – явление, довольно нехарактерное для польского языка. Среди польских ученых нет единогласного мнения на этот счет, и в разных работах предлагаются разные списки начинательных глаголов с префиксом *za-*. Так, З. Стрекалова указывает, что начинательное значение для польских глаголов на *za-* не является типичным, причисляет к начинательным всего 14 глаголов с *za-*: *zadreptać* ‘засеменить’, *zainteresować się* ‘заинтересоваться’, *zaistnieć* ‘появиться, начать существовать’, *zaintonować* ‘запеть’, *zamieszkać* ‘поселиться, начать жить’, *zapłakać* ‘заплакать’, *zapragnąć* ‘захотеть’, *zawakować* ‘начать быть свободным, вакантным’, *zachcieć się* ‘захотеться’, *zaciekawić się* ‘заинтересоваться’, *zakwitnąć* ‘зацвести’, *zamarzyć* ‘начать мечтать’, *zaświecić się* ‘засветиться’, *zawisnąć* ‘зависнуть’ [Стрекалова, 1979, с. 184]. В. Шмех замечает, что глаголы с префиком *za-* не выражают явного значения начала действия, скорее простую завершенность, а выражению инициальности препятствует их точечный характер. Однако В. Шмех все же указывает на ряд глаголов, означающих начало действия, как, например, *zasiąść* (*za stolem*) ‘засесть’– это вхождение в дальнейшее *siedzenie* ‘сидение’, *zamieszkać* – вхождение в дальнейшее *mieszkanie* ‘жительство’ и т. д. [Śmiech, 1986, s. 39].

В работе Я. Ставницкой группа начинательных глаголов значительно расширена и включает, помимо указанных у З. Стрекаловой, глаголы со значением различных звуков (*zakielkotać* ‘заклекотать’, *zakukać* ‘закуковать’, *zadzwonić* ‘зазвонить’, *zaklaskać* ‘захлопать’), перцептивные глаголы со значением физического состояния (*zachorować* ‘захворать’, *zaboleć* ‘заболеть’, *zamieszkać* ‘поселиться’), явлений природы (*zakipieć* ‘закипеть’), занятий (*zastrajkować* ‘забастовать’, *zamachać* ‘замахать’), движения, сосредоточенного в одной точке (*zachwiać się* ‘закачаться’, *zadyndać* ‘покачать, поболтать’, *zakolebać* ‘начать раскачивать’), реляционных (*zażądać* ‘потребовать’). Глаголы *zakielkotać* ‘заклекотать’, *zawalczyć* ‘справиться’, *zapachnieć* ‘запахнуть’, *zafalować* ‘заколыхаться’, *zaśmierdzieć* ‘завонять’ автор относит к «чистым» ингрессивам на основании того, что они не сочетаются с адвербиальными компонентами со значением «на какое-то время». Отдельно она выделяет группы глаголов со значением долговременного действия с акцентом на его начале (*zamieszkać* ‘зажить, поселиться’, *zakielkotać* ‘заклекотать’) и кратковременного действия с акцентом на его начале (*zaskrzypieć* ‘заскрипеть’, *zamruczeć* ‘замурлыкать’, *zasyczeć* ‘зашипеть’), в составе последней есть лексемы, обозначающие звуки животных: *zakumkać* ‘заквакать’, *zagdakać* ‘закудахтать’, *zakukać* ‘закуковать’, и звуки, издаваемые человеком: *zachrapać* ‘захрапеть’, *zakaszleć* ‘закашлять’, *zaklaskać* ‘захлопать’, в том числе глаголы говорения:

zabełkotać ‘забормотать’, *zajazgotać* ‘завизжать’, *zakrzyczeć* ‘закричать’, а также глаголы, совмещающие мультипликативное значение с инициальным типа *zakolysać się* ‘закачаться’, *zastukać* ‘застучать’ [Stawnicka, 2009, s. 55–56].

В Грамматике современного польского языка в составе начинательных глаголов выделяется две группы: чистые инхоативы (эквиваленты сочетания фазового глагола с инфинитивом базового глагола типа *zaboleć* = *zacząć boleć* ‘начать болеть’) и дериваты, мотивированные глаголами со значением кратковременного звучания с акцентом на начальной фазе действия (типа *zatupać* ‘затопать’) [Gramatyka…, 1998, s. 547].

В связи с этими научными «разногласиями», мы решили сделать критерием отбора соответствующих глаголов наличие в словарной статье прямого указания на начало действия, выраженного базовым глаголом (*zacząć* – ‘начать’ (что-то делать)) хотя бы в одном из глагольных значений или, в отдельных случаях, объяснение его значения с помощью синонимичного начинательного глагола. Таким путем мы получили 64 глагола с префиксом *za-*, содержащие начинательные семы и соответствующие группе «чистых инхоативов», выделенных в Грамматике [Ibid.]. Далее мы проверили по словарям, есть ли у этих глаголов соотносительные имена действия, а затем, опираясь на корпусные данные, посмотрели, как найденные имена действия проявляют себя в речи. Получилось четыре возможных «стиля поведения» таких глаголов и производных от них имен действия. Рассмотрим их последовательно.

1. Десять начинательных глаголов с префиксом *za-,* согласно данным [Dubisz, 2004], не номинализируются, то есть словари не предлагают именных форм к глаголам *zachlipać* ‘захныкать’, *zaboleć* ‘заболеть’, *zadyszeć się* ‘запыхаться’, *zachorzeć* (устар.) ‘захворать’, *zagrzmieć* ‘загреметь’, *zadrzemać* ‘задремать’, *zapachnieć* ‘запахнуть’, *zapragnąć* ‘захотеть’, *zachcieć się* ‘захотеться’, *zachciewać się* букв.: «захотеваться».

Остальные начинательные глаголы с префиксом *za-* имеют соотносительные имена действия. Мы проверили каждое из этих имен по двум корпусам польского языка – Narodowy Korpus Języka Polskiego (NKJP) и Korpus Instytutu Podstaw Informatyki PAN (IPI PAN). В случае отсутствия формы в обоих корпусах для проверки использовался Korpus Języka Polskiego Wydawnictwa Naukowego (PWN) [1]. В результате было получено еще три возможных варианта.

2. Около 20 имен действия: *zalśnienie* (от *zalśnić* ‘заблестеть’), *zajarzenie się* (от *zajarzyć się* ‘засверкать’), *zakaszlenie się* (от *zakaszleć* ‘закашлять’), *zasapanie się* (от *zasapać się* ‘запыхаться’), *zaśmianie się* (от *zaśmiać się* ‘засмеяться’, *zatrwożenie się* (от *zatrwożyć się* ‘затревожиться’), *zaklekotanie* (от *zaklekotać* ‘заклекотать’), *zatrzęsienie się* (от *zatrząść się* ‘затрястись’) и т. д. – оказались исключительно словарными единицами – нет ни одного (!) употребления ни в одном из просмотренных корпусов польского языка. Их отсутствие не может быть объяснено неупотребительностью самого глагола (как можно было бы предположить): например, сам глагол *zaśmiać się* ‘засмеяться’ входит в более чем 2 000 контекстов корпуса NKJP. Мы убеждены, что в данном случае влияет семантика глагола (эксплицитное указание на временной предел – точку начала действия), а также отсутствие других аспектуальных значений. Нехарактерность такой се-

[1] Для анализа корпусных данных использовались: Narodowy Korpus Języka Polskiego. 2008–2012. URL: http://www.nkjp.uni.lodz.pl/# (дата обращения 14.10.2015) объемом более 250 млн слов, или около 300 млн фрагментов из классической польской литературы, а также газетных текстов, устных записей и интернет-текстов; Korpus Języka Polskiego Wydawnictwa Naukowego. URL: http://korpus.pwn.pl/ (дата обращения 05.02.2014); Korpus Instytutu Podstaw Informatyki PAN. URL: http://korpus.pl/poliqarp/poliqarp.php (дата обращения 20.06.2014) объемом 250 млн текстовых фрагментов.

мантики для именной формы выражения действия препятствует выбору этой лексемы в речевой практике.

3. Девербативы, образованные от многозначных глаголов и совмещающие с начинательной семантикой результативные, дистрибутивные или другие аспектуальные значения, например: *zatłuczenie* (от *zatłuć* ‘забить’), *zakochiwanie się* (от *zakochiwać się* ‘влюбляться’), *zajmowanie się* (от *zajmować się* ‘загораться’) и под., были обнаружены в корпусах, иногда в больших количествах (до нескольких десятков тысяч вхождений). Мы предприняли анализ этих контекстов, пытаясь обнаружить по крайней мере оттенки начинательных значений в именах действия, поскольку ни в одной соответствующей словарной статье не было найдено указаний на сужение или ограничение глагольных значений при транспозиции в имя действия, а это значит, что теоретически каждое такое имя действия должно «уметь» реализовывать весь спектр глагольных значений в речи. Например, пара *zakochiwanie się* и *zakochanie się* указаны в словаре [Dubisz, 2004] как имена действия к глаголам *zakochać się* / *zakochiwać się* ‘влюбиться/влюбляться’, значение которых в словаре определяется так: *1. poczuć (zaczynać czuć) miłość, pożądanie w stosunku do kogoś… 2. zacząć (zaczynać) bardzo lubić, cenić, podziwiać kogoś, coś, rozmiłować się (rozmiłowywać się) w czymś* ‘1. Почувствовать (начинать чувствовать) любовь, влечение к кому-то… 2. Начать (начинать) сильно любить, ценить кого-то, что-то’. Увы, анализ значений, которые они реализуют в речи, показал, что начинательная семантика в них не сохраняется, хотя результативные, дистрибутивные и другие аспектуальные значения для них вполне релевантны. Судя по количеству вхождений в корпусах польского языка, девербативы *zakochiwanie się* и *zakochanie się* – вполне живая языковая форма: *zakochiwanie się* (0 и 24 вхождений [2]), *zakochanie się* (12 и 69 вхождений). Но эти имена действия употребляются не в фазовом инхоативном значении начала состояния (значение 2), а в первом глагольном значении состояния, периода, этапа отношений, см. примеры (1), (3), или в имперфективном значении многократности, повторяемости, см. (2).

(1) *Ich prawdziwym nałogiem jest bowiem samo **zakochiwanie się**, ów **etap** związku dwojga ludzi między poznawaniem się, a dokładnym poznaniem* (Mazowieckie To i Owo, 2005-05-02) ‘Их настоящей зависимостью является сам процесс «**влюбления**», этого этапа отношений двух людей между знакомством и моментом, когда начинаешь понимать, что за человек рядом с тобой’.

(2) *agatkaa35: Co myśli Pani o **ciągłym** «**zakochiwaniu się**» w coraz to nowych facetach? Czy to nie wołanie «pokochaj mnie»?* (Onet.pl, Rozmowy, 2003-06-05) ‘Что вы думаете о непрерывных «**влюблениях**» каждый раз в новых парней? Разве это не призыв «полюби меня»?’

(3) *Miłość to nie tylko uczucie. Uczucie, wzruszenie, szaleństwo**, zakochanie się**, oczarowanie – to tylko aureola miłości. Miłość jest wielką pracą nad samym sobą.* (Rozmowy z Księdzem Janem Wychowawca, nr 169, 2007-01) ‘Любовь – это не только чувство. Чувства, эмоции, безумие, **влюбленность**, очарование – это всего лишь ореол любви. Любовь – большая работа над самим собой’.

Еще похожий пример – имя действия *zatłuczenie*, приведенное как регулярное отглагольное существительное в словарной статье глагола *zatłuć* ‘забить’. Значение самого глагола определяется следующим образом: *1. o sercu, tętnie: zacząć bić, zacząć pulsować. 2.* pot. *tłukąc, bijąc, uderzając mocno, zapamiętale, zabić*

[2] Здесь и далее, если не указано иное, первая цифра – количество вхождений девербатива в корпусе IPI PAN, вторая – количество вхождений в корпусе NKJP.

kogoś, coś; utłuc ‘1. О сердце, пульсе – начать бить, начать пульсировать. 2. *разг.* Забить до смерти, избить’ [Dubisz, 2004]. Итак, если верить словарю, то и глагол, и имя действия могут выражать начинательное значение (1) и чрезмерно продолжительное результативное значение (2). Что же демонстрирует корпус? Результат проверки употреблений девербатива *zatłuczenie* такой: в корпусе IPI PAN употреблений нет, в корпусе NKJP – 9 вхождений, но только во втором значении, ниже приводится типичный пример.

(4) *Bo czy ktoś jeszcze pamięta, że polityka to sztuka rządzenia państwem albo troska o dobro publiczne, a nie jakaś wschodnia sztuka walki, której celem jest* ***zatłuczenie*** *wroga i zdobycie łupów?* (Polityka, 2004-12-25) ‘Потому что помнит ли кто-нибудь еще, что политика – это искусство управления государством или заботы об общественном благе, а не какое-то восточное боевое искусство, цель которого – **убить** всех врагов и получить добычу?’

Аналогичная ситуация с парой девербативов *zajęcie się – zajmowanie się*, образованных от глаголов *zająć się – zajmować się* ‘заняться – заниматься’ ([Dubisz, 2004]: *1. zacząć coś robić lub pracować nad czymś (wykonywać jakąś pracę)… 2. zaopiekować się (opiekować się) kimś, zatroszczyć się (troszczyć się) o kogoś, o coś… 3. zapalić się (zapalać się) od czegoś, zacząć się (zaczynać się) palić* ‘1. Начать что-то делать или работать над чем-то, выполнять какую-то работу... 2. Заботиться о ком-то… 3. Загореться от чего-то, начать (начинать) гореть’. Несмотря на высокую востребованность в речи (*zajęcie się* – 704 и 679 вхождений, *zajmowanie się* –314 и 859 вхождений в проанализированных корпусах), не обнаружено ни одного употребления в начинательном глагольном значении приступа к действию. Типичные примеры (5), (6).

(5) *Sposób na samotność* ***zajęcie się*** *czymś,nauka, praca, jak najmniej czasu wolnego. Nie zawsze mi się to udaje i wtedy myślę o tym, że jestem samotny* (www.forumowisko.pl, 2006-09-14) ‘Способ от одиночества – **заниматься** чем-то, учебой, работой, как можно меньше свободного времени…’

(6) *Nie miałem czasu na* ***zajmowanie się*** *ich krętactwami – ostatecznie powinna się tym była zająć policja* (M. Bielecki, Osiedle prominentów, 1997) ‘У меня не было времени **заниматься** их махинациями, в конце концов это было дело полиции’.

Самым активным в этой семантической группе оказался девербатив *zapalenie się* ‘зажигание’ (и вариант без *się*), что, в общем, не было неожиданностью, поскольку, например, в русском и в украинском языках девербативы с таким же значением *возгорание*, *зажжение* (рус.), *загоряння*, *запалення* (укр.) также являются очень употребительными. Корпуса дали 101 и 144 вхождения с возвратным суффиксом и 3 700 и 1 500 вхождений без него, но анализ контекстов показал, что в речи они обычно называют целую ситуацию или какой-то ее момент, но не фазовое значение. Вот два типичных примера:

(7) *Były tak gorące, że rozgrzały przewód do temperatury, która spowodowała* ***zapalenie się*** *drewnianych części dachu – mówi młodszy kapitan Wojciech Rduch z PSP w Rybniku* (Tygodnik Rybnicki, 2007-04-17) ‘Они были настолько горячими, что нагрели провода до температуры, вызвавшей **возгорание** деревянной части крыши, – говорит младший капитан…’

(8) *Policja wciąż wyjaśnia okoliczności tego zdarzenia. Jak już wczoraj informowaliśmy, prawdopodobną przyczyną pożaru było* ***zapalenie się*** *potraw pozo-*

stawionych na piecu (Dziennik Zachodni, 2004-04-20) ‘Полиция все еще выясняет обстоятельства этого инцидента. Как мы вчера уже сообщали, вероятной причиной пожара стало **возгорание** пищи, оставленной на плите’.

Иногда эти девербативы указывают на этап, имеющий весьма продолжительную длительность:

(9) *Oznacza to, że galaktyka jest co najmniej miliard lat starsza od samego Wszechświata, nie licząc nawet miliarda lat, który jest potrzebny na* ***zapalenie się*** *gwiazd i sformowanie galaktyki – pisze Robert C. Kennicutt w «Nature»* (Gazeta Wyborcza, 1996-07-05) ‘Это означает, что галактика, по крайней мере, на миллиард лет старше самой Вселенной, даже не считая миллиарда лет, который необходим, чтобы **зажглись** звезды и образовались галактики – пишет Роберт С. Кенникутт в «Nature»’.

Одно вхождение с похожей семантикой (возникновения целой ситуации) было обнаружено у девербатива-синонима *zatlenie się*:

(10) *Pozostawiamy je włączone na kilkanaście godzin, co może prowadzić do przegrzania instalacji, albo* ***zatlenia się*** *będących w pobliżu łatwo palnych materiałów (nakryć, zasłon, dywanów*) (Dziennik Zachodni, 2005-01-10) ‘Мы оставляем их (электрические обогреватели. – *Е. П.*) включенными на несколько часов, что может привести к перегреву установки или **возгоранию** находящихся поблизости горючих материалов (покрывал, штор, ковров)’.

Итак, мы тщательно анализировали все вхождения всех имен действия, образованных от польских начинательных глаголов на *za-*, в надежде найти употребление, соответствующее словарной дефиниции, включающей начинательное значение. И наши усилия увенчались успехом: искомое фазовое начинательное значение было обнаружено, правда в одном-единственном имени действия и в весьма редуцированном виде. Мы выделили это имя действия в отдельный вариант.

4. Самое «начинательное» значение было обнаружено у девербатива *zagadywanie* ‘заговаривание’, образованного от разговорного глагола *zagadywać*, который выражает следующие значения: *a) zacząć (zaczynać) z kimś rozmowę, zwrócić się (zwracać się) do kogoś z pytaniem... b) dużo mówiąc, odwrócić (odwracać) czyjąś uwagę od czegoś... d) mówiąc ciągle, nie dopuścić (nie dopuszczać) kogoś do głosu e) odezwać się, zacząć mówić; przemówić, f)* przen. *wydać dźwięk* ‘a) начать (начинать) с кем-то разговор, обращаться с вопросом… b) много разговаривая, отвлекать чье-то внимание от чего-то… d) говоря долго, не давать кому-то слова, e) отозваться, начать говорить, ответить, f) *перен.* издать звук’. Из 28 вхождений имени действия *zagadywanie* в корпусе NKJP мы обнаружили два «хороших» примера, в которых реализовано интересующее нас фазовое значение приступа к действию:

(11) *Chodzi o nieustanne mówienie,* ***zagadywanie*** *do ludzi, więc ważne jest, aby nie być nieśmiałym* (A. Papierzyńska, Manko, 2010-01-05) ‘Речь идет о постоянном говорении (букв.: «заговаривании с людьми»), **обращении** к людям…’

(12) *Magda nie odpowiadała na* ***zagadywania*** *i nie głaskała otyłych jamników* (E. Nowacka, Małe kochanie, wielka miłość, 1997) ‘Магда не отвечала, когда с ней **заговаривали** (букв.: «на заговаривания»), и не гладила толстых такс’.

Но обратите внимание: в примере (11) речь идет об узуальном, повторяющемся действии, в примере (12) – о многократных действиях. То есть в обоих обнаруженных употреблениях семантика начинательности в общем присутствует, но это не фазовое значение момента начала конкретного единичного действия. Кстати, две другие однокоренные формы, образованные от перфективных форм этого глагола *zagadać*, *zagadnąć* ‘заговорить’: *zagadnięcie* (5 вхождений) и *zagadanie* (17 вхождений), никакой фазовости не показали, это имена ситуаций:

(13) *Skłamał mówiąc, że spotkanie ograniczyło się do «**zagadnięcia**» w przejściu w klasztorze jasnogórskim* (www.borowski.pl, Strona Marka Borowskiego, 2004-11-17) ‘Он солгал о том, что встреча ограничилась «**обращением**» в переходе монастыря на Ясной Гуре’.

(14) *Gdy widzisz, że podjęcie kolejnej próby przyniesie efekty (np. napisanie od nowa raportu czy **zagadanie** jeszcze raz do fajnego chłopaka), wtedy tak zrobisz* (Cosmopolitan, nr 03-2001) ‘Когда увидишь, что очередная попытка будет успешной (например, переделать отчет, или **заговорить** (букв.: «заговорение») с классным парнем), то будешь поступать именно так’.

Итак, начинательность, даже в тех случаях, когда имя действия образуется и сам глагол является употребительным, – это значение, не релевантное для именной формы. Исключения, которые представлены выше (примеры (11) и (12)), скорее подтверждают это правило.

Еще менее характерны для польского языка начинательные глаголы с префиксом *po-*. Вероятно, этим обусловлено полное отсутствие упоминания об инициальной семантике глагольного префикса *po-* в работах [Piernikarski, 1969; Śmiech, 1986]. В более поздних работах они представлены как немногочисленная, но семантически однородная группа. В Грамматике современного польского языка указано, что среди инхоативных глаголов выделяются образования типа *poczuć* ‘почувствовать’, *pokochać* ‘полюбить’, *poweseleć* ‘повеселеть’, *poznać* ‘узнать’, производные от глаголов ментальных и психических состояний, в которых префиксы подчеркивают начальный момент действия, но одновременно указывают на возникновение состояния, выраженного основой [Gramatyka…, 1998, s. 548]. З. Стрекалова отмечает, что начинальность выражается глаголами на *po-*, образованными от глаголов направленного движения (*pociągnąć się* ‘потянуться’, *pojechać* ‘поехать’, *pójść* ‘пойти’, *polecieć* ‘полететь’, *popędzić* ‘погнать’, *popełznąć* ‘поползти’), а также от глаголов перемещения в пространстве (*pocieć* ‘потечь’, *podreptać* ‘посеменить’, *pomknąć* ‘помчаться’, *pośpieszyć* ‘поспешить’). Начинательное значение совмещается в них с результативным [Стрекалова, 1979, с. 189]. Того же мнения придерживается и Я. Ставницкая в работе [Stawnicka, 2009, s. 55].

Учитывая приведенные выше авторитетные мнения польских грамматистов, мы использовали тот же принцип отбора лексем, что и для начинательных глаголов с *za-*: наличие в словарной статье прямого указания на начало действия. В результате проведенного сплошного анализа словарных данных мы получили 21 начинательный глагол с префиксом *po-* типа *pociec «o cieczy: zacząć płynąć; popłynąć»* – ‘потечь «о жидкости: начать течь, хлынуть»’; в 20 случаях словарь допускает возможность их номинализации (*pociec → pocieczenie*).

Проверка употребительности таких девербативов в корпусах выявила, что 7 из них зафиксированы только в словаре, но отсутствуют в корпусах. Это имена действия *pozaświecanie się* от *pozaświecać się* ‘позажигаться’, *pozapalanie się* от *pozapalać się* ‘позагораться, начать светить, разгореться’, *pozasiadanie* от *pozasiadać* ‘порассаживаться, посадиться’, *pozaczynanie* от *pozaczynać* ‘поначинать’,

poweselenie от *poweseleć* ‘повеселеть’, *potoczenie się* от *potoczyć się* ‘покатиться, поехать’, *pocieczenie* от *pociec* ‘потечь’.

Еще одно имя действия *polubienie się* (от *polubić się* ‘полюбить друг друга’) в корпусах мы также не обнаружили, но, что любопытно, оно оказалось чрезвычайно востребованным в языке интернета в значении одобрения какого-либо понравившегося контента в социальных сетях или форумах с помощью нажатия на кнопку «мне нравится», в русскоязычном интернет-пространстве это так называемый лайк:

(15) *Już od 2 kwietnia do 6 maja 2013 roku możecie zyskać do 100 złotych za* ***polubienie****… naszej strony na facebook* (www.cigarsworld.pl/.../Zyskaj-do-100-zlotych-za-polubienie-naszej-strony) ‘Уже со 2 апреля по 6 мая 2013 года вы можете получить до 100 долларов США за поддержку (букв.: «лайки»)… нашей страницы на Facebook’.

Как видим, в этом употреблении реализуется значение результативности, целостности, но не начала действия или процесса.

Остальные 13 девербативов были найдены в корпусах, но также не в начинательных значениях. Проиллюстрируем, как это выглядит, на примере имени действия *porośnięcie.* Мотивирующий глагол *porosnąć* имеет два основных словарных значения, первое – результативно-тотальное, второе – начинательное: *1. pokryć się, zostać pokrytym czymś rosnącym; zarosnąć… zarastać coś… 2. zacząć (zaczynać) kiełkować* ‘1. Покрываться чем-то растущим… зарастать… 2. Начинать давать ростки’ [Dubisz, 2004]. Мы выявили всего два употребления имени действия *porośnięcie*, оба – в результативно-тотальном значении (1):

(16) *…nieznana ćma z Ameryki Łacińskiej uratowała australijskie pastwiska od* ***porośnięcia*** *kaktusami* (Wieści Podwarszawskie, nr 19(784), 2006-05-14) ‘…неизвестная моль из Латинской Америки спасла австралийские пастбища от **зарастания** кактусами’.

Некоторые имена действия из этой группы гораздо более востребованы, но употребляются для обозначения состояния или целой ситуации, например: *poruszenie* (10 410 вхождений в NKJP в значении ‘волнение, переполох’), *pójście* (7 599 вхождений в NKJP) в значении ‘поход’. Ниже мы приводим еще два типичных примера реализации различных оттенков результативных (но не начинательных) значений.

(17) *Najważniejsze jest* ***pokochanie*** *siebie na nowo. Dopóki w pełni nie zaakceptujemy siebie i tylko wciąż się obwiniamy, choćby za to, że nasze ciało nie przystaje do obowiązującego wzorca piękna – nasza moc jest nam niedostępna* (Magdalena, Tajemnice kobiet. Rozmowy Renaty Dziurdzikowskiej, 2006) ‘Самое важное – заново себя полюбить. Пока мы не приняли себя целиком и только все время себя обвиняем, хотя бы за то, что наше тело не вписывается в существующий стандарт красоты, наша сила нам недоступна’.

(18) *LAWINA – nagłe, niebezpieczne «****posypanie się****» (rujnujących spokój i poczucie szczęścia) emocji lub wiadomości; zniszczenie ciepłego uczucia przez bryły obojętności; runą nadzieje, zwykle związane z miłosnymi planami* (K. Ostrowska, Sny – klucz, 2000) ‘ЛАВИНА – внезапный, опасный «обвал» эмоций, разрушающий равновесие и чувство счастья…’

Что же в итоге? Исследование данных корпусов польского языка убеждает в том, что имена действия, соотносительные с начинательными глаголами, являются скорее потенциальными, чем реальными языковыми единицами. Почему польские отглагольные имена действия так неохотно выражают значение начинательности? И почему свободно реализуют другие аспектуальные значения (целостности, процессуальности, повторяемости и т. д.)? Причина, по нашему убеждению, заключается в том, что аспектуальная семантика начинательности связана с указанием на количественно-временной предел действия – временную точку начала. Она содержит идею временной границы действия или процесса, которая плохо сочетается с субстанциональной категориальной семантикой имени существительного. Если этот семантический компонент выражен внутрисловно с помощью префиксов, то он системно препятствует номинализации глаголов. Если же значение количественно-временного предела оказывается только одним из значений полисемичного глагола, то имя действия образуется и употребляется – но уже в других аспектуальных значениях. Это подтверждает семантическую природу ограничений в образовании имен действия от определенных групп глаголов.

Список литературы

Зализняк А. А. Связь отглагольных существительных на -ние, -тие с глагольным видом // Terra Balkanica. Terra Slavica. M., 2007. C. 43–51.

Пчелинцева Е. Э. Аспектуальная характеристика отглагольных имен действия в русском, украинском и польском языках // Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context. Die Welt der Slaven: Sammelbände. Bd 56. München; Berlin; Washington: Verl. O. Sagner, 2015. C. 389–402.

Стрекалова З. Н. Морфология глагольного вида в современном польском литературном языке. М.: Наука, 1979. 263 с.

Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia / Pod red. R. Grzegorczykowej, R. Laskowskiego, H.Wróbla. Warszawa: PWN, 1998. 640 s.

Piernikarski C. Typy opozycji aspektowych czasownika polskiego na tle słowiańskim. Warszawa: PWN, 1969. 205 s.

Stawnicka J. Studium porównawcze nad kategorią semantyczno-słowotwórczą *Aktionsarten* w języku rosyjskim i polskim. T. 1: Czasowniki z formantami modyfikacyjnymi. Katowice: Wyd. Uniw. Śląskiego, 2009. 290 s.

Śmiech W. Derzwacja prefiksalna czasowników polskich. Wrocław: Wydaw. PAN, 1986. 140 s.

Dubisz, 2004 – Uniwersalny słownik języka polskiego / Pod red. S. Dubisz. Warszawa: PWN SA, wersja elektroniczna, 2004.

E. E. Pchelintseva

Cherkasy state technological university, Cherkasy, Ukraine; Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russian Federation; pchele@gmail.com

Polish verbal noun and the semantics of the beginning of action

The theoretical aspects of a verbal derivation of nouns in Polish language are considered in the article. The influence of aspectual semantics of the beginning of action on the productivity of verbs in the verbal nouns is studied on the materials of Polish corpus and dictionaries. Polish verbal nouns are usually considered to be regularly derived from the vast majority of verbs and to inherit almost entirely the verbal aspectual semantics. However, a continuous analysis of data from the National Corpus of Polish in comparison with the materials of a number of Polish dictionaries refutes this assertion. The aspectual semantics of several groups of Polish verbs is

proved to systematically prevent their normalization. It is determined that the semantic feature of a quantitative-temporal limit of the action is hardly transposed to the noun form, i.e. the relevant units are either not available in corpus, or completely lose the feature in interest.

Keywords: verbal noun, aspectual semantics of the beginning of action, quantitative-temporal limit of the action.

DOI 10.17223/18137083/56/25

References

Dubisz, 2004 – Uniwersalny słownik języka polskiego / Pod red. S. Dubisz. Warszawa: PWN SA, wersja elektroniczna, 2004.

Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. Pod red. R. Grzegorczykowej, R. Laskowskiego, H.Wróbla. Warszawa: PWN, 1998. 640 s.

Pchelinceva E. Je. Aspektual'naja harakteristika otglagol'nyh imen dejstvija v russkom, ukrainskom i pol'skom jazykah [The aspectual characterization of the verbal nouns in Russian, Ukrainian and Polish]. In: *Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context. Die Welt der Slaven: Sammelbände*. Bd 56. München; Berlin; Washington: Verl. O. Sagner, 2015, pp. 389–402.

Piernikarski C. Typy opozycji aspektowych czasownika polskiego na tle słowiańskim. Warszawa: PWN, 1969. 205 s.

Śmiech W. Derzwacja prefiksalna czasowników polskich. Wrocław: Wydaw. PAN, 1986. 140 s.

Stawnicka J. Studium porównawcze nad kategorią semantyczno-słowotwórczą *Aktionsarten* w języku rosyjskim i polskim. T. 1: Czasowniki z formantami modyfikacyjnymi. Katowice: Wyd. Uniw. Śląskiego, 2009. 290 s.

Strekalova Z. N. *Morfologija glagol'nogo vida v sovremennom pol'skom literaturnom jazyke*. [The morphology of verbal aspect in modern Polish literary language]. M., Nauka, 1979, 263 p.

Zaliznjak A. A. Svjaz' otglagol'nyh sushhestvitel'nyh na -nie, -tie s glagol'nym vidom [Relation of the verbal nouns ending in -nie, -tie with the verbals]. In: *Terra Balkanica. Terra Slavica*. M., 2007, pp. 43–51.

УДК 81,37=512.31
DOI 10.17223/18137083/56/26

Е. К. Скрибник [1], **Н. Б. Даржаева** [2]

[1] *Институт финноугроведения Университета им. Людвига Максимилиана*, *Мюнхен*
[2] *Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ*

Бурятские конструкции сопоставления-предпочтения

Для бурятского языка выявлены четыре полипредикативные конструкции со значением сопоставления двух альтернатив и выбора одной из них (‘чем / вместо А, (лучше) Б’): две на базе деепричастия на *-нхаар*, одна причастно-послеложная с послелогом *орондо* и одна с желательной формой, вводимой формой служебного глагола речи *гэ-*. Дается структурный и семантический анализ этих конструкций и их различительные характеристики: типовые формы главного сказуемого и ограничения на лексическое наполнение, наличие / отсутствие оценочного компонента, его характер и привязанность к одной из альтернатив, реальность / ирреальность альтернатив, характер альтернативности (сравнение двух единичных поступков или поступка и нормы поведения).

Ключевые слова: монгольские языки, полипредикативный синтаксис, семантические отношения в сложном предложении, сопоставление и предпочтение.

Конструкции сопоставления-предпочтения – это интересная, но в монголоведении практически не описанная семантическая группа конструкций, в которых два события (оба потенциальные или же потенциальное и реально осуществленное/осуществляемое) представляются как альтернативные, обычно со сравнительной оценкой (ср. рус.: *Чем свинью стричь, не лучше ли опалить? Вместо того чтобы по улицам болтаться, почитал бы книжку*).

В русском языке к этой группе относят целый ряд конструкций, из них ведущая «*чем* + инфинитив … (*лучше*)». «Русская грамматика» называет их сопоставительными: в них «сопоставляются два действия или состояния с точки зрения предпочтительности одного другому» [Русская грамматика, 1980, с. 490]. Союз

Скрибник Елена Константиновна – доктор филологических наук, профессор, директор Института финноугроведения Университета им. Людвига Максимилиана (Ludwigstrasse, 31/III, München, 80539, Deutschland; skribnik@lmu.de)

Даржаева Надежда Баировна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия; dnadezhda@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 3
© Е. К. Скрибник, Н. Б. Даржаева, 2016

вместо того чтобы в отличие от *чем* (выражается предпочтительность события главной предикативной единицы (ГПЕ)) и *чем бы* (выражается предпочтительность события зависимой предикативной единицы (ЗПЕ)) описывается как «(нейтральный) с точки зрения значений желательности, предпочтительности или целесообразности» [Русская грамматика, 1980, с. 491]. Отмечается также семантическая близость таких конструкций к отрицательно-противительным предложениям с союзом *а* (отсюда способность с ними контаминироваться – *Нет чтобы…*, *а ты…* [Там же]).

В монографии по типологии семантических отношений в сложном предложении [Semantics of Clause Linking, 2009, p. 2, 30–32] подобные конструкции рассматриваются в классе «альтернативность» с двумя разновидностями – «отказ» (rejection alternatives, например: *instead of* ‘вместо того чтобы’) и «рекомендация» (suggestion alternatives, например: *rather than* ‘чем...’). Далее в комментариях к этим двум группам подчеркивается противопоставление нейтральной семантики (*instead of*) и семантики предпочтительности (*rather than*).

Если с этой позиции вернуться к русским сложным конструкциям, то к семантической группе предпочтения (альтернативности) можно отнести еще конструкции с *пусть бы… лишь бы* (*не*): *Пусть бы всё там оторвало, лишь бы не было войны* [1], а также союзы *а* в значении допускаемой худшей альтернативы (*...бритвочку вытер и положил в футлярчик, а ведь мог бы и полоснуть*) и *а то* в значении отвергнутой потенциальной альтернативы: *Умерла бы еще сама, а то отняли!* Союз *а то* образует к тому же серию сочетаний – *если бы* / *добро бы* / *пусть бы* / *хоть бы… а то*: *Если б она всё по голове гладила, а то пристаёт.* «Русская грамматика» характеризует их как «условно-противительные», осложненные семантикой желательности [Русская грамматика, 1980, с. 629, 566–567]; ср. также у С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой характеристику «условно-предположительное допущение» для *добро бы* [Ожегов, Шведова, 1992, с. 165] и определения для серии скреп на базе *пусть бы*:

«*Пусть бы... а то*, *союз двухместный* выражает допущение нежелательного, но не худшего по сравнению с другим: *Пусть бы ворчал, а то ещё и ругается.*

Пусть бы... лишь бы (*только бы*), *союз двухместный* выражает принятие нежелательного при условии, что состоится что-н. желательное. *Пусть бы ворчал, лишь бы* (*только бы*) *дело делал.*

Пусть бы... лишь бы не (*только не*, *только бы не*), *союз двухместный* выражает допущение нежелательного, но предпочитаемого другому, еще более нежелательному. *Пусть бы ветер, лишь бы дождя не было*» [Там же, с. 622].

Тем самым в русском языке в семантическую группу предпочтения / альтернативности входят конструкции, характеризующиеся и как сложносочиненные, и как сложноподчиненные, со скрепами, часто соотносящимися с зоной обусловленности (цель, условие, противительность / уступительность); с точки зрения оценочной семантики здесь имеется конструкция нейтральная и серия конструкций, задающих либо положительную оценку одной из ситуаций (*чем*; *нет чтобы*), либо оценку отрицательную (*пусть бы… лишь бы*; *добро бы... а то*).

Интересно, что в русском языке возможны, хотя и редки, разносубъектные варианты (*Чем ему ехать в Петербург, лучше бы отпустили в чужие края*) [2], тогда

---

[1] В «Русской грамматике» это сочетание не отмечено, описаны отдельно скрепы *лишь бы* / *только бы*, имеющие «целевое значение с субъективно-оценочным элементом» – *Готов на все, лишь бы…*, когда ситуация в ГПЕ называет «крайний способ достижения цели» [Русская грамматика, 1980, с. 597].

[2] Это пример из письменного языка XIX в. (*Мартьянов П.* Суворов в ссылке. Исторический вестник, 1884, т. XVIII, окт., с. 150), однако такое употребление представляется и сейчас вполне возможным (ср.: *Чем тебе возвращаться, давай лучше я схожу*). В «Рус-

как в бурятском такие варианты в корпусе не представлены и в устном литературном языке избегаются.

Мы провели исследование на материале бурятского письменного литературного языка: были задействованы 433 примера из художественной литературы, в первую очередь из Бурятского корпуса [3]. Анализ текстового материала был дополнен опросом информантов – носителей языка [4].

В бурятском языке мы выявили следующие конструкции со значением сопоставления или предпочтения: причастно-послеложная с послелогом *орондо*, две деепричастные с формой на *-нхаар* [Скрибник, 1988, с. 115, 144], а также конструкция разговорной речи с зависимым сказуемым – сочетанием желательной формы основного глагола со служебным глаголом речи *гэ-* в форме общей временной соотнесенности *-хА-дА*:

[…V-*х-ын орондо* (ГПЕ)]	‘вместо того чтобы А, Б’
[(...V-*нхаар*) V-FUT/IMP]	‘чем А, (сделай) Б’
[(...V-*нхаар*) (…V-PC-[NOM]-POSS) ADJ^{eval}]	‘чем А, лучше Б’
[…V-*hАй гэхэдэ* (ГПЕ)]	‘(хотелось бы, чтобы) А, но Б’

В бурятских конструкциях сопоставления-предпочтения названы два события, находящихся в отношениях альтернации, причем минимум одно из них является потенциальным, а второе либо уже реализовано, либо предлагается к реализации как альтернативный вариант. Альтернативный вариант всегда предлагает говорящий (в случае 1-го лица он совпадает с исполнителем действия).

При дальнейшем анализе мы отслеживали следующие структурные и семантические параметры конструкций:

а) формы главного сказуемого (напомним, что в монгольских языках событие, представленное в главной части, имеет больший информационный вес, чем событие зависимой: говорящий фокусирует внимание именно на главном событии, зависимое служит для него фоном);

б) возможные ограничения на лексическое наполнение;

в) реальность / потенциальность событий, названных в главной и зависимой частях;

г) наличие / отсутствие оценочного компонента в одной из частей (в ГПЕ или в ЗПЕ) либо в обеих частях, его характер (положительный или отрицательный);

д) характер альтернативности (сравнение двух индивидуальных поступков или поступка с социальными нормами).

Причастно-послеложная конструкция с послелогом *орондо*

Наиболее частотной является причастно-послеложная конструкция с послелогом *орондо*; она единственная из всех допускает альтернативу без сравнительной оценки:

ской грамматике» [1980] аспект моносубъектности-разносубъектности никак не обсуждается и среди примеров разносубъектных нет.

[3] Бурятский корпус. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (далее – БК).

[4] Наша особая благодарность – канд. филол. наук Б. Д. Цыренову за комментарии к примерам (39а, 39б, 39в, 43а, 43б).

(1) *Наран* *кино-до* *ошо-х-ын-гоо* *орондо*
Н. кино-DAT идти-PC.FUT-GEN-REFL PSTP
суглуул-һан *мүнг-өөр-өө* *магазин-һаа* *пулад*
собирать-PC.PST деньги-INS-REFL магазин-ABL платок
худалда-жа *аб-аа*
продавать-CVB брать-PST[3SG/PL]
‘Вместо того, чтобы идти в кино, Наран на собранные деньги купил в магазине платок.’

Тем не менее в большинстве примеров налицо оценочное прочтение: одна из двух возможностей понимается как более предпочтительная (подробнее об этом ниже).

Для конструкции с *орондо* (как и для конструкций сопоставления-предпочтения вообще, что будет показано ниже) значима форма сказуемого главной части – она выбирается в соответствии с двумя типами их использования в коммуникации: рекомендация одного из двух потенциально возможных вариантов (ср. suggestion alternatives у А. Айхенвальд [Semantics of Clause Linking, 2009]) оформляется через разного рода императивы в главной части, а описание уже совершившегося выбора одной из альтернатив (ср. rejection alternatives у А. Айхенвальд [Ibid.]) обусловливает оформление индикативом либо ирреалисом. Таким образом, взаимно противопоставленным конструкциям в английском соответствуют варианты грамматического оформления главной части одной и той же конструкции в бурятском.

Как показывает статистический анализ оформления главной части этой конструкции, 80 % составляют индикативные формы, 20 % – императивные. Формы с ирреалисом в корпусе хотя и не представлены, но возможны – примеры в статье сконструированы нами.

Проиллюстрируем вначале «императивный» вариант, когда предлагается (предпочтительная) стратегия для будущего как выбор из двух возможностей. Альтернативу предлагает говорящий; осуществлять выбор / исполнять действия могут все три лица, в силу специфики бурятского повелительно-желательного наклонения [Бертагаев, Цыдендамбаев, 1962, с. 247], хотя чаще это все же 2-е лицо (примеры (2, 3); 3-е лицо проиллюстрировано в (5)). В случае форм 1-го лица говорящий реализует обе функции (4).

В главной части используется серия форм разной степени вежливости, от приказа (формы повелительно-желательного наклонения (2, 5), модальные формы долженствования (4)) до мягкого пожелания (оптативные формы с участием вопросительного глагола *яа-* (3)):

(2) *Эндэ* *хэбтэ-жэ* *бай-х-ын* *орондо* *Кузьминка*
здесь лежать-CVB AUX-PC.FUT-GEN PSTP К.
хүрэтэр *бидэн-ээр* *ошо-лдо*
PSTP мы-INS идти-SOC[IMP]
‘Чем здесь лежать, поезжай с нами до Кузьминки.’ (Ч. Цыдендамбаев. *Түрэл нютагһаа холо* (1958); БК, дата обращения 02.12.2014)

(3) *Тиигэ-жэ* *хэлэ-х-ын-гээ* *орондо*
DIST-CVB говорить-PC.FUT-GEN-REFL PSTP
һүрхэй-хэн *гэжэ* *хэлэ-хэеэ* *яа-на-ш?*
прекрасный-DIM COMP говорить-CVB Q-PRS-2SG
‘Чем так (плохо о нем) говорить, почему бы тебе не сказать, мол, (какой он) хорошенький.’ (Х. Намсараев. *Эдиршүүд* (1949); БК, дата обращения 05.12.2014)

(4) *Сай* *уу-жа* *hуу-х-ын* *оронд*о *ой-hоо*
чай пить-CVB сидеть-PC.FUT-GEN PSTP лес-ABL
түргэн *гара-ха* *бай-гаа-б*
быстро выходить-PC.FUT AUX-PC.PRS-1SG
‘Вместо того, чтобы сидеть и пить чай, я бы поскорее ушел из леса.’ (С. Доржиев. *Байгалай басаган* (1958); БК, дата обращения 02.12.2014)

(5) *Хөөрхы-шни,* *газаа* *бай-жа*
бедняга-POSS2SG снаружи стоять-CVB
бай-х-ын *орондо*, *олзо-хо*
AUX-PC.FUT-GEN PSTP доход-DIM
оло-г *лэ*
находить-IMP3SG PCL
‘Бедняга, чем простаивать на улице, пусть подзаработает.’ (Ч. Цыдендамбаев. *Түрэл нютагһаа холо* (1958); БК, дата обращения 06.12.2014)

При формах императивного характера в главной части событие зависимой части понимается в зависимости от контекста и внеязыковых знаний либо как реальное, в большинстве примеров негативно оцениваемое, для которого говорящий предлагает альтернативу (3, 4), либо как потенциальная альтернатива, которая также обычно оценивается как худшая (2, 5).

Неимперативный вариант конструкции используется для описания уже состоявшегося выбора с отвергнутой альтернативой. Он имеет далее два подтипа, также в зависимости от формы главной части – индикатив или ирреальное наклонение.

Формы индикатива представляют событие главной части как реальное; следовательно, в зависимой части событие будет пониматься как потенциальное, которое говорящий полагает имевшейся на тот момент альтернативой для исполнителя главного действия, более ожидаемой, часто и более предпочтительной. Примеры с формами настоящего (6) и разных прошедших времен (7–10):

(6) *Магта-х-ын,* *баяр* *хүргэ-х-ын*
хвалить-PC.FUT-GEN радость доставлять-PC.FUT-GEN
орондо *зэмэл-хэ-д-ээ* *яа-на-б?*
PSTP обвинять-PC.FUT-DAT-REFL Q-PRS-PCL
‘Что же он обвиняет, вместо того чтобы хвалить и радовать?’ (С. Цырендоржиев. *Үбгэдтэ - мэндэ* (1977); БК, дата обращения 02.12.2014)

(7) *Та* *тэдэ-ниие* *хара-һан* *аад,* *туһал-х-ын*
вы они-ACC видеть-PC. PCL помочь-PC.FUT-GEN
орондо *тэрьел-ээ-т.*
PSTP убегать-PST-2PL
‘Хотя вы и видели их, но вместо того, чтобы помочь, убежали.’ (Д.-Д. Дугаров. *Хара булган* (1969); БК, дата обращения 02.12.2014)

(8) *Эмшэн* *эхэнэр* *харюуса-х-ын* *орондо*
врач женщина отвечать-PC.FUT-GEN PSTP
өөры-нь *тэбэри-н* *таала-жа*
сам:ACC-POSS3 обнимать-CVB целовать-CVB
оро-шо-бо
AUX-INTENS-PST[3SG/PL]
‘Женщина-врач принялась обнимать и целовать его самого, вместо того, чтобы ответить.’ (Б. Шойдоков. *Дайсанай ара талада* (1995); БК, дата обращения 02.12.2014)

(9) *Николай* *зүрхэ* *оро-жо,* *басаг-ые*
Н. сердце входить-CVB девушка-ACC
хүтэл-х-ын *орондо* *мүр* *дээгүүр-нь*
вести-PC.FUT-GEN PSTP плечо PSTP-POSS3
тэбэр-еэдхи-бэ
обнимать-INTENS-PST[3SG/PL]
‘Николай, осмелев, вместо того, чтобы вести девушку за руку, обнял за плечи.’ (С. Цырендоржиев. *Мүнхэ эрьесэ* (1980); БК, дата обращения 29.11.2014)

(10) *Баярла-х-ын* *орондо* *эжы-мни*
радоваться-PC.FUT-GEN PSTP мать-POSS1
уйла-жархи-ба
плакать-INTENS-PST[3SG/PL]
‘Вместо того чтобы обрадоваться, мама расплакалась.’ (Ц. Шагжин. *Эжын үнэн* (1981); БК, дата обращения 29.11.2014)

Как видим, в «индикативном» варианте зависимая часть с *орондо* называет общественную норму поведения (7–9) (см. также (13)), типическую эмоциональную реакцию на определенные стимулы (6, 10) либо, реже, индивидуальные привычки, известные говорящему (см. (41) ‘пить водку’); иначе говоря, в зависимой части представлены нереализованные ожидания говорящего. Именно этот аспект значения конструкций типа ‘вместо того чтобы’ подчеркивают авторы типологического обзора обстоятельственных придаточных [Thompson et al., 2007, p. 263]: «the replacing of an expected event by an unexpected one» («замещение ожидаемого события неожиданным»), в их классификации такие конструкции называются заместительными (substitutive clauses). «Императивный» вариант под этим углом зрения дает совершенно иную картину – там обычно сравнивается не индивидуальный поступок с (обще)известной нормой, а два возможных индивидуальных варианта поведения как более и менее предпочтительные для говорящего (см. (2–5)), т. е. формулируется не неосуществившееся ожидание, а предпочтение с приглашением к реализации.

Ирреальные формы события главной части в корпусе не представлены, но также возможны. В этом случае главное событие задается как неосуществленное; соответственно, событие, названное в зависимой части, понимается как реально осуществленное, но оцениваемое ниже в сравнении с неосуществленной альтернативой, коль скоро говорящему понадобилось ее сформулировать. Ирреалис ведет себя подобно императиву в том плане, что сопоставляются два индивидуальных варианта поведения, а не реальное поведение и норма. Примеры:

(11) *Гансаараа* *бай-х-ын* *орондо* *үхибүү*
в_одиночку быть-PC.FUT-GEN PSTP ребенок
үндылгэ-жэ *бай-ха* *бай-гаа-ш*
поднимать-CVB AUX-PC.FUT AUX-PST-2SG
‘Вместо того, чтобы жить в одиночестве, ты могла бы (сейчас) растить ребенка.’

(12) *Хори* *руу* *зөө-х-ын* *орондо* *Хэжэнгэ*
Х. PSTP кочевать-PC.FUT-GEN PSTP К.
руу *зөө-хэ* *бай-гаа-бди*
PSTP кочевать-PC.FUT AUX-PC.PRS-1PL
‘Вот бы мы вместо Хоринска в Кижингу переехали (букв.: Чем переезжать в Хоринск, …).’

Таким образом, материал показывает интересный ряд вариантов этой конструкции, обусловленных формой сказуемого главной части.

Индикатив представляет выбор как уже состоявшийся, выбранная и реализованная альтернатива главной части сравнивается с нормой / системой ожиданий, представленными в зависимой части, итоговое значение – выбор с несоответствием ожиданиям.

Императив представляет альтернативу, предложенную к реализации взамен реального поведения на момент речи (за счет этого может возникнуть прочтение положительной оценки главной части).

Ирреалис представляет бывшую возможной с точки зрения говорящего, но не реализованную альтернативу, при том что реально произошло событие зависимой части (при этом возникает оценочное прочтение неосуществленного события главной части как более предпочтительного).

В целом конструкция с *орондо* оценочно не охарактеризована, но и полностью нейтральной ее назвать трудно: в базовом типе употребления (с индикативом) она передает значение несоответствия ожиданиям, в случае императива и ирреалиса зависимая часть может пониматься как негативно оцениваемая, т. е. оценочное прочтение зависит от контекста и внеязыковых знаний.

С *орондо* могут строиться и межфразовые скрепы, устанавливающие смысловые связи между отрезками текста, однако только с местоименным глаголом дальнего указания *тии-*:

(13) *Арад зон* *аяга* *сай-гаа,* *духаряа* *арх-иин-гаа*
люди чашка чай-REFL чарка водка-GEN-REFL
дээж-ые *дүрбэн* *зүг,* *найман*
верх-ACC четыре направление восемь
хизаар-та *үргэ-жэ,* *һүүлээр-нь* *лэ*
конец-DAT преподносить-CVB PSTP-POSS3 PCL
уу-даг *ха* *юм.* *Харин* *энэ* *Эрдэни*
пить-PC.HAB PCL PCL но этот Э.
тии-х-ын *орондо* *өөрөө* *аман*
DIST-PC.FUT-GEN PSTP сам рот
руу-гаа *хүнтэрүүл-жэрхи-бэ.*
PSTP-REFL опрокинуть-INTENS-PST[3SG/PL]

‘Люди первую чашку чая, первую чарку водки преподносят четырем сторонам света, восьми концам, только после этого сами пьют ведь. Но этот Эрдэни вместо этого опрокинул в свой рот.’ (Д. Эрдынеев. *Энэ наһан* (1968); БК, дата обращения 29.11.2014)

В межфразовых скрепах описанные выше характеристики сохраняются: главное событие происходит вопреки социальным нормам.

Конструкции с деепричастием на *-нхаар*

Рассмотрим далее две конструкции с деепричастием на *-нхаар* [5], одна из которых является трехчленной с главным сказуемым – предикатом позитивной оценки.

Форма на *-нхаар* задает фиксированную оценку сопоставляемых событий: событие зависимой части оценивается только отрицательно, событие главной части, соответственно, положительно или как более предпочтительное в сравнении с первым. Как следствие, с деепричастием на *-нхаар* редко встречаются названия действий / ситуаций, которые в социуме оцениваются принципиально положи-

[5] Напомним, что суффикс *-нхаар* не подвержен гармонии гласных.

тельно, например ‘помогать’, ‘лечить’ и т. п. Далее, здесь сопоставляются исключительно индивидуальные поступки/события, соответственно, оценка также индивидуальная и ситуативная, ср. (29), где событие «смерть» в норме несет негативную оценку, в данном же высказывании подано как более предпочтительное.

1. Двучленная конструкция с *-нхаар* характеризуется тем, что ее главная часть в подавляющем большинстве употреблений (99 %) оформляется как рекомендация исполнить предпочтительное главное действие (ср. «suggestion alternative» [Semantics of Clause Linking, 2009, p. 2]), причем чаще всего это рекомендация другому лицу (внешняя социальная оценка) через императивные формы 2-го и 3-го лица (14–16), а также формы долженствования (17) и аналитического оптатива на базе местоименно-вопросительного глагола *яа-* (18).

(14) *Рабдан,* *миин* *хэбтэ-нхаар,* *архи-да* *ош-оод*
Р. зря лежать-CVB водка-DAT идти-CVB
ер-ыш
AUX-IMP2SG
‘Рабдан, чем так просто лежать, сходи за водкой!’ (Б. Мунгонов. *Баян зүрхэн* (1974); БК, дата обращения 25.11.2014)

(15) *Барагтай* *бага* *юумэ* *дээрэһээ* *халбага*
пустяковый малый вещь PSTP ложка
хахар-жа *тара-нхаар* *эбээрээ*
трескаться-CVB расходиться-CVB миром
хэлсэ-жэ *эбс-ыт* *даа*
договариваться-CVB мириться-IMP2PL PCL
‘Лучше вы помиритесь, договорившись, чем разойтись, рассорившись из-за пустяков (букв.: разбив ложку из-за мелочей).’ ([Бертагаев, Цыдендамбаев, 1962, с. 290], глоссирование наше, перевод скорректирован)

(16) *Эндэ* *урга-жа* *хэбтэ-нхаар,* *мөөдэй-нүүд-эй*
здесь расти-CVB AUX-CVB корова-PL-GEN
хото *руу* *оро-жо,* *һү* *тараг*
желудок PSTP входить-CVB молоко кефир
боло-г *лэ* *саашаа*
становиться-IMP3[SG/PL] PCL PCL
‘Чем здесь будет расти, пусть он лучше попадет в желудок к коровам и превратится в молоко и кефир!’ (Б. Мунгонов. *Баян зүрхэн* (1979); БК, дата обращения 20.11.2014)

(17) *Зобоо-жо* *бай-нхаар* *гарга-ха* *хэрэгтэй*
мучить-CVB AUX-CVB выводить-PC.FUT MOD
‘Чем его мучить, нужно его зарезать.’ (Ц.-Д. Хамаев. *Эрмэг дээрэ* (1978); БК, дата обращения 26.11.2014)

(18) *Доржо-до* *үгэ-нхаар,* *намда* *үгэ-хэеэ* *яа-на-б?*
Доржо-DAT давать-CVB мне давать-CVB Q-PRS-PCL[3SG]
‘Чем отдавать Доржо, отдал бы он мне.’

Когда говорящий оценивает свои собственные действия (говорящий = исполнитель), в главной части используются формы императива (повелительно-пригласительная 1-го лица мн. ч., заверительная форма 1-го лица), а также оптатива (20) и будущего времени (21). Здесь говорящий сообщает о своей готовности или желании реализовать уже осуществленный выбор (или приглашает сделать это вместе с ним).

(19) *Эдэ* *үдэр-нүүд-тэ* *миин* *бай-нхаар,* *ошо-ё-л*
эти день-PL-DAT зря быть-CVB идти:IMP-PCL
сааша-нь.
PCL-POSS3
‘Чем ничего не делать в эти дни, давай сходим уж.’ (С. Цырендоржиев. *Хуумаан Янгар* (1978); БК, дата обращения 25.11.2014)

(20) *Иимэ* *эсэгэ-тэй* *яба-нхаар,* *мээл,* *газар* *доро*
такой отец-PROP AUX-CVB PCL земля PSTP
оро-шо-һой-б
входить-INTENS-OPT-1SG
‘С таким отцом хоть сквозь землю провались (букв.: Чем иметь такого отца, лучше я сквозь землю провалюсь).’ (С. Цырендоржиев. *Ондоо бодол байхагүй* (1977); БК, дата обращения 23.11.2014)

(21) *Хариин* *газар-та* *шарх-яа* *хатаа-нхаар,* *орон*
чужой земля-DAT башмак-REFL сушить-CVB
нютаг-аа *буса-ха-мни.*
родина-REFL возвращаться-PC.FUT-1SG
‘Чем умереть на чужбине, вернусь на родину.’ (Б. Мунгонов. *Хара һалхин* (1971); БК, дата обращения 27.11.2014)

(22) *Шамтай* *һуу-нхаар,* *гансаараа* *налай-жа*
ты:COM сидеть-CVB в_одиночку откидываться_назад-CVB
яб-уужа-б
AUX-IMP-1SG
‘Чем с тобой жить, лучше буду в одиночестве (букв.: пусть я буду в одиночку довольный ходить).’ (А. Ангархаев. *Үер* (1977); БК, дата обращения 05.12.2014)

Как видим, в этих примерах интерпретация зависимой части с точки зрения реальности / ирреальности неоднозначна: так, в (22) без контекста нельзя определить, живет ли уже говорящий вместе со слушающим, но собирается уйти, либо же он только оценивает перспективу совместной жизни. В (20) положение вещей зависимой части скорее интерпретируется как ирреальное (говорящий как бы «примеривает на себя» ситуацию с чужим отцом), но возможно и реальное прочтение (отец повел себя неожиданным образом). В (21) однозначная интерпретация зависимого события как потенциального зависит только от знаний о мире («мертвые не говорят»). Специальных языковых маркеров для этого различения нет.

Индикативные формы, обозначающие реально осуществившиеся действия, в главной части конструкции с *-нхаар* в принципе возможны, но чрезвычайно редки. В таком случае описывается состоявшийся выбор, причем в зависимой части названо нежелательное потенциальное событие, а в главной части представлена найденная и реализованная положительная альтернатива:

(23) *Мал-аа* *тураа-нхаар* *гүрэн-дэ*
скот-REFL делать худым-CVB государство-DAT
тушаа-гаа-б
сдавать-PC.PRS-1SG
‘Чем дать скоту исхудать, я сдал (его) государству.’ (Б. Мунгонов. *Баян зүрхэн* (1974); БК, дата обращения 25.11.2014)

(24) *Үгзы-жэ* *бай-нхаар,* *үтэр* *түлеэ-гээ*
лохматиться-CVB AUX-CVB быстро дрова-REFL
оруул-аад, *унаа-е-нь* *угта-жа*
заносить-CVB лошадь-ACC-POSS3 встречать-CVB
аба-хаяа *яара-ба*
AUX-CVB спешить-PST[3SG/PL]
‘Не стал стоять взлохмаченным, а быстро занес дрова и поспешил встретить его лошадь (букв.: чем стоять…).’ (Ц.-Д. Хамаев. *Эрмэг дээрэ* (1978); БК, дата обращения 27.11.2014).

Как видим, благодаря форме прошедшего времени примеры (23, 24) прочитываются как предотвращение нежелательной возможности, сближаясь по значению с конструкциями целевой коррекции ‘чтобы не’.

Примеры с формой ирреалиса в главной части в корпусе не обнаружены, как и с послелогом *орондо*, но возможны. В зависимой части описывается реальное негативно оцениваемое положение дел, а в главной – положительно оцениваемый, но упущенный выбор:

(25) *Үншэн үрөөһэн* *гансаараа* *һуу-нхаар,* *нэгэ*
сирота в_одиночку сидеть-CVB один
хүгшэн-иие *ол-оод* *бай-ха*
старушка-ACC находить-CVB AUX-PC.FUT
бай-гаа-б
AUX-PST-1SG
‘Чем сидеть одному сиротой, я бы уже нашел какую-нибудь старушку.’

Конструкция с *-нхаар* часто встречается в устойчивых выражениях:

(26) *Эрх-ые* *һура-нхаар,* *бэрх-ые* *һура*
нежный-ACC учиться-CVB мудрый-ACC учиться:IMP[2SG]
гэ-лсэ-гшэ *гү-бэ…*
говорить-SOC-PC.ACT Q-PCL[3SG/PL]
‘Говорят ведь, чем учиться ласке, учись мудрости.’ (Д. Сультимов. *Ябаһан хүн яһа зууха* (2006); БК, дата обращения 27.11.2014)

(27) *Зуун* *түхэриг-тэй* *бай-нхаар,* *зуун* *нүхэ-д-тэй*
сто тугрик-PROP AUX-CVB сто друг-PL-PROP
бай *гэ-һэн* *юм* *гү-бэ!*
быть:IMP[2] AUX-PC.PST PCL Q-PCL[3SG/PL]
‘Говорил ведь, не имей сто рублей, а имей сто друзей!’ (Д. Эрдынеев. *Хүлэг инсагаална* (1974); БК, дата обращения 27.11.2014)

2. В более распространенной трехчленной конструкции оценки участвуют две ЗПЕ: отвергаемая альтернатива представлена в форме на *-нхаар*, предпочтительная альтернатива оформлена как подлежащная (28) или условная ЗПЕ (29), главная часть – предикат позитивной оценки, чаще всего *дээрэ* ‘лучше’. Эта конструкция несколько более экспрессивна, чем предыдущая: событие, оформленное деепричастием на *-нхаар*, оценивается не просто отрицательно, но часто глубоко отрицательно.

(28) *Бидэ-нэй-нгээ* *нюдэ* *түнхюулэ-нхаар,* *өөрынгө*
мы-GEN-REFL глаз выковыривать-CVB свой
нюдэ *түнхюул-һэн-шни* *дээрэ…*
глаз выковыривать-PC.PST-POSS2SG лучше
‘Чем наши глаза выкалывать, лучше выколи свои глаза.’ [Тороев, 1994, с. 23]

(29) *Шамайе* *алда-нхаар* *үх-өө* *һаа-м*
тебя упускать-CVB умереть-PC.PRS PCL-POSS1SG
дээрэ!
лучше
‘Лучше я умру, чем потеряю тебя.’ (Д. Эрдынеев *Энэ наһан* (1968); БК, дата обращения 30.11.2014)

(30) *Газаа* *бай-һан* *хамбышан-ай* *нюһа_нёлбоһо*
на улице быть-PC.PST извозчик-GEN сопли
эди-лсэ-жэ *һуу-нхаар,* *Бүтүү*
есть-SOC-CVB AUX-CVB Б.
дархан-ай-да *хүрэ-жэ* *хүл-өө*
мастер-GEN-DAT достигать-CVB нога-REFL
тэниилгэ-жэ *хэбтэ-хэ-мни-шье* *ехэ*
вытягивать-CVB лежать-PC.FUT-POSS1SG-PCL большой
‘Чем рыдать, глотая сопли, с извозчиком на улице, гораздо лучше (букв.: больше) пойти к семье мастера Бутуу и лежать, вытянув ноги.’ (Байгал, 1995, с. 71)

В этой конструкции оба события почти всегда потенциальны. На реальность отрицательной альтернативы могут иногда указывать формы глагола близкого указания *ииг-э*-:

(31) *Ииг-жэ* *сухари-жа,* *хүн-үүд-тэ*
PROX-CVB пятиться-CVB человек-PL-DAT
шоо_үз-үүл-жэ *яба-нхаар,* *байлдаан-да*
презирать-CAUS-CVB AUX-CVB бой-DAT
тулалда-н *үх-өө* *һаа* *һураггүй*
сразиться-CVB умирать-PC.PRS PCL гораздо
дээрэ
лучше
‘Чем так прятаться и испытывать на себе презрение людей, гораздо лучше умереть, сражаясь в бою.’ (Г.-Д. Дамбаев. *Эжын хоёр* (1982); БК, дата обращения 08.12.2014)

В примерах с ирреализом в оценочном сказуемом (‘лучше бы, если бы’) событие, выраженное деепричастием, обязательно реально, а предпочитаемое событие представляется уже невозможным:

(32) *Ииг-жэ* *һуу-нхаар* *шууя-лд-аа,*
PROX-CVB сидеть-CVB шуметь-SOC-PC.PRS
оромоо_алд-аа *һаа-нь* *дээрэ*
безобразничать-PC.PRS PCL-POSS3 лучше
һэн *ха* *даа*
PCL PCL PCL
‘Чем так сидеть, лучше бы они шумели и безобразничали.’ (К. Цыденов. *Бусахал даа хабар* (1964); БК, дата обращения 08.12.2014).

(33) *Энээ_руу* *яба-жа* *саг-аа* *һаата-нхаар,*
здесь ходить-CVB время-REFL задерживаться-CVB
бригада, *заямха-нууд-аар* *яба-жа,*
бригада заимка-PL-INS ходить-CVB
почто-ёо *тараа-һан-тнай* *һураггүй* *дээрэ*
почта-REFL разносить-PC.PST-POSS2PL гораздо лучше
бай-ха *бэлэй*
быть-PC.FUT PCL[3SG/PL]
‘Чем ходить здесь и время терять, было бы гораздо лучше вам разносить почту, разъезжая по бригадам и заимкам.’ (М. Осодоев. *Заха холын заяамхада* (1975); БК, дата обращения 30.11.2014)

Обе конструкции также широко употребляются в качестве местоименных скреп, причем – в отличие от конструкции с *орондо* – с глаголами как дальнего, так и близкого указания. При этом использование проксимального местоименного глагола в сочетании со вспомогательным глаголом указывает на реальность отвергаемой альтернативы (34). С дистальным же глаголом реальность или потенциальность определяется в зависимости от глагола предыдущего отрезка: если он выражает действие прошедшего или настоящего времени, то указывается реальное действие, если будущего – потенциальное действие (35).

(34) *Иигэ-жэ* *бай-нхаар* *намайе* *сох-ёо*
PROX-CVB AUX-CVB меня бить-PC.PRS
нанш-аа *һаа-нь* *дээрэ* *һэн* *ха*
колотить-PC.PRS PCL-POSS3 лучше PCL PCL
‘Чем так делать, было бы лучше, если бы побил, поколотил меня.’ (Б. Санжин, Б. Дандарон. *Заяанай зам* (1966); БК, дата обращения 28.11.2014)

(35) *Та-шье* *бү* *ошо-гты,* *тиигэ-нхаар*
Вы-PCL NEG идти-IMP[2PL] DIST-CVB
һайндэр-өө *хоюулан* *үнгэрг-эе*
праздник-REFL вдвоем проводить-IMP[1PL]
‘И Вы не ходите, вместо этого (букв.: чем делать так) давайте проведем наш праздник вдвоем.’ (К. Цыденов. *Бусахал даа хабар* (1964); БК, дата обращения 28.11.2014)

Итак, обе конструкции с деепричастием на *-нхаар* являются оценочными, причем трехчленная усиливает это значение с помощью главного сказуемого – имени позитивной оценки. Фиксированная отрицательная оценка зависимого действия ведет к ограничениям в лексическом наполнении: здесь невозможны названия действий, принципиально положительно оцениваемых (‘помогать’). Реальность / ирреальность отвергаемой альтернативы в конструкции не задана. С точки зрения характера альтернативных событий в конструкциях сравниваются два индивидуальных поступка.

Конструкция со скрепой на базе служебного глагола *гэ-*

Четвертая конструкция в группе сопоставления и предпочтения – это конструкция со скрепой на базе служебного глагола *гэ-* и ярко выраженной оценочной семантикой. В зависимой части конструкции основной глагол в оптативной (желательной) форме на *-hAй* используется в сочетании со служебным глаголом речи

гэ- в форме общей временной соотнесенности *-хА-дА* (букв. ‘когда / если сказать’), т. е. конструкция грамматикализована на базе прямой речи: говорящий желал бы, чтобы субъект зависимой части (3-е лицо) осуществил названное действие (‘хорошо бы, пусть бы он/она...’), но в реальности это лицо совершает другое действие, названное в главной. Форма главного сказуемого – индикатив. Например:

(36) *Гэдэргээ* *хара-һай* *гэ-хэ-дэ,* *яба-ша-ба*
назад смотреть-OPT AUX-PC.FUT-DAT идти-INTENS-PST[3SG/PL]
‘Хотелось бы, чтобы он оглянулся, а он ушел.’ (Пример из устной речи)

(37) *Һаянай* *Баярмаа* *басаган-иинь* *үетэн*
недавно Б. дочь-POSS3 сверстник
нүхэ-д-өөр-өө *хамта* *эрдэм бэлиг-ээ*
друг-PL-INS-REFL PSTP наука-REFL
саашань *шудал-һай*
дальше изучать-OPT
гэ-хэ-дэ *боло-нгүй,* *фермэ* *дээрэ*
AUX-PC.FUT-DAT становиться-CVB ферма PSTP
ажалла-хаяа *ерэ-хэеэ* *һана-на.*
работать-CVB приходить-CVB хотеть-PRS[3SG]
‘Вот бы продолжила учебу вместе со сверстниками, но в последнее время ее дочь Баярма хочет приехать и работать на ферме.’ (Ц.-Ж. Жимбиев. *Урасхал* (1973); БК, дата обращения 29.11.2014)

Эта конструкция, построенная на противопоставлении пожелания и реально совершенного действия, встречается почти исключительно в устной речи, а в Бурятском корпусе представлена одним примером. Она возможна и в качестве местоименной скрепы.

(38) *Тии-һэй* *гэ-хэ-дэ* *боло-нгүй,*
DIST-OPT AUX-PC.FUT-DAT становиться-CVB
юум-ээ *аб-аад* *яба-ш-оо* *һэн*
вещь-REFL брать-CVB идти-INTENS-PC.PRS PCL
‘Вот бы так поступил, а (он) собрал вещи и ушел’.

За счет формы желательного наклонения зависимое действие задается одновременно позитивно оцениваемым и ирреальным. В имеющихся у нас примерах сравниваются два индивидуальных поступка.

Сопоставительный анализ

Как показал наш анализ, центральными в этой системе являются причастно-послеложная конструкция с *орондо* и обе конструкции с деепричастием на *-нхаар*; четвертая конструкция на базе оптатива характерна для устной речи. При близости значений они достаточно существенно отличаются друг от друга по ряду параметров (см. таблицу): это, как уже говорилось выше, дополнительные значения оценки, типичные формы сказуемого главной части, ограничения на лексическое наполнение, распределение значений реальности / ирреальности, наконец, характер альтернативности (поступок сопоставляется с нормой / системой ожиданий или с другим поступком).

Структурный элемент конструкции	Оценка в ЗПЕ	Форма глагольного сказуемого	Событие ЗПЕ	Характер альтернативы	Лексические ограничения в ЗПЕ
орондо	0	индикатив императив ирреалис	ирреально реально реально	норма другой поступок другой поступок	нет
-нхаар	–	императив	не определено	другой поступок	есть
-нхаар дээрэ	–!	– (сказуемое-прилагат.)	не определено	другой поступок	есть
-hАй гэхэдэ	+	индикатив	ирреально	другой поступок	нет

Примечание: знак плюс обозначает положительную оценку, минус – отрицательную, (–!) – резко отрицательную, 0 – оценочную нейтральность конструкции.

Как уже говорилось, важной характеристикой конструкции с послелогом *орондо* является нейтральность, отсутствие собственного оценочного значения, сравним:

(39а) *Билет* *үгы* *бай-гаа* *hаа-нь,* *кино-до*
билет NEG AUX-PC.PRS PCL-POSS3 кино-DAT
ошо-х-ын *орондо* *сан-аар*
идти-PC.FUT-GEN PSTP лыжи-INS
hолжор-хо-бди.
скользить-PC.FUT-1PL
'Если не будет билетов, то вместо похода в кино покатаемся на лыжах.'

(39б) (**Билет* *үгы* *бай-гаа* *hаа-нь,*) *Кино-до*
билет NEG AUX-PC.PRS PCL-POSS3 кино-DAT
ошо-нхаар *сан-аар* *hолжор-хо-бди.*
идти-CVB лыжи-INS Скользить-PC.FUT-1PL
'(*Если не будет билетов) Чем идти в кино, покатаемся (лучше) на лыжах.'

(39в) (**Билет* *үгы* *бай-гаа* *hаа-нь,*) *кино-до*
билет NEG AUX-PC.PRS PCL-POSS3 кино-DAT
ошо-hой-бди *гэ-хэ-дэ,* *сан-аар* *hолжор-оо-бди*
идти-OPT-1PL AUX-PC.FUT-DAT лыжи-INS Скользить-PST-1PL
(*Если не будет билетов) Вот бы в кино сходить, (а то) на лыжах прокатились.' (Неодобрительно)

В первом примере поход в кино и катание на лыжах воспринимаются вполне равнозначными, замена одного другим вызвана чисто внешними обстоятельствами; выражение условий замены (в данном случае условная конструкция) контекстуально допустимо. Во втором примере катание представлено как событие для говорящего безусловно более предпочтительное, в третьем же с точностью наоборот, поэтому обоснование условий выбора (*'если не будет билетов') здесь семантически и прагматически невозможно.

Оценочная нейтральность не значит, что оценка событий в конструкции с *орондо* полностью исключена; однако такое прочтение будет обусловлено контекстом или внеязыковыми знаниями, и расположение определенной оценки в определенной части конструкции не фиксировано. Так, в примере (40) – два события, равно негативно оцениваемые, однако в главной части расположен заведомо худший вариант – что для конструкции с *-нхаар* исключено.

(40) *Өөрынгөө үхэл-өөр үхэ-х-ын орондо*
свой смерть-INS умирать-PC.FUT-GEN PSTP
сүүдл-үүл-жэ, бууд-уул-жа үхэ-хэ
судить-CAUS-CVB стрелять-CAUS-CVB умирать-PC.FUT
боло-хо-л-би
AUX-PC.FUT-PCL-1SG
‘Вместо того чтобы умереть своей смертью, придется быть осужденным и расстрелянным.’ (Б. Мунгонов. *Хара һалхин* (1971); БК, дата обращения 25.11.2014)

Помимо этого, регулярное оценочное прочтение у причастно-послеложной конструкции с *орондо* связано с формой сказуемого главной части. Формы императива, оптатива, долженствовательные формы – т. е. все те, что преимущественно используются в конструкции с деепричастием на *-нхаар*, – оформляя предложение осуществить действие, тем самым задают прочтение предлагаемого главного события как более предпочтительного также в конструкции с *орондо*:

(41) *Энээн-ише сохи-х-ын-гоо орондо намайе*
этот-ACC бить-PC.FUT-GEN-REFL PSTP меня
сохи-гты
бить-IMP[2PL]
‘Чем бить этого, побейте меня.’ (Х. Намсараев. *Үүрэй толон* (1959); БК, дата обращения 25.11.2014)

(42) *Оромтой амитан һаа, архи*
серьезный существо PCL водка
залги-х-ын-гаа орондо, хүбүүн-д-ээ
глотать-PC.FUT-GEN-REFL PSTP сын-DAT-REFL
хубсаһа, хунар-шье аба-жа
одежда-PCL брать-CVB
үгэ-хэ бай-гаа гү-бэ…
AUX-PC.FUT AUX-PC.PRS Q-PCL
‘Был бы серьезный человек, вместо того чтобы пить водку, купил бы сыну хотя бы одежду...’ (К. Цыденов. *Бусахал даа хабар* (1964); БК, дата обращения 25.11.2014)

С такими формами главного сказуемого конструкция с *орондо* практически синонимична конструкции на *-нхаар* и может свободно заменяться ею:

(43а) *Гэр-т-ээ абааша-х-ын орондо*
дом-DAT-REFL относить-PC.FUT-GEN PSTP
тэрэ-ниие агаар-та ниидх-үүл-э
он-ACC воздух-DAT летать-CAUS-IMP2SG
‘Чем относить домой, отпусти его на волю.’ (Ж. Тумунов. *Нойрһоо һэриһэн тала* (1959); БК, дата обращения 25.11.2014)

(43б) *Гэр-т-ээ* *абааша-нхаар* *тэрэ-ниие* *агаар-та*
дом-DAT-REFL относить-CVB он-ACC воздух-DAT
ниидх-үүл-э
летать-CAUS-IMP2SG
‘Чем относить домой, отпусти его на волю.’

Таким образом, значение предпочтения с положительной оценкой главной части подкрепляется использованием в ней форм императивного характера; именно они характерны для конструкции с *-нхаар*, в конструкции же с послелогом *орондо* в подавляющем большинстве (около 80 % примеров) употребляются индикативные формы.

Заключение

Итак, мы рассмотрели четыре разноструктурные конструкции сопоставления-предпочтения в бурятском языке; одна из них нейтральна (конструкция с послелогом *орондо*), три являются оценочными (деепричастные конструкции и конструкция со скрепой *гэхэдэ*). Оценка, включенная в семантику конструкции, фиксирована: в деепричастных конструкциях с *-нхаар* как более предпочтительное всегда оценивается главное событие, а в конструкции V-*һай гэхэдэ* – зависимое. В нейтральной причастно-послеложной конструкции с *орондо* оценочное прочтение контекстуально, а также связано с формой сказуемого главной части: императив предполагает рекомендацию одной из альтернатив, которая естественно будет прочитываться как более положительно оцениваемая; базовое же оценочно-нейтральное значение реализуется в индикативе и заключается в представлении уже совершенного выбора, причем вопреки ожиданиям говорящего: сопоставляются индивидуальный поступок и социальная норма, в оценочных конструкциях – только индивидуальные поступки.

Список литературы

Бертагаев Т. А., *Цыдендамбаев Ц. Б.* Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М.: Изд-во вост. лит., 1962.

Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис. М.: Наука, 1980.

Скрибник Е. К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988.

Ожегов С. И., *Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992.

Тороев А. Онтохонууд. Улаан-Үдэ, 1994.

Semantics of Clause Linking: A Cross-Linguistic Typology / Ed. by R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. (Explorations in Linguistic Typology; Vol. 5).

Thompson S. A., *Longacre R. E.*, *Hwang S. J. J.* Adverbial clauses // Language Typology and Syntactic Description. Vol. 2: Complex Constructions. 2nd ed. / Ed. by T. Shopen. Cambridge Univ. Press, 2007. P. 237–300.

Условные обозначения грамматических значений в глоссах

ABL – исходный падеж; **ACC** – винительный падеж; **ADJ** – прилагательное; **AUX** – вспомогательный глагол; **CAUS** – каузативный залог; **COM** – совместный падеж; **COMP** – скрепа, вводящая придаточное дополнительное (complementizer);

CVB – деепричастие; **DAT** – дательный падеж; **DIST** – дистальное местоимение; **EVAL** – оценка; **FUT** – будущее время; **GEN** – родительный падеж; **IMP** – повелительное наклонение; **INS** – инструментальный падеж; **INTENS** – маркер интенсивности действия; **LOC** – дательно-местный падеж; **MOD** – модальное слово; **NEG** – отрицание; **NOM** – неопределенный (именительный) падеж; **OPT** – желательная форма; **PC** – причастие; **PC.ACT** – nomen actoris или причастие «однократное»; **PC.FUT** – причастие будущего времени; **PC.HAB** – многократное причастие; **PC.PRS** – причастие настоящего времени; **PC.PST** – причастие прошедшего времени; **PCL** – частица; **Pl** – множественное число; **POSS** – лично-притяжательные показатели; **PROPR** – проприетив, имя обладания признаком; **PROX** – проксимальное местоимение; **PRS** – настоящее время; **PST** – прошедшее время; **PSTP** – послелог; **Q** – вопросительная частица; **RECP** – взаимный залог; **REFL** – показатели субъектного (возвратного) притяжания; **SG** – единственное число; **SOC** – социатив (совместный залог); **V** – глагол.

E. K. Skribnik [1], **N. B. Darzhaeva** [2]

[1] *Ludwig-Maximilians-Universität München, Munich, Germany*
skribnik@lmu.de
[2] *The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation*
dnadezhda@mail.ru

Buryat constructions denoting alternatives and preferences

In this article, four Buryat complex constructions denoting alternatives and preferences (cf. Eng. *rather than* and *instead of*) are analyzed. Three of these are mono-finite (two are formed on the basis of the converb in *-nxaar* and one on the basis of a participle with the postposition *orondo*), one is bi-finite (with the dependent predicate in the optative introduced by a special form of the auxiliary verb of speech *ge-*). Their structural analysis is combined with a semantic analysis based on the following parameters: a) typical forms of the main predicate (the oppositions between indicative, imperative and irrealis forms); b) their effects: readings of the whole as a potential choice in the future (imperatives) or an unrealized choice in the past (indicative, irrealis), distribution of real / irreal interpretation between events of the main and dependent clause (e.g. the main clause in irrealis suggests the reality of the dependent clause event), and possible evaluative readings (likely positive evaluation of the main clause event in the case of the imperative, as something that is recommended, or of the dependent clause event in the case of the indicative); c) existence / absence of evaluative semantics on the construction level, their distribution between the clauses (e. g. the fixed negative evaluation of the dependent clause event with *-nxaar*, fixed positive evaluation of the dependent clause event with optative + *ge-* as compared to the evaluative neutrality of *orondo*); d) the character of the alternative, i. e. a concrete event compared with another such or with the social norm / expectation; e) possible lexical restrictions.

Keywords: Mongolian languages, Buryat, semantic relations in clause combining, alternatives (suggestions and rejections).

DOI 10.17223/18137083/56/26

References

Bertagaev T. A., Tsydendambaev Ts. B. *Grammatika buryatskogo yazyka. Sintaksis* [Buryat Grammar. Syntax]. Moscow, izd-vo vostochnoy literatury, 1962.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language]. Moscow, Az, 1992.

Russkaya grammatika. *T. 2. Sintaksis* [Russian Grammar. Vol. 2. Syntax]. Moscow, Nauka, 1980.

Semantics of Clause Linking: A Cross-Linguistic Typology. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.) Oxford, Oxford University Press, 2009. (Explorations in Linguistic Typology; vol. 5).

Skribnik E. K. *Polipredikativnye sinteticheskie predlozheniya v buryatskom yazyke.* [Polypredicative synthetic sentences in the Buryat language]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie, 1988.

Thompson S. A., Longacre R. E., Hwang S. J. J. Adverbial clauses. In: Shopen T. (ed.) *Language Typology and Syntactic Description. Vol. 2: Complex Constructions.* 2nd ed. Cambridge University Press, 2007, pp. 237–300.

Toroev A. *Ontokhonuud* [Fairy tales in Buryat]. Ulaan-Yde, 1994.

Требования к оформлению материалов, представляемых в редакцию журнала

Редакция принимает материалы объемом до 40 тыс. знаков с пробелами (1 авт. л.). Объем аспирантских работ – до 14 тыс. знаков с пробелами.

Файл с текстом именуется «Фамилия_Первые 2–4 слова названия статьи».

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 3,85 см, левое и правое – 4,25 см; расстояние до верхнего колонтитула – 1,3 см, до нижнего – 3 см.

Шрифт Times New Roman, кегль 12. Интервал одинарный, абзацный отступ 0,5 см.

Примечания к тексту оформляются в форме постраничных сносок.

Источники оформляются в виде затекстового библиографического списка (в алфавитном порядке). Источники на иностранных языках следует располагать за источниками на русском языке. Ссылки на источники оформляются в тексте в квадратных скобках с указанием источника, года издания и цитированных страниц. Например: [Иванов, 1999, с. 56] или [Материалы к словарю…, 1999, с. 67]. Библиографическое описание изданий оформляется в соответствии с государственным стандартом.

В лингвистических статьях иллюстративный материал (слово, фразеологическая единица, словосочетание, предложение и т. п.) в тексте статьи выделяется курсивом; толкование значения слова и семы заключается в одинарные кавычки ‘…’; имя концепта набирается прописными буквами курсивом (например: концепт *ЗНАНИЕ*, концептосфера *РЕЛИГИЯ*). Цитаты заключаются в кавычки-«ёлочки» («…»); если внутри цитаты имеется цитатная вставка, то последняя выделяется кавычками-«лапками» («… “…” …», «… “…”»). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках. Чтобы при необходимости смотреть на финансовые проводки сквозь пальцы?* (Новая газета. 2007. № 7). Ссылки на иллюстративный материал из интернет-ресурсов также оформляются в круглых скобках с указанием даты обращения.

Электронные версии рисунков (только в форматах .gif, .jpg, .tif) следует прилагать отдельными файлами. Место рисунка в тексте статьи обозначить прямоугольником с подписью.

Необходимо приложить файлы используемых нестандартных шрифтов (.ttf).

Образец оформления статьи:

УДК 81:39, 81’23

И. И. Иванов [1], **П. П. Петров** [2]

[1] *Новосибирский государственный университет*
[2] *Институт филологии СО РАН, Новосибирск*

ИССЛЕДОВАНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ РАСТЕНИЙ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Систематизируются термины для общего наименования лексических единиц тематической группы «Названия растений и их частей». Дается краткий обзор истории изучения данной лексики и прослеживаются истоки современного этнолингвистического когнитивного подхода, а также описываются возможные перспективы ее изучения.

Ключевые слова: термин, этнолингвистика, картина мира, фитонимы.

Основной текст статьи

Список литературы

Список источников (если есть)

I. I. Ivanov, P. P. Petrov

STUDIES OF PLANT-NAMES AND AN ETHNIC WORLD IMAGE: DEFINING THE PROBLEM

This paper proposes a brief review of the history of researches in the vocabulary of plant-names (as well as names of some parts of plants). The author lays special emphasis on the sources of the modern ethnolinguistic approach. Some prospects of the further research are outlined.

Keywords: linguistic terms, ethnolinguistics, world image, phytonyms.

Комплект присылаемых документов, помимо текста статьи, должен включать два отдельных файла.

В первом дополнительном файле «Фамилия_Данные об авторе» автор помещает следующую информацию.

На русском языке:

1. Фамилия, имя, отчество автора полностью.
2. Точное официальное наименование места работы, должность, ученая степень, ученое звание автора.
3. Контактная информация (служебный адрес с почтовым индексом, номера служебных телефонов, факса, электронная почта).
4. Название статьи.
5. Аннотация (**не менее 100 слов**).
6. Ключевые слова: каждое слово или словосочетание отделяется от другого запятой.
7. Код УДК; дополнительно можно указать коды DOI и / или других классификационных индексов или систем регистрации.

На английском языке повторяются все пункты, кроме последнего.

Второй дополнительный файл «Фамилия_Согласие» должен содержать сканированный текст согласия автора на использование его данных с заверенной подписью.

Для аспирантских работ требуется, кроме указанных документов, **рекомендация научного руководителя** в виде сканированного текста с подписью и контактными данными. Файл именуется «Фамилия (аспиранта)_Рекомендация».

Статьи и дополнительную информацию в электронном виде в формате Word for Windows и .pdf **следует представлять на сайт журнала** после предварительной регистрации (http://journals.tsu.ru/sjp/).

Плата с авторов (в том числе с аспирантов) за публикацию рукописей не взимается.

Журнал зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-9496 от 23.07.2001. Журнал перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-43184 от 24.12.2010.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Редактор *Е. В. Панкратова*

Подписано в печать 07.09.2016. Бумага офсетная № 1. Формат 70×108/16
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная
Усл. печ. л. 16,4. Уч.-изд. л. 17,6. Тираж 190 экз. Заказ № 185
Редакционно-издательский центр НГУ, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия